

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВПО «КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ

**Русская литература
в восприятии казанской
интеллигенции
XIX – начала XX в.
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ХРЕСТОМАТИЯ**

КАЗАНЬ 2013

Печатается по рекомендации Института филологии и искусств
Казанского (Приволжского) федерального университета

ББК 84(2Рос=Рус)я7

УДК 821.161.1(03)

Русская литература в восприятии казанской интеллигенции.
Учеб. пособие: хрестоматия / Под ред. Л.Я. Вороновой, М.М. Сидоровой. –
Казань: КФУ, 2013. – 395 с.

Хрестоматия представляет собой учебное пособие, предназначенное для организации практических занятий и самостоятельной работы по освоению курсов по истории русской литературы и литературного краеведения, а также может быть использовано при подготовке спецкурсов и спецсеминаров. При составлении хрестоматии было учтено содержание программ (разделы и перечень авторов) по литературе как средних учебных заведений, так и бакалавриата. Учебное пособие включает тексты литературно-критических и исследовательских работ представителей казанской интеллигенции XIX – начала XX в., биографические справки об авторах, рекомендуемую литературу по конкретным материалам, а также общую рекомендуемую литературу по вопросам изучения истории литературы, критики, литературоведения и литературного краеведения Казанского края XIX – начала XX в. Издание предназначено для школьников старших классов, учителей-словесников, преподавателей и студентов гуманитарных специальностей вузов и всех интересующихся историей литературы и культуры Казани, Казанского края и России указанного периода.

Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14. А18.21. 0536.

Содержание

От составителей.....	7
I.	
История древнерусской литературы.....	10
Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. Ч. I (1843) (<i>Н.Г. Комар</i>)	10
Порфириев И.Я. Сочинения пр. Нестора. Начало русских летописей. Летопись Нестора. Летописная деятельность после Нестора. (1904) (<i>Н.Г. Комар</i>)	14
Порфириев. И.Я. Слово о полку Игореве (1904) (<i>Н.Г. Комар</i>)	19
Миндалёв П.П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования (1914) (<i>Н.Г. Комар</i>)	22
Васильев А.В. Афанасий Никитин и его хождение за три моря (1910) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	26
Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра (1901) (<i>Н.Г. Комар</i>)	30
Петровский М.П. Князь А.М. Курбский. Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний» (1873) (<i>Н.Г. Комар</i>)	32
Архангельский А.С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV – XVII вв.) (1913) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	39
Владимиров П.В. Великое зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века) (1884) (<i>Н.Г. Комар</i>)	44
Перевощиков В.М. Материалы для истории российской словесности. Св. Дмитрий Туптало (1822) (<i>М.М. Сидорова</i>)	46
История русской литературы XVIII века	51
Державин Гавриил Романович	51
Архангельский А.С. Державин Г.Р. (1893) (<i>Е.А Аликова</i>)	51
Георгиевский А.П. Вельможа-поэт (По поводу столетия со дня смерти Г.Р. Державина) (1916) (<i>Е.А. Аликова</i>)	53
Денике Б.П. Портреты Державина в Казани (1916) (<i>Н.Ю. Хряпкина</i>)	56
Дульский П.М. Памятник Г.Р. Державину в Казани.	
Очерк к столетию со дня смерти поэта (1816–1916) (1916) (<i>Н.Ю. Хряпкина</i>)	61
Ильинский Л.К. Музейные памятники о Державине в г. Казани (1916) (<i>Н.Ю. Хряпкина</i>)	67
Машкин А.П. Эстетическая теория Баттё и лирика Державина (1916) (<i>Е.А. Аликова</i>)	72
Сретенский Н.Н. Религиозно-философский элемент в поэзии Державина (1916) (<i>Е.А. Аликова</i>)	74
Фирсов Н.Н. Г.Р. Державин как выражитель настроения российского дворянства в Екатерининскую эпоху (1916) (<i>А.Н. Пацкуров</i>)	77

Каменев Гавриил Петрович	80
Бобров Е.А. К биографии Гавриила Петровича Каменева (1905) (<i>P.A. Бакиров</i>)	80
Карамзин Николай Михайлович	87
Булич Н.Н. Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности (1866) (<i>М.М. Сидорова</i>)	87
Петровский М.П. Два слова в память Карамзина (1866) (<i>Е.А. Аликова</i>)	96
Ломоносов Михаил Васильевич	98
Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова (1860) (<i>М.М. Сидорова</i>)	98
Феофан Прокопович	106
Архангельский А.С. Феофан Прокопович и его проповедническо-публицистическая деятельность. Феофан Прокопович как писатель «новой» русской литературы (1911) (<i>А.Н. Пацкуров</i>)	106
Перевощиков В.М. Материалы для Истории Российской словесности. Феофан Прокопович (1822) (<i>М.М. Сидорова</i>)	108
Сумароков Александр Петрович	113
Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика (1854) (<i>М.М. Сидорова</i>)	113
Тредиаковский Василий Кириллович	123
Петровский М.П. Библиографические заметки о некоторых трудах В.К. Тредиаковского. Страница к истории русского стихосложения (1890) (<i>А.Н. Пацкуров</i>)	123
Варенцов В.Г. Тредиаковский и характер нашей общественной жизни в первой половине XVIII столетия (1860) (<i>А.Н. Пацкуров</i>)	125
История русской литературы первой половины XIX века	126
Аксаков Сергей Тимофеевич	128
Архангельский А.С. С.Т. Аксаков. Детство и студенчество (1791–1807) (1895) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	128
Архангельский А.С. Природа в произведениях С.Т. Аксакова (1916) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	138
Баратынский Евгений Абрамович	146
Архангельский А.С. Е.А. Баратынский и его поэзия (1902) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	146
Бобров Е.А. Из жизни Е.А. Баратынского (1907) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	152
Порфириев И.Я. Е.А. Баратынский (1910) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	158
Веневитинов Дмитрий Владимирович	162
Бобров Е.А. Поэзия Д.В. Веневитинова в связи с его жизнью (1901) (<i>P.A. Бакиров</i>)	162
Гоголь Николай Васильевич	166
Ильинский Л.К. Памяти Н.В. Гоголя (1909) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	166
Шестаков Д.П. Личность и творчество Гоголя (1902) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	174
Грибоедов Александр Сергеевич	180
Будде Е.Ф. О комедии Грибоедова «Горе от ума» (Опыт разбора комедии) (1896) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	180
Ильинский Л.К. О комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1909) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	187

Петровский Н.М. Грибоедов и Немцевич (1917) (<i>Е.А. Аликова</i>)	193
Жуковский Василий Андреевич	197
Булич Н.Н. В.А. Жуковский (1783–1883) (<i>М.М. Сидорова</i>)	197
Шестаков С.П. В.А. Жуковский как переводчик Гомера (1902) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	206
Шестаков С.П. Заметки к переводам В.А. Жуковского (1903) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	211
Лермонтов Михаил Юрьевич	215
Георгиевский А.П. М.Ю. Лермонтов о цели и смысле жизни (1814–1914) (<i>А.Н. Пашкуров</i>)	215
Полежаев Александр Иванович	219
Бобров Е.А. К столетию годовщины рождения поэта А.И. Полежаева (1805–1905) (<i>Р.А. Бакиров</i>)	219
Бобров Е.А. А.И. Полежаев об А.С. Пушкине (1907) (<i>Р.А. Бакиров</i>)	223
Пушкин Александр Сергеевич	226
Архангельский А.С. А.С. Пушкин, как писатель народный (1899) (<i>А.Н. Пашкуров</i>)	226
Булич Н.Н. В память пятидесятилетия смерти Пушкина (29 января, 1887 года) (1887) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	229
Булич Н.Н. Значение Пушкина в истории русской литературы (Введение в изучение его сочинений) (1855) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	238
Будде Е.Ф. О литературных мнениях Пушкина (1896) (<i>А.Н. Пашкуров</i>)	244
Рождествин А.С. Лев Толстой в критической оценке Мережковского (1902) (<i>А.В. Софьина</i>)	246
История русской литературы второй половины XIX – начала XX века	247
Горький Максим	247
Шершеневич Г.Ф. Герои Максима Горького перед лицом юриспруденции (1904) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	247
Достоевский Федор Михайлович	255
Булич Н.Н. Ф.М. Достоевский и его сочинения: Историко-литературные очерки (1881) (<i>М.М. Сидорова</i>)	255
Короленко Владимир Галактионович	264
Пактовский Ф.Е. Идеализм в произведениях Вл. Короленко (1901) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	264
Толстой Лев Николаевич	270
Рождествин А.С. Лев Толстой в критической оценке Мережковского (1902) (<i>А.В. Софьина</i>)	270
Тургенев Иван Сергеевич	277
Н. К-ий [Н.Н. Булич]. Две повести г. Тургенева: «Накануне» и «Первая любовь» (1860) (<i>М.М. Сидорова</i>)	277
Успенский Глеб Иванович	284
Шестаков Д.П. Семья и народ в произведениях Гл. И. Успенского (1903) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	284
Чехов Антон Павлович	290

Пактовский Ф.Е. Современное общество в произведениях А.П. Чехова (1901) (<i>Л.Я. Воронова</i>)	290
История театра	298
Варнеке Б.В. История русского театра (1913) (<i>Р.А. Бакиров, А.В. Софьина</i>)	298
Владимиров П.В. Начало русского театра и взгляд на его дальнейшее развитие (1883) (<i>А.Н. Пацкуров</i>)	314
Петровский Н.М. К истории театра в Казани (1901) (<i>Е.А. Аликова</i>)	317
Восприятие русской литературы за рубежом	319
Шестаков Д.П. Русские писатели в немецкой оценке (1901) (<i>Л.Р. Хузеева</i>)	319
II.	
Биографические справки.....	328
Архангельский Александр Семёнович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	328
Бобров Евгений Александрович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	331
Будде Евгений Фёдорович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	333
Булич Николай Никитич (<i>М.М. Сидорова</i>)	335
Варенцов Виктор Гаврилович (<i>Н.Г. Комар</i>)	337
Варнеке Борис Фёдорович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	339
Васильев Александр Васильевич (<i>Л.Я. Воронова</i>)	341
Владимиров Пётр Владимирович (<i>Н.Г. Комар</i>)	343
Георгиевский Александр Петрович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	345
Григорович Виктор Иванович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	347
Денике Борис Петрович (<i>Н.Ю. Хряпкина</i>)	349
Дульский Петр Максимилианович (<i>Н.Ю. Хряпкина</i>)	351
Ильинский Леонид Константинович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	353
Машкин Анатолий Павлович (<i>Е.А. Аликова</i>)	355
Миндальёв Пётр Петрович (<i>Н.Г. Комар</i>)	357
Пактовский Фёдор Егорович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	359
Перевощиков Василий Матвеевич (<i>М.М. Сидорова</i>)	361
Петровский Мемнон Петрович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	363
Петровский Нестор Мемнонович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	365
Порфириев Иван Яковлевич (<i>Н.Г. Комар</i>)	367
Рождествин Александр Сергеевич (<i>Л.Я. Воронова</i>)	369
Сретенский Николай Николаевич (<i>Е.А. Аликова</i>)	371
Фирсов Николай Николаевич (<i>Л.Я. Воронова</i>)	373
Шершеневич Габриэль Феликсович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	375
Шестаков Дмитрий Петрович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	377
Шестаков Сергей Петрович (<i>Л.Я. Воронова</i>)	379
III.	
Рекомендуемая литература	381

От составителей

Электронная хрестоматия «Русская литература в восприятии казанской интеллигенции XIX – начала XX века» – издание нового типа. Основные ее цели – дать представление о способах и направлениях интерпретации русской литературы в Казани; познакомить с критиками, учеными, журналистами, внесшими большой вклад в формирование художественно-эстетических вкусов XIX – начала XX века; дополнить существующие представления об одном из интереснейших периодов расцвета региональной литературной культуры России.

В пособие вошли уникальные материалы из ранее никогда не переиздававшихся монографий, сборников, периодики XIX – начала XX веков, демонстрирующие кропотливую архивную, текстологическую, библиографическую работу, научное изучение истории литературы, критики, журналистики, литературно-критическую оценку текущего литературного процесса и творчества современных писателей и поэтов, прикладные краеведческие исследования и просветительскую деятельность казанской интеллигенции.

Авторами являются истинные любители русской словесности разных специальностей (филологи, историки, философы, математики, журналисты, педагоги), связанные в разные годы с Императорским Казанским университетом, Казанским краем. Среди них немало людей действительно талантливых, обладающих незаурядным литературным мастерством, знаниями русской литературы и ее восприятия читателями. Этими знаниями они щедро делились с казанцами, используя доклады, речи, сообщения на общих собраниях Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете, публичные лекции, публикации статей в периодической печати и т.д., пробуждая и развивая в публике интерес к русской словесности и заметно поднимая культурный уровень казанского общества.

Однако не только труды, но даже имена многих казанских исследователей русской литературы XIX – начала XX веков, к сожалению, совершенно не известны современному читателю. Поэтому мы включили в хрестоматию 26 биографических справок об авторах, в которых кратко

охарактеризованы этапы их жизни и деятельности, представлены, по возможности, фотографии, указана рекомендуемая литература (источники и научно-критические и биографические работы). Таким образом, постановка задачи и использованный материал и определили новизну предлагаемого пособия.

Для удобства восприятия, материал в пособии организован системно.

Раздел *Содержание* открывает хрестоматию и представляет всю структуру издания, тематическое наполнение частей и разделов, корпус использованных источников и составителей статей (фамилии указываются в круглых скобках непосредственно за источником).

Первая большая часть включает сами работы в сокращенном виде, которые по содержанию собраны в 6 разделов: «История древнерусской литературы», «История русской литературы XVIII века», «История русской литературы первой половины XIX века», История русской литературы второй половины XIX – начала XX века», «История театра», «Восприятие русской литературы за рубежом».

В пределах разделов идет систематизация текстов по писательским персоналиям в алфавитном порядке (например, в разделе по истории словесности первой половины XIX века: от С.Т. Аксакова – к А.С. Пушкину). Весь аппарат авторских комментариев-сносок и выделений внутри текста нами сохраняется в соответствии с оригиналом, кроме особо оговоренных случаев, орфография – современная. В подстраничной сноске после заглавия каждой работы отражены полное библиографическое описание использованного источника данного текста, а также, в случае наличия, отсылки на электронные вариации этой публикации. В конце статьи в разделе «Литература» в хронологической последовательности приводятся рецензии и основные из имеющихся к настоящему времени исследования по данной работе.

Во второй части в алфавитной последовательности даны биографические справки о казанских авторах, включающие дополнительные сведения о их основных публикациях (сочинениях) и наиболее важная научно-исследовательская и биографическая литература о них.

В третьей части указана общая рекомендуемая литература по вопросам изучения истории литературы, критики, литературоведения, литературного краеведения Казанского края в XIX – начале XX веков.

Хрестоматия адресована школьникам старших классов, учителям-словесникам, студентам гуманитарных специальностей вузов, изучающих

историю русской литературы, литературное краеведение, и всем интересующимся историей культуры Казани, Казанского края и России XIX – начала XX века.

Издание осуществлено в рамках проекта «Региональная модель формирования и развития академического литературоведения в России: Казанская научная школа» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России в 2009 – 2013 гг.», соглашение № 14. А18.21.0536)

Составители хрестоматии:

Воронова Л.Я. (научный руководитель проекта), Пашкуров А.Н., Сидорова М.М., Комар Н.Г., Аликова Е.А., Бакиров Р.А., Софьина А.В., Хузеева Л.Р., Хряпкина Н.Ю.

I. История древнерусской литературы

В.И. Григорович

Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах.
Ч. 1¹ (1843)

Ключевые слова: древнерусская литература, славянские литературы, язык, народная культура, христианство, богослужение.

<...> Пред христианством все явления природной жизни должны были исчезнуть или претвориться, чтобы выразить новую жизнь им выполненную. История и поэзия до возобладания христианства, как ни богаты были, вероятно первая замечательными событиями, вторая яркими и разнообразными очерками их быта и отношений, долженствовали потерять свою безотносительную значительность и служить началу, восторжествовавшему над непосредственными явлениями природного положения словен <...>. С началом постепенного развития, с просвещением христианским сказание, теряя свой синтез, совокупляющий времена, лица и отношения в целость, переходит в анализ происшествий, летопись, и предоставляет были, как поэтическому произведению, общность характера эпохи; обрядовые песни теряют значение непосредственного отношения общества к природности, переходят в повесть о внутреннем быте народа, отрекаясь от поэтической самосозерцательности, удела были. С усиливающимся провещением различаются две области; одна, в которой сознание народа замечает свой быт, следя порознь за каждым явлением действительности (летопись, повесть, история); другая, в которой сознание народа обозначает всю деятельность свою общими признаками ее значения, сливая в нем лица, годы и отношения (быль, бытовая быль, песнь, поэзия). В эпохе перехода от натурализма к христианству еще не разделены поэзия и история, они вместе свидетельствуют о былом и настоящем в безразличной своей форме, в которой историческая критика доискивается фактов, эстетическая

¹ Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. Ч. I / В.И. Григорович. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1843. – 121 с.

удовлетворяется вымыслом. Укажем на памятники, выражавшие отношения христианства к действительности, определяемой непосредственной природностью и отношения племен как к чужим народам, так и между собою. Что касается до первого, то как было показано, христианство, как безразличная идея, водворяясь в быту словенских племен, исподволь и, кажется, без приметного сопротивления подчиняла себе все формы жизни развитой под условием природности, почему все явления быта, хотя и теперь еще напечатлены непосредственностию, претворились в характере своем, более и более стали указывать на торжественные случаи, означененные идеей. Можно сказать, что большая часть так называемых обрядовых песен, куда я отношу, кроме свадебных и семейных, еще хороводные и вообще многие бытовые, свидетельствовав прежде о внутренней жизни народов, теперь получили свое относительное значение. Они, хотя и изменены в языке, по духу своему принадлежат большею частию к древнейшему времени. Все обрядовые песни, которыми так богаты словене, имели прежде, так сказать, свое общественное значение, обнимали собою все общество, были свидетельством их общих отношений к явлениям природы <...> или выражали общественные и семейные торжества <...>. – С водворением христианства, они стали сопровождать торжества откровения идеи и сделались прибавлением в семейных отношениях, в которых освящение свыше играет первую роль. – христианство, как условие владычества германцев над словенами, притязая на уничтожение их, пробуждало всегда борьбу, и только в этой борьбе мы находим памятники языческие. На пределах германцев и словен развились враждебные отношения, выразившиеся в слове. Замечательно, что самобытное водворение христианства всегда примиряло противоречия без следов даже борьбы. словене и булгары, словене и руссы, словене и чудь христианством сливались в одну, безразличную целость. Но там, где являлись покорители с даром истины, она не была понимаема, не была примирительницей, и часто даже после вынужденного признания ее отвергалась. Под условием только этих отношений развилась непримиримая вражда полябских словен, кончившаяся их совершенным истреблением, обнаруживалась приверженность к язычеству у чехов и поляков.

<...>

Только по отношению к германцам, водворителям христианства, язычество, ослабленное, без внутреннего содержания поднимало главу свою, тщетно воодушевляло обреченные на погибель племена к защите

призрака, дорогою по связи с самобытностию. У западных, соседних германцам, племен словенских развились богатые историческим содержанием сказания, в которых выразилась вражда против притеснителей, вековая брань за самостоятельность, замеченные преданием и засвидетельствованные историей.

<...>

Отношения словенских племен, между собою, их вражда, их усилия слиться в отдельные народы или поддержать мнимую свободу в раздроблении породили множество сказаний, которыми начинаются все древнейшие летописи и которые без сомнения долго еще носились в песнях или отдельных повестях. Все они лежат вне круга христианского, ибо с ним вместе появились отдельные целые, составленные из противоположных племен и отношения этих целых народов переходят уже в летопись, историю, получившую начало с упрочением просвещения. Литература, созерцающая эти отношения в данном, в слове, предоставляет исторической критике поставить на вид этот род сказания. Ее долг из данного уже уразуметь значение отношений <...>.

Как бы не рассматривали быт словен, в отдельном ли каком-либо народе, или в совокупности всех племен, нельзя не согласиться, что до конца X столетия словене представляли одно направление, стремились к одной цели, не достигнутой по причине отношений, в которые поставлены были своим положением. Приготовленные натуралистическим своим развитием к принятию христианства, они исподволь проникались им, но встретившись на пути этого постепенного сознания с победоносными германцами, прикрывавшими религией замыслы, гибельные для самобытности их соседей, словене останавливались в добровольном признании вечной истины, одни отталкивали ее, желая отвергнуть влияние немцев, увлечены были в борьбу гибельную для них, другие, раньше проникнутые идею, покорились политической власти защитников западного исповедания и в то время, когда словенское богослужение должно было восторжествовать и быть первым признаком самобытности словен и их взаимной связи, увлеклись своими соседями, разрознились с своими соплеменниками и оставили на многие века путь, по которому, казалось, должны были дружно следовать, чтобы отвратить все бедствия, каким впоследствии подверглись. – Остановив внимание на значении эпохи перехода от натурализма к христианству, мне кажется, можно поставить следующия положения, как аксиомы, оправдываемые литературою той эпохи.

- 1) Раздробленные словене на многия отдельные племена – с христианством получили значение более индивидуальное.
- 2) Возможность христианства лежала глубоко в самом характере Словен, исполнение ее облегчено влиянием греков.
- 3) Первым необходимым явлением сознания идеи христианства было Словенское богослужение, и следственно
- 4) Словенским богослужением начинается литература как потребность уяснить себе идею, в непосредственном ее памятнике, откровении.
- 5) Это словенское богослужение обнимало всех христианских словен.
- 6) Только там, где не было добровольного принятия христианства, там язычество поставило себя враждебным ему.
- 7) Притязания германского императора заставили словен, одних – упорствовать в язычестве, других, мало-помалу оставить словенское богослужение.

Литература

1. *Петровский М.П.* Виктор Иванович Григорович в Казани: библиогр. очерк / М.П. Петровский. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1892. – 57 с.
2. *Сергеев А.В.* Исторические взгляды В.И. Григоровича / А.В. Сергеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 132 с.
3. *Комар Н.Г.* Сравнительный аспект исследования славянских литератур в трудах В.И. Григоровича / Н.Г. Комар // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы II Всерос. научно-практич. конф. (Казань, 29 нояб. – 1 дек. 2005). – Казань, 2005. – С. 133–135.
4. *Макарова (Недашковская) Н.И.* Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: наследие В.И. Григоровича / Н.И. Макарова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 24–35. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11394528>
5. *Кирпичников А.И.* В.И. Григорович и его значение в истории русской науки / А.И. Кирпичников // Казанский университет в периодической печати, 1870–1890-е годы / сост. Л.М. Пивоварова, Б.И. Колмаков. – Казань, 2008. – С. 256–263.

Подготовка текста: Н.Г. Комар

И.Я. Порфириев

Сочинения пр. Нестора. Начало русских летописей. Летопись Нестора. Летописная деятельность после Нестора¹ (1904)

Ключевые слова: древнерусская литература, Нестор летописец, жития святых, история Руси.

Сочинения преп. Нестора. Пр. Нестор родился в 1056 г. 17-ти лет он пришел в Киево-Печерский монастырь, игуменом Стефаном был пострижен в иноки и потом посвящен в диакона. В 1091 г. ему поручено было, с двумя братьями, откопать мощи пр. Феодосия. Других сведений о Несторе не сохранилось. Скончался около 1114 г. Образованием Нестор был обязан своей любознательности и чтению книг, которому он предавался с любовью. Чрез это чтение книг он приобрел те богословские и исторические сведения, какие мы встречаем в его сочинениях. Его сочинения: Житие Бориса и Глеба, житие пр. Феодосия и Русская летопись.

Житие Бориса и Глеба, полагают, было первым опытом летописной деятельности Нестора, когда он был еще довольно богат историческими сведениями; в этом житии есть известия, не согласные с его собственною летописью². Все житие состоит из двух отдельных сказаний; в первом рассказывается собственно о житии и о убиении св. Мучеников, а во втором – о их чудесах, во время открытия мощей при Ярославе и перенесении их при Изяславе. Лучшее место в житии составляет его начало, где Нестор говорит о распространении христианской веры в Русской земле при св. Владимире. Хорошо также описание характера и взаимных отношений Бориса и Глеба, которые представляются образцами братской любви³.

¹ Порфириев И.Я. Сочинения пр. Нестора. Начало русских летописей. Летопись Нестора. Летописная деятельность после Нестора // История русской словесности. Ч. 1. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра В. / И.Я. Порфириев. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та. – 1904. – С. 379–393.

² Смотр. Ист. Р. Ц. преосв. Макария, ч. 2, стр. 125.

³ Сказания о св. Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в., изд. И.И. Срезневским. СПБ. 1860. Здесь напечатаны сказания о Борисе и Глебе Нестора и черноризца Иакова.

Житие пр. Феодосия может быть названо образцом летописной биографии. Оно отличается особенною полнотою и стройностью в описании жизни Феодосия и отчетливым изображением его подвижнического характера. От начала до конца оно проникнуто глубоким почтением и любовью к преподобному <...>. И он с особым вниманием останавливается на каждом замечательном событии в жизни Феодосия: рассказывает о его родителях, его домашней жизни и домашнем воспитании, потом о пришествии его в Киев и жизни в пещере пр. Антония: но особенно подробно изображает его жизнь во время игуменства, его труды и подвиги в устроении Киево-Печерской обители. Поэтому житие Феодосия, при своей глубокой назидательности, становится весьма важным и в историческом отношении. Описание домашней жизни Феодосия рисует перед нами состояние древнерусской жизни вообще, и, в частности, жизни семейной, под влиянием новых христианских начал. Описание жизни в Киево-Печерской обители заключает много сведений о самой обители, о лицах, живших в ней и приходивших в нее, изображает ее общественное и образовательное значение для того времени, ее нравственное влияние на народ⁴ <...>.

Литературное значение летописи Нестора. Чувство религиозное и чувство патриотическое составляют основные мотивы, которые проходят по всем рассказам летописи. Как благочестивый христианин, воспитанный на чтении священных книг, Нестор все события в мире и явления в природе рассматривает с точки зрения религиозной и объясняет их непосредственным участием божественного промысла. Осуждая Святополка за то, что он один хотел завладеть всею Русью, он говорит: «помыслил так в своем высокоумии, не зная, что Бог дает власть, кому хочет; ибо Вышний поставляет царя или князя... Если какая земля управится пред Богом, Он поставляет ей праведного царя или князя, любящего суд и правду, и властителя и судию, любящего суд. Если князья бывают правдивы на земли, то прощаются многия согрешения; а если бывают злы и лукавы, то большое зло Бог наводит на землю, ибо они глава земли»⁵ <...>. Все бедствия в народе: междуусобия, войны, засуха, голод, мор суть наказания Божии за грехи <...>. Такие размышления по поводу рассказываемых событий весьма часто встречаются в летописи и сообщают ей поучительный характер. В них внушаются благочестивые

⁴ Житие пр. Феодосия, в переводе на русский язык, напечатано преосв. Филаретом в Уч. Зап. II Отд. Ак. Н., кн. II, 1856.

⁵ Лет., т. I, стр. 60.

христианские чувства: вера в промысел Божий, мир, любовь, братолюбие, почтение к родителям и старшим, верность крестному целованию, раскаяние во грехах, любовь к родной Русской земле и забота о ее целости и защита от врагов; при этом приводятся часто обширные выписки из Священного Писания и примеры из истории других народов. При таком характере летописи, естественно, должна была иметь высокое образовательное значение. Суждения летописца о делах людей и народов отличаются правдивостию и беспристрастием. Христианский взгляд и религиозное чувство нисколько не препятствуют ему видеть доброе и у народов нехристианских. Так, он хвалит закон сириян, бактиян, индийских брахманов и британцев; рассказывая о полянах, он одобряет их верность отеческим обычаям, кротость их нравов, целомудрие в быту семейном, брачные уставы и обряды. Подробно и с живым сочувствием изображает Нестор первоначальные языческие времена Руси и дела древних языческих князей. При этом он передает те поэтические сказания о них, которые сложились, вероятно, в кругу княжеской варяжской дружины и составляют драгоценный остаток не дошедшего до нас дружинного эпоса. Таковы сказания об Аскольде и Дире, о славном походе Олега под Константинополь, о его чудесной кончине, по предсказанию кудесника, об оригинальном мщении Ольги над древлянами за смерть Игоря, о подвигах Святослава. В этих сказаниях весь древний период нашей истории представляется в настоящем героическом свете; особенно истинным героем изображается в них Святослав, который проводил жизнь свою на ратном поле <...> Но, передавая с участием обо всем, в чем выражается сила и слава России, Нестор, разумеется, с особенным одушевлением рассказывает о временах христианских. Крещение св. Ольги, крещение святого Владимира и, наконец, всего народа русского составляют в летописи самые подробные и самые лучшие картины. В них есть высокие лирические места, исполненные глубокого христианского и патриотического одушевления. Изображая путешествие Ольги в Царьград, для принятия крещения, он сравнивает ее с царицею Савскою, которая приходила к Соломуону послушать его мудрости <...>. Описывая кончину св. Владимира, он называет его новым Константином <...>. К подобным же изображениям относятся и те места, в которых Нестор рассказывает об основании Киево-Печерского монастыря и первых его подвижниках, преп. Антонии и Феодосии, о братской любви и мученической кончине св. Бориса и Глеба, о просветительной деятельности Ярослава, который заводил училища, собирал и переводил

книги и сам любил читать их днем и ночью. «Подобно тому, говорит он, как кто-нибудь вспашет землю, а другой засеет, а иные пожинают и едят не скучную пищу, так сделал и он (Ярослав). Ибо отец его, Владимир, вспахал и умягчил, т.е. просветил землю Русскую крещением, а он засеял книжными словесами сердца верных людей, мы же пожинаем, воспринимая книжное учение. Велика бывает польза от учения книжного; книгами бо кажеми (наказуемы, наставляемы) и учимы есмы пути покаянию, и мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжных: се бо суть реки, напаяющи вселенную; се суть исходища мудрости, книгам бо есть неизчтная глубина; сими бо в печали утешаемы есмы; сии суть узда воздержанию»⁶. Но любовь к отечеству и к славным делам предков не заслоняет от летописца слабых сторон и недостатков в их характере и жизни, о которых он говорит с полною откровенностию. Сюда относятся, между прочим, рассказы о жизни Владимира. До принятия им христианства, о хитрости Ольги и жестоких поступках ее с древлянами, рассказы о том, как предки наши никаким образом сами не могли установить в своей земле порядка и должны были послать за море и сказать князьям чужим <...>.

Изложение летописи Нестора отличается эпическим характером. Рассказ, подобно эпосу, идет медленно и спокойно, захватывая на пути все, что представляется важным и интересным, и часто заходит в сторону: часто, как мы заметили, встречаются вводные рассказы и отступления; приводятся иногда довольно большие выписки из Священного Писания и собственные благочестивые размышления летописца. Рассказывая о разных событиях, летописец часто приводит собственные слова действующих лиц; изложение летописи при этом принимает разговорную форму: не только отдельные лица, но целые народы и племена ведут у Нестора разговоры между собою <...>. Язык летописи церковнославянский или древнеболгарский; но в нем встречается много следов и древнего народного, южно-русского языка, особенно в тех местах, где приводятся народные предания и собственные слова или разговоры действующих лиц. Такие выражения, например, каковы: «иде в Греки; послана по Варяги; да поиди за князь наш, за Мал; яшася по дань; за малом бо бе не дошел до Царь-града», должны быть отнесены к чисто русским выражениям. Наконец, в летописи приводится и несколько народных пословиц, таковы: «аще ли ся введет волк в овце, та выносит все стадо»,

⁶ Лет., т. I, стр. 65-66.

«толи не будет межю нами мира оли камень начнет плавати, а хмель начнет тонути», «погибоша аки Обре», «беда аки в Родне».

Литература

1. *Макарова Н.И. (Недашковская)* Опыт национального самосознания и литературный процесс (На материале «Истории русской словесности» И.Я. Порфириева) / Н.И. Макарова (Недашковская) // Россия в Новое время: образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX – начала XX веков: материалы Рос. межвуз. науч. конф. – Казань, 1997. – С. 131–133.
2. *Макарова Н.И. (Недашковская)* И.Я. Порфириев и мифологическая школа в русском литературоведении / Н.И. Макарова (Недашковская) // Мир романтизма. – Вып.1 (25): материалы Междунар. науч. конф. «Мир романтизма» (VIII Гуляевские чтения). – Тверь, 1999. – С. 208–211.
3. *Макарова Н.И.* И.Я. Порфириев как исследователь древнерусской литературы: Дис. ... канд. филол. наук. / Н.И. Макарова; науч. рук. Л.Я. Воронова. / Н.И. Макарова. – Казань, 2000. – 182 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/i-ya-porfrev-kak-issledovatel-russkoi-literatury>
4. *Макарова Н.И. (Недашковская)* Проблема периодизации истории древнерусской литературы (на материале «Истории русской словесности» И.Я. Порфириева) / Н.И. Макарова (Недашковская) // Гуманитарное образование в высшей школе: языкознание, педагогика, психология: сб. ст. – Казань, 2000. – С. 85–89.
5. *Макарова Н.И. (Недашковская)* Русское устное народное творчество и его историография 1840-70-х гг. в оценке И.Я. Порфириева / Н.И. Макарова (Недашковская) // Актуальные вопросы гуманитарных наук: психология, педагогика, языкознание: сб.ст. – Казань, 2001. – С. 69–75.

Подготовка текста: Н.Г. Комар

И.Я. Порфириев.

Слово о полку Игореве¹ (1904)

Ключевые слова: древнерусская литература, «Слово о полку Игореве», народная поэзия, лирические отступления.

В содержании «Слова о полку Игореве» нет творческого вымысла: лица и события описываются действительные и описываются согласно с летописями того времени. Вся поэзия Слова заключается в глубоком чувстве, которым оно проникнуто, от начала до конца, и в прекрасных картинах, в каких изображаются описываемые события. В основании Слова лежит чувство любви к Русской земле, которое, согласно с изображаемыми событием и тогдашним состоянием Руси, получило характер глубокой грусти и скорби. Основная идея Слова – идея о единстве Руси, выставляемая в противоположность современной действительности – современным княжеским междоусобиям. На поход против половцев, кончившийся поражением войска и пленом князей, автор смотрит как на естественное следствие бедственного состояния Руси, раздираемой княжескими междоусобиями. Мысль о междоусобиях, чувство скорби об этом современном бедствии выражаются и в описании поражения русских и плена князей, и в воззвании к современным князьям отомстить врагам за обиду Русской земли, и в воспоминаниях о прежнем времени и прежних князьях. Часто, посреди рассказа или описания, автор останавливается, вспоминает о бедствиях Русской земли и выражает глубокое сетование: эпическая повесть переходит в лирическую думу. Эти лирические места, или отступления, выражают основную мысль повести и в то же время характеризующие благородную личность автора, как человека, глубоко любящего свою родную землю, составляют лучшие места в Слове. Они оживляют все Слово и возбуждают особенное участие в читателе к описываемым в нем лицам и событиям. Плач Ярославны также чисто лирического характера, и по глубине чувства, по простоте и в то же время красоте его выражения составляет прекрасную поэтическую песнь. – Образы и картины в Слове заимствованы из окружающей

¹ Порфириев И.Я. Слово о полку Игореве // История русской словесности. Ч. 1. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра В. / И.Я. Порфириев. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та. – 1904. – С. 420–431.

природы и при всей своей простоте часто весьма живописны и показывают в певце истинного народного поэта. Любимая его форма при рассказе и описании – форма сравнения и уподобления. Князь Всеволод, по силе и неукротимости, называется *буим, ярым туром: буй-тур, яр-тур Всеволод*. Игорь и Всеволод, попавшие в плен к половцам, называются *соколами*, слетевшими с отцовского золотого престола и опутанными железными путами. Сердца этих героев из крепкой стали выкованы и в *буести* (добрести, храбрости) закалены. В другом месте все четыре князя, застигнутые войском половцев, сравниваются с четырьмя солнцами, закрытыми черными тучами, в коих блещут синие молнии. Тоскующая по мужу Ярославна сравнивается с одинокою кукушкою, которая в народной поэзии вообще служит символом грусти и скорби. Так же, как в народной поэзии, сравнения в слове иногда имеют отрицательный характер: Баян не десять соколов выпускал на стадо лебедей, но свои вещие персты возлагал на живые струны, и они сами князьям славу рокотали. <...> Из сравнений и уподоблений в Слове составляются часто целые картины, весьма живописные. Таковы, например, картина войска, представленного в образе тучи с громом, из которой дождь идет стрелами; картина битвы, в которой воины, как снопы на гумне, стелются головами <...>; другая картина битвы в образе кровавого пира, с кровавым вином: «там (на реке Каяле) кровавого вина недостало: там пир покончили храбрые сыны Русские: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую»; картина междуусобий – в образе земли, засеянной стрелами: «Олег мечем крамолу ковал и стрелы по земле сеял... при Олеге Гориславиче сеялись и росли усобицы»... картина быстрого бегства Игоря из земли половецкой: «а Игорь князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем на воду, кинулся на борзого коня, и соскочил с него быстрым волком, и пустился к лугу Донца, и полетел соколом, в тумане избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину». Другая, столько же обыкновенная в «Слове», форма речи – форма одушевления и олицетворения. Природа в Слове представляется в самой тесной связи с человеком: она сочувствует его счастью и несчастию, горю и радостям. Когда Игорь выступает в поход, затмение солнца предвещает ему несчастье: «солнце тьмою путь ему заступало; ночь, стоная грозой, будит птиц, звери ревут; зловещая птица *Див* кличет вверху дерева». Перед первой битвой русских с половцами, в которой должно было много погибнуть людей, «волки воют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей зовут». Когда войско русское было совершенно разбито при Каяле и князья попали в плен, природа

представляется сочувствуящею этому несчастию: «никнет трава от жалости и дерево с печали к земле приклонилось. Уже не веселая настала година; уже пустыня силу покрыла». Когда же Игорь убежал из плена, природа радуется и как бы помогает его бегству: «тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали». Действующие лица в Слове, как в народных песнях, обращаются к разным предметам природы. Ярославна высказывает свое горе в жалобе солнцу, ветру, Днепру. Князь Игорь разговаривает с рекою Донцом: «О Донец! не мало тебе величия, что ты лелеял (соблюдал) князя на волнах, постилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева, стерег его, как гоголь на воде, как чайки на струях, как чернеди (водяные утки) на ветрах». Наконец, в Слове много эпитетов и выражений, свойственных народной поэзии, например, сине-море, красное солнце, сизый орел, серый волк, поле чистое... Все это – указанные выше образы и картины, и формы, и обороты речи – сближает Слово с народною поэзией. Язык Слова близко подходит к малороссийскому наречию.

Литература

1. *Макарова Н.И. (Недашковская)* Опыт национального самосознания и литературный процесс (На материале «Истории русской словесности» И.Я. Порфириева) / Н.И. Макарова (Недашковская) // Россия в Новое время: образ России в духовной жизни и интеллектуальных исследованиях конца XIX – начала XX веков: материалы Рос. межвуз. науч. конф. – Казань, 1997. – С. 131–133.
2. *Макарова Н.И. (Недашковская)* И.Я. Порфириев и мифологическая школа в русском литературоведении / Н.И. Макарова (Недашковская) // Мир романтизма. – Вып.1 (25): материалы Междунар. науч. конф. «Мир романтизма» (VIII Гуляевские чтения). – Тверь, 1999. – С. 208–211.
3. *Макарова Н.И. И.Я. Порфириев как исследователь древнерусской литературы: Дис. ... канд. филол. наук. / Н.И. Макарова; науч. рук. Л.Я. Воронова. / Н.И. Макарова.* – Казань, 2000. – 182 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com/content/i-ya-porfrev-kak-issledovatel-russkoi-literatury>
4. *Макарова Н.И. (Недашковская)* Русское устное народное творчество и его историография 1840-70-х гг. в оценке И.Я. Порфириева / Н.И. Макарова (Недашковская) // Актуальные вопросы гуманитарных наук: психология, педагогика, языкознание: сб. ст. – Казань, 2001. – С. 69–75.

Подготовка текста: Н.Г. Комар

П.П. Миндалёв

Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники.

Опыт историко-литературного исследования¹ (1914)

Ключевые слова: древнерусская литература, «Моление Даниила Заточника», сравнительное литературоведение, жанр «Слово».

Анализ текста и источников приводит к убеждению, что «Моление» в его первоначальном виде не сохранилось ни в одном из дошедших до нас списков, и что ближе к оригиналу так называемого извода XII века; но и они представляют нам не оригинал, а отражение его переработки, адресованной Владимиру Ярославичу, новгородскому князю между 1182 и 1199 гг. В то время как автор прототипа «Моления» обнаруживает знакомство главным образом с книгами Священного Писания и Изборниками Святослава, автор переработки пользуется летописью, «Пчелою» и «Повестью об Акире Премудром» (1-м поучением); быть может, ему же принадлежат заимствования из «Похвалы св. Феодосию», «Мудрости Менандра» и «Разуми сложения Варнавы». При этой переработке впервые был несколько затронут первоначальный план Моления и внесен целый ряд изречений о безумии и богатстве; вместе с тем, случайное упоминание о женитьбе дало повод внести в «Моление» ряд мирских притч и изречений о злых женах, позднее превратившихся в целый трактат о женах, сохраненный списками так называемого извода XII столетия. Автор переработки, усилив нападки против богатых, сохраняет еще тон человека, в былое время близкого ко двору князя, но по чьим-то наветам попавшего в опалу. Судя по тому, как настойчиво автор говорит о том, что <...> князь богат не золотом, а «множеством воя», надо думать, что средой, в которой сложилось Моление, была дружина, носителем идеалов которой оно и является: князь, с одной стороны, заступник сирых и вдовиц, с другой, – отец слугам своим, но слуги его это не домочадцы, о которых говорят списки так называемого извода XIII столетия <...>, а его думцы <...>. Таковы те слуги, к которым принадлежал Даниил. В связи с этим понятен и тот шумный приступ,

¹ Миндалёв П.П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования / П.П. Миндалёв. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1914. – 346, XXXVI с.

которым он начинает свое «Моление» и который «имеет свою литературную историю, <...> которую следует начинать на почве древнерусского Слова, едва ли, не с припевки Бояна, упоминаемого в «Слове о полку Игореве»: «Комони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде»... Трубные звуки, звоны, а затем звуки бубнов, свирелей – все это обычные черты для приступа в слове как светского, так и церковного писателя, и сообразно с положением его, меняется и самое обращение: в одном случае это будут «братие», в другом верующие, к которым обращаются авторы»². Очевидно, обнаруживший высокое литературно развитие Даниил принадлежал к той же литературной школе, которая выделила из своей среды безыменного певца «Слова о полку Игореве». Близость к этой школе можно видеть и в многочисленных следах мерной речи, давших Л.Н. Майкову основание найти в памятнике XII века «некоторое подобие стихов в роде силлабических последующего времени»³ <...>. Другой ряд примеров употребления мерной речи дает, в виде следов аллитерации и рифмы, И.Н. Жданов⁴ <...>. Произведение Даниила, принадлежа вместе с «Словом о полку Игореве» к одному периоду литературного развития, когда книжное влияние и народные элементы пришли в близкое соотношение, вероятно, было в оригинале озаглавлено также «Словом», что сохранили списки АТК, и только просительный тон обращения к князю послужил причиной мены заглавия на «Моление» в переработке, адресованной Ярославу Всеволодовичу.

Художественность формы и близость к жизни, очевидно, привлекли внимание к оригиналу Слова-моления, и вслед за переработкой, обращенной к Ярославу Владимировичу, появляется новая, уже обращенная к Ярославу Всеволодовичу. Новый автор сильно меняет первоначальный план и пополняет «Моление» новыми вставками, иногда пользуясь материалом, уже заключавшимся в «Слове Даниила», иногда привлекая к делу другие материалы. Так, увеличивается количество заимствований из «Пчелы», из летописи, «Повести об Акире Премудром», вносится кое-что из «Физиолога» <...>, из какого-то неизвестного нам памятника сербского происхождения и, вместе с тем, усиливается обращение к народной мудрости. <...>. Вместе с тем, по-видимому, подчеркиваются местные и личные обстоятельства: для автора горе – в Переяславле, его князь «княжит над Переяславцами, сам он на рати не

² Д.В. Айналов. О. cit. Изв. отд. р. я. и сл. Т. XIII, кн. 1. 1908 г., стр. 355.

³ О начале русских вирш. Ж.М.Н.Пр. 1891 г., июнь, стр. 441-445.

⁴ О. cit., стр. 314-317.

вельми храбр, но зато крепок в словесах <...>», – в нападках на бояр и сильных слышна горечь личной обиды <...>. Между тем, тон Моления меняется, и, по-видимому оно сложено уже не в дружинной, а в иной среде. Еще упоминается обычная милость князя, его защита сирот и худых от богатых; князь также щедр и, не дорожа златом, собирает вокруг себя храбрых и оживляет всех своею милостью; но он уже сравнивается с рыкающим львом, слово его гроза для всех, и для обрисовки его красоты автор приводит целый ряд цитат из «Песни песней», не зная меры и раболепствуя, как холоп, которому не забыть укору своего холопья имени, и который сознает, несмотря на то, в себе человека. Автор – раб князя, сын его рабыни, его домочадец, а не дручинник; но он начитан, хотя и не учился у философов и не бывал в Афинах, и умен, и Моление под его пером «как в самом содержании, так и в лице самого автора представляет печальный разлад между симпатичною личностью автора и жалкою его судьбою. Недовольство действительностью, желание выйти из безотрадного положения, горькая насмешка над человеческим достоинством, никем не признанным, смелый протест против бесмысленного оскорбления, наносимого нежнейшим, благороднейшим и самым возвышенным чувствам человека, каковы семейная любовь и благочестие, – вот основные темы жалоб Заточника»⁵. Из среды обездоленных раздался голос в защиту униженных и оскорбленных. «Слово», вызванное частным случаем, превращается в произведение, имеющее широкое общественное значение. «Волнуясь и спеша», автор переделывает «Слово Даниила», цитируя его уже как известного автора <...>, и создает не совсем стройное, но полное глубокого интереса Моление, забывая при переработке откинуть черты, ему не свойственные, дручинника <...> и дворянина <...>.

Литература

1. Ильинский Л.П. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 2. – С. 332–359. – Рец. на кн.: Миндалёв П.П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования / П.П. Миндалёв. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1914. – 346, XXXVI с.

2. Вознесенский А.Н. [Рецензия] // Русский филологический вестник. – 1916. – № 1-2. – С. 307–311. – Рец. на кн.: Миндалёв П.П. Моление Даниила Заточника и

⁵ Ф.И. Буслаев. О народности в др. русской литературе и искусстве. Соч. Т. II. Изд. И.А.Н. СПб. 1910 г., стр. 93.

связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования / П.П. Миндалёв. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1914. – 346, XXXVI с.

3. *Комар Н.Г.* Из истории литературоведения в Казани: наследие П.П. Миндалёва / Н.Г. Комар // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков: материалы науч. конф. «Пятые Майминские чтения» (Псков, 14–17 нояб. 2004 г.). – Псков, 2005. – С. 112–117.

Подготовка текста: Н.Г. Комар

А.В. Васильев

Афанасий Никитин и его хождение за три моря¹ (1910)

Ключевые слова: древнерусская литература, Афанасий Никитин, интерпретация.

«Великий поэт и великий патриот, именем которого названо наше Общество и верность заветам которого есть нравственный его долг, приглашает нас в своих *Мыслях на дороге*² – «с любопытством и благоговением взглянуть на старинные памятники нашей словесности». Я испытал эти чувства несколько времени тому назад, когда ближе познакомился с одним из памятников XV ст. [столетия. – Ред.]: *Хождением за три моря* (в 1466–1477 г.) Афанасия Никитина, и цель моих нескольких слов будет достигнута, если мне удастся внушить те же чувства некоторым из здесь присутствующих. Памятник этот хорошо известен специалистам, и с моей стороны было бы смелостью говорить о нем; но я глубоко убежден в том, что наше молодое Пушкинское общество может успешно развиваться только при условии откровенного и дружеского общения между специалистами, которые всю жизнь посвятили изучению памятников родной словесности, и всеми людьми русского общества, всеми теми, кто любит родную страну, а следовательно и ее язык и ее словесность, и любят всех смелых представителей нашего народа, которые искали и находили новые пути, – все равно, будут ли эти новые пути в изящной словесности, которых так много открыл великий Пушкин, или новые пути в области философии и научной мысли, как путь, открытый Лобачевским, или же это будет смелое, соединенное с опасностями, путешествие в далекие и неизвестные страны – путешествие Пржевальского – или автора того памятника, о котором я хочу сказать несколько слов, тверича Афанасия Никитина, за 25 лет до Васко-де Гамма сухим путем пробравшегося в богатую Индию и добросовестно и правдиво изложившего свои путевые впечатления... Как представитель неспециалистов, я позволю здесь высказать свое

¹ Васильев А.В. Афанасий Никитин и его хождение за три моря. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. – 10 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. V.)

² Издание Литератур. Фонда, т. V, с. 251.

откровенное мнение. Мне кажется, что представители русской словесности и русской науки сделали слишком мало для того, чтобы сделать близким и русскому обществу и русскому народу одного из замечательнейших русских людей XV столетия и один из интереснейших литературных памятников нашей не богатой допетровской литературы.

Волгарь-симбираец Карамзин открыл в одной из летописей (Софийском Временнике) эти путевые заметки волгаря-тверича Никитина, открыл и вполне правильно оценил их значение на двух красноречивых страницах в конце 6-го тома «Истории Государства Российского». «Доселе географы не знали, – пишет Карамзин, – что часть одного из древнейших описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века»...

<...>

<...> Нет, однако, ни отдельного вполне научного издания с комментариями и картою, нет ни одной популярной книжки, которая рассказывала бы русскому народу о любознательном и смелом путешественнике тех русских «землепроходцев», которые в XVI и XVII веках подчинили Русской Державе обширные области Восточной Азии. Несомненно, что и личность Никитина и его путевые заметки заслуживают большего внимания.

Его личность рисуется перед нами в его бесхитростном и скромном рассказе в симпатичных чертах. Мы видим перед собою горячего патриота, который, перечислив богатства всех виденных им в течение шестигодичного путешествия стран, восклицает: «*А Русская земля – да сохранит ее Бог. Боже, сохрани ее! В этом мире нет такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!*»..

Мы видим человека, преданного вере своих отцов, но с верою не переходящей в фанатизм и презрение к верованиям других людей. <...> И этот стойкий в своей вере человек с большим интересом изучает верования и обряды Индостана, ходит в его святые места и оставляет нам подробное описание одного из знаменитейших капищ, посвященных богу Шиве. Этот набожный человек, с горем вспоминающий, что он четыре говения и четыре Пасхи провел в басурманской земле, заканчивает свои путевые заметки мусульманской молитвою.

Мы видим человека любознательного, который отмечает и обычай и нравы населения, и местные достопримечательности и особенности климата, животного и растительного царства. Если к его описаниям попадаются и сведения сказочного характера – о птице гукук, «что летает

ночью, и кличет «гукук», а на которой хоромине сядет, то тут человек умирает, а если кто захочет ее убить, то у нее из клюва огонь выйдет»..., или об «обезьянском князе», – эти сведения представляют интерес, как передача индийских легенд. В особенности подробны и важны те сведения, которые интересовали Никитина как торгового человека, сведения о товарах, о важнейших портах и торговых городах Индии и т.п.

<...>

<...>

Путь, по которому он шел из Бальферуша, куда переправился по Каспийскому морю, по Персии вплоть до Ормуза, представляет большой современный интерес. Он шел через Тегеран, Кашан, Иезд, Лар. Это почти тот самый путь, по которому теперь наши русские инженеры производят свои предварительные изыскания для продолжения русских железнодорожных путей до берегов Персидского залива. Этот железнодорожный путь, прорезывающий Персию, – не будет ли естественным продолжением нашей матушки-Волги, ее «устьем в Океан» и вместе с тем средством легкого и дешевого сообщения от родины Никитина – Твери вплоть до Персидского залива и старого «Гумрыза»?...

И потому-то теперь особенно настоятельно напомнить о Никитине. Пусть, чем больше и теснее развиваются наши торговые связи с Персией и Индией, тем чаще вспоминается имя Афанасия Никитина, первого русского купца, интересовавшегося еще в XV веке персидскими и индийскими товарами. Пока Казань и Астрахань были столицами татарских ханств, торговля по Волге встречала постоянные препятствия от грабителей. Но как только были покорены Казань и Астрахань, в конце XVI и в XVII веке Московские государи мечтали о продолжении великого торгового пути между Европою и Индией через Россию. <...>

Если, как теперь представляется уже несомненным, началу XX века предстоит решить задачу установления оживленных торговых сношений с Персией и Индией, поставленную Афанасием Никитиным четыре столетия тому назад, то нашему Поволжью, благодаря его географическому положению, выпадет в этой торговле важная роль. Брошюра, посвященная путешествию Афанасия Никитина с приложением карты его пути через Персию, будет прекрасным средством популяризировать в нашем Поволжье торговлю с Персией и идею приобщения ее к русской культуре.

Кто любит русский язык, этот великий язык Пушкина, тот не может не желать, чтобы именно он послужил проводником цивилизации и науки в ныне дремлющие страны древнего Ирана!..

Литература

1. Воронова Л.Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. — 2008. — Т. 150, кн. 6. — С. 7–18. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11691841>
2. Воронова Л.Я. Русская литература XI–XIX вв. в оценке Пушкинского общества // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. — Казань, 2012. — С. 81–108.

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

С.П. Шестаков

Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра¹ (1901)

Ключевые слова: древнерусская литература, «Домострой», сравнительное литературоведение, византийская литература.

Само собою разумеется, не может быть речи о каком-нибудь влиянии на наш «Домострой» самого трактата *Кекавмена*. Важно констатировать только продолжение существования в греческой письменности византийской эпохи того литературного жанра, основные элементы коего мы можем проследить в ней в глубь веков до VII столетия до Рождества Христова. Под влиянием новой религии, коренным образом преобразовавшей общественную этику, новых культурных условий этот жанр является теперь в совершенно измененном виде, осложненном рядом новых мотивов. Но та же религия, та же культура из Византии глубоко влияла и на нашу общественную жизнь, нашу культуру и литературу. Это обозначилось и при сейчас произведенном сличении двух памятников, византийского и русского, хотя и отделенных один от другого пространством нескольких веков.

В рассмотренной части трактата *Кекавмена* мы можем видеть только случайный вариант литературного типа Домостроя. Самый способ вставки этой части в трактат среди наставлений военачальнику мог бы внушить мысль, что автор его приспособил к своему сочинению готовый «Домострой», существовавший уже раньше в виде самостоятельного произведения. В свою очередь мы не знаем, как далеко восходит назад основа русского «Домостроя» в характерных чертах этого литературного типа. Предполагать зависимость русского протодомостроя от византийского образца, скорее всего через посредство южнославянской литературы, мы в полном праве, ввиду общей связи нашей древней литературы с Византией, и те сходства не в подробностях развития отдельных тем или общих мест Домостроя, каковые для каждого из двух памятников часто определяются уже особыми национальными и

¹Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра // Византийский временник. – 1901. – Т. 8, № 1. – С. 64–105. (Отд. отт.: СПб., 1901. – 26 с.).

культурными условиями быта, что мы видели, например, в главах о беседе с монахами и о врачевании, а в самой постановке их и соединении их в одном и том же литературном произведении, я объясняю себе такой предполагаемой связью. Во всяком случае, стоит сопоставить сходства нашего «Домостроя» с византийским XI в. с одной стороны, и сходства его с более близкими к нему по времени западными домостроями, указываемые в книге профессора Некрасова, с другой, чтобы убедиться, насколько первые значительнее и характернее вторых.

Литература

1. *Комар Н.Г.* Проблемы древнерусской литературы в наследии С.П. Шестакова / Н.Г. Комар // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та (Казань, 4–6 окт. 2004 г.). – Казань, 2004. – С. 328–329. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/f10/publications/2004/articles_1_1.php?id=12&num=3000000
2. *Комар Н.Г.* Некоторые аспекты сравнительного изучения древнерусской литературы в Казанском университете в XIX в. / Н.Г. Комар // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2008. – Т. 150, кн.6. – С. 19–26. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11691842>

Подготовка текста: Н.Г. Комар

М.П. Петровский

Князь А.М. Курбский. Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний»¹ (1873)

Ключевые слова: древнерусская литература, переписка Иоанна IV с Курбским, полемика, переводческая деятельность.

<...> Русские историки новой школы видели в князе Курбском представителя идей отживающей старины, в Иване IV – представителя новой *государственной* идеи... Разумеется, между представителями этих различных направлений должна была возникнуть борьба, и вот эта-то борьба, по словам апологистов Ивана IV и характеризует вторую половину XVI века русской жизни.

Кто же, спрашивается, вышел победителем из этой борьбы? Кто же из борцов – гонитель? Кто – жертва?

<...> Курбский видел уже опалу той партии, к которой он принадлежал хорошо и, что бы в частности ни предшествовало этой опале, он очень хорошо знал, что и ему не сносить своей головы; но в то же время он, как человек, понимавший, что могло ожидать его в Литве, своевременно выговорил себе известные гарантii; словом, если в его бегстве, предшествуемом переговорами, и можно видеть обман, то во всяком случае в такой обман он ввел Сигизмунда Августа, ибо и без гарантii польского правительства Курбскому все-таки приходилось же расстаться с «землей святорусской», в которой уже было воздвигнуто гонение на всех *адашевцев*; а Курбский и на Руси, и в Литве всегда был самым жарким сторонником их. Опала глав партии непременно должна была откликнуться и на всех ее сторонниках. Стоит только вспомнить, как Иван IV смотрел на своих недругов, стоит привести хоть известные слова его из знаменитого послания к игумену Козьме, слова, в которых прекрасно высказывается значение *опалы*: «Что мне, – писал Иван, – над чернецом опалятися или поругатися?... Что на Шереметьевых гневе держати, ино *ведь есть братья его в миру, и мне есть над кем опала своя положити?*» Курбский прекрасно понимал, что значила у Ивана опала

¹ Петровский М.П. Князь А.М.Курбский. Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний» / М.П. Петровский. – Казань: Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1873. – 52 с.

над боярином, и вот как высказался по этому поводу в предисловии к Маргариту: «Закон Божий глаголет: да не понесет сын грехов отца своего, а ни отец грехов сына своего; каждый по своем грехе умрет и по своей вине понесет казнь. А ласкатели советуют, аще кого оклевещут, и повинным сотворят и праведника грешником сотворят и праведника грешником учинят, и изменником нарекут, по их обыкновенному слову; не токмо того без суда осуждают и казни предают, но и до трех поколений, от отца и от матери по роду влекомых, осуждают и казнят, и всенародно погубляют, *не токмо единоколенных, но еще и знаем был, и сусед, и мало ко дружбе причастен*, иже в незамирение и безчисленныя зла, гневе непримирительный и кровопролитие производят на неповинных»². Как лучшие доказательства правоты слов Курбского мы приведем подлинные слова Ивана IV, в его «христианских смиренных ответах» «собаке» Курбскому. Раскрываем эту знаменитую переписку и в первом послании Курбского Ивану находим жалобы в общих выражениях на гонения, перенесенные им от Ивана, и упрек в том, что «он различным смертем предал воевод своих», «оболгаючи православных изменами и чародействы и иными непотребными». Между прочим Курбский указывает на факт, прямого объяснения которому пока нет в исторических памятниках того времени, а именно: говоря о том, что «он туне был отогнан от земли Божия, аки (Иваном IV) побужден», он прибавляет: «Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, и не исходатайствовах от тебя никоя же милости архиерейскими чинами»³. Итак, Курбский, виновный в чем-либо или невинный, во всяком случае, был уже на замечании у Ивана IV, между тем, как Иван в ответе своем обходит это обстоятельство, если только мы не признаем серьезным со стороны Ивана обвинение Курбского в том, что этот последний «восхотел своим изменным *обычаем* быть Ярославским владыкою». Это – единственное обвинение, обращенное лично к Курбскому. Все остальные обвинения направлены уже не против «бегуна», «изменника», «клятвопреступника» Курбского, но против той партии, к которой он принадлежал <...>. Иван IV обвиняет адашевцев в том, что они завладели

² Жизнь Курбского в Литве и на Волыни. Т. II, стр. 306.

³ Не объясняется ли это место их переписки несколькими словами из истории Ивана, в которых говорит Курбский о заочном суде над главами партии «и над всеми добрыми и добро хотящими ему и душу за него полагающими», а равно и о тщетном заступничестве за них митрополита? О том же Курбский писал и Вассиану (Муромцеву) в Псково-Печерский монастырь.

царством, что держали его особу в невыносимой опеке, что Сильвестр и Адашев не оценили его доверчивости, что составляли себе партию из бояр раздачею им вотчин, что принимали в свой совет изменников, что во время болезни Ивана хотели воцарить Владимира Старицкого, что презирали Анастасию <...>.

Во втором послании к Ивану Курбский снова ограничивается клятвою, что не считает себя виновным в чем-либо, и называет себя «изгнанным без правды».

В 1578 г. Иван снова пишет Курбскому «грамоту». В ней он опять упрекает партию, к которой принадлежал Курбский, и которая «хотела с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю русскую землю видети». Затем Иван решительнее, чем прежде, упрекает всех адашевцев в смерти Анастасии и намерении воцарить Владимира <...>. Вообще, второе послание Ивана уже далеко не так «широковещательно», как первое. В первом Иван был значительно откровеннее; во втором – он выставляет на вид уже преступления адашевцев, хоть и сам не верил «счарованию царицы».

На «вторую эпистолию» Ивана в сентябре 1579 г. появляется ответ Курбского⁴. Он очень важен: в стремлении оправдать адашевцев у Курбского невольно проглядывает сознание в излишней притязательности опекунов, даже согласие с обвинением их в неправоте. Вообще, переписка носит на себе характер защиты частного дела: Курбский защищает адашевцев, Иван IV защищается от опеки адашевцев. И тот и другой высказывают много правды. Не прав Иван только в обвинении Курбского и всех адашевцев в смерти Анастасии, да не прав в обвинении Курбского в желании последнего сделаться «Ярославским владыкою». – Сам Иван IV объясняет нам – какую борьбу, и за что именно, вел он в свое продолжительное царствование. В своих посланиях к Курбскому он защищает единственно себя, а не дело Руси, которым наука хотела обременить его темную память. Он открыл борьбу на смерть – не старому отжившему порядку вещей, но правителям и их партии: он по собственному выражению: «за себя стал». Нельзя, конечно, не заметить, что правители и их партия неполитично обращались с особою царя.

⁴ Первая часть ответа помечена началом, а вторая – концом сентября; но не смотря на то вторую часть нельзя считать особым (4-м) посланием, а только post – scriptum'ом. В рукописях этот post – scriptum не носит названия отдельного послания. Это было уже замечено Строевым в оп. рук. библ. Царского (стр. 191), но Устрялов не обратил на это внимания и при новом издании сказаний.

Сильно подействовав на рьяную натуру Ивана, временщики так привыкли к его безусловной покорности, что все делали по-своему. Лиц, удаляемых царем, они вводили в свою «избранную раду», как называет Курбский царскую думу. Чтобы привлечь на свою сторону бояр и боярских детей, правители издали от имени Ивана и, конечно, с его согласия, в 1550 г. указ о раздаче вотчин боярам и боярским детям⁵.

Таким образом, чем более Сильвестр привлекал к себе бояр, тем более на его стороне было людей, все видевших, все слышавших, что ни делал, что ни говорил Иван – и все передававших опекунам, которые желали держать Ивана в руках и в его зрелые лета, как и в его юные годы. Понятно, отчего самолюбие Ивана, постепенно разжигаемое и людьми, и обстоятельствами, взяло верх над чувством почтения и долга к Сильвестру и Адашеву. Их строгие меры и лишения, которыми они окружили царя, могли только ожесточить и без того суровую натуру Ивана, не видавшего радостных дней в своей жизни, отравленной мнимыми и истинными неудовольствиями. Мудрено ли было истощиться терпению Ивана, разжигаемого и страстями, и людьми неблагонамеренными? Скрученные порывы страсти должны же были с годами сыскать себе выход и, с удалением правителей, вспыхнули и «разгорелись лютым пожаром в земле Русской». Разумеется, ранее всех сложили на плахе свои головы люди, близкие к опальной партии <...>. Назначая Курбского воеводою большого полка, Иван знал его храбрость, его военные способности, но уже предубежден был в нем, как в адашевце; недаром прибавил он: «послужи мне верне». Курбский одержал несколько побед над неприятелями; присутствие духа изменило им; Кетлер увидел, что борьба не по силам: в ноябре следующего года он отказался от звания гермейстера ордена, взял на правах ленных Курляндию, предоставив опустошенную Ливонию Сигизмунду Августу.

В это-то самое время, как мы ранее заметили, в России разыгрывался первый акт кровавой драмы: гибли на плахе верные «синклиты», друзья Курбского, «понеже уже лют и безчеловечен начал быти» Иван, замечает Курбский, рассказывая о смерти ландмаршала Филиппа Беля. Курбскому, как «адашевцу», готовилась без сомнения такая же участь <...>. Ему, как боярину любимому, пользовавшемуся общим уважением партии, бывшей во главе правительства, конечно, тотчас же было передано «гневное слово», вырвавшееся из уст царя. Также безошибочно можно

⁵ Древн. российская вивлиофика. XIII. стр. 3.

предположить, что и Курбский – ни в душе, ни в устной беседе – не одобрял мер Ивана, предпринятых им против адашевцев; не одобрял почетного изгнания Алексея Адашева и видимого усиления противной партии. И сам Иван мог не только предполагать это, но даже мог быть извещен об этом кем-либо из врагов правительской партии. Едва ли мы ошибемся, допустив, что Курбский еще до Ливонской экспедиции изложил на бумаге свое недовольство царем, рассказав какое-нибудь неблестящее «дело царское». Доказательством этого может служить неизвестное Устрялову письмо Курбского, присланное им вероятно вскоре после побега <...>.

Словом, характер переписки между Иваном и Курбским чисто личный, ничего государственного в ней нет, и наименее государственности в том, в чем ее некоторые видели.

Право отъезда!.. Но Курбский не одним словом не упоминает о таком праве. Мог ли он настаивать на возвращении права отъезда, столь дорогое для родичей, будто нарушенного Иваном IV, когда еще при Иване III пали уделы и стало быть отъезжать было некуда, а отъезд к королю, к хану, к цесарю был, очевидно, изменою. Отчего же бояре, задержанные в своем побеге, не опирались на право отъезда? Естественно потому, что оно во времена Грозного не могло иметь юридического значения. Каждый отъездчик, или правильнее, беглец мог только сознаваться в своей вине – а вовсе не опираться на давно потерянное право. И не один Курбский только не ссылался на право отъезда: князь Лобанов-Ростовский, желавший бежать в Литву в 1554 г. и задержанный на дороге, отвечал на допросе, что «хотел от убожества и от малоумства, понеже скудота была у него разума и всяким добрым делом». Тетерин писал, что «бежал от гонителя многих нестерпимых мук»!

И Сигизмунд Август, и Стефан Баторий оправдывали бегство Курбского не юридическими обычаями, а естественною необходимостью <...>.

Другое дело – право совета. Курбский, где только может, напоминает Ивану те счастливые времена, когда он «любил около себя добрых и правду советующих»; но и здесь Курбский напоминает об этом для сравнения первой половины царствования Грозного со второю, – когда он «воздал им (правду советующим) презлыми за предобреешее и в сладких речах наушников напился смертного яду»; Курбский говорит о том, что царь не должен был отгонять от себя «добрых» советников, что взамен их явились же недостойнейшие любимцы; говорит, что совета не чуждались

и предки Ивана IV, даже Иван III; словом Курбский, а не Иван IV, отстаивает истинно государственное положение о разделении власти, да к тому же в словах его звучит приязнь к опальной правительенной партии. Стало быть, дело идет не о нарушении никогда не отживавшего обычая или права совета, а только о напрасном удалении Сильвестра и Адашева с их партиею. Обычай советоваться с боярскою думою имел силу не только при Иване, но и после него. Иван защищал свои права не от притязаний старины, которая пользовалась по прежнему своими правами, а от ограничений личных, налагаемых на него правителями во время их силы при дворе, по удалении же их, – от попыток их партизанов возвратить вместе с опальными царедворцами былую неволю. От чего же и против кого же было Ивану защищать свои права, если никто не думал нарушать их – если не принимать во внимание адашевцев, не в меру скрутивших Ивана? Права бояр оставались во всей силе в продолжение всего царствования Ивана. В грамотах по прежнему говорилось: «есма приговорили с отцом своим... Митрополитом и со всеми детьми и с бояры». Да и не сам ли Иван пред смертью, сознавая тщету своих начинаний, назначил в помощь юному Феодору думцев <...>. О нарушении *права* совета ничего не говорит и Курбский. Он вступается только за «опальных» и «убиенных» и ни одним словом не упоминает о нарушении прав сословий. Он стоит только за своих друзей и наставников, красноречиво говорит об их достоинствах и еще красноречивее умалчивает об их промахах и недостатках.

<...> Из посланий Курбского видно, что он, для назидания современников в истинах православия, переводил по частям творения:

- а) Иоанна Златоуста,
- б) Иоанна Дамаскина,
- в) Дионисия Ареопагита⁶,
- г) Григория Богослова,
- д) Василия Великого⁷

⁶ Кроме выбора слов И. Златоуста, известного под именем «Маргарита», Курбский писал Мамоничу, что прибудет к нему «с тремя нарочитыми сведками» с Дионисием Ареопагитом, и со Иоанном Златоустым, и со Иоанном Дамаскиным». О переводах творений последнего будет сказано ниже. Седларю Курбский посыпал «беседу И. Златоуста на одно послание апостола Павла», переведенную от римского языка во славянский». Константину Острожному посыпал «беседу о вере и любви и о надежде, еже толковал Христостом апостолом Павлом глаголемыя слова». Издатели описания р-сей М. С. Б-ки приписывают Курбскому еще перевод одного слова, несправедливо названного Златоустовым. Т. III. стр. 569.

Кроме того, есть основание приписывать Курбскому же переводы из Евсевия и патриарха Геннадия, а равно перевод или новую редакцию старого перевода «Повести о Варлааме и Иосафе»⁸.

Литература

1. Корсаков Д.А. М.П. Петровский / Д.А. Корсаков // Исторический вестник. – 1912. – № 7. – С. 262–270.
2. Комар Н.Г. Личность и творчество Андрея Курбского в оценке М. П. Петровского / Н.Г. Комар // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. – 2007. – № 3. – С. 204–207. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20162802>.

Подготовка текста: Н.Г. Комар

⁷ Марку Сарыгозину Курбский посыпал «орацыю едину Григория Богослова, а другое слово Великого Василия», в своем переводе.

⁸ Славяно-русские рукописи В.М. Ундорского. Столб. 167.

А.С. Архангельский

Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV – XVII вв.)¹ (1913)

Ключевые слова: древнерусская литература, Иван Грозный и Андрей Курбский как писатели, переписка, политические идеалы.

<...>

В отношении к истории развития наших общественно-политических идей XVI – XVII вв. замечательнейшими литературными памятниками являются *переписка* кн. Курбского с Грозным, шедшая с длинными перерывами в течение 15 лет [1563 – 1579], и написанная Курбским *История великого князя Московского*. И «История» и переписка, по исходной точке политических воззрений авторов, представляют столкновение старых общественно-политических понятий с новыми, уже упрочившимися теперь, – столкновение общественных взглядов, которые только что сложились к этому времени в Москве и наиболее крайним выразителем которых явился Иван IV, с теми старыми, отжившими теперь, взглядами, которые некогда существовали в древней Руси и запоздалым борцом за которые выступил Курбский. Представитель-теоретик старого удельно-государственного строя, лично раздраженный против новой, столь быстро упрочившейся в Москве теории царской власти, обращавшей некогда свободных дружиинников-бояр в «холопов государевых», – Курбский старается вызвать к жизни те удельные взгляды и понятия, которые теперь московскому царю – да и не ему одному! – кажутся уже государственным преступлением, «изменой»... С словами страстных обличений обращается Курбский к «царю», упрекает его в тиании, зверствах, взывает к Богу о мщении. Витая своими идеалами в старой, удельной Руси, Курбский возмущен даже не одними только личными действиями своего корреспондента, московского царя: по взгляду Курбского, весь род московских царей – «издавна кровопийственный род». «Обычай у московских князей, – говорит он, – издавна – желать братьев своих крови и губить их, убогих, ради окаянных

¹ Архангельский А.С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV–XVII вв.) / А.С. Архангельский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1913. – 526 с.

вотчин, ненасытства ради своего»... <...> Пред Курбским – тот же политический идеал, который выставлялся и неизвестными авторами «Беседы» и «Иного сказания», – чтобы царь постоянно советовался с боярами, с «синклитом», с «советом советников». Та же в значительной степени и общность, неопределенность политических желаний. «Царь долженъ искати доброго и полезного *совѣта у совѣтниковъ*», – читаем мы в «Истории» Курбского: «царь добрыми совѣтниками, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ<...>». «Искать доброго и полезного совѣта», по взгляду Курбского, царь должен «не только у своихъ совѣтниковъ, но и у *всеноародныхъ* человекъ, потому что *даръ духа* дается не по богатству внѣшнему и не по могуществу власти, но по правотѣ душевной!»... <...> Курбский «мечтает о вчерашнем дне, запоздал с своими мечтами», – замечает академик Ключевский. «Боярский совет и земский собор были уже фактом очень старым, а второй – явлением еще недавним, и оба – фактами, хорошо знакомыми нашему публицисту. Искони государи русские и московские думали о всяких делах, законодательствовали со своими боярами. В 1550 г. созван был и первый земской собор... Курбский стоит за существующие факты; его политическая программа не идет за пределы действующего государственного порядка. Он не требует ни новых прав для бояр, ни новых обеспечений для их старых прав, вообще не требует перестройки наличного государства....». Что касается его державного корреспондента, он не признает ни «синклитов», ни «совѣтниковъ»! <...> Две «навязчивые идеи» господствуют в переписке Грозного: первая, что он – «самодержец», и следовательно, все «строить» должен «сам»; и другая, тесно связанная с первой – что его «самодержству» грозят бояре, что они уже раз похитили это «самодержество», – стремятся и опять похитить... «Самодержства нашего начало от святаго Владимира. Мы родились и выросли на царствѣ, – своимъ обладаемъ, а не чужое похитили!...». Вот основная точка зрения всех политических взглядов Грозного, которые весьма не сложны! Вся теория, вся «философия самодержавия» у Грозного сводится к простому заключению: «жаловать своихъ холопей мы вольны – и казнить ихъ вольны же»... Именно таких «холопов», «рабов», московский царь видит в своих боярах. По взгляду Грозного, политическим идеалом для этих бояр должен служить присланный Курбским с посланием Васька Шибанов, –который и под пытками «не изменил своему господину». Этого Шибанова Грозный именно и ставит Курбскому в пример... Рабство, беспрекословное подчинение «царю»

Грозный возводит в религиозный догмат, – которому «изменил» Курбский и тем «погубил свою душу»... <...> Изменив царю, «собака»-Курбский восстал против самого Бога... Вот государственная теория, в непреложности которой глубоко и искренно убежден царь Иван Васильевич!.. Он излагает ее с чрезвычайной обстоятельностью, с обильными текстами из св. Писания, ссылками на летописи и хронографы, – начитанность вообще царя замечательна! Страшный гнев, с которым он пишет, напор мыслей, – все это иногда мешает его последовательности, заставляет его иногда повторяться; но все это не лишает автора литературной находчивости и едкой иронии, которыми он обладал, по-видимому, в весьма большой степени...

В политических взглядах Курбского местами еще сильно сказываются обычное для тогдашних наших публицистов апокалиптическое настроение и столь господствовавшие суеверия! Все это – живые черты времени!.. Порчу «предоброго русскихъ князей рода», превращение его в «кровопийственный род московский» – Курбский приписывает, по старине, «врагу рода человеческаго», дьяволу, – и чародейству... Козни того же «исконнаго врага» он видит и во всех современных общественных «нестроенияхъ», которые характеризует обычными апокалиптическими чертами. <...> В современной ему московской Руси Курбский видит последнюю жертву этих дьявольских козней. <...>

Другой публицистический труд Курбского – *История великого князя московского*, «история новоизбиенных мучеников» – местами живая иллюстрация к переписке. В своей «Истории» Курбский доказывает, что причина изменений характера Грозного, начало всех его тиранств – именно в удалении им от себя добрых советников-бояр! По мнению Курбского, унижение боярского сословия, лишение его права голоса – все это и навлекло на Русскую землю всевозможные бедствия. «История» Курбского, впрочем, – не только страстный, личный протест против неслыханных тиранств «лютого и бесчеловѣчного царя» и окружающих его «пагубниковъ отечества», «глѣсоядцевъ и кровопивцевъ»...; здесь, вместе с этим, перед нами – и первый для Москвы серьезный исторический труд, с попытками к pragmatizmu, первое историческое сочинение, автор которого задается целью объяснить практически факты общественности, – проникнутое одной мыслью, к тому же и написанное с замечательным литературным талантом. Но вообще, это – памфлет, а не «история». <...>

Как уже нами замечено было, в лице кн. А.М. Курбского перед нами – один из лучших публицистов нашего XVI века, и во всяком случае наиболее резкий и страстный. Ни в ком не высказалось столько энергии в борьбе, как в Курбском! Как давно было замечено автором едва ли не лучшей монографии о нашем публицисте – Курбский «представляет нам образец тех доблестей, какие могла дать Русь XVI века, давимая правительственным террором..., далекая от европейского запада. Курбский – это гражданин, представитель идей прогресса, вопиющий против тупого абсолютизма, это – воин, не щадящий живота за дело Руси»... В то же время, это – «ученый, не довольствующийся тем недостаточным образовательным материалом, с которым уживались другие книжники его времени»... Любопытно отметить в Курбском, попавшем в польской Литве в новую, несравненно более культурную среду, чувства некоторой гордости перед своим московским корреспондентом. Послания московского царя, который сам был «словесной мудrostи ритор», кажутся Курбскому «широковѣщательными и многошумящими», без всякого настоящего умения «от многихъ священныхъ словесъ хватанными», которые могут показаться достойными «удивления и смеха» «не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ и дѣтямъ!»... Такие послания, по мнению Курбского, совестно бы даже и посыпать, – «наипаче же въ чужую землю...». <...>

Князь Курбский – один из лучших публицистов нашего XVI века; и все же Курбский – человек уже отчасти «отсталый», «отсталый» и по своим боярским симпатиям, и вообще по своему общественному кругозору...

<...> Исцеление от всех зол Курбский видит <...> в возвращении к старине, к тем добрым отношениям, которые существовали некогда между «державными» и боярами. Как своих личных приятелей, защищая бояр, этих добрых «совѣтниковъ», Курбский, как и автор «Беседы», не в силах подняться до критического к ним отношения... Грозный выступает уже открытым врагом этих бояр, – не только обличителем, сколько карателем, палачом. Спокойного отношения к общественному вопросу, какой-либо системы в его оценке, у него едва ли еще не меньше, чем у предыдущих публицистов, – хотя здесь, очевидно, больше всего мешало страшно расстроенное воображение, болезненное чувство страха, быстро усиливавшаяся своего рода мания преследования; общественные реформы первых лет царствования указывали на совершенно другое!.. Но вообще, «держа на конце языка» десятки цитат из св. Писания в доказательство

своей божественно-безапелляционной власти, чуть не десятками посылая ненавистных бояр класть головы на плаху, – Иван IV в сущности дрожит перед этими самыми боярами! <...> В своем болезненно-расстроенном воображении Иван Васильевич даже искренно считает себя несчастным изгнаником, «скитальцем»... <...> ни Курбский, ни Иван Грозный не видели, что общественная роль боярства, теперь, к половине XVI в., была уже почти закончившейся, что на смену боярству выступал новый общественный класс, – которому уже вскоре должно было уступить свою роль правящего класса. Старые добрые отношения московских государей с боярами к половине XVI века расстраивались сами собой, в силу общих, совершившихся к этому времени политических обстоятельств. <...>

<...> В лице «новых людей» – преимущественно в лице мелкого провинциального дворянства и посадских людей – *все сильнее и заметнее на арену общественной жизни выступает служивый класс, что-то в роде буржуазии*, – новый общественный класс «разночинца», разные «лучшие люди» из народных масс, которые сразу оттесняют в сторону и духовенство и боярство.

Историки не решаются сказать, в какой степени сознательно действовал Грозный, служа – в первые годы своего царствования – одним из орудий этого начавшегося в государстве социального переворота. Но его не в состоянии были заметить ни публицист «Валаамской беседы», ни Курбский.

<...>

Литература

1. Гладкий А.И., Цеханович А.А. Курбский Андрей Михайлович / А.И. Гладкий, А.А. Цеханович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л., 1988. – С. 494–503. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4028>

2. Лурье Я.С., Роменская О.Я. Грозный Иван Васильевич / Я.С. Лурье, О.Я. Роменская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л., 1988. – С. 371–384. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3964>

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

П.В. Владимиров

Великое Зерцало

(Из истории русской переводной литературы XVII века)¹ (1884)

Ключевые слова: древнерусская литература, «Великое зерцало», переводная литература, сравнительное литературоведение, переходная эпоха.

<...>

В заключение мы еще должны сказать об отношении «Великого Зерцала» к переводной литературе XVII – XVIII вв. Этим отношением определяется место «Великого Зерцала» в ряду русских переводных произведений. В разных исследованиях и курсах русской словесности встречаются относительно этого вопроса неточности и ошибки <...>.

«Великое Зерцало» ближе всего подходит к древнерусской литературе, но вместе с тем оно имеет свои характерные черты, сближающие его с другими переводными произведениями XVII – XVIII вв. Среди исключительно духовных повестей в «Великом Зерцале» есть повести светского характера, даже смехотворного. В первой главе – (12 стр.) мы говорили об отношении «Великого Зерцала» к смехотворным повестям, известным в русской литературе XVII века под названием «фацеций» или «жартов». Лучше всего это различие проявляется во взгляде на дьявола. В «Великом Зерцале» дьявол и вообще демонология играет важную роль, сила действия морали и убеждения поддерживается указанием на дьявола; между тем как в смехотворных повестях дьявол низводится на роль шута или служит обличением людских грехов, которые сваливаются на дьявола <...>. Некоторые повести, кратко переданные в «Великом Зерцале», встречаются в отдельных переводах в более полном виде <...>. Эти повести встречаются в сборниках отдельно, например, (Погодин. № 17771 – «Книга Дей Римских о славном цесаре оттоне... Чюдова монастыря соборного старца Марка Щербакова, келейная писана в Нижнем Новеграде, как был в промышленниках»). Эта большая повесть «о книгине андоровской» (в других списках

¹ Владимиров П.В. Великое зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века) / П.В. Владимиров. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1884. – 180 с.

альтдорфской) имеет в конце указание на подобные же случаи, извлеченные из средневековых хроник.

В списке профессора Буслаева после одного из примеров о чудном рождении детей (гл. 510) приписано рукой XVIII века «из Феатрона, печатанного 1724 года в Санкт-Петербурге». Действительно, в «Феатроне» (1724 г. СПб.) в «Исходе девятом Валденсов – в историях знаменитых от века XIII» находится подобный же рассказ, только не о княгине, а о графине «во Аминте, во Флоренции, графа Фландрийского Вирбослоя жена Маргарита» <...>.

Последнее отношение особенно любопытно. «Феатрон» относится к Петровской литературе; но в нем среди исторических фактов много легендарных, фантастических рассказов <...>. В «Феатроне» встречается много таких повестей, которые находятся и в «Великом Зерцале».

Таким образом, «Великое Зерцало» стоит как бы на рубеже двух направлений русской литературы переходного времени. Если бы можно было допустить сравнение лиц с предметами, то «Великое Зерцало» всего ближе можно было бы сопоставить с литературной деятельностью Стефана Яворского.

Литература

1. *Комар Н.Г.* Некоторые аспекты сравнительного изучения древнерусской литературы в Казанском университете в XIX в. / Н.Г. Комар // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 19–26. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11691842>

Подготовка текста: Н.Г. Комар

В.М Переvoщиков.

Материалы для истории российской словесности.

Св. Димитрий Туптало¹ (1822)

Ключевые слова: Св. Димитрий Ростовский (Туптало), древнерусская литература.

<...> Святой Димитрий родился в местечке Макарове (Киевской губернии) 1651 года, назван был *Даниилом*, учился читать и писать в доме отеческом; потом был отдан в Киевский Богоявленский монастырь для приобретения сведений в иностранных языках и науках. На осмынадцатом году он постригся в монахи и наречен *Димитрием*. С того времени жил в различных малороссийских и польских городах и монастырях и проповедовал Слово Божие. Сим снискал великую знаменитость: Епископы, Гетман покровительствовали его; многие монастыри желали иметь своим проповедником, начальником.

Киево-Печерский архимандрит Варлаам Ясинский и прочие сего монастыря старцы поручили в 1684 году Димитрию описать жития Святых. В июне месяце того же года приступил он к сему труду, великому и важному, и посвятил себя совершенно, почитал его главным подвигом своей жизни. Будучи игуменом, потом архимандритом, в самых монастырях заключался в уединенных кельях, даже целые ночи проводил в писании; в сновидениях являлись ему великомученица Варвара, мученик Орест со взорами радостными, со словами обнадеживающими. Токмо за четыре года до своей кончины, уже управляя Митрополиею Ростовскою и Ярославскою, совершил он труд свой 1705 года 9 февраля, в отдаче праздника Сретения Господня <...>

При сем многолетнем труде Димитрий был укрепляем и ободряем патриархами Иоакимом, преимущественно Адрианом (имена мужей, покровительствовавших писателям, должны быть всегда повторяемы с любовью и почтением: ибо таланты без признания, подобно семенам, подавляются терниями), благоволением царского семейства, наконец, Петром Первым, который умел видеть (свойство одних великих мужей) дарования и добродетели. Он вызвал Димитрия в начале 1701 года в

¹ Переvoщиков В.М. Материалы для истории российской словесности. Св. Димитрий Туптало / В.М. Переvoщиков // Вестник Европы. – 1822. – № 3–4. – С. 3–32.

Москву, приказал посвятить в митрополита, потом определил в Ростов; сам посещал его в болезни; часто призывал в Москву для служения и проповеди. Димитрий нашел в своей епархии священников в невежестве, паству, преданную расколам. Для образования первых сочинил краткие наставления, завел семинарию, где сам учил, изъяснял Священное Писание. Для обращения последних говорил речи, написал книгу *Розыск*. Но непрерывная деятельность духа истощила телесные его силы: он впал в чахотку. 1709 года 27 октября болезнь крайне усилилась: Димитрий приказал позвать к себе певчих петь сочиненные им самим стихи; слушал их и грел грудь свою у печи. Отпустив певчих, оставил из них одного, который переписывал его сочинения; рассказал ему житие свое, твердую преданность Вере, убеждал к подражанию; наконец, отпуская, поклонился ему до земли. Певчий содрогнулся, воскликнул: «Мне ли, Владыко Святый, так кланяешься?». Димитрий поблагодарил его за труды и простился. После сего затворился в одной из своих келий. На другой день поутру служители нашли его, стоящего на коленях, скончавшегося.

Прославлять ли добродетели святого мужа? Он не оставил ничего даже на погребение свое; наблюдая правосудие, отказал царице Прасковье Федоровне в несправедливом требовании; часто повторял ученикам своим: «Аще аз сподоблюся от Господа получить милость, тогда и об вас буду Его молити». О его знаниях может свидетельствовать достаточно один список писателям, приложенный при Четь-Минеях. Вступая первый раз в Ростов, Димитрий заехал в монастырь Иакова Ростовского, вошел в соборную церковь, молился; потом, указав на угол правой стороны, сказал: «Се покой мой, здесь вселюся во веки века». И в самом деле, он был тут погребен. Но мы увидим лучше и яснее его разум и сердце в творениях его².

О мелких сочинениях

Два наставления священникам. В первом <...> Димитрий убеждает священников не открывать грехов исповедующихся и безотговорочно исполнять требы всех прихожан, равно бедных и богатых: доказательства заимствованы из Священного Писания, из гражданских законов, из

² Примечание авт. Димитрий написал многие и различные сочинения. Оглавления оных не помещаются здесь, для краткости. Читатели сами благоволят посмотреть о сем в словарях: Историческом писателей духовного чина и Новиковом. Сочинитель сей статьи имел перед собой токмо следующие книги Димитрия: 1) три Тома сочинений, изданных в Москве 1805 года, и 2) четыре Тома Житий Святых, напечатанных 1764 года также в Москве.

здравого рассуждения. Во втором <...> дает наставления, как должны священники обращаться с телом Христовым, приуготовляясь к причащению. В том и другом видна пламенная ревность к церкви, ко спасению душ. <...> *Молитва исповедания к Богу повседневного* <...>, *Исповедание грехов генеральное, глаголемое перед Иереем от лица кающеся* <...>. И то, и другое суть выражение души, проникнутой своим окаянством и святостью Божией. Но первая превосходна величеством картин и силою чувства; а слово выражение ее, может статься, есть лучшее, нежели во всех творениях Димитрия. <...>

<...> *Дневные записки* <...> были писаны Димитрием на белорусском языке; Н.Н. Бантыш-Каменский переложил их на российский. Они кратки и просты; но для того, кто в малейших чертах умеет видеть нравы человека, занимательны и важны. Из переписки Димитрия можно ясно усмотреть, что он хорошо знал древних классических писателей.

Алфавит духовный.

Так называется сия книга по статье, помещенной в ней после предисловия и содержащей тридцать пять маленьких параграфов, которые начинаются с букв по порядку азбуки, богословского и нравственного содержания, или лучше, заключающих главные мысли самой книги. Кроме сей статьи духовный алфавит состоит из предисловия, трех частей (разделенных на главы, которых всех тридцать три, соразмерно летам Иисуса Христа) и стихословий. Главная его мысль выражена в заглавии предисловия: *о еже точию о едином Господе радоватися подобает, а не о тленных мира сего вещех.* Она излагается, толкуется, подтверждается Священным Писанием и церковными отцами. Обратите все внимание на первые пять глав Части первой, содержащие основание учения сочинителя, неопровергаемое, высокое. Димитрий полагает, что безумие есть главная причина падения Адамова и несчастий мира (ибо мы вместо воли Божией, в которой состоит и телесное и душевное наше благо, предаемся собственным помыслам и страдаем); что необходимо для человека познание вещей видимых; что оно ведет его к познанию вещей духовных; что искушения сей жизни суть огнь, очищающий злато, что подвиг всей жизни нашей, верховное наше благо, есть – да будем едино с Богом, который «всего тебе содержит, ты же его не познаваешь: весь в тебе есть, ты же его не веси: внутрь тебе царствие небесное, ты же его иnamo ищeши». <...> Алфавит духовный назначен не для однократного, непрерывного прочтения; но, как сам сочинитель в предисловии говорит,

для возбуждения и поощрения: надлежит по состоянию своей души избрать главу, вникать все мысли, поучаться, утешаться; притом, никогда не должно забывать изложенных нами оснований мыслей писателя. Слог сей книги обильный: одна и та же идея, в разных оборотах, повторяется многократно. Видно, что сочинитель всеми мерами старался на каждой останавливать внимание читателей. Язык по большей части правильный и сильный; но встречаются иногда слова и обороты, не свойственные славенороссскому наречию.

Поучения.

Всех поучений напечатано девяносто одно; немногие из них надписаны, когда и где были произнесены, о большей части сие неизвестно, можно токмо догадываться: вообще же они были сказываемы в Малой России, Москве и ее окрестностях, и в Ростове; разделяются на речи <...> и проповеди. Достойно примечания различие между речами и поучениями, произнесенными в России Малой и Великой. Димитрий или сообразовался со вкусом своих слушателей, или его собственный вкус в позднейшие времена более образовался; в первых видим более картин, изображений, иносказаний: во вторых – более мыслей, нравоучения; в первых слог великолепный, слово выражение громкое, не всегда правильное: во вторых – слог твердый и простой, слово выражение скромнейшее, правильнейшее. В некоторых поучениях, произнесенных в Москве и Ростове, изображены степень образованности и нравы того времени <...>. Известно всякому просвещенному Христианину, что Св. Писание содержит и твердую пищу для возрастных, и молоко для младенцев. Молоко по большей части находим мы в поучениях Димитрия; он преимущественно говорит воображению и сердцу своих слушателей. Все его поучения, даже доктринальные имеют одну цель: нравоучение. Даже в речах похвальных и надгробных не вычисляет он частных деяний людей, но говорит вообще об их добродетелях и побуждает к подражанию. Все его речи и проповеди имеют планы (о которых извещает он слушателей во вступлении) для главных частей; в подробностях и раздроблениях он нередко от них удаляется; все отвлеченные мысли поясняет, одушевляет примерами (которыми он был так богат!), подобиями, изображениями; в числе последних попадаются необычайно применяемые; слово выражение его почти всегда правильное и тем лучшее, чем теснее предметы связаны со Священным Писанием, а, по

расположению слов, часто выразительное и сильное. Слог всегда обильный.

Жития святых.

<...>

На российский язык когда и кем переведены жития святых, неизвестно; знаем токмо, что они явились в древнейшие времена. Макарий, митрополит Московский, составивший пространные жизнеописания святых, собирая оные уже из старинных списков и токмо исправлял древние и неупотребительные речения. <...>

В Малой России благочестивые люди могли читать токмо римские жития святых, да и то на польском языке: сие побудило митрополита Киевского, Петра Могилу, приложить попечение об издании оных на славенороссийском, но смерть прервала его предприятие. После него архимандрит Печерский, Иннокентий Гизель, много трудился о совершении сего дела; но разные помешательства и смерть также воспрепятствовали. Провидение предоставило оное Димитрию. Он имел при своем труде за основание сочинение Метафрастово и Макариевы Четии Минеи; в расположении повествования следовал их порядку, наблюдал ту же точность и сокращал токмо излишество слов. Кроме сих двух главных источников, пользовался творениями многих иных писателей, которых имена и названия книг напечатаны при первой и второй Частях Четий Миней.

<...>

Литература

1. Сидорова М.М. О первых опытах истории русской литературы: историко-литературная деятельность профессора Казанского и Дерптского университетов В.М. Перевощикова / М.М. Сидорова // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: Материалы конгресса (С.-Петербург, 15–17 окт. 2008 г.). – СПб., 2008. – С. 240–248.

2. Сидорова М.М. К истории одного из первых в России проектов курса отечественной словесности: казанский вариант / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология`2009. – Казань, 2009. – С. 179–185.

Подготовка текста: М.М. Сидорова

История русской литературы XVIII века

Державин Гавриил Романович

А.С. Архангельский

Державин Г.Р.¹ (1893)

Ключевые слова: *русская литература XVIII века, русская поэзия XVIII века, творчество Г.Р. Державина.*

<...>

В лице Д[ержавина] русская лирическая поэзия XVIII в. получила значительное развитие. Риторика впервые начинала заменяться поэзией. Русский поэт впервые выражается проще, впервые пытается стать ближе к жизни и действительности. Особенно важной новизной был «забавный русский слог». Никто еще из наших поэтов не говорил таким языком, каким часто выражался автор «Фелицы». Д[ержавин] любит употреблять простые, чисто народные слова и выражения, обращаться к лицам и сюжетам народной поэзии, «соображаться» с народным бытом, нравами и обычаями. Вместе с тем, общее содержание поэзии значительно расширяется; поэт становится на почву современности, и торжественная ода превращается в отзвук дня. Ни один русский поэт не стоял до тех пор так близко к своему времени, как Д[ержавин]; начиная с Фелицы, его оды – «поэтическая летопись», в которой длинной вереницей проходят перед нами исторические деятели эпохи, все важнейшие события времени. На поэзии Д[ержавина] отразился также и общий, господствовавший у нас во все продолжение XVIII в. взгляд на литературу и поэзию вообще – это «нерешительность, неопределенность идеи поэзии», по выражению Белинского. Д[ержавин] то гордится своим званием поэта, то смотрит на поэзию, как на «летом вкусный лимонад». И Д[ержавину], и его

¹ Архангельский А.С. Державин Г.Р. / А.С. Архангельский // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т.10: Давенпорт–Десмин. – С. 462–468. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://vehi.net/brokgaуз/all/034/34906.shtml>

современникам литературная деятельность еще не всегда представлялась делом серьезным, важным. Ценились главным образом «дела», а не «слова». Вот почему у поэта, который «был горяч и в правде чорт», мы находим целый ряд произведений, в которых, по сознанию самого автора, было много «мглистого фимиаму», и вот почему наш поэт, так сильно хлопотавший всю жизнь о «правде», не считал для себя предосудительным иногда «прибегать к помощи своего таланта».

Литература

1. *Воронова Л. Я.* Г.Р. Державин и литература его времени в оценке А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казанского университета (Казань, 10–12 нояб. 2003 г.). – Казань, 2003. – С. 28–31. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publications/2003/derzavin/index.php?sod=10>; http://www.derzhavin.lit-info.ru/derzhavi/articles/voronova-derzhavi-v-ocenke_arhangelskogo.htm
2. *Воронова Л. Я.* Г.Р. Державин и драматургия Екатерининской эпохи в оценке А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). – Казань, 2004. – С. 27–36. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publications/2004/articles.php?id=8&num=6000000>
3. *Воронова Л.Я.* Г.Р. Державин в казанском литературоведении и критике конца XIX – начала XX вв. / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Лаишево, 13-15 июля 2010 г.). – Казань, 2010. – С. 101–104.

Подготовка текста: Е.А. Аликова

А.П. Георгиевский

Вельможа-поэт (По поводу столетия со дня смерти Г.Р. Державина)¹ (1916)

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Г.Р. Державин, придворный поэт, вельможа, творчество Г.Р. Державина.

<...> Державин <...> восторженный и пылкий певец Екатерины... посвятил лучший период своей поэтической деятельности воспеванию ее века и в целом ряде своих «блестящих» произведений оставил нам поэтическую летопись славы, подвигов и торжеств Екатерининского времени.

В этой *летописи*, живо и ярко рисующей нам лица и события своего времени, автор еще гораздо более ярко обрисовал свою собственную личность, совершенно отчетливо представив нам себя как человека и как писателя.

<...>

В блеске, которым окружено правление Екатерины в глазах русского народа и всей Европы, Державин старается прежде всего отыскать и подчеркнуть гражданскую доблесть...

<...>

Вдохновение писателя находило себе весьма обильную пищу в той громкой и богатой лицами, характерами и событиями эпохе Екатерининского царствования, среди которой ему пришлось жить и действовать.

<...> Творчество Державина, по преимуществу, – поэзия образов и событий, торжественно и громко прославляющая победы и подвиги, описывающая пиры, празднества и шумную светскую жизнь. <...>

<...>

Придворный поэт, вынужденный иногда не только отступать от правды, но и писать прямо против своего убеждения, – он не в силах был всегда и во всем провести тонкое различие между добром и злом, между правдой и неправдой. Вот почему в одах Державина можно найти следы

¹ Георгиевский А.П. Вельможа-поэт (По поводу столетия со дня смерти Г.Р. Державина) / А.П. Георгиевский // Вестник образования и воспитания. – 1916. – № 5/6. – С. 342–355.

влияния самых разнообразных направлений: тут и сомнения («На смерть кн. Мещерского»), и самый сухой религиозный догматизм («Бог», «Бессмертие души», «Христос»), и восхваление умеренности в горацианском вкусе («Похвала сельской жизни»), и дидактика, и, под конец литературной карьеры, – даже мистицизм, вообще так сильно овладевший всем русским обществом в конце XVIII и начале XIX столетия («Гимн лиро-эпический на изгнание французов из отечества»).

<...>

...Творчество Державина имеет за собой и весьма важное по тому времени преимущество, обыкновенно замалчиваемое и не замечаемое.

Державин был *вельможа*, даже в уединении, в Званке... Отличительная черта вельможной души – пышность, блеск, *величие*. И эта печать вельможного величия лежит на всем державинском творчестве.

<...>

...Всецело захваченный своим вельможным величием *поэт* разбивает рамки земной обыденной жизни, вырывается из них и живет и творит в каком-то исключительном чудесном мире...

<...>

Благодаря <...> необычайной энергии фантазии поэзия Державина становится на путь мифологизации: она живет образами, она играет красками...

<...>

...Поэт, для которого мир стал ковром играющих красок, доказывает бессмертие мира.

<...>

Странным представляется нам тот фантастический мир, то преобразование мира через огонь и воду, которому подчинено все творчество Державина. Этот мир встает перед нами настойчиво, требовательно, и остается только следить, насколько целен этот мир, так далеко поднявшийся над житейской обстановкой. И с этой стороны можно смело сказать, что державинская лирика цельна и оригинальна: черты человеческого лица и обстановка дома, простая сельская картинка для поэта были только проявлением извечных стойких форм. Эти формы – своего рода рай, еще не потерянный для человека. Природные краски и цвета верны и прочны, и потому на свете нет ничего страшного, томящего. <...> Нет пределов для освещения повседневных явлений блистанием этих красок и цветов. Весь мир, все тайны его открываются для человека при посредстве образов.

Тайны бессмертия мира, бытия Божия перестают быть тайнами для поэта и представляются ему очевиднейшими тайнами.

В этом мире все закономерно, прозрачно и красочно. Светел и легок этот мир. <...>

Как бы ни уходил потом сам Державин в своих размышлениях далеко от этого мира, он оставался для поэта вечно блистающим прообразом...

<...>

Литература

1. Воронова Л.Я. Г.Р. Державин в казанском литературоведении и критике конца XIX – начала XX вв. / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Лаишево, 13-15 июля 2010 г.). – Казань, 2010. – С. 101–104.

Подготовка текста: Е.А. Аликова

Б.П. Денике

Портреты Державина в Казани¹ (1916)

Ключевые слова: Г.Р. Державин, Казань, портреты Державина, русская литература XVIII века.

Державин считал Казань своей родиной²; об этом говорит он в своих записках и стихах. Как к родине, к ней обращается его поэтическая мысль, проникнутая нежной любовью к «колыбели первоначальных дней» и к отчизне предков. <...>

Памятник Державину в Казани является внешним выражением связи поэта с его родиной. В городском музее и в университете хранится некоторое число державинских реликвий. Все, относящееся к памяти Державина, в университете предполагается сосредоточить в «уголке Г.Р. Державина», образующемся в текущем году в университетском музее отечествоведения. Здесь будет стоять его письменный стол, кресло, чернильница, бюсты, портрет; здесь будут собраны некоторые документы; предположено собрать ряд фотографий с его изображений, книги о Державине и пр.

Одной из реликвий, относящихся к памяти Державина, являются и находящиеся в настоящее время в Казани его портреты. Описать и осветить значение этих портретов в связи с некоторыми вопросами общей иконографии Державина – такую задачу ставит себе настоящая статья. <...>

Портрет есть не только художественное произведение, как всякое произведение искусства, отражающее стиль своего времени и индивидуальное мастерство художника, и не только фотография, запечатлевая механически черты модели в случайный момент, – портретное искусство стремится передать внешний облик изображаемого и отражает внутренний мир человека, объединяя эти стороны в некотором синтетическом единстве. <...>

В частности, портреты Державина столько же говорят нам о поэте – его внешнем облике и его психическом мире, насколько он отразился в его чертах, – сколько о приемах мастерства авторов портретов и о художественных заданиях времени.

Немногое написано о портретах Державина. Этому вопросу посвящена статья Я. Грота во II томе «Жизни Державина» («Сведения о портретах и

¹ Денике Б.П. Портреты Державина в Казани / Б.П. Денике // Вестник образования и воспитания. – 1916. – № 5–6. – С. 428–438.

² Место рождения поэта в точности неизвестно; местное предание называет таковым села Кармачи или Сокуры недалеко от Казани.

бюстах Державина»), теперь уже устаревшая и неполная, да и тогда не претендовавшая на полноту. Отдел гравированных портретов составлен в ней Д.А. Ровинским. Затем несколько пополненный (описано 24 №№ вместо 22), этот очерк вошел в капитальный труд этого выдающегося исследователя: «Подробный словарь русских гравированных портретов» (СПб. 1886, Т. I, с. 660–671). <...>

Перейдем теперь к портретам Державина в Казани. Нам известны здесь 3 портрета поэта: в городском музее, в университетском музее отечествоведения и в собственности Ахиллеса Илиодоровича Панаева. <...>

Портреты в казанских собраниях восходят к известным типам: находящийся в городском музее – к типу Тончи – 1801 г., хранящийся в музее отечествоведения – к типу Боровиковского – 1812 г. и принадлежащий А.И. Панаеву – к типу Васильевского – 1815 г.

Обратимся сначала к портрету в городском музее, как наиболее раннему хронологически.

Портрет этот пожертвован в музей М.П. Модзалевской³. Это – старинная поясная копия в натуральную величину с портрета Державина кисти Тончи. Копия суховатая, но добросовестная. Державин изображен в шубе и меховой шапке. <...>

Интересны обстоятельства написания художником этого портрета Державина. Державин написал в 1801 году очень красивое послание художнику Сальватору Тончи – «Тончию». Из «Объяснений» Державина к этому стихотворению⁴ мы узнаем, что это послание написано как программа его портрета. <...>

Художник представил Державина на обширной картине (вышина 4 С аршина) во весь рост. Поэт сидит перед скалой среди снегов в зеленой шубе и меховой шапке. Из-за скалы, справа, торчат обнаженные сучья деревьев, осыпанные, как и она, снегом. <...>

Зимний костюм для своего портрета, сообщает Гrot, поэт избрал потому, что в то время уже носил парик, но не захотел явиться в нем на картине. <...>

С портрета Тончи было награвировано несколько гравюр. Ровинский⁵ указывает 6 гравюр типа Тончи. Наиболее точной представляется гравюра, сделанная в 1861 г. по заказу 2-го Отделения Академии наук Ф.И. Иорданом. <...> Другие большей частью сильно изменены по сравнению с оригиналом. <...>

³ Воспроизведен у Н.П. Загоскина. История Казанского университета. т. II, с. 273.

⁴ Академич. 2-е изд. Т. III, с. 600.

⁵ Ор. с. С. 665–667.

Портрет Державина кисти Тончи в свое время очень нравился современникам, нравился он и самому Державину. В своем «Дневнике» Жихарев⁶ записал при описании своего посещения Державина: «Пока наш бард дремал в своем кресле, я рассматривал известный портрет его, писанный Тончи. Какая идея! Как написан и какое до сих пор сходство!». Об удивительном сходстве говорит и С.Т. Аксаков: «Портрет Тончи походит на оригинал, как две капли воды⁷. <...>

<...> Этот портрет живее знакомит нас с сущностью натуры поэта, чем официальные портреты в мундире и орденах.

Другой портрет Державина, из числа находящихся в Казани, принадлежит университетскому музею отечествоведения. Это тот самый портрет, который сам Г.Р. [Державин. – Ред.] послал в дар Казанскому Обществу любителей отечественной словесности. <...> Поэт Вл. Ив. Панаев очень живо пишет об этом в своих записках⁸. Собравшись в столицу в 1815 году, он получил от Казанского Общества. [Общества. – Ред.] любителей российской словесности поручение выпросить для Общества у знаменитого лирика копию с его портрета... «Копию, – сказал Державин, – да ведь это денег стоит». «Зато, – возразил Панаев, – с какой благодарностью примет Общество изображение великого поэта, своего почетного члена! Да и где приличнее, как не там, стоять Вашему портрету?» – «Ну хорошо. Но с какого же списать копию?». <...>

– «А с того, что был на нынешней академической выставке?», – подхватил Панаев, разумея недавно сделанный художником Васильевским портрет его; но вдруг заметил свою неловкость и замолчал.

– «Как это можно?» – возразил Державин, – там написан я в колпаке и тулупе! Нет, лучше с того, который Российской Академии, писанный отличным художником Боровиковским. Там изображен я в сенаторском мундире и ленте. Когда будет готов, я пришлю его к тебе для отправления»...

Во время перевозки в марте 1815 года вследствие ранней ростепели портрет подмок и его пришлось реставрировать снятием образовавшейся на одном краю его плесени. <...>

Оригинал данного портрета написан Боровиковским в 1812 году; по смерти Д.А. Державиной достался Е.Н. Львой⁹. Кроме находящейся в Казани, существует с этого оригинала еще копия, подаренная поэтом в Российскую

⁶ Цит. по Гrotу (Жизнь Державина. Т. I, с. 960).

⁷ С.Т. Аксаков. Воспоминания. М. 1856. С. 374.

⁸ Отрывки из записок В.И. Панаева были напечатаны в сборн. «Братчина». Спб. 1859 г., и в «Вестнике Европы» 1867 г. №№ 3 и 4. Цит по Гrotу, оп. с.

⁹ Гrot. Жизнь Державина. Т. II, с. 560.

Академию¹⁰ (позднее в Академию наук). С этого оригинала гравировали Н. Уткин и Пожалостин¹¹. Размер воспроизведенного при нашей статье портрета 62x54 ст. Фон темный, тускло зеленый; Державин представлен в парике; выражение лица открытое, смягченное мягкой улыбкой. Поэт изображен в красном сенаторском мундире с золотым шитьем, в александровской ленте со звездами св. Александра Невского и св. Владимира 2-й ст. и мальтийским, анненским и владимирским на шее. Портрет подвергся реставрации, но осторожной. Кем написана казанская копия – неизвестно. Во всяком случае, живописные качества ее довольно высоки, и не исключена возможность предположить, что перед нами авторское повторение оригинала. <...>

<...> Третий из находящихся в Казани портретов Державина относится как раз к этому типу [Портрет Г.Р. Державина художника А.А. Васильевского. – Ред.]. Он принадлежит казанскому помещику и дилетанту-композитору А.И. Панаеву, происходящему из родственной Г.Р. Державину старинной дворянской семье. Владелец сообщил, что портрет считается в их семье работой итальянского художника и подарен одному из его предков самим Державиным. Но, очевидно, семейное предание не точно; по крайней мере, в части, относящейся к атрибуции портрета кисти итальянского художника, так как портрет представляет полное сходство с типом А. Васильевского. <...> Портрет работы Васильевского, последний по времени портрет поэта, написан за год до его смерти. Державин представлен на нем дряхлым стариком. Слова А.С. Пушкина: «Портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож» относятся именно к этому портрету. О наружности присутствовавшего в 1815 году (как раз год написания портрета) на лицейском экзамене Державина Пушкин записал: «Державин был очень стар... Экзамен наш очень его утомил: он сидел, поджавши голову рукой; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы»¹². Такими видим мы черты Державина на этом последнем портрете, столь не похожем по натуралистическому приему на другие или полуофициальные, или мечтательно-романтические, или театральные, идеализированные портреты поэта.

Костюм, в котором изображен Державин, был его обычный домашний костюм в последние годы его жизни. «Дома, когда не было гостей, он обыкновенно носил шелковый шлафрок, подбитый беличьим мехом, и колпак. В этом костюме описывают его молодые люди, оставившие нам свои воспоминания о нем. Один из посетивших его в 1813 году (некто Кузминский) видел его в халате, опущенном соболями, в фланелевой, плотно застегнутой

¹⁰ Соч. Державина. Т. VI. 1876 г. Переписка. № 1026. Письмо президенту Российской акад. А.А. Нартону от 24 янв. 1812 г.

¹¹ Ровинский, оп. С, с. 667-668.

¹² Соч. А.С. Пушкина. Т. V, ред. П.А. Ефремова, с. 590.

фуфайке; на шее был у него кисейный платок, а на голове белый же вязанный колпак».

Кроме живописных портретов Державина, в Казани находятся еще два его бюста. Бюсты эти – оба одинаковые, отлитые из гипса – размером 29 ст. высоты хранились раньше в университетской библиотеке, теперь переданы в музей отечествоведения. Артемьев замечает об одном из этих бюстов¹³: «Бюст этот, как говорят, отличается необыкновенным сходством с бессмертным поэтом. Заметим также, что и бронзовое его изображение на Казанском памятнике совершено сходно с этим бюстом». В университетскую библиотеку он подарен был М.Ф. Ростовской, рожденной Львой. Бюст этот изваян в 1793 году французским скульптором Раширом, работавшим для Императорского фарфорового завода, бывшим профессором академии художеств.

Поэт представлен в бюсте с непокрытой головой, почти совершенно лысым, лишь с длинными прядями волос на висках и на затылке. Мягкая трактовка головы обнаруживает уверенную руку и зрелое мастерство скульптора.

По поводу этого бюста было написано Державиным стихотворение «Мой истукан». <...>

На этом мы заканчиваем разбор изображения Державина в Казани. Дело будущего – пополнить труды Я.К. Грота и Д.А. Ровинского и дать полную иконографию Державина – систематизацию и историко-художественный анализ всех дошедших до нас его портретных изображений – в произведениях живописи, скульптуры, в гравюре, литографии и в прикладном искусстве в широком смысле.

Литература

1. Автухович Т.Е. Поэт и его изображение: стихотворения Г.Р. Державина «Мой истукан» и «Тончию» как поэтическая авторефлексия / Т.Е. Автухович // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 18–22.

2. Морозова Е.В. Один из «казанских» портретов Г.Р. Державина / Е.В. Морозова // Державин и культура казанского края: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина (г. Лаишево, 26–28 июня 2008 г.) – Казань, 2008. – С. 168–172.

Подготовка текста: Н.Ю. Хряпкина

¹³ Журн. Мин. Н. Пр., 1851 г., ч. LXXII, отд. III, с. 7.

П.М. Дульский

Памятник Г.Р. Державину в Казани. Очерк к столетию со дня смерти поэта (1816–1916)¹ (1916)

Ключевые слова: Г.Р. Державин, Казань, Казанский университет, проекты памятника Г.Р. Державину, русская литература XVIII века.

Мысль о постановке памятника Г.Р. Державину в Казани впервые возникла вскоре же после смерти поэта, когда на «чрезвычайном» публичном собрании, 24 сентября 1815 г., устроенном Казанским Обществом любителей отечественной словесности [Далее в тексте автор использует сокращение: О-ва Л. О. С. – Ред.] в память «Певца Фелицы», И.Ф. Яковкин произнес речь: «*О заслугах, оказанных покойным Державиным российской словесности*» и внес предложение о сооружении памятника поэту². Повторена была эта мысль 8 июля 1817 года секретарем того же общества, предложившим поставить Державину «приличный памятник»³, и в 1825 году еще раз она была возбуждена на публичном акте в 1-ой гимназии директором Лажечниковым⁴. «Но все эти прекрасные начинания, как будто не покидавшие поклонников поэта, все же на некоторое время были предоставлены забвению, и только в 1828 году⁵, опять же на торжественном собрании, секретарем О-ва Л. О. С. Суровцевым вновь был поднят вопрос о постановке памятника Г.Р. Державину в Казани, о чем даже Суровцев представил специальный доклад, и только после этого О-во Л. О. С. несколько энергичнее взялось за дело». В 1830 году уже был составлен проект памятника местным художником Львом Крюковым. <...> Этот проект имел следующую композицию: ступени и тумбу предполагалось устроить из гранита, полуколонну из белого мрамора, а бюст, надписи и украшения из бронзы. На тумбе должен был быть барельеф и надписи: «Гавриилу Романовичу Державину» «Любители Отечественной словесности».

¹ Дульский П. Памятник Г.Р. Державину в Казани. Очерк к столетию со дня смерти поэта. 1816-1916 / П. Дульский. – Казань: Центр. тип., 1916. – 12 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/1000_Kazan.htm; <http://www.knigafund.ru/books/34267>

² Н. Загоскин. История Императ. Казанск. Универс. Том 2-й, ч. 2-я, стр. 274–275.

³ Архив Импер. Казанск. Универс. Дело от 20 ноябр. 1828 г. за № 369. О сооружении памятника Державину. Том. I.

⁴ Я. Гrot. Жизнь Державина по его сочинениям, письмам и историч. документам. Издание Импер. Наук. 1880 г. стр. 1017. Т. I.

⁵ Ученые записки, издаваемые Императ. Казанским университетом. 1847 года. Книга III. стр.130.

<...> Проект памятника был направлен через попечителя Мусина-Пушкина к министру народного просвещения, князю Ливену⁶, после чего был передан на заключение в Императорскую Академию художеств⁷, которая признала сей рисунок (состоящий из бюста и пьедестала) неудовлетворительным и поручила составить «*в том же роде, но в лучшем виде*⁸» новый проект профессору архитектуры Абраму Ивановичу Мельникову. <...> можно было бы ожидать, что А.И. Мельников даст в своем проекте Державину интереснейшее художественное произведение, но на деле оказалось иначе, – проект был выполнен в очень скучной композиции, в основе своей напоминавшей эскиз художника Крюкова. Проект А. Мельникова Академией художеств был одобрен и 5 декабря 1831 года *Высочайше утвержден*⁹, после чего была открыта по всей России подписка на добровольные пожертвования для сооружения памятника Державину. Сбор пожертвований сразу дал значительную сумму денег, превысившую смету архитектора А. Мельникова, в виду чего министр внутренних дел, граф Блудов нашел возможным вновь переработать проект для того, чтобы придать ему более богатую и художественную внешность. По этому поводу граф Блудов представил государю императору доклад, где предлагалось: «*соорудить памятник в таком виде, который бы по изяществу рисунка и размерам соответствовал цели изъявить уважение России к одному из первейших ее поэтов и, с тем вместе, служил бы украшением довольно важного города в Империи, какова Казань*¹⁰». Этот доклад очень понравился императору, и было высочайше повелено предложить Академии художеств «открыть конкурс для сооружения памятника Державину», причем рекомендовалось Академии дать художникам-конкурентам полную свободу в смысле сметы, так как желательно было бы, чтобы проект памятника «*видом своим соответствовал той значительной сумме, какая ожидается от приношений на сей предмет*¹¹». Академия художеств горячо взялась за данное ей поручение, и объявление о конкурсе, выпущенное Императорской Академией художеств, любезно приглашало всех художников принять участие в работе. <...> На призыв Академии художеств участвовать в конкурсе откликнулось довольно много художников, представивших к сроку достаточное количество работ, из которых Совет Академии одобрил три проекта. <...> Одобренные жюри эти три проекта были представлены на высочайшее усмотрение, и государем был выбран проект академика Тона и с применением к

⁶ Я. Гrot. Жизнь Державина. Изд. Имп. Ак. Наук. 1880 г. Стр. 1018. Т. I.

⁷ Московские ведомости. 1832 год, № 58, стр. 2591.

⁸ Там же.

⁹ Я. Гrot. Жизнь Державина. 1880 г. Стр. 1018. Том I.

¹⁰ Я. Гrot. Жизнь Державина. Изд. Ак. Наук. 1880 г. Том I, стр. 1018.

¹¹ Московские Ведомости. 1832 год. № 58, стр. 2592.

нему статуи и барельефов сочинения Г. Гальберга, повелено было приступить вскоре же к выполнению памятника¹². Пока в столице шло выполнение монумента Державину, в Казани много толков и споров вызвал вопрос о месте, где было бы более подходящим поставить памятник. <...>

В 1836 году государь император при посещении университета, осматривая только что возведенные архитектором Коринфским постройки новых зданий, повелел памятник Державину поставить среди университетского двора, против анатомического театра¹³. Действительно, выбранное место представляло, в то время, очень живописный уголок. <...>

Работа над выполнением монумента продолжалась около десяти лет. В Казань памятник был доставлен в два транспорта; в 1843 году были сначала высланы каменные части, о чем Академия художеств сообщала попечителю¹⁴, «что мастер Степан Анисимов по заключенному с Академией контракту на изготовление гранитных ступеней и лещади к памятнику Державину окончил ныне работу сию со всею исправностью и скоро доставит водою в Казань», причем Академия художеств просила, «чтобы по доставке в Казань части памятника, после сдачи, были хранимы, под надзором местной полиции, впредь по присылки остальных частей памятника». <...> Я. Гrot в своем труде «Жизнь Державина» так описывает прибытие и переноску на университетский двор ступеней и лещади памятника¹⁵: «Касательно перевозки на место камня, доставленного водою в Казань, до нас дошел следующий рассказ очевидца. Чтобы приискать лучший к тому способ, университетское начальство созвало архитекторов, которые, разумеется, и указали на употребительные в таких случаях сложные и недешево стоящие приспособления. Но приказчик судна решил вопрос гораздо проще. У старого канала¹⁶ бывает биржа или род ярмарки, на которую стекается множество народа. К этому сборищу и обратился он с такой речью: «Народ православный! Вот приехала Держава, и перевезти ее надо, а как это сделать, если ты не поможешь? Народ православный! Помоги перевезти Державу!» Толпа, не задумываясь, выразила свою готовность исполнить просьбу: тотчас устроены были салазки, и весь материал дружно был перевезен с берега к университету».

Второй транспорт, с металлическими частями памятника, несколько задержался в столице и был отправлен в 1846 году с запозданием, благодаря

¹² Там же, стр. 133. [Суровцев. Отчет о сооружении памятника Державину. Ученые записки, издаваемые Импер. Каз. Универс. 1847 год, кн. III. – Примеч. ред.]

¹³ Отчет Императ. Казанск. Университета за 17 лет. С 1827-1844 г. Стр. 437.

¹⁴ Архив Импер. Каз. Университета. Дело о сооружении памятника Державину. Том I, лист 1395.

¹⁵ Я. Гrot. Жизнь Державина. Изд. Имп. Ак. Наук. Т. I, стр. 1019.

¹⁶ Проток Булак, вытекающий из северной оконечности озера Кабан и впадающий у Кремля в р. Казанку.

чему памятник зазимовал в Нижнем Новгороде¹⁷, и только ранней весной 1847 года он водой был доставлен в Казань к набережной Булака, вследствие чего и предполагавшееся открытие памятника в 1846 г. не могло состояться, и дата, вылитая на лицевой стороне пьедестала: «Г.Р. Державину. 1846» оказалась не приуроченной ко времени открытия памятника. Отправив барельефы и фигуру памятника, Императорская Академия художеств командировала в Казань специалиста по гальванопластике, мастера Межаика, для установки бронзовых частей <...> Перевозка с берега Булака на университетский двор металлических частей фигуры опять вызвала затруднения, так как эти части были довольно громоздки. Историк и знаток Казанского края Я. Посадский в своей записке Казанского сторожила, напечатанной в литературном сборнике «Голодным на хлеб», так описывал это событие¹⁸: «Весною 1847 года, во время разлива прибыл на дощанике по водам Булака памятник Державину. У моста близ второй гимназии, монумент этот красовался несколько дней, пока не извлекли его на берег. Толпы любопытных теснились на мосту и около дощаника, внизу Булака, с утра до вечера. Университетское начальство вызвало подрядчиков, которые приняли на себя нелегкую работу, то есть сняли памятник с лодки и доставили его на двор университета. Явился на этот вызов немец, имевший на Проломной улице большое медно-литейное и механическое заведение. Хотя он назначил за работу очень недешевую цену (около 300 руб.), однако же университет изъявил на это согласие в виду отсутствия конкурентов. Но дело расстроилось: Тимофей Деянов, явившись к ректору (И.М. Симонову), <...> заявил, что берется с артелью вытащить из Булака статую Державина и привести ее на университетский двор за четвертную (25 р.). Одет Деянов был плохо, но речь его была серьёзна и внушительна. Ему поверили и сдали работу, имея в виду 275 руб. экономии. Действительно Тимофей Деянов и приглашенные им человек двадцать рабочих очень ловко и дружно принялись за работу; придумали какие-то самодельные drogi, принесли две вязанки крепких веревок и при помощи этих простых орудий, без участия лошадей, притащили тяжелый металлический монумент к воротам университетского Спижарного дома. Но тут случилась беда: ворота были низкие, с перемычкой наверху. Когда памятник втаскивали в ворота, то он в них завяз, простертая вверх рука певца Фелицы задела за перемычку. Рабочие, собравши всю энергию, дернули за веревки, и указательный палец Державина отломился и упал к ногам испуганных рабочих. Увидевши беду, Деянов и все его сотрудники, с

¹⁷ Н. Загоскин. Спутник по Казани. Стр. 586.

¹⁸ Я. Посадский (Н.Я. Агафонов). Из записок Казанского сторожила. Литер. сборник «Голодным на хлеб». 1907 г. Стр. 210-212.

быстрою молнией, разбежались в разные стороны, боясь ответственности, отступившись от всякой платы».

Летом 1848 года сооружение памятника закончилось; на месте установки за ходом работы наблюдала строительная комиссия, в которой принимали деятельное участие местные зодчие Крамп и Коринфский¹⁹. 16 июля 1847 года «при многочисленном стечении зрителей» были разобран леса и памятник был завешан холстом.

Временем открытия памятника было назначено 22 августа 1847 года. Приготовления к предстоящему торжеству начались за несколько дней, и ко дню открытия памятника университетский двор и здания представляли очень нарядный вид. <...> Торжество открытия началось в 10 ч. утра в университетской церкви. После литургии все присутствующие перешли к памятнику, вблизи которого разместились учащиеся двух гимназий и студенты университета и духовной академии. У памятника Державину была отслужена панихида, и во время возгласа «вечной памяти» поэту завеса с монумента спала, открыв перед зрителем красивую внешность нового сооружения²⁰. Вид его представлял следующую картину: на довольно высоком постаменте, украшенном с трех сторон барельефами, а с лицевой стороны надписью: «Г.Р. Державину. 1846», поэт, сидя на камне, очевидно в экстазе творческого вдохновения, смотрит в даль небес; левой рукой он берет лиру, чтобы ударить в струны, а правая приподнята и как бы поддерживает главу поэта, полную дум и мечтаний. Поэт одет в красивую тогу. Барельеф с левой стороны памятника изображает аллегорическую картину, представляющую просвещение, побеждающее, без силы оружия, невежество: «которое падает, роняя свою маску»²¹. Есть еще и другое толкование сюжета этого барельефа: средняя фигура изображает Минерву, карающую мятеж, молодой Державин, следуя за ней, чувствует прикосновение Аполлона, вдохновляется и поет первую свою песнь, посвященную усмирению бунта Пугачева²². Барельеф с правой стороны изображает поэта, декламирующего свои стихи перед Фелицею, в стороне слушают песни три хариты. На южной стороне пьедестала изображены две фигуры, олицетворяющие день и ночь, как символы постоянных занятий поэта.

¹⁹ Архив Импер. Каз. Университета. Дело о сооружении памятника Державину, Том I, лист 1394.

²⁰ Вторая часть торжества происходила в зале университета, где была произнесена речь профессором К.К. Фойтом и прочитан отчет Г.С. Суровцевым о сооружении памятника. Вечером была устроена яркая иллюминация на университетском дворе у памятника.

²¹ Н. Загоскин. Спутник по Казани. 1895 г. Стр. 588.

²² Г.С. Суровцев. Отчет о сооружении памятника Державину. Ученые записки Изд. Имп. Каз. университет. 1847. Книга III, стр. 132. Журнал Минист. Нар. Просвещ. 1847 г. Часть LV. Отд. VII, , стр. 33. М.Н. Пинегин: «Казань в ея прошлом и настоящем». 1890 г., стр. 391.

Рассматривая данный памятник, как, безусловно, художественное произведение, выполненное в классическом стиле, прежде всего, задаешься вопросом, что принадлежит в нем творчеству Карла Тона, а что надо отнести к скульптору Гальбергу; нам кажется, что Тону можно приписать только самую идею этого произведения, которую он выразил в своем проекте, представленном на конкурсе, и только этим ограничилось участие Тона в создании памятника Державину, разработка же композиции барельефов, а также постановка фигуры есть исключительно творчество Гальберга. <...>

Памятник Державину, находясь на университете дворе, все же был недоступен для осмотра большинству, а приезжие могли даже и не знать о его существовании, эти соображения заставили Казанское губернское земство, в начале 1867 года, хлопотать о переноске памятника на театральную площадь. В своем ходатайстве земство обращало внимание на то, что памятник, будучи со всех сторон окружен стенами и высокими зданиями, мало доступен для публики, при том памятник не может способствовать ни украшению города, ни поддержанию в обществе воспоминания о трудах покойного поэта и получать от местоположения своего значение какого-то частного монумента, почти излишнего²³.

Вследствие этого ходатайства последовало Высочайшее соизволение на приведение в действие просьбы губернского собрания, и памятник в 1870 году был перенесен на новое место – театральную площадь, где находится и в настоящее время²⁴.

Литература

1. *Фойгт К.К.* Речь при открытии в Казани памятника Г.Р. Державину, произнесенная проректором Императорского Казанского университета орд. профессором К. Фойгтом 23 авг. 1847 г. / К.К. Фойгт. – Казань, 1847.
2. *Григорьева И.О.* Фотофиксация процесса восстановления в Казани памятника Г.Р. Державину [Электронный ресурс] / И.О. Григорьева, Е.И. Григорьев // Г.Р. Державин в новом тысячелетии. URL: <http://old.kpfu.ru/fil/kn6/index.php?sod=32>
3. Памятник Г.Р. Державину в Казани // Gokazan. Официальный гид г. Казани [Электронный ресурс]. URL: <http://gokazan.ru/organization/331/>

Подготовка текста: Н.Ю. Хряпкина

²³ Я. Гrot. Жизнь Державина. Изд. Импер. Акад. Наук. 1880. Т. I, стр. 1021.

²⁴ В 1930-х гг. памятник Г.Р. Державину был разрушен и отправлен на переплавку. В 2003 году, в связи с празднованием 260-летнего юбилея со дня рождения поэта, по проекту казанского скульптора М. Гасимова была создана точная копия монумента. Поставлен памятник Г.Р. Державину в Лядском саду г. Казани (пересечение улиц Горького, Гоголя, Щапова и Муштари), где и находится поныне. – Примеч. ред.

Л.К. Ильинский

Музейные памятники о Державине в г. Казани¹ (1916)

Ключевые слова: Г.Р. Державин, Казань, Казанский университет, музей отечествоведения, «уголок Державина», музейные предметы (памятники), русская литература XVIII века.

Г.Р. Державин любил и вспоминал Казань, – место своего рождения, но жизнь и служебная деятельность связывали его с другими местностями. Во второй половине своей жизни он даже и не бывал на родине. Внешняя связь с родиной утратилась. Неудивительно в силу этого, если на его родине мы мало найдем, что бы напоминало, так или иначе, о нем.

Еще в 1862 году Я.К. Грот, путешествовавший по Волге и заезжавший на родину Державина, писал: «Сюда меня влекло гораздо более желанье непосредственного знакомства с местами, нежели надежда отыскать какие-либо новые документы»². Уже в это время не было и следов того расположения построек и их самих, что было при Державине. Слабые предания указывали ему на место в д. Кармачах (Лаиш. у.) [Лаишевского уезда. – Ред.], где стоял дом, в котором родился Г.Р. [Державин]. Лишь в селе Астраханке, в доме А.П. Миллера, он нашел два портрета Державина, да в с. Егорьеве сохранились могилы отца и матери поэта. При посещении Я.К. Грота могилы были хорошо сохранившимися, на камнях можно было явственно прочитать надписи³. Но и этот памятник приходит в ветхость. <...>

Этим исчерпывается все, что мы можем найти в настоящее время на родине Державина. Ни в преданиях, ни в церковных записях с. Егорьева нет ничего, что бы напоминало о Державине.

Я.К. Грот в своих записках о путешествии рассказывает еще о поисках подлинного письма Г.Р. Державина к священнику с. Егорьева о поминовении родителей⁴, но об этом завещании мы скажем несколько ниже.

Город Казань несколько счастливее в отношении предметов, напоминающих Г.Р. Державина. Здесь мы найдем целый ряд вещей, которые могли бы создать любопытный уголок памяти поэта. Но все вещи хранятся в разных местах, и не было до сих пор даже попытки объединить их, хотя в

¹ Ильинский Л.К. Музейные памятники о Державине в г. Казани / Л.К. Ильинский // Вестник образования и воспитания. – 1916. – № 5/6. – С. 439–467.

² Записки Акад. Наук. Т. II, кн. I, стр. 33.

³ Ibid., стр. 38. Также Грот. Жизнь Державина. Т. II. СПБ. 1883 г. Стр. 117.

⁴ Зап. Ак. Н. Т. II, кн. I, стр. 38-40; Жизнь Державина. Т. II, стр. 117.

описании. Только приближающийся год столетия смерти подал эту мысль, и она осуществляется, по крайней мере, по отношению к предметам, принадлежащим Императорскому Казанскому университету, проектируется создать в одном из помещений музея отечествоведения «уголок Державина». Сюда уже в настоящее время, согласно поданной нами записи, Совет университета передал из библиотеки пожертвованные университету: стол, кресло и чернильницу Державина, сюда же, по нашему ходатайству, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете передает и подлинное письмо Державина священнику с. Егорьева о поминовении родителей, сюда же, наконец, поступили переданные нам Н.А. Мурзановым, секретарем Сенатского архива, 19 автографов Державина. Начало, таким образом, положено, и остается надеяться, что впоследствии сюда поступят и другие памятки о Г.Р. Державине, и Казань будет иметь о своем гражданине-поэте воспоминание, соответствующее его славе и имени. <...>

I. Рукописи Г.Р. Державина

Мы уже упоминали о поисках Я.К. Грота *завещания Державина*. Упомянули также, что владельцем этого завещания в настоящее время является Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Обществу «завещание» было передано, как видно из рукописного доклада члена Общества В. Магницкого, в 1886 году священником А.В. Скворцовым, в благочинии которого находилось с. Егорьево. <...>

В настоящее время постановлением Общества археологии от 2 июня 1916 года настоящая рукопись передана в музей отечествоведения при Казанском университете на хранение среди других реликвий Державина.

В библиотеке Императорского Казанского университета хранится рукопись Г.Р. Державина. Она привлекала к себе внимание. Первое известие о ней мы имеем в статье П.А. Артемьева о библиотеке Казанского университета⁵. Но он ограничился только упоминанием и общими местами о рукописи. Подробности о рукописи находим в журнале «Библиографические записки»⁶, где было помещено и первое стихотворение-посвящение. <...>

Рукопись представляет из себя книжку in. 8°, переплетенную в красный сафьянный переплет, с золотым тиснением на сафьяне. На лицевой стороне книжки посередине тиснения лира. С внутренней стороны корочки отделаны муаром. На первой странице писарской рукой, красивым почерком написано:

⁵ Библиотека Имп. Казанского университета. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1851 г. Ч. LXXII, стр. 7-8 (четвертой пагинации). Докум. кат. № 21717.

⁶ Н.П. Автографы Державина. «Библиограф. Зап.» 1859 г. № 11. Стр. 326-329.

«Императорскому Казанскому Университету Автографы Державина приносит в дар Почетный член Университета Константин Бороздин. (Последние слова вписаны самим Бороздиным). С-Петербург. 31 марта 1847 г.»

Бумага, на которой написаны стихотворения, имеет водяные знаки, но в силу сшивки тетради эти знаки трудно установить в их целом виде. По остаткам рисунков и букв можно указать, что рисунок изображает щит (транспарант) с короной наверху, на щите изображение музыкального, или пастушеского рога. Знак этот встречается среди бумаг Державина.

Нумерованных страниц в тетради – I – VII и 1 – 69, эта нумерация в конце книжки закреплена подписью ректора университета. <...>

3. В музее отечествоведения, в уголке Державина, в настоящее время хранятся пожертвованные нынешним летом 19 автографов Г.Р. Державина. Автографы пожертвованы Н.А. Мурзановым, все они из категории официальной переписки поэта периода 1801–1803 гг. Некоторые из них беловые и только подписаны Державиным, другие же – и их большинство (из 19–13) – очевидно, поданные ему для подписи, но здесь уже переработанные и измененные самим Державиным. <...>

По содержанию данные автографы почти все касаются чисто деловых указаний о направлении дела по жалобам и, конечно, мало бы были интересны сами по себе, если бы мы не знали совершенно Державина по его литературным произведениям, а рассматривали бы его только как чиновника. <...>

II. Вещи Державина.

Рукописями, каковые находятся в Казани в незначительном количестве, не ограничиваются музейные богатства. Есть ряд предметов, связанных с именем и памятью о Державине. Большая часть этих предметов хранится в Казанском университете. <...>

В Казанском университете до сих пор хранятся следующие вещи Державина: письменный стол, кресло и чернильница. <...>

В университет эти вещи поступили в 1845 году, как можно судить по письму⁷ душеприказчика Д.А. Державиной К.М. Бороздина, желавшего «сохранить оставшиеся после него (Державина): письменный стол, чернильницу и кресло для воспоминания почитателям его гения» и передавшего их в университет, ибо «нет приличнее места, где бы цель сия лучше могла быть достигнута как Казанский университет». <...>

<...> Только в настоящем году они переданы в музей отечествоведения, где хранителем музея, приват-доцентом Б.П. Денике отведено им особое место. Это «уголок Державина» в Казанском университете. <...>

⁷ Письмо напечатано в «Ж. М. Н. Пр.» 1851 г. Т. LXXII, стр. 6-7, прим. 2. П.А. Артемьева. Библиотека Имп. Казанского университета.

Стол – длиною 2 S, шириной 1 S аршина – сделан из красного дерева, с крышкою, оклееною сверху кожею. Он имеет четыре подставки – тубика с выдвижными ящиками на лицевых сторонах. Всех ящиков в столе 16, все они с бронзовыми ручками изящной работы. С боковых сторон между тубиками сделаны полки для книг. Верхняя доска стола не цельная. Часть ее поднимается и под ней есть раздвижной постамент (складной статив [штатив. – Ред.]), благодаря чему из этой части стола можно сделать конторку, как для занятий сидя, поставив статив наполовину, так и стоя, подняв весь статив. <...>

С такими же удобствами, соединенными и с требованиями некоторой красоты, сделано и *кресло*. <...>

<...> Теперь от него остался только внешний вид удобного для сиденья кресла, обитого синим сукном с накладными из черного бархата узорами, с карманами с наружной стороны ручек, но уже спинка не откидывается, нет и рам за спинкой (одна рама – статив еще существует, но отдельно от кресла), нет выдвижной доски и т.д. <...>

Третий предмет Державинского кабинета, хранящийся в Казанском университете, – *чернильница*. <...> Представляет она из себя деревянный из красного дерева ящик, квадратной формы, с отрезанной по наклону передней частью, где находятся три гнезда. В двух крайних гнездах – стеклянные чернильницы (крышки не сохранились), среднее гнездо – свободно и служило, вероятно, для складывания мелких вещей из письменных принадлежностей. Посредине ящика, на верхней его части, установлен медный статив, к которому прикреплены раздвижные рамки с подсвечниками. Для предохранения глаз имеется железный зонт, выкрашенный снаружи зеленой краской, прикрепленный к рожкам на особом стативе. <...>

Есть памятки о Державине и в городском научно-промышленном музее г. Казани.

Здесь находится портрет Г.Р. Державина. На нем поэт изображен в шубе и меховой шапке. Портрет пожертвован М.П. Модзалевской.

Кроме того, здесь же, в зале № 4 собрания А.Ф. Лихачева в витрине лежат часы Г.Р. Державина (№ 1). Как гласит надпись на билетике в витрине: «Часы Гавриила Романовича Державина. Куплены на аукционе 27 октября 1842 года». Это небольшие, старинной формы в виде луковицы часы. Корпус их черный с золотыми украшениями. Часы – открытые. Небольшой циферблат украшен в середине миниатюрой эмалевой, на которой изображены две женские фигуры. <...>

<...> Часы вместе с цепочкой лежат в специальном футляре-коробке, обделанной кожей снаружи.

В том же помещении, где находится портрет Державина, под портретом на особом постаменте стоит «арфа жены Державина» (по каталогу № 38), переданная в музей женой генерал-майора Скалон.

Арфа небольшая, очень изящная, черная, лакированная, с золотыми рисунками-украшениями. Передний столбик арфы оканчивается золоченым капителем. <...>

Арфа имеет вид довольно потертый, старый, без струн, но с сохранившимися колками и ключами для них. <...>

Этим исчерпываются все те музейные предметы, которые казанцам должны напоминать о Державине. Но думается, что в данном случае Казань может считаться счастливой: в ее музеях хранятся наиболее ценные и близкие предметы, окружавшие поэта при жизни. Остается лишь пожелать, чтобы они были более эффектно выставлены, не были разбросаны, как в городском музее, по разным комнатам, а собраны в одно место, как это сделал университет, в своем музее отечествоведения устроив специально посвященный Державину уголок.

Литература

1. *Карташева Е.И.* Г.Р. Державин в музейном экспозиционном осмыслении: опыт и возможности / Е.И. Карташева // Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). – Казань, 2004. – С. 80–94.
2. *Долгова С.Р.* Имена Державиных в казанском крае (по материалам РГАДА) / С.Р. Долгова // Державин и культура казанского края: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина (г. Лаишево, 26–28 июня 2008 г.) – Казань, 2008. – С. 101–104.
3. *Тимофеев А.П.* Страницы истории: Гавриил Романович Державин и Лаишевский край / А.П. Тимофеев // Державин и культура казанского края: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина (г. Лаишево, 26–28 июня 2008 г.) – Казань, 2008. – С. 7–22.
4. *Амерханова Э.И.* Род Державиных в Казанском крае / Э.И. Амерханова // Г.Р. Державин и диалектика культуры: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 162–166.
5. *Сапченко Л.А.* Материалы к державинскому завещанию / Л.А. Сапченко // Г.Р. Державин и диалектика культуры: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 171–175.

Подготовка текста: Н.Ю. Хряпкина

А.П. Машкин

Эстетическая теория Баттё и лирика Державина¹ (1916)

Ключевые слова: русская литература XVIII века, поэзия Г.Р. Державина, эстетика Ш. Баттё.

<...>

<...> С 1779 года поэзия Державина перерождается <...>

<...> Новое направление, «этот особый путь» лирики Державина идет под руководством эстетической теории Баттё, требовавшей <...> простоты и естественности, удовольствия и поучения. Баттё придал душу поэзии Державина и, отчасти, указал «правила», слишком отличные от тех, которые ранее поэт почерпал у Тредьяковского² и Ломоносова. <...>

<...>

Державин с 1779 года останавливается на излюбленной литературной форме произведений – оде<...>

Державин <...> материал для своих од брал из области жизни-природы, из области взглядов своих собственных на общество, на вселенную, причем он имел в виду всегда русскую жизнь, русское общество, свои взгляды <...> Он, Державин, в своих одах, на фоне русской жизни, воспевал в живых образах русских царей, отечественных героев и великих деятелей на пользу родине в разных сферах общественно-политической жизни. Он, Державин, в ярких образах, воспевал добродетель, воспевал те святые истины, руководствуясь которыми должно было русское общество в своей жизни. Притом почти все его песни-оды отличаются художественным языком, музыкальностью; в них слышится та поэзия стиха, которую отмечали в них Жуковский и Карамзин, Пушкин и Гоголь.

<...> Баттё, действительно, повлиял на <...> поэта. Но нельзя, конечно, утверждать, ... что перерождение происходило только под влиянием новой эстетической теории французского профессора. Большую роль сыграли и советы его друзей и, прежде всего, врожденный дар поэта <...> Появилось музыкальное, художественное описание совершеннейших эпизодов из русской жизни, появились картиннейшие характеристики теперь уже исторических личностей, появились восторженные прославления «Бога» и благороднейшие

¹ Машкин А.П. Эстетическая теория Баттё и лирика Державина / А.П. Машкин // Вестник образования и воспитания. – 1916. – № 5/6. – С. 382–401.

² Речь идет о поэте В.К. Тредиаковском.

излияния великого сердца Великого поэта. Наконец, появилась и цель поэзии – в живых образах ставить перед обществом идеалы добра и правды.

<...>

<...> Державин не только восхвалял «добродетель строгу» и прославлял лиц, отличающихся ею, но и требовал от людей выполнения определенных нравственных законов, особенно от тех, кому ходом исторических событий вручена была власть над государством и над отдельными сферами общественно-политической жизни. <...>

<...> Лирика Державина не только наставляла и прославляла, а также и карала не выполнявших, с точки зрения поэта, <...> основных принципов этики государственного деятеля. Достаточно припомнить «Фелицу», «Вельможу», «Видение Мурзы» <...> Этическая точка зрения Державина <...> не требует от человека полного отречения от себя для других, не требует отречения от земных удовольствий и наслаждений. Она ставит лишь определенный предел им <...>

<...>

<...> Поучение является одним из существенных элементов поэзии Державина, которая <...> отображала торжество вечных законов правды над преходящими житейскими удовольствиями. Это торжество отливалось в конкретные формы, наполненные русской жизнью, русским духом; в них отливалась соответствующая эпоха нашей исторической жизни, с ее героями, с ее нравами, бытом, природой, и отливалась ярко и правдиво. <...>

<...>

<...> Его оды очень рельефно рисовали перед читателем прекраснейшие картины, <...> образы, <...> подражали природе.

Орудие подражания – стих и слова, тон и ритм делали эту натуру-жизнь духа и сердца изящной. Здесь творил Гений поэта, его вдохновение. <...>

<...> Процесс <...> творчества указывает, как много внимания уделял он [Державин] отделке своего стиха: он неоднократно перерабатывал уже созданное произведение, советовался со своими друзьями, лишь после тщательной отделки отдавал в печать. В результате та музыкальность «мерной речи», то подражание в языке изящной природе, которым лирика Державина особенно отличается от стихотворений его предшественников и современников. <...>

<...>

Подготовка текста: Е.А. Аликова

Н.Н. Сретенский

Религиозно-философский элемент в поэзии Державина¹ (1916)

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Г.Р. Державин, переводы и переложения псалмов, оды-псалмы.

<...>

<...> Высокая оценка Державиным библейской и святоотеческой поэзии отразилась и на личном творчестве одописца, определила темы многих из его стихотворений. В самом деле, неоднократно возвращаясь в лирических произведениях к указанию мотивов своей Музы, Державин, наряду с «воспеванием Фелицы», неукоснительно отмечает и религиозную струю своей лирики <...>

<...>

Переводы и переложения псалмов Давида у Державина многочисленны. Так, в ближайшем соответствии библейскому тексту переданы псалмы: 1, 18, 36, 55, 71, 74, 81, 83, 90, 100, 102, 132, 146, 147, 150 и др. Драгоценной чертой большинства из этих переложений является прозрачная ясность державинского языка. На редкость прост здесь словарь поэта и строй его фразы. Вместе с тем неподдельной искренностью и величием дышат эти гимны-псалмы. Таковы особенно: «Величество Божие» (пс. 103), «Властителям и судиям» (пс. 81), «Покаяние» (пс. 150).

<...>

Личные заявления Державина и показания современников свидетельствуют, что <...> оды-псалмы создавались поэтом в процессе применения тем Псалтири к тем или иным его переживаниям и житейским впечатлениям. <...> За некоторой наивностью, подчас курьезностью житейских поводов к написанию Державиным религиозных од скрывается то существенно важное обстоятельство, что религиозные оды поэта не были сухим и отвлеченным упражнением в риторике, а тесно срастались с живым мироощущением одописца, близко знакомого со Священным Писанием.

¹ Сретенский Н.Н. Религиозно-философский элемент в поэзии Державина / Н.Н. Сретенский // Вестник образования и воспитания. – 1916. – № 5/6. – С. 356–367.

Широкая начитанность в священных книгах влекла Державина и к следующей ступени более оригинальных стихов на религиозные темы: таковы большое по размерам лиро-эпическое произведение «Целение Саула» и ода «Христос». «Целение Саула» представляет из себя попытку драматизировать и углубить, на основе сжатого библейского рассказа, историю чудесного пения Давида перед мятущимся Саулом. При наличии отдельных удачных строф это стихотворение до крайности растянуто и не оставляет сильного впечатления. Напротив, сжатостью, стремительностью и заражающим пафосом речи отмечена ода «Христос». Обилием характеризующих определений, сравнений и противопоставлений эта ода весьма напоминает шедевр державинского творчества – оду «Бог», но, в отличие от общефилософских рассуждений последней, большая часть оды «Христос» заключает в себе сжатое изложение или упоминание наиболее ярких евангельских эпизодов. Только к концу оды поэт доходит до дидактической мысли о значении Искупления и о существе второго Лица Пресвятой Троицы <...>

<...>

Говоря об оде «Христос», нельзя обойти молчанием колossalной осведомленности поэта в словах ветхого и нового заветов, имеющих отношение к образу и жизни Спасителя. <...>

<...>

Религиозные думы Державина имеют исходным пунктом созерцание противоречивых сторон человеческой жизни и мысли. Весьма ярко обнаруживает это ода «Успокоенное неверие», один из ранних стихотворных опытов Державина (1771 г.). <...>

<...>

«Бессмертие» души было для Державина той осью религиозного сознания, на которой зиждется вся метафизика веры. Дополняя сжато выраженные мысли оды «Бог» в менее известной, но превосходной по стилю и богатой содержанием оде «Бессмертие души» (1796 г.), Державин до конца доводит психологическое или «антропологическое» обоснование убеждению в бессмертии души <...>

<...>

<...> Склад личности Державина, весь бытовой уклад его «вельможного» существования, наконец, струя идейного влияния античности – и, прежде всего, горацианство <...> – все это направляло жизнь поэта в русло скромных повседневных дел христианской любви и милосердия с отдыхом среди семьи, природы и Муз. <...>

<...>

Бессмертная слава <...> поэта создана прежде всего Музами. И только отдельные листья в венец поэтической славы Державина вплетены философией, философией религиозной. Источник этой философии – живой религиозный опыт поэта, вынесенный из общения со словом священной поэзии. Когда в связи с биографией Державина просматриваем его оды-псалмы, припоминается величавая фигура патриарха нашей словесности – Владимира Мономаха, который в «печалих своих» искал утешения в Псалтири и оттуда же заимствовал свои мысли о красоте, величии Божьего мира и человеческой души. Но в дополнение к простой вере Мономаха в Державине жила философская потребность XVIII века «обосновывать» и доказывать религиозные догмы. Поэтическое воодушевление и талант Державина помогли ему выйти победителем из нелегкой задачи совмещения искреннего чувства с рассудочным дидактизмом: в этом редкая ценность од «Бог» и «Бессмертие души». <...>

Литература

1. Воронова Л.Я. Г.Р. Державин в казанском литературоведении и критике конца XIX – начала XX вв. / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Лаишево, 13–15 июля 2010 г.). – Казань, 2010. – С.101–104.

Подготовка текста: Е.А. Аликова

Н.Н. Фирсов

Г.Р. Державин как выразитель настроения российского дворянства в Екатерининскую эпоху¹ (1916)

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Г.Р. Державин, второй крупный русский стихотворец; стремление к правде.

Гавриил Романович Державин – оригинальная и, сверх того, типическая фигура. <...> редко встречаются такие люди <...>, в которых логическое противоречие, заключающееся в указанных понятиях, осуществилось бы с такою необыкновенной резкостью.

<...>

<...> [Державин. – Ред.] большинству имевших с ним какое-либо дело не нравился ни вначале, ни потом <...>

<...> много нетерпеливости и угловатой резкости, переходившей иногда в прямую грубость <...>, веселость <...> сопровождалась желчной насмешливостью <...> [В судьбе писателя характерны] очень несчастливо сложившиеся условия первоначальной жизненной борьбы за карьеру и счастье.

<...>

Могучая воля, закаленная в трудностях первоначальной карьеры, была опорой Державину и в дальнейшем. <...> умное, не злое, но брезгливое и немного жесткое выражение его лица с резкими и не совсем правильными чертами, быстрые, решительные, но не отличавшиеся ни изяществом, ни пластичностью движения <...>.

<...>

<...> Екатерина II <..> как крупная умственная и волевая величина стоит во главе тогдашнего боевого фронта России <...>.

<...> [Ее эпоха] – едва ли не самая славолюбивая эпоха в русской истории. <...> [Парадокс времени был в том, что, хотя дворянство воодушевленно воспевало, сама] императрица <...> не могла любить дворянства, как сословие, в желаниях и стремлениях которого заключалась сдержанка ее личным желаниям и стремлениям. [При этом, тем не менее,] <...> дворянские интересы в значительной мере были ее собственными интересами. <...> [Екатерина] – <...>

¹ Фирсов Н.Н. Г.Р. Державин как выразитель настроения российского дворянства в Екатерининскую эпоху: Речь, составленная к столетнему юбилею Державина со дня его смерти и с сокращением произнесенная 19 февр. 1917 г. в Казанском университете при открытии архивной комиссии (1916) // Г.Р. Державин как выразитель настроения российского дворянства в Екатерининскую эпоху: Отд.оттиск из Известий Сев.-Вост. Археол. и Этногр. ин-та. – Казань, 1919. – С. 1 (106) – 27 (132).

личность, проявившая себя необыкновенно разносторонне, интересовавшаяся положительно всем, заботившаяся о всякой славе <...> – и о славе гуманной, любящей мысль и литературу, монархии <...> души были ободрены [и это лучше всего ощутили люди,] так или иначе прикосновенные к человеческому слову <...>

<...>

<...> [Державин] – второй после универсального Ломоносова крупный русский стихотворец XVIII столетия <...>

<...>

<...> искусная императрица соединяла, говоря словами <...> эпиграфа из Тацита, «вещи несовместимые» – «владычество и свободу» <...>

<...> «милостивая» манера правления <...> казалась единственным выходом из состояния привычного угнетения духа <...>

<...>

<...> безмерное тщеславие <...> было, несомненно, той внутренней, незаметной поверхностному взгляду пружиной, которая приводила в движение ее гибкую изворотливую мысль и направляла ее крепкую волю <...>

<...>

<...> Екатерина и Потемкин особенно тесно связаны друг с другом, как выдающиеся исторические личности, из коих одна поняла как стойкую душу другой, так и могучую психологию самого народа, – эти две опоры невероятно смелого замысла, неизбежно вызывающего грозный образ древнего Рима.

<...>

<...> [Потемкин как национальный идеал воплощал] ум, <...> загоравшийся в мечтах <...>

<...>

[Складывается типическая мораль:] <...> идущий против дворян, идет против Отечества <...>

<...>

<...> [Характерно для настроения дворянства того времени] праздничное чувство и ликование [от высшей степени социальной обеспеченности, дворянская жизнь текла] <...> широким и глубоким руслом, переполняясь и искрясь всеми радостями бытия <...>

<...> [Не случайно, важнейшее в лирике Державина – поклонение] <...> самому изящному и игривому, но и самому неотступно жестокому классическому богу – Эросу <...> [это – та] <...> пряная и нежная приправа, [без которой] героические впечатления эпохи тускнеют и кажутся варварскими <...>

<...>

<...> [В век Державина] <...> весьма ценили все, к чему обыкновенно стремится человек, что дает ему напряженную деятельность, – то есть славу и богатство. [Идеал при этом –] <...> здраво и покойно жить <...>

<...>

<...> [Однако все укрепляется в Державине понимание того, что] <...> одних побед мало для благоденствия и счаствия России. [Потому и пишет он,] <...> с болью в сердце отмечая несовершенства и прямые изъяны внутренней жизни своего отечества <...> Стремление Державина к правде и в жизни, и в литературе всегда его отличало.

<...>

<...> [К правде поэт] <...> стремился неудержимо, иногда резко и назойливо для высших <...> [В итоге он вредил такой] <...> своеобычностью <...> карьере <...>

<...> [Проявляется державинский дар видеть двойственность жизни и в отношении к Екатерине. С одной стороны, –] <...> отношение искреннее, الشедшее из глубины благодарного сердца через возбужденную и окрыленную поэтическую фантазию на бумагу <...>

<...> [А с другой стороны – осознание того, что правительница] <...> мастерски играла свою роль и знала, как людям пыль в глаза пустить <...>

<...>

<...> [Для творчества Державина глубоко характерен высший гуманизм, как в его строках]:

Брось, мудрец, на гроб мой камень,

Если ты не человек... <...>

Литература

1. Пашкуров А.Н. Феномен «Державин – Россия» в интерпретации Н.Н. Фирсова (1864–1934) (К вопросу о методологии казанской академической историко-филологической школы) / А.Н. Пашкуров // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 96–99.

2. [Материалы о Державине]: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=890>

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

Каменев Гавриил Петрович

Е.А. Бобров

К биографии Гавриила Петровича Каменева¹ (1905)

Ключевые слова: *русская литература XVIII века, Г.П. Каменев, Казань, сентиментализм, предромантизм.*

Имя Г.П. Каменева, одного из замечательнейших деятелей русской литературы XVIII столетия, до сих пор не пользуется той известностью, какой оно заслуживало бы. Это объясняется, преимущественно, тем, что поныне не установлена и не приведена еще в известность история сентиментального направления в русской литературе. Особенно же неуместно такое забвение имени Г.П. Каменева со стороны его земляков, казанцев. Один из самых видных казанских купцов, сын городского головы, и сам занимавший высокие должности по городской администрации, Гавриил Петрович, – что еще важнее, чуть ли не первый из провинциальных литераторов сумел добиться всероссийского значения: он стал предшественником великих русских поэтов, Жуковского и Пушкина. Благодаря Державину и Каменеву, Казань играет роль в истории русской литературы XVIII в., и именами их казанцы должны гордиться. <...>

Детство Гавриила Петровича, как и вся его жизнь (исключая три поездки в Москву и Петербург), протекло в Казани. Г.П. Каменев получил воспитание барское, дворянское, а не купеческое. Он не любил торговли, хотя имел чин советника. Подобно другому русскому поэту – Г.Р. Державину, Каменев учился у немца, у некоего *Вюльфинга*, вместе со своей женой содержавшего лучший в то время в Казани частный учебный пансион для «благородных» детей обоего пола, где Каменев учился вместе с дворянскими детьми.

На счет этого учения у немца мы склонны отнести слабость Каменева в русской орфографии, очень резко бросающуюся в глаза при чтении его рукописей. Но ученье у немца, кажется, и захотило молодого купеческого сына к изучению немецкой словесности, и пробудило охоту к литературным занятиям вообще. <...>

Молодые годы нашего поэта представляют сочетание следующих фактов: пламенная, огневая натура с большой долей чувственности, отсутствие

¹ Бобров Е.А. К биографии Гавриила Петровича Каменева / Е.А. Бобров. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1905. – 109 с.

строгого надзора (родители оба в могиле, обе сестры замужем), большие средства – даже богатство, и дурная компания: чего же надо бно еще для того, чтобы толкнуть юношу на путь разгула и разврата? Сочетание фактов – самое неблагоприятное. И юный поэт не удержался на наклонной плоскости. <...>

Пил и развратничал Г.П. Каменев по обычаю всех купеческих сынов, а особенно попавших в компанию дворянчиков, и от компании не отставал. <...>

Род Каменевых возвысился благодаря Петру Григорьевичу, и такая напряженная деятельность, постоянная забота и непрекращающееся утомление дали плод довольно скоро, но зато и свели в могилу Петра Григорьевича уже 36-ти лет. Если отец и передал своему сыну-поэту что-либо из своей физической организации, то это не слабость здоровья вообще, а некоторую нервную расшатанность, которая, являясь в дальнейшем потомстве признаком дегенерации, не мешает проявлению сильных талантов (каким и обладал Гавриил Петрович), но зато вносит в баланс психики «неуравновешенность». Неуравновешенность есть уже преддверие психического расстройства и выражается, прежде всего, в органической наклонности к меланхолии и ипохондрии. Эти черты довольно резко сказываются у нашего поэта. Меланхолию, пока человек еще сохраняет ясное понимание своего положения и пока он имеет силы бороться, пытаются *развеять*: это же делал и Г.П. Каменев в своей молодости. Но алкоголь, составляющий один из употребительнейших средств-ядов для рассеяния тяжелого душевного настроения, оказывается специфически губительным именно для неврастеников и обессиливает, угнетает их еще больше. <...> При этом здоровье слабо и разрушалось, а меланхолия, спутница душевного вырождения и неуравновешенности, надвигалась на поэта все ближе и грознее... И мы видим на портрете в лице поэта какой-то нервный трепет, какое-то затаенное горе, готовое, так и кажется, сейчас же разразиться истерическим припадком, слезами...

Под конец жизни Г.П. Каменев, по-видимому, совершил бросил пить и кутить. Причины того, почему он не сделался совершенным алкоголиком и заправским кутилой, были различные: разрушение здоровья и общее расслабление организма, перемена компании (знакомство с некоторыми замечательными людьми), усиление литературных интересов и занятий, любовь... <...>

<...> Поэт вступил в брак, значительно поизносившись и порасшатав свой организм кутежами и развратом. Сам он в письмах сообщает об «угасающем своем мужестве» (еще не доживши до 30 лет) и сам называет себя <...> «гнилым лыком». Во время брачного состояния здоровье поэта окончательно разрушилось: «исхудалый физически и разбитый морально», он умер уже на 33-м году. Все это должно было способствовать постепенному охлаждению к нему его супруги. Кому приятно возиться с больным, угрюмым мужем-меланхоликом? – особенно, может ли это быть по сердцу молодой женщине

веселого характера, вышедшей замуж, чтобы жить в довольстве и радости, пользуясь богатыми средствами мужа? Приняв все это в соображение, мы увидим, сколько подводных камней с самого начала угрожало семейному счастью Гавриила Петровича.

Брак его действительно оказался чрезвычайно несчастным и послужил одной из причин ранней и преждевременной кончины даровитого поэта, столь много обещавшего отечественной литературе и родному городу. <...>

Нет надобности характеризовать нравственный уклад русского «образованного» общества в последние годы XVIII в., когда вся фривольная зараза, достигшая своего апогея в дореволюционной Франции, была целиком перенесена и к нам – и эмигрантами, и доморощенными «вольтерьянцами». «Бригадир» Фонвизина дает нам некоторое понятие об этой эпохе. «Амуры» составляли главную душевную пищу тогдашней интеллигенции от мала до велика. Марья Александровна², по-видимому, не отставала от века. Увлечения ее, надо думать, заходили за пределы дозволенного даже в то время. <...> Одним словом, брак не только не принес поэту счастья, но явился последним, грозным для него ударом. Жена поэта сделала все, что могла, чтобы отравить последние годы жизни Гавриила Петровича.

Но «вольное поведение» жены само по себе еще было не единственным кубком яду. <...> Собственное внутреннее страдание и отсутствие поддержки – как в дворянском кругу, так и в купеческом! <...> Как обманутый и *тоскующий* муж, он был смешон дворянам; как муж *слабый* и не укрощающий вольной своей жены, поэт – и купцам, своим родичам, мог казаться опять-таки только смешным... <...>

Жена отравляла нравственный покой поэта. Но и телесное его здоровье разрушалось очень быстро. Отчасти отплачивались и жестоко – грехи молодости. Отчасти на теле сказывались волнения и огорчения душевые. К 30 годам «болезнь уже почти совершенно его разрушила». Но кроме действительной жестокой болезни, страдания поэта усугублялись еще природной меланхолией и верной спутницей последней – страшной ипохондрией, болезненной мнительностью, доходившей до смешного. Особенно усилились мучения поэта в 1800 г.; письма его пестрят жалобами. <...>

Угнетаемый природной меланхолией, последствиями разгула, несчастной любовью, неудачной женитьбой и разладом с окружающей средой, поэт изнемогал нравственно и разрушался физически. Но не было ли у него и каких-либо радостей в жизни, не было ли источников, откуда он мог почерпать подкрепление и ободрение? Таких источников у Г.П. Каменева было два: литература и дружба, шедшие у него рука об руку. <...>

² М.А. Подладчикова, жена Г.П. Каменева. – Примеч. ред.

Среди литературных знакомых и друзей важнейшее значение в жизни Каменева возымел один необычный человек, Савва Андреевич Москотильников.

Имя Москотильникова незабвенно в летописях культурной истории Поволжья, особенно Казани. В течение почти 60 лет Москотильников стоял в передних рядах казанской интеллигенции, пользуясь глубочайшим уважением всех, кому случалось с ним сталкиваться. Поприща его деятельности были многочисленны и разнообразны, но всегда и везде он оставался возвышенным характером, направлявшим все усилия на преуспеяние дела справедливости и просвещения. <...>

Встреча с Москотильниковым произошла в фатальный момент жизни Каменева, на переломе его жизни. <...>

Москотильников легко подчинил своему влиянию мягкого, страждущего и юного Каменева. Это влияние было для него безусловно благотворным, что сознавал сам Каменев, постоянно относившийся к своему другу с заметным уважением и как бы к старшему брату. <...>

Рука Москотильникова поддерживала злосчастного юношу среди ада его семейной жизни, среди разнообразных нравственных и физических мучений, преследовавших его; Москотильников научил Каменева находить себе утешение в области искусства слова. Москотильников же сделал для Каменева и еще большее: он ознакомил его с серьезным взглядом на жизнь, с тем взглядом, какой разделял он сам со старшими поколениями московских масонов, учеников Шварца. <...>

Несомненно, что наш бедный юноша-поэт, попав в атмосферу москотильниковского кружка, вздохнул свободнее. Кружок отвлекал его от меланхолии, от семейной драмы, от службы, от скучных коммерческих дел. Здесь он мог чувствовать себя свободно, мог давать волю своему природному добродушному юмору. <...>

Подъем душевного настроения сразу сказывается в увеличении литературной производительности Каменева. <...>

<...> Предшествующему периоду русской литературы, псевдоклассицизму, Каменев остался совершенно чуждым и непричастным. Он не начал, как это обыкновенно бывает, с подражания отечественным классикам. Сидя у себя в Казани, вне живого общения со столичными литературными кружками, Каменев вошел в русскую литературу как бы извне, со стороны, и литературное новаторство – введение сентиментализма в русскую литературу – принадлежало ему, не как подражателю Карамзина или Радищева, первых русских сентименталистов, но наравне с ними. Он – не рядовой боец в дружине Карамзина, а самостоятельный поборник того же дела, предпринятого им независимо от других нововводителей. Поэтому и при личном знакомстве с

Карамзиным Каменев был принят им не как ученик и поклонник, а как самобытный и самостоятельный литератор сочувственного лагеря. <...>

Карамзин не был учителем для Каменева даже со стороны языка: он и сам был в то время еще только начинающим журналистом <...>. Реформа языка лишь начиналась, но далеко не утвердилась, если вспомним, какие ожесточенные битвы из-за «стилей» давались еще в XIX в.; с другой стороны, именно Каменев обладал замечательным стилистическим дарованием и выработал себе изящный литературный язык, который поражает своей простотой и легкостью, особенно в его письмах. <...> Каменев с сочувствием и радостью следил за успехами автора «Бедной Лизы», но не мог стать его подражателем и последователем потому, что уже сделался сентименталистом раньше, независимо от Карамзина, почерпнув это направление *непосредственно* из немецкой литературы, из первоисточника, откуда щедрой рукой черпал сам «Русский путешественник».

Заметим еще, что сентиментализм у Карамзина был скоропреходящим и поверхностным налетом на его довольно-таки прозаической и позитивной натуре. Пожав лавры на литературном поприще, Карамзин сбрасывает «чувствительность» и обращается к «сочинению» русской истории. У Каменева заимствованный им у немцев сентиментализм вполне соответствовал его мягкой натуре и являлся у него не маской, а искренним и естественным духом его произведений. <...>

<...> В общем Каменев был довольно трезвый и реалистический наблюдатель действительности. Любопытно его постоянное стремление избирать местом действия своих рассказов и стихотворений близко знакомые и родные места – окрестности Казани, берега Казанки, *Кизический монастырь*, *Козью слободку* и т.д. <...>

В трафаретных наших историях русской литературы доселе господствует примитивное понимание дела: сентиментализм введен де Карамзиным, романтизм – Жуковским.

Между тем, знакомясь с забытыми произведениями Каменева, мы находим в них все существенные черты романтизма именно в том своеобразном его преломлении, которое было представляемо в русской литературе Жуковским, с тем важным отличием, что Каменев высказал все это лет на 15 раньше Жуковского. <...>

Каменев, начавший вырабатывать себе литературный язык несколькими годами раньше Жуковского, употребляет мало славянских форм и речений, а по направлению совершенно чужд ложного классицизма. Начал он прямо с сентиментализма и в течение своей недолговечной литературной карьеры (около 8 лет) испытал перелом в направлении: умер он романтиком. <...>

Возрождение средневекового романтизма начало совершаться в Германии за последнее десятилетие XVIII в. Из немецкой литературы почерпал его

Жуковский, впоследствии сам рекомендовавший себя как поэтического дядьку этого направления в России. Он забыл прибавить, что за это направление он взялся чуть не через полтора десятка лет по смерти Каменева, который был пестуном романтизма на Руси – в то время, когда Жуковский ходил в Москве еще в ученической пансионской куртке. <...>

Каменев не мог не примкнуть, он должен был примкнуть к романтизму, который как нельзя более соответствовал его собственному мрачному, даже отчаянному настроению духа.

Романтическая поэзия давала обильную пищу для этой сумрачности, все более овладевавшей Каменевым.

«Громвал»³ есть первая русская баллада. <...> Каменев первый попытался создать русскую национальную балладу. Здесь фигурирует русский богатырь, отыскивающий свою невесту, похищенную волшебником Зломаром. При помощи волшебницы Добрады Громвал добывает красавицу, подвергшуюся чарам и заключенную в чужой телесный облик. Фигурируют в балладе в качестве противников Громвала и местные *казанские* драконы – Зиланты.

Баллада изложена чудным стихом и представляет собой высокопоэтическое произведение. <...>

Нет никакого сомнения, что Каменев, если бы его жизнь приняла более благоприятный оборот и если бы его не постигла преждевременная смерть, сделался бы замечательным писателем: он предвосхитил бы значение Жуковского и, конечно, сыграл бы видную роль в реформе русского стиха и литературного языка вообще. Язык его чист и прост, стих чрезвычайно легок и изящен; размеры разнообразны, постройка строф оригинальная.

Литературные связи Каменева окрепли в последние годы его жизни благодаря личному знакомству с большинством виднейших тогдашних литераторов, с которыми он познакомился во время своих поездок в Москву и Петербург. <...>

Каменев искал в столицах рассеяния. Но скоро поэта перестали развлекать шум столичной жизни, новые интересные знакомства, быстрый рост его литературной известности... Не было отрады и в столицах; еще печальнее было дома, в Казани. <...>

Литература и дружба служили для Каменева источниками утешения и ободрения. Но скоро начал он сторониться и друзей, стал искать уединения... <...>

<...> Угрюмое настроение, питаемое отчасти собственными впечатлениями личной жизни поэта, отчасти его новыми литературными вкусами – романтизмом, сильнее и сильнее овладевало бедным Каменевым.

³ «Громвал» (1803) – баллада Г.П. Каменева. – Примеч. ред.

Соответственно его мрачной душе, и внешний мир, природа принимает в его глазах тот же мрачный колорит. <...>

Любимым местом действия в романтических пьесах и в повестях было *кладбище*. <...> Каменев с особенной охотой обращается к кладбищам и посвящает им несколько оригинальных стихотворений. Но не только в поэзии, но и в жизни направлялся он к кладбищу. Действительно, в последний год своей жизни (1803-й) он с особенной любовью проводит время в сосновой роще, заключающей в себе кладбище при Кизическом монастыре под Казанью. <...>

Меланхолия Г.П. Каменева, в конце концов, надо думать, перешла в полную душевную болезнь, окончательно подорвавшую его истощенный организм и приведшую его к скорой смерти. <...>

Блуждая постоянно по кладбищу и беспрерывно предаваясь своему отчаянию, Каменев дожил до галлюцинаций: перед ним стали въявь происходить те чудеса, о которых он когда-то только читал в романтических повестях и рассказах, перед ним стали разверзаться могилы и являться загробные призраки, предвещающие близкую смерть. <...>

26 июля 1803 г. Каменев скончался на 32-м году от рождения, «исхудалый физически и разбитый морально». <...>

Литературная судьба сочинений Г.П. Каменева была плачевная. И сам поэт, и его труды, и их значение для своей эпохи черезсур скоро подверглись полному забвению. <...>

Литература

1. Валеев Э.Н. «Судьбою прерванный полет...»: Г.П. Каменев в русской литературе рубежа XVIII – XIX веков / Э.Н. Валеев – Казань: Наследие, 2001. – 136 с.
2. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров как краевед / А.Н. Ерофеева // Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казан. ун-та. – Казань, 2003. – С. 87–89.

Подготовка текста: Р.А. Бакиров

Карамзин Николай Михайлович

Н.Н. Булич

Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности¹ (1866)

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, история русской литературы XVIII века, юбилейная речь.*

Праздник настоящего дня в честь великого русского писателя, вызвавший такое теплое и сердечное участие всех присутствующих здесь, – принадлежит всей России и, дай Бог, чтоб сознательный и нравственный смысл его вошел в историю отечества. <...> Русь не бедна людьми, делающими честь ей, но Карамзин первый писатель её, удостоившийся публичного, торжественного поминания через сто лет в день его рождения. <...>

Это не похвальная речь: Карамзин не нуждается ни в чьих похвалах; это не обстоятельный разбор его литературных и научных заслуг. <...> Поминая близость человека – Карамзина к благородной почве, его вскормившей, я бы желал представить здесь нашего соуроженца таким, каков был он в то время, когда билось и волновалось его сердце. Образ Карамзина невольно влечет к себе душу по той удивительной гармонии, какую представляет он как человек и писатель. Его сердце и ум, таланты и жизнь никогда не расходились между собою, и достоинство писателя сливалось в нем с достоинством гражданина. <...>

Детство и первые впечатления в симбирской деревне. Учение и воспитание в Москве (1766–1782).

<...> Невозмутимый покой деревенской жизни <...>, со всеми ее прежними дурными и хорошими условиями окружал ребенка Карамзина. Первые детские воспоминания его относятся к тем людям, которые окружали его детство. <...>

<...>

Вместе с этими понятиями старого дворянина, понятиями о чести и достоинстве, которым оставался верен всю жизнь Карамзин, вместе с

¹ Булич Н.Н. Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности: Читано на родине Карамзина, в Симбирске, на юбилейных вечерах в память первой столетней годовщины дня его рождения, 1 и 2 дек. 1866 г. / Н.Н. Булич. – Казань: Унив. тип., 1866. – 113 с.

первоначальным чтением, которое необходимо должно было оказать на него влияние и породить в нем мечтательность, всегда его отличавшую, на молодой душе ребенка-Карамзина сказалось и влияние природы. Сочинения Карамзина изобилуют, если не живыми и своеобразными описаниями картин природы, то словами о любви к ней и о влиянии ее на душу и сердце. Современный мир был полон тоскою о природе. Утомленных умственной борьбой людей XVIII столетия она манила в свои свежие объятия. После века симметрии и классических форм, этикета и придворных условий, тягостно ложившихся на жизнь, наступило желание естественности и свободы. Пророческий голос Ж.-Ж. Руссо, скептика по отношению ко всей прежней цивилизации, раздался призывом к Европе. <...> Карамзин, выросший в умственном движении последних годов XVIII столетия, первый заговорил у нас о природе или, как говорили тогда, *о Nature*, и в его сочинениях мы найдем много мыслей, высказанных по поводу влияния природы на человека. Это был новый элемент, внесенный им в нашу литературу, невозможный прежде. <...>

<...>

Волга и ее образы окружала детство Карамзина; он вырос на ее берегах, он читал первые книги на ее горах и засыпал под шум ее волн. Эти образы детства на Волге навсегда остались в его сердце. <...>

<...>

Чувствительность, наследственное ли свойство его матери или своеобычна черта его характера, развитая потом чтением и образованием, и мечтательность, как следствие раннего чтения современных романов, отличали его от сверстников и придавали ему оригинальность. «Я был еще ребенок и умел уже чувствовать, как большой человек, и страдал, видя страдания близких». Это страдание близких, в образе голодного года, незадолго до Пугачевского бунта, составляет одно из грустных воспоминаний Карамзина <...>.

<...>

<...> Когда Карамзину настало время учиться, в ту пору, за исключением чуждой русской жизни Академии наук в Петербурге, науки не было в России, и один только Московский университет, основанный за десять лет до рождения Карамзина, этот единственный в России университет, который может гордиться своими преданиями, знакомил наших предков с наукой и удовлетворял неизбежной потребности знания, <...> воспитывая людей для деятельности общественной. <...> Если значение Карамзина в истории нашего духовного развития заключается в том, что он первый из наших писателей, не довольствуясь внешним подражанием европейским литературным формам, по образованию своему, мог усвоить дух и мысль Европы, то этим образованием своим он обязан был Московскому университету, хотя и непосредственно ему, а существовавшему при нем пансиону профессора Шадена, немца, в числе

многих других его соотечественников переселившегося в Москву из своей ученой родины для образования молодых русских поколений. <...>

<...>

В пансионе немецкого профессора, заведенном и устроенном на немецкий лад, со строгой аккуратностью и с глубоким уважением к учению, прошли первые молодые годы Карамзина до шестнадцати или семнадцатилетнего возраста. Здесь надобно искать начала его литературных симпатий и антипатий, которым он остался верен всю жизнь свою; здесь посеяно было то, что потом созрело и здесь же, под влиянием строгого учения и лучшей современной педагогической теории, Карамзин обогатился сведениями, которые потом сделали ему доступной умственную жизнь Европы и познакомили его очень рано с именами представителей ее духовной деятельности <...>.

<...>

<...> В речах своих Шаден говорил о Боге, о любви к нему, о могуществе веры, которой должен подчиниться разум, о непреложных законах, правящих миром и не допускающих слепого случая, о монархии, как лучшем образе правления, единственно возможном в России, где идеи государя и отечества должны быть нераздельны, и в особенности о воспитании, которое должно быть непременно согласовано с государственными потребностями. Говоря о науке, Шаден нападает на одностороннее развитие ума; он желает участия в приобретении знания сердца и чувства, желает больше воспитания нравственного, чем холодных сведений и, эту живую сторону требует от воспитательных учреждений. <...> Заметить надобно, что Шаден желал воспитания такого, которое бы имело близкую связь с обществом, не чуждалось его, а служило ему. <...>

Петербург. Первый литературный опыт Карамзина. Москва и духовное развитие Карамзина в кругу масонов. Первые переводные и оригинальные труды. Отношение к идеям масонства и мистицизма (1783–1789).

<...> Первым печатным произведением Карамзина, явившимся в свет с его именем был перевод с языка немецкого, в котором он применил свои сведения, вынесенные из пансиона Шадена². <...>

Как вся русская поэзия того времени, в которой пытали себя молодые силы, была чужда действительности, так и известный нам перевод Карамзина, напечатанный в то время, когда он служил в гвардейском полку в Петербурге, в 1783 году, сделан им был из писателя, которого идиллии пользовались чрезвычайной славой в XVIII веке, но были изображением жизни идеальной, совершенно непохожей на действительность³. Поэзия Геснера принадлежала к

² Сочин. Т. II. Стр. 200.

³ Там же. Стр. 278-279.

болезненным явлениям в литературе XVIII века. Аркадский мир его идиллий, это идеал блаженства, лежащий в прошлом, <...> был идеалом не свободы и действия, а выражением тоскливого, слабодушного чувства, неудовлетворенного настоящим. В этих сладких изнеженных звуках, в этих живописных и мягких ландшафтах природы, в этой патриархальной простоте нравов, доходившей до манерности и изысканности, мы не видим живого и крепкого чувства исторического. Этот мелкий мир, со своими мирными героями, как бы застыл и не движется посреди буколической любви, звуков свирели и мечтательного счастья, в котором раскрывается простор сентиментальному воображению. <...>

Недолго, по-видимому, пробыл Карамзин в Петербурге. <...> Домашние дела <...> были причиной того, что Карамзин вышел в отставку с чином поручика и уехал на родину. <...> светская жизнь Симбирска была завлекательна для молодого Карамзина, и кто знает, как долго длилась бы она, если бы земляк его Иван Иванович Тургенев, богатый симбирский помещик и искренний друг Новикова не заметил дарований и образования Карамзина, которые могли пригодиться в обширных литературных предприятиях Новикова и не уговорил его ехать в Москву. <...>

<...>

<...> В этот круг людей, молодых и образованных, соединенных одной идеей и общей деятельностью, увлеченных примером Новикова и его влиянием, в этот круг *любословов* <...> вступил в 1785 году молодой Карамзин и четыре года, проведенные им в этом обществе, на глазах лучших людей времени, в общих сознательных трудах, в переводах замечательнейших тогда произведений западных литератур, под влиянием пылкой, молодой дружбы, были прекрасной школой для Карамзина. Здесь разнообразным трудом и упражнением не только развился его авторский талант, но воспиталось его сердце, раскрылось его чувство к восприятию самых разнообразных впечатлений. <...>

<...> В этом обществе молодых друзей, работающих по идее умершего Шварца и по распоряжению Новикова и друзей его⁴, началась первая литературная деятельность Карамзина, представляющаяся нам только в переводах. <...>

Самые знаменитые произведения европейских литератур, по идеям, волнующим умы века, или по красоте выражения были доступны ему. <...>

<...>

Если учение в пансионе Шадена дало Карамзину средства развития, средства для знакомства с разнообразными произведениями ума человеческого,

⁴ Известия о судьбе некоторых, сообщенные г. Лонгиновым, см. в Библ. Зап. 1859 г., стр. 539-541.

если научило его читать и мыслить о прочитанном, то пребывание в обществе московских масонов воспитало его мысль, дало ей широкую основу, наполнило ее любовью к общечеловеческому, с которой только и можно было приступить к положительному изучению отечественного <...>.

Путешествие за границу. Москва. Развитие литературной деятельности Карамзина. «Московский журнал», сборники и «Вестник Европы» (1789–1803).

<...>

<...> Это желание свободы, разнообразных впечатлений, природы и искусства, желание видеть знаменитых писателей и вместе с тем тайное стремление сердца ко всему неизвестному, раскрашенному радужными цветами воображения, осуществилось для Карамзина в мае 1789 года. <...> Журнал, веденный Карамзиным во время путешествия, в обработанном виде, под названием «Письма русского путешественника» к друзьям, стал выходить в свет с января месяца 1791 года в его издании «Московский журнал» и обратил на себя общее внимание читающей публики. Литературное и образовательное для общества значение этих писем было очень велико по времени, но они дороги для нас теперь особенно тем, что позволяют изучить самого писателя, познакомиться с тем, что особенно занимало его, на что он обращал молодое внимание, чем были заняты его сердце и ум. <...>

<...>

<...> Путешествие Карамзина <...> для его духовного развития, для будущей его литературной деятельности было в высшей степени важно. Не только то обстоятельство, что Карамзин видел лицом к лицу любимых им писателей и беседовал с ними, хотя, разумеется, содержание и характер бесед этих условливались непродолжительными и торопливыми визитами путешественника, самое посещение мест, которые до тех пор существовали только в его воображении, должно было оказать свое влияние, и надолго образы виденного и слышанного остались живыми в памяти Карамзина; не раз встречаются воспоминания странствия в последующих сочинениях его. Историческое значение «Писем русского путешественника» по отношению к тогдашнему читающему обществу было весьма велико. В первый раз пред образованными русскими людьми предстала Европа, с произведениями своего искусства, с разнообразной природой, составлявшей контраст нашей северной, с представителями духовной деятельности своей <...>. Сентиментальный тон путешественника, его сердечные излияния при виде картин природы или случайно подмеченных на дороге сцен, пришлились также по вкусу общества. Последнее было так мало развито тогда, так слабо могло интересоваться духовною и умственною стороною Европы, что именно этот плаксивый тон и нежные восторги нравились ему больше всего. В этом Карамзин нашел скоро себе подражателей, и русская литература представила целую школу

«чувствительных путешественников», думавших не столько об описании страны, им виденной, сколько желавших познакомить публику с нежностью своего сердца и его излияниями по поводу небывалых приключений. <...>

<...>

«Московский журнал» Карамзина стал появляться с января 1791 года <...>. Это был первый русский литературный журнал с живым и разнообразным содержанием, которое могло увлечь читающую публику и образовать ее вкус. В первый раз в русской литературе появляется человек, который исключительно посвящает всего себя литературе и делает ее призванием своей жизни. С таким строгим взглядом на литературное дело, которое до него являлось всегда чем-то посторонним для человека, исключительно преданного государственной службе, Карамзин разом поднимает и слово в отношении к жизни. Между ним и жизнью открывается возможность взаимодействия. <...>

<...>

<...> «Московский журнал» сразу со стороны формальной, со стороны легкости слога и общедоступности его, уронил старую тяжелую школу и сделался образцом для молодых писателей, смотревших на Карамзина, как на учителя.

Самое главное и получившее значение в истории нашей литературы содержание «Московского журнала» представляют <...> самостоятельные произведения самого издателя. <...> гораздо важнее <...> было появление в журнале первых повестей Карамзина, с тем направлением и тем чувствительным содержанием, которое составляло тогда их оригинальность и, подобно «Вертеру» Гёте в немецкой литературе, и в нашей составило целую эпоху, увлекая за собою и толпы литературных подражателей и толпы восхищенных надолго читателей. <...>

<...>

Но самой знаменитой из повестей Карамзина, помещенных в «Московском журнале», по своему влиянию на вкус и направление читающей публики, была «Бедная Лиза»⁵. В ней мы видим и недостаток творческого таланта автора, и самое сильное выражение Карамзинской чувствительности; «слезы нежной скорби» струятся сквозь страницы этой небольшой повести, замечательной в истории русского общества, сделавшей ту местность, где погибла Лиза, предметом поклонения для чувствительных душ в течение многих годов. Над этой повестью лили горячие слезы наши бабушки, но они лили их именно потому, что в повести выражено было не действительное страдание, а вымыщенное. Первое проходило незамеченным в жизни, как будто оно слилось с нею неразрывно, а это идеальное страдание, совершенно оторванное

⁵ Моск. Журн. 1792 г. ч. 2, Июнь, стр. 238-277.

от действительности, своей крайней противоположностью жизни, одетое в форму поэзии, в живой язык Карамзина, должно было действовать на потрясенные нервы. «Бедная Лиза» – это воспоминание Карамзина из мира Геснеровых идиллий, навеяна на него, может быть, действительным рассказом старухи в окрестностях Парижа, но не действительным русским событием. Влияние повестей Мармонтеля и Жанлис, переводимых Карамзиным, сказалось на «Бедной Лизе». Как известно, в повести нет ничего русского, хотя рассказ переносит читателя в Москву, и в нем помещено прекрасное описание знаменитого вида на Воробьевых горах. Но эта-то отвлеченность от жизни и была причиной слез, пролитых по поводу судьбы Лизы. Действительное страдание скорее раздражает, чем трогает и извлекает слезы. Несмотря, однако, на эту отдаленность повести от жизни, струя человеческого чувства, простого и трогательного по своему содержанию, введенная в нее Карамзиным, теплые слова о сердце, его волнениях и страданиях, внутренний пыл страсти, все эти новые элементы, незнакомые обществу из прежней, холодной и напыщенной литературы до Карамзина, были с его стороны большой заслугой перед ним. Повести Карамзина научили это общество чувствовать и любить русскую словесность. Имя Карамзина облетело <...> по России, куда только доходили синенькие книжечки его журнала; он разом приобрел славу и всеобщую любовь. <...>

<...> Сборник [«Аглая». – Ред.], вышедший в конце 1794 года и названный вымышенным поэтическим именем <...> состоит, за исключением двух небольших стихотворений, весь из сочинений Карамзина. <...>

<...>

<...> В небольшой статье «Что нужно автору?»⁶ раскрываются те требования, которые он в это время задает писателю и понятие его об отношении писателя к обществу. Кроме талантов, знания, ума и воображения, автору *нужно иметь доброе и нежное сердце*, если он хочет, чтоб сочинения его имели влияние на общество. <...> С этой точки зрения о значении автора в обществе, он смотрит на науки и просвещение, как на средства распространения добрых нравов в обществе и восстает против парадоксальных убеждений Руссо⁷. <...> Его самое дорогое желание, чтобы о нем как об авторе сказало потомство: «*Он имел душу, имел сердце!*» <...>

В том же году <...> появился и другой сборник его пьес прозаических и стихотворений, напечатанных в «Московском журнале». Он носил название «Мои безделки», не представлял ничего нового в своем содержании, но сделался любимою книгою того времени. <...>

⁶ Аглая. ч. 1. стр. 27-34.

⁷ В статье «Нечто о науках, искусстве и просвещении» Аглая, ч. I, стр. 33-76.

<...> В 1796–1799 годах Карамзин издал три книжки сборника стихотворений под названием «Аониды», очевидное подражание по форме очень распространенным в то время в Европе альманахам. <...> Они любопытны для нас, потому что здесь Карамзин высказал свой взгляд на поэзию вообще и русскую в особенности. <...> Из недостатков современной русской поэзии Карамзин указывает на два главные: «излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость». Настоящая поэзия состоит «не в надутом описании ужасных сцен натуры, а в живости мыслей и чувств». Молодой стихотворец должен изображать предметы близкие к нему: «первые впечатления любви, дружбы, нежные красоты природы». Все дело поэта в умении наводить живые краски. Здесь же Карамзин высказывает общую мысль о значении литературы для «морального совершенства народа». <...>

<...>

Как для целой России, так и для Карамзина, с 1801 года началась новая жизнь. <...> Самого Александра Карамзин приветствовал одой⁸ <...> В ней высказывается общая мысль преобразований, обещанных императором, и Карамзин очень скоро сделался истолкователем гуманных мер царствования в новом своем журнале. <...>

<...>

Издание «Вестника Европы» в 1802 и 1803 годах поглощает вполне деятельность Карамзина в эти последние два года его литературной жизни, перед тем, как он скрылся в уединение для создания истории. <...>

<...>

С первых книжек «Вестника Европы» для читателя становится очевидным, что Карамзин пожертвовал своими прежними общечеловеческими идеалами для идеалов народных. <...>

Последний период жизни Карамзина. Труды над историей в Москве и жизнь петербургская до смерти его. (1804–1826).

<...>

<...> «История Государства Российского» явилась в феврале 1818 года. Успех ее был громадный и неслыханный до того времени: в один месяц разошлось 3000 экземпляров и в первый раз все светское общество Петербурга не читало ничего, кроме родной истории. <...>

<...> Труд Карамзина уже давно оценен русской исторической наукой и останется навсегда памятником самоотверженного труда и глубокой науки нашего великого историка. <...>

⁸ Сочин. Т. I, стр. 198-203.

Пусть на труде его лежит печать общих недостатков господствовавшей тогда теории, пусть он понимает историю так, как понимали ее в то время, но, прежде всего, отдадим справедливость Карамзину за его громадное, неутомимое трудолюбие, крупицами которого жили многие из его непризнанных наследников. История Карамзина есть памятник его эпохи и результат тяжелых усилий страны во время двенадцатого года. Весь пыл тогдашнего патриотизма, вся справедливая гордость русского человека, после освобождения и умиротворения Европы силою русскою, все обожание народа к Царю-Агамемнону перешли в душу Карамзина и вылились в его истории. <...>

Литература

1. [Б.п.] Рец. на кн.: Статьи, написанные для произнесения в торжественном собрании Казанского университета в столетний юбилей Карамзина (Казань, 1866) // Вестник Европы. – 1867. – Т. 1. – Отд. Лит. хроника. – С. 47–49.
2. Галахов А.Д. Биографические и литературные заметки по поводу его биографии и деятельности / А.Д. Галахов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1867. – Т. 133. – № 1. – Отд. Критика и библиография. – С. 21-57.
3. Сидорова М.М. Н.М. Карамзин в оценке профессора Казанского университета Н.Н. Булича / М.М. Сидорова // Карамзинский сборник. Ч. 1. Биография. Творчество. Традиции XVIII век. – Ульяновск, 1997. – С. 33-34.

Подготовка текста: М.М. Сидорова

М.П. Петровский

Два слова в память Карамзина¹ (1866)

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Н.М. Карамзин, М.В. Ломоносов, реформа языка.

I.

<...> Карамзин... сделался в глазах нового поколения непосредственным преемником труда и славы Ломоносова.

<...>

<...> Карамзин является нам как преобразователь книжной русской речи, как публицист, идущий вровень со своим временем, как беллетрист, вносящий новое, более живое направление в литературу, и как первый историк Руси.

II.

Значение Карамзина как преобразователя языка и борьба старого и нового начала в литературе с новым становятся... осознательнее при сравнении судеб русской письменности с письменностью остальных славян. Явления, подобные эпохе первоначальной деятельности Карамзина, постигали не одну многотерпелившую Русь. В семье близких нам славянских народов развитие идеи сознательного отношения ко всему окружающему, родственному и чуждому, как и появление, рост и исчезновение каждой идеи, сопровождались такими же мучительными болями. Для них XVIII век и начало XIX были таким же переходным временем, как и для нас. <...>

<...>

<...> Отрицать старину, говорить, что в ней ничего не было – значит отрицать самих себя, отрицать прогресс целых групп человечества. Смеяться над XVIII или началом XIX века – то же самое, что насмехаться над бедняком отцом, который для воспитания детей кое-как сколачивал средства, даже прибегал к займам, при извинительном неумении воспользоваться собственным достоянием. <...> На Руси, этой единственной свободной, самостоятельной державе славянской, чаще можно встретить малодушное равнодушие к ее прежним деятелям, не говоря уже о признании заслуг инославянских тружеников науки. И Карамзин не вполне избежал общей участии, постигающей русского писателя: к нему относились почти равнодушно, даже более: необузданная трудом мысль дерзала набросить какой-то туманный покров на светлую личность второго реформатора русского слова и выразителя русской

¹ Петровский М. Два слова в память Карамзина / М. Петровский // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1867. – Т. 3. – С. 100-113. (Отд. отт.: Казань, 1866. – 16 с.).

мысли. Такое легкомысленное отношение к трудам нашего соотечественника будет слышаться в литературе тем реже, чем сознательнее Русь будет относиться к себе. <...>

Подготовка текста: Е.А. Аликова

Ломоносов Михаил Васильевич

Н.Н. Булич

К столетней памяти Ломоносова¹ (1860)

Ключевые слова: *М.В. Ломоносов, русская литература XVIII века, история русской науки.*

<...> Нам нужно было пережить многое, чтобы дожить даже до Ломоносовского праздника в настоящем году. Что бы ни примешивалось к этому празднику, во всяком случае, он составляет замечательное явление в нашей жизни. Ломоносов один из нашего скучного духовного запаса личностей понятен почти каждому. Его типическая жизнь и её обстоятельства усваиваются нами с детства. Он один определенно выступает из того тумана, которым покрыты имена русских духовных деятелей. Все они неясны, все они вызывают противоречие; достоинство их оспаривается. Печальный факт этот оправдывается ходом русской истории, в которой было много грубой и черной работы, вызываемой и природой, и обстоятельствами. Мы не можем похвалиться давностью нашей духовной аристократии. С грубым порывом измученного работника, не в мысли ищем мы отдыха и наслаждения. Часто доходят до нас известия с Запада о празднуемых там юбилеях в честь поэтов, мыслителей, художников, бросивших в наследство своим соотечественникам богатство ума, фантазии и образов. <...>

В долгой и многострадальной истории Италии, она только в великом имени Данте, в его стихах – видела и утешение, и надежду, и призыв к патриотической деятельности. Такого всенародного имени, подымающегося впереди нации как хоругвь, за которую все идут, – нет у нас в области нашей духовной истории.

Тем не менее, однако ж, русская жизнь выросла до того, что имя Ломоносова, через сто лет после его смерти, недаром звучит между нами. Оно уже известно каждому грамотному русскому; оно дорого нам, как народное достояние; оно собирает русских людей. <...>

<...>

¹ Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова / Н.Н. Булич // Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1. – С. 189-384; Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова / Н.Н. Булич; публ и вступ. заметка М. Сидоровой // Наше наследие. – 2011. – № 100. – С. 51-55; То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10007.php>

Каждый грамотный русский привык к этому имени и дорожит им. Оно не вызывает спора о достоинстве, отдаленное от нас столетием. Не одни люди, которым дороги мысль и слово по призванию, а люди всех сословий общества повторяли имя Ломоносова; не в одних стенах университетов оно поминалось. Чем шире и торжественнее было это воспоминание, чем большее число русских принимало в нем участие, тем больше чести для страны, тем, значит, сознательнее её жизнь, тем сильнее в ней вера в народное значение. Юбилейные восторги видят в Ломоносове *типического* представителя русской земли; в силе и энергии его борьбы видят силу народа, из которого он вышел.

<...>

<...>

Жизнь Ломоносова с его жаждою знания и с любовью к науке, человека, полного силы духовной и воли, представляет нам поучительное зрелище. Точно стоит он в дремучем лесу, где ему приходится одному, без помощи и сочувствия, напряженно прокладывать дорогу к свету. Жизнь требует от него самой усиленной и разнообразной деятельности, <...> и ему некогда успокоиться, некогда отдаваться по свободному выбору одному какому-либо труду, которому бы он мог посвятить себя всецело <...>. Ломоносов вносит в науку свой страстный характер, смело берясь разом за многое, не удовлетворяясь ничем и вечно порываясь вперед по мере того, как в душе его подымались вопросы за вопросами. Любопытно послушать в этом отношении собственные его признания. «По разным наукам, – говорит он, – у меня столько дела, что я отказался от всех компаний»... В другом месте он так определяет свою деятельность: «Ежели кто по своей профессии и должности читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации, и вне оной сочиняет разные стихи и проекты к торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества, *и должен еще на срок поставить*, от того я ничего больше требовать не имею»... «Голова моя много зачинает, да руки одни», – жаловался он. Иногда увлеченный одним делом более прочего, он как бы забывает прежнюю работу и смотрит на нее, как на что-то второстепенное. <...>

Труд по заказу, а не по свободному выбору составляет другую невыгодную сторону научной деятельности Ломоносова <...>. За границею готовится он быть горным практиком и металлургом; по возвращении на родину он получает в академии кафедру химии. Он химик, заваленный работою в лаборатории, <...> а между тем штатс-контора только ему одному считает возможным заказывать постоянно стихи на иллюминации, которые любил тогда двор. Ломоносов обязан, согласно господствовавшему тогда обычаю в академии, доставить к каждому высокоторжественному дню оду и он ставит их трем императрицам и двум императорам. В те же празднества он один является оратором в академии. Меценаты, которым он кланяется, рвут на части

Ломоносова. Воронцов требует от него мозаичных картин, Разумовский – эмпирических опытов и публичных лекций по физике, Шувалов – русской истории и проекта Московского университета. В то время как у него множество работы в академии, он получает Высочайшее повеление поставить в срок для императорского театра две трагедии. Ломоносов печатает грамматику и металлургию, риторику и физику, переводит Анакреона и пишет глубокие замечания о нравственном и физическом состоянии народа, быт которого ему вполне известен. Трудно представить, чтоб посреди этих странных контрастов, из которых сложилась деятельность Ломоносова, он мог создать что-либо долговечное, спокойно задуманное и спокойно выполненное. Честь и слава ему, если, несмотря на перекрестные требования, он сохранил в трудах своих и ум, и гениальные способности.

<...> Из этих разнообразных трудов, раскрывающих разносторонние способности Ломоносова, трудно составить исследователю цельное и ясное понятие об общем научном их содержании. Ломоносов не представлял собою ученого, который постоянно и спокойно работает в одной избранной им области научной, когда рядом с ним работают также и другие, посвящая силы отдельному труду и сознавая, что последний имеет связь с целым, что общими усилиями создается наука и цивилизация целой страны. Ломоносов был, к сожалению, один: вокруг него были или враги, или бездарные завистники, или своекорыстные и равнодушные покровители. В стране не было ничего приготовлено для свободной научной деятельности, и Ломоносов сам должен был взяться за черную работу, в то время, когда мысль его работала над общими представлениями, бралась за разрешение самых спорных вопросов науки, над которыми давно ломали голову европейские ученые <...>. Можно было успеть в чем-нибудь одном, но разом браться за оба дела, за труд синтеза в науке и за аналитическую разработку подробностей – едва ли можно было с успехом. А между тем Ломоносов был поставлен в это невыгодное, двойное отношение к научной деятельности <...>.

Но он <...> до конца жизни не терял надежды достичь осуществления того или другого проекта. Он верил в силу <...>, которая могла расшевелить инерцию, влить жизнь в мертвое общество, его окружавшее, двинуть науку и науку русскую, о какой он мечтал. Надобно удивляться той энергии и силе убеждений, незнакомой уже людям последующих поколений, <...> у которых исторические опыты заменили энергию – холодным отрицанием и бесплодным неверием. <...>

<...> Но, поминая с глубоким уважением и энергию, и деятельность Ломоносова в науке, исследователь невольно спрашивает себя о том, какие плоды остались для его соотечественников от всей этой деятельности, какое содержание и какой смысл и для истории науки, и для современности имеют научные труды Ломоносова? Ответ на эти вопросы должны, разумеется, дать

представители тех наук, которые разрабатывал в нашем отечестве первый Ломоносов. <...> Они все высоко ставят научные заслуги Ломоносова. Не говоря о том, что отзывы их большую частью согласны с отзывом Эйлера, свидетельствовавшего еще в XVIII столетии о необыкновенных, гениальных способностях Ломоносова, которые давали ему возможность «открывать связь между отдельными и отрывочными фактами и приводить таким образом к блестящим обобщениям, которые мы привыкли считать плодом современной науки»², даже в специальных вопросах науки они отдают полную справедливость трудам Ломоносова. В физике, например взгляд Ломоносова на явления теплоты составляет принадлежность современной науки. «Ломоносов, говорит современный профессор физики, <...> опередил целым столетием своих современников в понимании физических явлений, и долго после него господствовало в полной силе учение о *теплороде*, да и еще многие ученые держатся этого воззрения, которое Ломоносов, еще в 1747 году признал несостоятельным»³. В теории света Ломоносов опровергает мнение знаменитого Ньютона и «доказывает необходимость держаться теории волнений, принятой в настоящее время почти всеми физиками»⁴. <...>

<...> Все они видят в Ломоносове гениального ученого, ставят его рядом с Гумбольдтом и другими европейскими учеными, приобретшими себе знаменитое имя. <...> Русская жизнь, если юбилей Ломоносова не есть минутное и праздное увлечение общества, приобретает в нем таким образом великого ученого, которым мы имеем полное право гордиться, как нашею народною славою, ученого, опередившего свой век и Европу, самостоятельного творца в науке. Если, по общему историческому закону, его не поняли современники, то нам, потомкам, приходится воздать ему по заслугам.

Нельзя, однако ж, не задуматься над этой странной судьбой научных сочинений Ломоносова, которые прошли незамеченными современниками его, не принесли никакой пользы нашему научному развитию, <...> и только через сто лет после его смерти, как бы по заказу, являются перед нами. Где им место? Принадлежит ли им историческое значение в общем ходе умственного развития человечества? Почему современная европейская наука не воспользовалась его гениальными открытиями, опередившими ее несколькими десятилетиями, <...>? Почему русские ученые, шедшие по одной дороге с Ломоносовым, не обратили внимания на труды его, изучение которых разом дало бы им здравые понятия в науке и избавило бы от тяжелой и ненужной необходимости изучать плохие зады Европы? Вопросы эти невольно приходили в голову тем ученым, которым привелось на юбилейных собраниях излагать перед своими

² Г. Бекетов Памяти Л-ва. стр. 58.

³ Г. Бекетов, там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 63.

слушателями значение Ломоносова, и, отвечая на них, они обвиняли русских ученых, что последние не понимали его заветов <...> изгнать недобросовестное заимствование и вредное подчинение. Действительно, все эти недостатки доселе составляли главное свойство нашей науки, но виноваты ли люди в этих недостатках, не сложились ли они помимо их воли и их желаний? Не вкоренилось ли в русском обществе печальное убеждение, что дюжинный иностранный ученый гораздо более имеет значения и прав на уважение, чем гениальный русский ученый <...>.

<...>

Исторический смысл труда Ломоносова надобно искать в историческом положении нашей науки. Русское просвещение и русская наука имеют чрезвычайно оригинальную судьбу; впрочем, она составляет свойство почти всех народностей, поздно вступивших в связь с народами историческими <...>. Француз или немец, англичанин или итальянец, очень определенно сознают весь ход своего духовного развития; имена представителей его – ему дороги и понятны: они доходят до него длинною цепью предания. В нашем просвещении нет исторических преданий; одно поколение, сменяя другое, разбивает старое здание до почвы, не доверяя даже и фундаменту, и выводит свое, столь же недолговечное, как и предшествовавшее <...>. Наша наука, наши образованные понятия развивались под чужими влияниями и развивались, к сожалению, чрезвычайно случайно, а потому они не дороги у нас никому. По большей части образование условливалось у нас не действителью внутреннею потребностью общества, а внешнею регламентацией, которая сама и ставила формы, сама и наполняла их. Один факт редко вытекал из другого, и все зависело от того, с какой стороны дует ветер, из какой европейской земли идет влияние, какое направление господствует в высших правительственныех сферах. При таких условиях понятно, что в нашем образовании не было ничего прочного. <...> Масса народа никогда не участвовала в нашем образовании, которое началось подчинением чужим формам Европы. Она не воспользовалась ничем от этих вывозных плодов, кроме разве случайно заброшенных в бедную жизнь ярких, но бесполезных игрушек.

Исторический фатализм привел и Ломоносова к тому же учению в европейских школах, которое сделалось неизбежным для всех русских, но он <...> без раздумья подчинился своему призванию, указанному ему реформой. Он верил и в науку, и в свои силы, и особенное отношение его к науке заключается в том, что он искал её непосредственного применения к жизни <...>. Но, согласно общему характеру нашей науки, и его труды были случайны, условливались всегда внешними обстоятельствами и не оставили прочных следов в нашей научной деятельности. <...> Правда, что Ломоносов в физике, химии и минералогии опередил европейские теории несколькими десятилетиями, но эти открытия остались без влияния и без значения. Ими не

воспользовались ни европейские ученые, которым не было надобности отрываться от дела, чтобы изучать смелые *предположения* ученого, принадлежащего к народу, никогда не принимавшему участия в умственной жизни Европы; они не послушались даже голоса Эйлера; они верили в себя и в свою науку и действительно дошли очень скоро до тех же результатов, которые *предполагал* и Ломоносов, даже опередили его. Русским ученым и профессорам химии, физики и минералогии также некогда было изучать Ломоносова; у них было свое дело — догонять европейскую науку, шедшую не случайно, не скачками, а неизбежным историческим ходом развития, медленно, но верно; им нужно было учиться в Европе, а не у Ломоносова. Это был единственно возможный способ приобретения сведений и при том — необходимый. Случайному обстоятельству недавнего юбилея мы обязаны поздним признанием научных заслуг Ломоносова, но справедливость и обстоятельства дела приводят нас к тому в высшей степени печальному и крайне обидному заключению, что научные труды Ломоносова не имели и не могли иметь никакого *исторического* значения. Его гениальные *выводы* были блестящею страницею в науке, но страницею, вырванною из целого сочинения <...>.

<...>

За одно это живое отношение науки Ломоносова к народной жизни, за эту сознательную любовь к народу — он стоит юбилеев, и празднование его памяти должно возбуждать в участвующих сознание единственно возможного у нас пока значения науки — практического. Без своего отношения к жизни, наука Ломоносова, как наука, не имеет абсолютного и исторического значения. Ей нет места в общих усилиях человеческого ума. И здесь, в народном содержании науки, Ломоносов является первым начинателем, как явился он первым русским поэтом. Значение Ломоносова в русской поэзии, которая началась им — действительно историческое, и слава поэта должна остаться за ним как бы ни колебалось в мнениях русского общества значение поэзии вообще. Ломоносов создал формальную сторону нашей поэзии, как создал он формальную сторону языка, в первый раз в своей грамматике, отделив русский язык от церковнославянского. Для того, чтобы сделаться поэтом, ему, прежде всего, нужно было создать версификацию, форму стиха, и вдохновенным образом он угадал свойственный языку нашему размер, который навсегда усвоился нашей поэзией. За это открытие он стоит благодарного воспоминания. Совершенно справедливо, что, сочиняя свою первую оду, Ломоносов шел по ложной дороге, что он открывал ею широкий путь заимствованному псевдоклассицизму, господствовавшему тогда в Европе, который нахлынул на свежую страну и навсегда погубил в ней народную поэзию, но этот путь подражания и заимствования был неизбежным путем нашим <...>. С одами Ломоносова пришел к нам весь поддельный и напыщенный восторг, которым в особенности была богата литература французская, перешла вся тяжелая обстановка

ложноклассической поэзии, с её безжизненными копиями древнего Олимпа, героев и муз. Долго наша поэзия играла этою шумихою слов, наряжалась в чужую одежду и слогом Пиндара, Малерба и Буало воспевала российских императриц, российских героев и доблести русского народа. То была темная сторона дела Ломоносова в русской поэзии. Чтоб напустить на себя этот заимствованный восторг, надобно было совершенно забыть о народе и естественных условиях поэзии, и стихи Ломоносова, сформированные в чужой школе, не имеют никакого отношения к народу. Случайно только, между холодными образами его поэзии, читателя поражают и действительно поэтические, случайно пробьется неподдельное чувство и прозвучит от сердца идущий стих. Но Ломоносов никогда не думал о художественной отделке своих стихов; он невысоко ставил свою поэзию и писал оды по заведенному обычаю – в высокоторжественные дни. Торжественность повода невольно отрывала его от действительности и невольно придавала поэзии напыщенное выражение. За стихи свои получал он награды и милости, и это обстоятельство служило немаловажным побуждением писать оды. Но справедливость требует заметить, что и в эту заказную, холодную поэзию своих од Ломоносов влил живую струю своей деятельной жизни: любовь и уважение к науке. Почти в каждой оде его встречаются следы занятия наукою, и даже теории о природе укладываются в рамки стиха. Такое содержание может спасти оды Ломоносова от забвения: в них видна лучшая часть его.

То же самое следует сказать и об ораторских речах Ломоносова, достоинство которых очень высоко ставилось в XVIII веке. Явившись случайно поэтом, Ломоносов случайно выступает перед русским обществом и оратором. Ни форма государственной жизни, ни форма суда, эти два главные источника вдохновения европейских ораторов, не требовали тогда у нас этого искусства. Похвальные слова и речи Ломоносова вызывались не жизнью, а академическим, также заимствованным обычаем. В речах своих Ломоносов подчинялся также условным, ложноклассическим образцам; <...> тем не менее, в истории нашего слога Ломоносовские панегирики имеют свое относительное значение. Притом нельзя не заметить, что и в декламаторском тоне речей Ломоносова звучит, как и в одах его, по временам, живая струна: Ломоносов не вполне чужд своему предмету, и часть содержания речей его не заказана. Из двух похвальных слов его: Петру Великому и дочери его Елизавете Петровне, одно проникнуто неподдельным восторгом, который всегда внушал Ломоносову царь-преобразователь, другое – полно любовью к науке и уверенностью, что новое царствование, начавшееся вслед за долгим и тяжелым для русских гнетом немецкого владычества, будет благодетельно для нашего отечества и не допустит погибнуть «начинаниям» Петра. <...> Панегирики Ломоносова были, таким образом, теми же одами его, только переложенными в прозу. В них также одно существенное содержание, которое всегда вспомнит

историк русской литературы: похвала науке, определение значения её для молодого русского просвещения и искреннее желание, чтоб эта наука была *русскою*, т.е. имела применение к потребностям России.

В этом, кажется нам, заключается главное и существенное значение Ломоносова в истории нашего образования. Быть сыном поморского рыбака и уйти из края, обиженного природой, к центру знания, увлекаясь зовом внутреннего голоса, к счастью страны нашей – не исключительное явление. Пусть, в духовной деятельности Ломоносова все условливалось толчком, данным реформою, пусть его поэзия и даже самая наука была заимствованием с Запада, но не надо забывать, что Ломоносов первый показал нам тот неизбежный путь заимствования, по которому пошла наша литература. Время ложноклассических теорий, которым подчинялся Ломоносов, прошло вместе с существованием общества XVIII века и тем же путем шли к нам образы и идеи, более глубокие, более содержащие в себе, без которых не может обойтись наша жизнь.

Начинателем этого неизбежного пути в духовном отношении был Ломоносов. Его жизнью и деятельностью умственной реформа Петра получает в первый раз настоящий смысл. <...>

Литература

1. *Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова / Н.Н. Булич; публ. и вступ. заметка М. Сидоровой // URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10007.php>*
2. *Сидорова М.М. Литература Древней Руси и XVIII века в жанре публичной лекции в Казанском университете (XVIII век) / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология` 2005. – Казань, 2005. – С. 231–237.*
3. *Сидорова М. М. Дорогое русское имя / М.М. Сидорова // Наше наследие. – 2011. – № 100. – С. 51.*
4. *Сидорова М.М. Изучение творчества М.В. Ломоносова в Казанском университете (10-60 гг. XIX в.) / М.М. Сидорова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 2.– С. 205–215.*

Подготовка текста: М.М. Сидорова

Феофан Прокопович

А.С. Архангельский

Феофан Прокопович и его проповедническо-публицистическая деятельность. Феофан Прокопович как писатель «новой» русской литературы¹ (1911)

Ключевые слова: *русская литература XVIII века, петровский период, Ф. Прокопович, «псевдоклассицизм».*

<...> Первым решительным сторонником идеи преобразования, первым страстным популяризатором их, ближайшим помощником Петра, какого только могло дать ему русское духовенство конца XVII века, в то же время лучшим представителем петровской литературы – является Феофан Прокопович.

Служить делу Петра Феофан явился во всеоружии западной, европейской науки. <...> монах-профессор уже сам по себе является смелым и решительным реформатором. <...> [Показательно, что в мировоззрении этого писателя проявляется. – Ред.] сильный скептицизм, смелое критическое отношение ко всякого рода авторитетам <...>

<...> [Послужившая образцом для трактата Прокоповича «De arte poetica» поэтика Ю. Скалигера] <...> имела весьма сильное влияние на развитие литературных взглядов, весь характер поэтических произведений европейских литератур конца XVI–XVII вв., набросавши теоретические правила будущего «псевдоклассицизма» <...> [В трагедокомедии Прокоповича «Владимир»] <...> почти все представляло новость для того времени. <...> [Показательно здесь] самое направление, близость драмы к современности <...> Прокопович стоит <...> уже вполне на высоте современной ему западной науки, – открыто заявляет, например, о своем согласии с Коперником, горячо защищает в одном латинском стихотворении Галилея и т.д. <...>

Все это <...> уже заранее делало Феофана горячим приверженцем Петра. Перед нами уже вполне человек нового времени, широкого европейского образования <...> [Установка на] <...> принцип свободного, научного исследования, тот дух критики, которым проникнута вся [его] научная и

¹ Архангельский А.С. Русская литература XVIII века: Из лекций по истории русской литературы. Литература Петровского времени и ближайших десятилетий – до Ломоносова / А.С. Архангельский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. – 254 с.

литературная деятельность ... делала его ближайшим предшественником Ломоносова <...>

<...> [Прокопович в своих трудах] <...> от академических учебников, церковных проповедей, богословских трактатов – до предисловия к «Морскому уставу» включительно <...> [предстает как] поборник новой, вводившейся <...> реформами в русскую жизнь, культурной силы, образования, научных знаний, просвещения <...>

<...> [В проповедях] Феофан выступает <...> как бы посредником между державным преобразователем и русским обществом, массой народа <...> Он доказывает согласие реформ и вообще стремлений царя с духом Священного Писания <...> [В речи «Правда воли монаршей»] <...> он оправдывает <...> самый принцип «новшеств», права новизны в общественной жизни народов <...>

<...> [В «Духовном регламенте»] <...> жизненные типы, которые <...> набрасываются автором, отдельные места, выражения – иногда почти буквально воспроизводятся в сатирах Кантемира!

<...> Феофан Прокопович и первый представитель нашей новой лирики <...> его силлабические вирши чаще всего совершенно во вкусе уже приближившейся к нам ложноклассической поэзии! <...>.

Литература

1. *Буранок О.М.* Феофан Прокопович и В.К. Тредиаковский: преемственность традиций в драматургии («Владимир» и «Деидамия») / О.М. Буранок // Анализ и интерпретация художественного произведения: материалы XXXII Зональной конф. литературоведов Поволжья. – Астрахань, 2010. – С. 38–40. То же. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/sbornik%20troodov%202010/Kol-v%20avtorov%20%28Glinin%20G.G.%29.pdf>.

2. *Воронова Л.Я.* А.С. Архангельский о преподавании русской литературы XVIII века в школе / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 290–295.

3. *Буранок О.М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / О.М. Буранок. – Самара; ПГСГА, 2013. – 51 с.

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

В.М. Переощиков

Материалы для Истории Российской словесности. Феофан Прокопович¹ (1822)

Ключевые слова: *Феофан Прокопович, русская литература XVIII века.*

Провидение судьбою людей управляет вопреки расчетам недальновидной нашей предусмотрительности: где мы ожидаем злополучия и бесславия, там оно производит счастье и знаменитость. Сия истина поразительно исполнилась на Феофане Прокоповиче². Он остается после родителей своих (купеческого звания) почти младенцем; дядя, иеромонах и ректор Киевской академии, берет его для воспитания и также умирает, когда Феофану не исполнилось еще и одиннадцати лет; но вот какой-то киевский гражданин вызывается содержать его и содержит на свой счет в училище. По окончании философских наук, чтобы приобрести большие сведения, Феофан отправляется в Литву, принужден выдать себя за униата (ибо там не принимали в учебные заведения юношей православного вероисповедания), учится во Владимире, что на Волыни, чрезвычайными дарованиями обращает на себя внимание, производится в учителя стихотворства и красноречия; отправлен в Римскую академию для усовершенствования в философии и богословии. Оттуда, через три года, не кончив курса (неизвестно, по какой причине), возвращается, через Венецию и Австрию в Польшу; постригается в Почаеве в православные монахи; призван в 1704 году в Киевскую академию учителем также стихотворства и красноречия.

В 1706 году Петр Великий приезжает в Киев; Феофан, по назначению начальства, говорит поздравительную речь, которая весьма нравится государю. В 1709, после Полтавской победы, в присутствии Петра Великого произносит *Панегирик* на сию победу; в том же году *Похвальное слово Князю Меньшикову*. Сие было началом наступившего счастья. В 1711 году Феофан, при государе, находился в Турецком походе. Между тем был производим: в префекты <...>, потом в игумены Киевобратского монастыря, в ректоры и учителя богословия Киевской академии. В сем звании затмил всех своих предшественников. Наконец, в 1716 году, по повелению государя, переселился в Петербург.

¹ Переощиков В. Материалы для Истории Российской словесности. Феофан Прокопович / В. Переощиков // Вестник Европы. – 1822. – № 9–10 (май – июнь). – С. 3–21.

² Он родился 1681 года Июня 8 в Киеве и наименован Елиазаром. Но 1705 года он назвался Феофаном, по имени покойного своего дяди.

С сего времени Феофан сделался органом Петра Великого: приготовлял умы к переменам, доказывал их пользу, сочинял учреждения и законы для разных частей государственного управления, прославлял дела государя, оплакал его кончину. По смерти его совершенно был предан царскому семейству: содействовал Екатерине I ко вступлению на престол; давал советы исполнять намерения ее супруга, Петру II быть мудрым государем; помогал делом, а паче словом, утверждению единовластия Анны Иоанновны. В 1718 произведен был в епископа Псковского и Нарвского; в 1720 в архиепископы и вице-президенты Святейшего Синода; в 1725, уже Императрицей Екатериной, в архиепископы Новгородские и первенствующие члены Синода. Он короновал Екатерину I, Петра II и Анну Иоанновну. <...>

Феофан Прокопович имел ум твердый, гибкий, острый, обширные сведения и глубокое знание людей. <...> Феофан покровительствовал упражняющимся в науках. Он защищал и прославлял сатиры Кантемира; он сказал Ломоносову (когда сей выдал себя за дворянина, чтобы вступить в Заиконоспасскую семинарию): «Не бойся ничего; хотя бы со звоном в большой Московский Соборной колокол стали тебя публиковать самозванцем, я твой защитник». Сохраним здесь и еще одно предание: повествуют, что Феофан имел отличную способность произносить поучения свои приятно и сильно.

Феофан не написал творения для всех времен, тем менее для всех народов; его сочинения принадлежат времени, в которое он жил: все они писаны по требованию обстоятельств. Не унижаем славы его: указываем токмо должное ей место. И такие мужи необходимы для усовершенствования человечества. Как печатные, так и рукописные его сочинения означенены <...> в словарях: Новикова и историческом о писателях духовного чина. Из великого оных числа мы имеем перед собою токмо: Историю Петра Великого и три тома Слов и речей его.

История Императора Петра Великого

В кабинетном архиве Петра Великого найден список сей Истории, поврежденный уже гнильстью. Сверх того издатель исключил в нем некоторые места, ему не нравившиеся, присоединил (в примечаниях) свои дополнения и исправил грамматические погрешности. Феофан Прокопович, узнав желание Петра Великого, чтобы его деяния, еще при его жизни, были обстоятельно описаны, начал сочинять сию Историю. Она состоит из четырех книг: в первой содержится время от рождения государя до начала войны со шведами; во второй до заложения Петербурга; в третьей описываются сражения в Остзейских провинциях и Польше; в четвертой Полтавская битва <...>. Гражданские деяния Петра Великого, преобразование России, не упоминаются. По самому списку сей Истории (в котором рукою Феофана было приписано: здесь предложить подробнее о том-то, здесь прибавить то-то) можно

заключить, что сочинитель не исправлял ни слога, ни языка: это токмо материалы, дешевые и драгоценные, для великолепного здания; в них, однако, же видно богатство строителя.

За всем выше написанным не должно искать в сем сочинении Феофана Прокоповича ни чистоты словоизречения (хотя встречаются слова и обороты даже простые и низкие, но выразительные и сильные), ни искусства и совершенства в слоге. Он идет по следам происшествий, часто самых незначащих. Впрочем, описания важнейших городов, сражений, мест, лиц, хотя по большей части сбивчивые, имеют некоторую живость и привлекают внимание. <...>

В историческом отношении книга сия важна потому, что писана современником, к Государю близким, который, следовательно, вернее мог знать происшествия. Несколько, однако ж, погрешностей замечены издателем. Деяния неприятелей Петра Первого описываются токмо тогда, когда они уже противу него действуют; состояние их обстоятельств, причины их намерений, поступков не упоминаются. Кроме битв, сочинитель иногда изображает местные положения, нравы народов: так изобразил он Петербург, Киев, поле сражения при Полтаве, нравы чухонцев и запорожских казаков. Характер Петра Великого, правда, токмо как полководца, представлен в действии, но верно и ясно; всех прочих оставлены в тени. Из них токмо Мазепа и Меншиков выказываются; к сему любимцу видна приверженность писателя <...>. Находятся две речи, вероятно вымышленные, Петра I и Карла XII. <...>. Обе сии речи кратки, но сильны искусственным расположением мыслей приличных; самое словоизречение их отлично от повествовательного <...>. Очень немного вмещено философических мыслей; но они важны и глубоки. Феофан показывает судьбу людей под управлением Провидения. Истинная, единственно верная точка, с которой должно взирать на происшествия нравственного мира: всякий благоразумный историк должен сам видеть и показывать другим руку Божию, ведущую человечество; иначе они с читателем будут блуждать в ничтожестве судьбы и рока; они сами, или утаенная истина бывают причиной, если они не видят сей руки. Возразят: «Истина и добродетель гибнут; заблуждение и порок торжествуют». Недальновидные! Истину можно погрести, но не умертвить; кровь добродетели проливается на главу порока и возвращает благо потомства.

Слова и речи

Слов и речей Феофана Прокоповича напечатано 58: они произнесены были в царствования Петра Великого, Екатерины I и Анны Иоанновны. Все можно разделить на похвальные, приветствовательные и поучительные. Общие и главные их свойства: важные, разительные и острые мысли и убедительные доказательства. Основанием для оных служит Священные Писание; но оратор

всегда показывает его согласие со здравым разумом. Весьма часто встречаются места, взятые из светских писателей, историков, стихотворцев, даже из басен Эзоповых. Нередко изображения низкие: кажется, что сочинитель пекся о силе более, нежели об изящности. Все имеют известные части речей: вступление, предложение, изложение, доказательства и заключение. Картины по большей части полны, живы, расположены правильно; иногда можно заметить несоразмерность в величине и неуместное размещение. Слог умеренный, ближе, однако ж, к обильному; слово выражение нечистое: смесь церковного, польского, простого русского и даже немецкого языков. <...>

<...> рассмотрим кратко слово на похвалу Петра Великого и сравним оное с Похвальным словом сему же государю Ломоносова. Феофан произнес свое слово на кончине Петра Великого, спустя токмо несколько месяцев; Ломоносов – тридцать лет. Феофан хотел утешить сетующих россиян, особенно вдовствующую супругу, Екатерину I; Ломоносов хотел хвалить Елизавету Петровну. Отсюда различие в колорите сочинений: одно имеет нечто мрачное, другое – светлое и торжествующее. Феофан почерпнул мысли из самого предмета, из обстоятельств слушателей; Ломоносов заимствовал некоторые у Феофана и украшал их, все прочие у Плиния младшего. Феофан имеет единство в плане вообще; Ломоносов делится на две части: мысли о восшествии на престол императрицы Елизаветы, часть слова довольно великая, и похвала Петру I. Феофан показывает подвиги Петра Великого: *военные, гражданские, для церкви*; Ломоносов говорит сперва о *делах* его, потом о преодоленных им *препятствиях*, наконец, исчисляет и изображает его *добродетели*. Посему расположение Феофанова слова начертывается ясно в воображении читателей; все части его на своих местах. Уже господин профессор Каченовский сказал, что в расположении частей слова Ломоносова заметен недостаток полноты и соразмерности; к сему мы прибавим: расположение его сбивчиво, принуждало сочинителя повторять одни и те же мысли, говорить, например, о храбости государя, о гражданской его мудрости, потом снова о храбости, смешивать ход происшествия. Переходы от одной части к другой у Феофана связываются токмо словами; у Ломоносова запутаны. Картины Феофановы просты, величественны, увлекающи, подобны Демосфеновым; Ломоносова изукрашенные, блестящие, токмо занимательные, подобные новейших времен писателям <...>. Ломоносов превзошел Феофана далеко в правильности, чистоте, силе слово выражения. Читая Феофановы как сие, так и прочие Слова, его состарившийся язык забываешь.

Литература

1. Сидорова М.М. Воспитанник гимназии – первый профессор Казанского университета (В.М. Перевошиков) / М.М. Сидорова // Третья в России, первая в

Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии. – Казань, 2008. – С. 343–353.

2. *Сидорова М.М.* О первых опытах истории русской литературы: историко-литературная деятельность профессора Казанского и Дерптского университетов В.М. Переvoщикова / М.М. Сидорова // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: материалы конгресса (С.-Петербург, 15-17 окт. 2008). – СПб., 2008. – С. 240–248.

3. *Сидорова М.М.* К истории одного из первых в России проектов курса отечественной словесности: казанский вариант / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология`2009. – Казань, 2009. – С. 179–185.

Подготовка текста: М.М. Сидорова

Сумароков Александр Петрович

Н.Н. Булич

Сумароков и современная ему критика¹ (1854)

Ключевые слова: А.П. Сумароков, русская литература XVIII века, сатира, критика.

<...>

<...> Представителем первых критических воззрений был у нас Сумароков. В своей многолетней и разнообразной литературной деятельности посреди своих увлечений и самолюбивых стремлений – создать все литературные формы у нас, он представляется нам очень живой личностью и вместе с тем первым русским критиком. Конечно, невозможно требовать зрелости и положительной правды от его попыток, но как факт сознания, эти попытки любопытны и достойны изучения. В них-то собственно и более всего надобно искать прав на почетное место в истории литературы русской, которого заслуживает Сумароков. <...>

<...> Тогдашняя литература, рядом с лирическим направлением, вводителем которого был у нас Ломоносов, представляет нам и сатиру, начало которой положил Сумароков, а продолжали современные ему журналы. Лирика и сатира суть две существенные стороны нашей литературы XVIII века, и мы не присоединяем к ним драмы, считая ее совершенно подражательной в то время, явлением внешним и случайным.

<...>

<...>

<...> Изложение литературной деятельности Сумарокова и указание значения его в истории нашей литературы, определение вообще того влияния, какое имел он на современных писателей, было бы неполно <...>, если бы не обращено было должное внимание на современные русские сатирические журналы, столь сродные по духу и направлению таланту Сумарокова. Разбирая литературные заслуги его, мы старались указать преимущественно сатирическое направление его сочинений, ярко

¹ Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика / Н.Н. Булич. – СПб.: В тип. Э. Праца, 1854. – XIV, 290 с.; То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://gbooks.archeologia.ru/All.htm>

выдвигавшееся вперед из всех более или менее зрелых попыток Сумарокова. <...>

<...> Таким образом, наше сочинение распадается на <...> части, которые тесно связаны между собою и должны составлять одно целое: 1) биографические известия о Сумарокове и отношения его к современникам, 2) разбор произведений Сумарокова с исторической точки зрения и указание места его в истории русской литературы и, наконец, 3) показание того влияния, какое имел Сумароков на сродные ему по духу литературные произведения, которые были продолжением его деятельности и, оправдывая его, подготовили дальнейшие явления в литературе. Этому особенному Сумароковскому направлению мы дали название критики на том основании, что критикой легко может быть названо то сатирическое направление, которого представителем были Сумароков и современные ему журналы. Это начало нашей критики. <...>

I.

<...>

<...> В этом явлении преобладающего сатирического направления в русской литературе, преемственности сатирических писателей, следует видеть тот отличительный характер нашей литературы, который дает ей высокое значение, именно характер общественности. <...>

С этой точки зрения смотря на Сумарокова как на талантливого русского писателя половины XVIII столетия, мы должны признать его довольно значительное влияние на весь ход нашей литературы в минувшем веке. Его значение не потерялось, а доказывается исторически. Но, изучая Сумарокова, мы изучаем вместе с тем и эпоху, в которой он жил и действовал, мы изучаем всю современную ему литературу, развивавшуюся под его влиянием, знакомимся с духовным содержанием эпохи, столь важной в нашей истории, узнаем те вопросы общественные, которые занимали лучших людей того времени, а к последним бесспорно принадлежал и Сумароков. <...> в Сумарокове больше, нежели в ком-нибудь из писателей современных ему, отражается русское общество и русская жизнь половины прошлого века. <...> Это самый плодовитый из наших литературных деятелей. Смотря на огромное количество произведений его, <...> которые имели большое значение для его времени, невольно удивляешься ему и его деятельности. Самая жизнь таких людей, как Сумароков, представляет особенный интерес, перенося нас в совершенно иную эпоху и показывая, как в известное время общество смотрит на писателя. Для нас особенно любопытно, что такое

был для общества русский писатель за сто лет до настоящего времени.

<...>

<...>

<...> существенным и почти единственным материалом для биографии Сумарокова остаются его сочинения. <...> Сумароков <...> был человек до крайности самолюбивый и любил поговорить о себе. Поэтому в его сочинениях встречаются намеки на случаи из его жизни, любопытные для нас, как характеристика того времени. <...>

<...>

В эту пору служебной деятельности Сумарокова явилась первая его трагедия «Хорев». <...>

<...>

На этом первом драматическом произведении, писанном по-русски, лежит печать ложноклассической трагедии французов, печать Расина, которого Сумароков называет своим учителем, а современники еще при жизни Сумарокова называли его «северным Расином»². С этой поры долго русская трагедия наполнялась героями, носившими, правда, русские имена, но чрезвычайно далекими от русской жизни и народности. <...> Но русская сцена, русская трагедия, то есть род искусства, перенесенный в русскую жизнь и литературу, были невиданными явлениями в нашем отечестве, были таким благородным родом забав, который далеко оставлял за собою грубые забавы наших предков. На театр смотрели как на педагогическое средство не только при дворе, естественно шедшем во главе общественного развития, но и между мыслящими современниками.

<...>

<...>

Наконец Высочайшим указом Сенату 30 Августа 1756 года существование русского театра было навсегда упрочено. В этом деле самое живое участие принимал Сумароков и ему, как знаменитому тогда автору трагедий и комедий, поручена была по праву дирекция этой новорожденной труппы <...>.

<...>

В личности Сумарокова было особенно то замечательно, что к окружающей его современности он относился самым живым образом. <...> Его литературный талант носил на себе печать современности, и не было кажется ни одной стороны в обществе, которой бы он не

² Новиков: «Опыт исторического словаря о российских писателях» С.П.Б. 1772. Стр. 207.

сочувствовал, и которая бы не нашла отголоска в его произведениях. Внешние войны России, победы Румянцева, мысль о завоевании Турции, жившая в сердцах исполинских людей, окружавших Екатерину II, ее начальные учреждения, все это является в одах Сумарокова, бедных, впрочем, поэзий. В его прозаических сочинениях, похожих на листки журнала, темные стороны современного быта являются довольно полным образом. Мелкие стихи Сумарокова, с исключительно сатирическим направлением имеют то же содержание. Смотря с этой точки зрения на Сумарокова нельзя не видеть в нем *общественного критика* лицо живое и энергическое, сочувствующее всему. <...>

<...>

Но главным достоинством Сумарокова, как человека и потом, как писателя в его прозаических произведениях, была горячая благородная любовь к науке и просвещению. Он хотел собственно не науки с ее догматизмом, с ее мертвыми, абстрактными выводами, с уединенной кабинетной жизнью, а живого применения ее к быту общественному. Сумароков хотел света, который бы разливался ровно и благодетельно для всех. Его пылкое чувство не выносило мрака, не выносило темных сторон прежних, и всего того, что было низложено великим преобразователем России. В начале нашей литературы, когда она шла ощупью, бессознательно, не зная ни сил своих, ни стремлений, Сумароков представляет отрадное явление, лицо, на котором история нашей литературы должна останавливаться с почтением. Мы привыкли в Сумарокове, по преданию, видеть только одну жалкую, тяжелую и неуклюжую форму его произведений, привыкли видеть в нем мелкого литературного врага Ломоносова, этого колосса, стоящего в преддверии новой, преобразованной словесности. За бедной формой мы забываем живое и всегда применимое содержание. <...>

II.

Русская критика смотрела на Сумарокова и его сочинения с двух разных точек зрения: она, или безусловно склонялась перед его талантом <...>, или безусловно отнимала у него всякое литературное значение. Это было естественно и зависело от развития идей эстетических и теорий литературных в обществе. <...>

<...>

<...> Критика должна отделиться от своего времени, должна забывать приобретенное ей в развитии и переноситься вполне во время, в которое жил литературный деятель, разбираемый ею. <...>

Когда Сумароков сошел с литературного поприща, русская литература, начавшаяся громкою одою, сделала уже исполинские шаги в развитии. В сатирических журналах за восемь лет до смерти Сумарокова подняты были самые живые общественные вопросы, вопросы, касавшиеся существенных сторон отечественной жизни, и журнальное движение, общественная сатира заменили оду. <...> В этом быстром возрастании нашей литературы <...> Сумароков был самым живым, самым деятельным лицом. Кажется, все направления, все формы литературные были, если не созданы им, то вызваны под его влиянием. Он один заключает тогда в себе всю тогдашнюю литературу. <...> Общественное развитие России в этот период времени вполне выражается в сочинениях Сумарокова. <...>

Наша печатная литература вследствие нового исторического толчка началась отрицанием <...> народности. Ей нужно было разом создать все литературные формы, известные на Западе. Она существовала для высшего общества, а оно было воспитано в европейских понятиях о литературе. Поэтому нашим писателям была одна дорога – подражание тому, что существовало уже в Европе. Их дело было пересадить на нашу почву цветы чужого климата. Поэтому и Сумароков был искусственным писателем. <...> Он <...> всю жизнь хлопотал о том, чтобы «явить России театр Расинов». Он первый познакомил нашу литературу с литературой западной, преимущественно французской, и всякая литературная форма там известная, вызывала его деятельность, и страстно стремился он усвоить ее своему отечеству, забывая о том, естественна она или нет. <...> В душе его жило убеждение, что подражать классическим писателям Франции – необходимо, что в этом подражании заключается непременное условие русского писателя. Это убеждение разделяли тогда все, и театральные произведения Сумарокова основаны главным образом на нем.

Если и отразилось что в произведениях Сумарокова из внутреннего содержания европейских литератур, то это было *сатирическое направление*, главным представителем которого был он у нас. Конечно, первым сатириком русским был Кантемир, но его сатира, несмотря на то, что в ней являются черты и следы русского быта, всё-таки была далека от общества. Она создана была по классической форме древних и далеко была от живого, вседневного содержания, которое живым ключом бьет в прозаических произведениях Сумарокова. Сатира Кантемира, строгая и важная, имеет место в истории нашей литературы по отношению более к

ее художественной, классической форме. Сатира Сумарокова, летучая и подвижная, полное выражение его характера входит в историю нашей литературы более своим содержанием, выросшим на общественной почве. Наша литература в своих сатирических явлениях имеет много прав на уважение. Вся она проникнута глубоким сознанием нравственности и на первых порах своего существования отзывалась на всё доброе, что только успевала подмечать в обществе. <...> Наша литература была учительницей народной и воспитательницей. Она шла впереди развития общественного. Она была провозвестницей всех благородных чувств и побуждений; она развивала для общества высокие понятия нравственности, правды и добра; она указывала ему цели стремлений.

<...>

<...>

<...> существует предание, что одним из первых поэтических произведений Сумарокова были песни, которые вошли тогда же в моду и сделали известным имя Сумарокова. <...> песни Сумарокова любопытны для нас именно по отношению к обществу современному. Бедность их содержания заставляет догадываться о пустоте того общества, где они были в ходу. <...> Но Сумароков и в песне оставался верен своему сатирическому направлению, которое составляет главную и существенную сторону его таланта. <...>

<...>

Сумароков не был поэтом в настоящем смысле этого слова. <...> Поэтам прошлого века у нас недоставало многое: недоставало глубокого понимания жизни, приобретаемого жизнью, недоставало чувства и страсти, которое дает поэзии и смысл, и движение, а дается нравственным развитием. Но Сумароков был замечательный и чрезвычайно плодовитый стихотворец. Смотря на произведения его с рифмами, нельзя не удивляться, если не таланту его, то огромному трудолюбию. <...> Над всеми его непрозаическими статьями возвышается, однако ж, мысль – создать поэтические формы у нас, за которую мы должны быть ему благодарны. Увлекаясь похвальным рвением пересадить на родную почву стихотворные растения чужой земли, преимущественно французской, которая воспитала его, он писал во всех стихотворных родах и этим, отадим ему справедливость, он создал нашу литературу. <...>

<...>

Разбирая стихотворные произведения Сумарокова, мы придем к той мысли, что там, где он оставлял ему не свойственный тон элегиста, или

нежного идиллика, или громкого слагателя од и шел дорогою сатиры, насмешки, преследуя особенно мрак и невежество, там стих его становился и глаже, и изящнее, и для нас понятнее. <...> Сатира оживляла его и изменяла решительно. Порок, преследуемый им, задевал его за живое и вдохновлял его. <...>

<...>

Трагедия Сумарокова возникла вполне на почве ложноклассической, размеренной, чрезвычайно хитро придуманной и механической трагедии французов. <...> Драма греков была изображением широкой исторической жизни. <...> Она была всегда художественно-понятной историей прошлого и верной изобразительницей настоящего. <...>

Ничего этого, разумеется, не было в трагедии французов, следовательно не могло быть и у Сумарокова. <...>

<...>

<...> Классические трагедии Сумарокова в свое время считались образцами, и Херасков, и Княжнин склонялись перед авторитетом нашего поэта. Он был у них учителем в деле трагедии. Они имеют историческое значение в нашей литературе и историку ее нельзя пройти их молчанием. Они были произведением насущной потребности в зреющих, и заслуга Сумарокова заключается в создании их, удовлетворявшем требованиям времени. На них отразилось влияние века, и стать выше существовавшей тогда теории они не могли. Но трагедия Сумарокова все же выше стоит трагедий Ломоносова и Тредиаковского. <...>

<...>

<...> Комедии Сумарокова были еще дальше шагом вперед. Они были оригинальны, то есть не переведены и не заимствованы, а составлены по образцу чужому. И здесь, как в других родах литературы, Сумароков был нововводителем: он первый в 1750 году написал комедию свою, не перевел ее и не заимствовал. Но искать в комедиях Сумарокова изображения общества, яркой картины быта современного напрасно. Русское общество было тогда еще слишком молодо для сознания себя, и только более художественная и более зрелая комедия Фонвизина соответствует некоторым образом, хотя и не вполне, тому понятию о комедии, по которому ее называют «зеркалом общества». Напрасно также было бы искать художественной отделки характеров, <...> высокого драматизма, обдуманных комических положений: всего этого не было и не могло быть. Здесь главными героями являются лица, нарисованные густыми, грубыми красками <...>.

<...>

<...> Существенным достоинством комедий Сумарокова остается язык их, довольно живой и бойкий, который стоит выше <...> языка комедий переводных и переделок с французского. Сумарокову принадлежит честь первого введения у нас комической прозы, и этим он уравнял дорогу Фонвизину, язык которого долго считался классическим.

<...>

<...>

<...> Проза Сумарокова, доступная и понятная всем, читалась постоянно, а его мелкие журнальные статьи, исполненные сатиры, часто желчной и едкой, почти личной, <...> преследующие порок и уклонение от правды, имели большое значение для последующего направления русской литературы. Они вызвали сатирическое движение журналов. Семя, брошенное Сумароковым, попало на землю благодарную и плодовитую, которой так много на Руси. <...>

<...>

В заключении мы должны бросить взгляд на самую живую, на самую плодоносную сторону деятельности Сумарокова, которая осталась не бесследно в нашей литературе и породила впоследствии времени целую семью ежемесячников, еженедельников и ежедневников. Мы говорим о его *журнальной деятельности*. За его «Пчелою», как за маткою, полетели «Трутни» и другие старые журналы. Было что-то живое в этом забытом нами литературном движении. Молодые силы кипели и порывались к деятельности. Здесь Сумароков стоял лицом к лицу с современностью, и здесь вполне открывается нам его натура. Здесь Сумароков является нам и моралистом, и сатириком, и литературным критиком, но везде живым, деятельным. <...>

<...>

Общее учение о морали разбросано у Сумарокова в большом количестве статей. <...> В этих статьях Сумароков говорит о необходимости просвещения для всех классов общества, и о воспитании девиц в учреждениях Бецкого, и о судьях, «емлющих взятки», и о невежестве, и о гордости, и о любви, и о воспитании; одним словом о всем, что только умный человек мог сказать тогда массе. <...>

Сумароков свою теорию сейчас же применял к обществу; жизнь общественную, ее успехи, развитие в ней понятий нравственных онставил выше литературы, и в этом отношении, по этому взаимодействию писателя на общество, он более почетное место имеет в истории нашей

литературы, нежели Ломоносов. Свой талант приносил он вполне на служение обществу. Это можно видеть из той горячей любви к отечеству, которая ясно читается в каждой статье его. Он постоянно, напряженно обращен был к обществу и зоркий взгляд его следил за всем, что в нем происходило. С этой стороны между его талантом и талантом Новикова <...> было очень много общего. Они были сатирическим писателями по преимуществу в то время и должны были со многим бороться. Фонвизин развил талант свой в их школе. <...>

Быть сатирическим писателем в то время умному человеку было не трудно, но трудно было выдержать борьбу с обществом, трудно было, нападая на людские пороки, оставаться в бесстрастной коже сатирика, а потому сатира Сумарокова не имеет художественного, спокойного характера. Вся жизнь Сумарокова прошла в постоянной мелкой борьбе, особенно с московским обществом, которому он принадлежал по рождению и в котором, под конец деятельной жизни своей, нажил кучу врагов. Мы видели уже его одинокую, печальную смерть, о которой никто не знал, и никто не пожалел о покойном. И такая смерть была следствием его жизни, следствием неуклончивого, задорного характера, развитого, по-видимому, больше внешними обстоятельствами. <...>

Сумароков в конце XVIII века был близким выразителем общества, его окружавшего. Он хорошо понимал нужды и желания этого общества, он сочувствовал тому, к чему оно стремилось и чего добивалось. Поэтому сатирические нападения его на подьячих, крючкотворство, взятки и ябеды, при всей видимой незначительности, обрывочности, желчи и озлобления, имели совершенно общественное значение. <...>

<...> В Сумарокове <...> похвально желание общего блага, похвально понимание нужд государственных. Он следил за общественным развитием, как человек живой и как писатель помогал этому развитию первом. <...>

<...>

<...> Живое содержание, внесенное в нашу литературу Сумароковым, не погибло даром. Оно нашло вскоре продолжателей и оправдателей тех убеждений, которые Сумароков отстаивал в своей литературной жизни, хотя и со страстным увлечением, но всегда искренно. <...>

Литература

1. А.П. [Пытин А.Н.] // С.-Петербург. ведомости. – 1854. – № 83. – С. 402–406.

2. Гаевский В. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1854. – Т. 83, отд. VI. – С. 23–40.
3. Б. п. // Современник. – 1854. – Т. 46, кн. 7, отд. IV. – С. 1–14.
4. Бестужев К. // Моск. ведомости. – 1854. – Лит. отд. – № 40 (3 апр.) – С. 155–157; № 47 (20 апр.). – С. 191–193; № 68 (8 июня). – С. 277–279.
5. Б. п. [Михайлов М.Л.] // Библиотека для чтения. – 1854. – Т. 125, отд. VI. – С. 12–24.
6. Сидорова М.М. Н.Н. Булич как исследователь русской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Сидорова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1997. – 27 с.

Подготовка текста: М.М. Сидорова

Тредиаковский Василий Кириллович

М.П. Петровский

**Библиографические заметки о некоторых трудах
В.К. Тредиаковского. Страница к истории
русского стихосложения¹
(1890)**

Ключевые слова: русская литература XVIII века, В.К. Тредиаковский, первый профессор из русских; западные влияния, славянское просвещение.

Sic vos non vobis

<...> Этот первый профессор Академии наук из русских стоял на высоте своего призвания в ту пору, когда, покидая прежний умственный строй, Русь, своими верхушками, влеклась к блестящей чужеземной дали.

Запад уже в лице Симеона Полоцкого проявил себя в русской светской литературе; но не этот запад привлекал к себе верхнее сословие Руси. Духовная поучающая окраска <...> казалась уже отсталой <...>

Выразителем <...> новых требований общества явился Тредиаковский. Он яснее своих современников сознавал, что язык славянский у нас очень темен, <...> что при новом светском содержании литературных произведений нужно почти самое простое русское слово <...>.

<...> Наблюдательный и пытливый астраханец, познакомившись с европейскими педагогами в своем родном городе <...>, очутившись за границей, нашел аллегорию Тальмана² [роман П. Тальмана «Езда в остров Любви». – Ред.] весьма заманчивой и достойной перевода на тот почти самый простой язык, каковым мы меж собой говорим. <...> попадись такой остров любви русским интеллигентным людям конца XVII века, они предали бы анафеме географа, открывшего этот новый остров. Но в

¹ Петровский М.П. Библиографические заметки о некоторых трудах В.К. Тредиаковского. Страница к истории русского стихосложения / М.П. Петровский. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1890. – 34 с.

² Роман П. Тальмана «Езда в остров любви» – Примеч. ред.

начале XVIII столетия <...> Русь взглянула на этот грех уже очами запада
<...>

<...>

<...> *Езда в Остров любви* является в русской печати первым европейским беллетристическим произведением нового пошиба; <...> в нем уже проявляются между прочим намеки на тоническое стихосложение, введение которого в русскую поэзию безусловно принадлежит Тредиаковскому.

<...>

<...> Напрасно обвиняют Тредиаковского в излишнем самодовольстве: и исправленные стихотворения в своем новом собрании «Сочинений и переводов» он подвергал дальнейшей обработке. [Все эти обстоятельства важны. – Ред.] к сведению изучающих его тяжкую трудовую жизнь <...>.

<...>

<...> Тредиаковский чувствовал промахи своей версификации и по возможности исправлял их. Силлабические стихи окончательно были устраниены в собрании «Сочинений и переводов». <...> [В «Мнении о начале поэзии и стихов вообще». – Ред.] автор высказывает свои наблюдения над народным складом русского стиха, распространяя и уясняя их примерами. <...>

<...>

<...> Как польское силлабическое стихосложение перенеслось в XVI–XVII столетии через юго-западную Русь на наш север, так в начале XVIII века южно-славянское далматинское тоническое стихосложение повлияло, вместе с русским народным ритмом, на образование того современного нам стихосложения, первым представителем которого был незабвенный Тредиаковский. От художественного далматинского стиха был непосредственный переход к русскому: он невольно указывал пытливому русскому человеку на ближайшую аналогию в тонировании столь родственных наречий. Как филолог, в широком настоящем значении этого слова, Тредиаковский не мог не замечать такого близкого родства народностей <...>

<...>

<...> мог ли он, при своих непрерывных занятиях русской филологией и историей, забывать о великом славянском мире, к которому ... принадлежала и горячо любимая им Русь! Как близко знакомо было ему тогдашнее положение вопроса о возникновении славянского просвещения

<...> мы видим в его, достойном изучения, «Разговоре об ортографии» <...> В обширной области филологии, подразумевая под ней не одно жалкое механическое буквоЕдство, Тредиаковский стоял на высоте своего положения. <...> вы невольно удивитесь поразительной энергии и эрудиции этого человека. Отдых, покой, кажется, не существовали для Тредиаковского. <...>

И такая разнообразная, а потому и не всегда удачная деятельность вознаграждалась небольшим секретарским или профессорским жалованьем и... тупым глумлением тех людей, в кругу которых и для потехи которых безустанно работал он всю жизнь. <...> «*Вообще, – говорил Пушкин, – изучение Тредиаковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей*». <...>

Литература

1. Буранок О.М. Феофан Прокопович и В.К. Тредиаковский: преемственность традиций в драматургии («Владимир» и «Деидамия») / О.М. Буранок // Анализ и интерпретация художественного произведения: материалы XXXII Зональной конф. литературоведов Поволжья. – Астрахань, 2010. – С. 38–40. То же. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/sbornik%20troodov%202010/Kol-v%20avtorov%20%28Glinin%20G.G.%29.pdf>.

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

В.Г. Варенцов

Тредиаковский и характер нашей общественной жизни в первой половине XVIII столетия¹ (1860)

Ключевые слова: русская литература XVIII века,
В.К. Тредиаковский, степень развития народа, филологические взгляды писателя.

Взгляд на писателя и ученого вполне зависит от степени развития целого народа или хоть избранного круга общества, – и чем выше такое развитие, тем выше ценит общество представителей труда и знания, тем более оно поддается их влиянию и применяет к жизни результаты науки, добытые путем долгих трудов и опытом многих столетий. Не завидна доля русского писателя <...>

<...>

<...> [Тредиаковскому. – Ред.] принадлежат первые на русском языке трактаты о витийстве и философии, первые теории поэзии и стихосложения, филологические взгляды его также очень замечательны для того времени <...>

<...>

<...> Он умер, унося в могилу сладкую уверенность в своих литературных и ученых заслугах и оставляя по себе грустную память благородных усилий и тяжелого, неблагодарного труда. <...> Он ошибался, считая себя поэтом <...>

<...>

<...> Перебирая страницы нашей истории литературы, мы немного найдем людей, которые с таким самоотвержением, как он, отдавали все свое время, все свои мысли одной идее общего блага и пользы науки <...>.

Литература

1. Комар Н.Г. Из истории литературоведения в Казани: наследие В.Г. Варенцова / Н.Г. Комар // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманиар. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 279–284.

¹ Варенцов В.Г. Тредиаковский и характер нашей общественной жизни в первой половине XVIII столетия / В.Г. Варенцов // Моск. вед. – 1860. – № 37. – С. 283–285.

2. Тимофеев Л. Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769) [Электронный ресурс] / Л. Тимофеев. URL: http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0110.shtml.

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

История русской литературы первой половины XIX века

Аксаков Сергей Тимофеевич

А.С. Архангельский

С.Т. Аксаков. Детство и студенчество (1791–1807)¹ (1895)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, С.Т. Аксаков, биография, истоки мировоззрения и творчества, Казань, гимназия, университет.*

В начале января 1799 года семилетний Аксаков в первый раз случайно приезжает с родителями в Казань, и у отца тогда же является мысль о помещении сына в местную гимназию. Но мать сначала и слышать не хотела об этом, – ее поражала одна мысль о возможности расстаться со своим маленьким сокровищем. Полная невозможность дать сыну образование в Уфе, при отсутствии там всяких средств к этому, еще меньшая возможность научить чему-либо серьезно сына в деревне, – заставили, однако, мать постепенно свыкнуться с ужасною мыслью о необходимости расстаться с сыном. <...>

Казанская гимназия только что перед этим, года за три (в 1798 году), была возобновлена и преобразована. Основанная еще в 1758 году, в 1788 году гимназия закрылась по недостатку денежных средств и возобновлена была лишь через десять лет, по указу императора Павла. При этом возобновлении она получила новое устройство, сравнительно со своим прежним видом, – и явилась учебным заведением с весьма широким объемом преподавания; это была не гимназия в настоящем смысле этого

¹ Архангельский А.С. С.Т. Аксаков. Детство и студенчество (1791–1807) / А.С. Архангельский // Русское обозрение. – 1895. – № 7; № 8. – С. 498–513; № 9. – С. 63–92. (Отд. отт.: СПб., 1895. – 44 с.).

слова, а какое-то более высшее учреждение, напоминающее, как справедливо было замечено, последующие лицеи. <...>

Состав преподавателей Казанской гимназии с самого начала был весьма удовлетворительный, – историк гимназии называет его даже «отличным»²: воспитанники имели полную возможность получить хорошую подготовку для разных служебных обязанностей «гражданской жизни», как в военной, так и в гражданской службе. Большинство преподавателей были воспитанниками Московского университета, и по отзыву одного из самых ранних питомцев гимназии, – «были люди просвещенные и трудолюбивые, знавшие свое дело»³. <...>

Гимназическое учение Аксакова продолжалось всего только три с половиной года (с августа 1801 по февраль 1805 г.); но и этот короткий период времени имел весьма важное значение в его общем образовании и развитии. Прежней тоски по дому мальчик теперь уже не чувствовал; он быстро сошелся с товарищами, «завел себе несколько приятелей в гимназии и полюбил ее». Нашлись общие интересы, родилось желание сообщества друг с другом. В своих воспоминаниях Аксаков, впрочем, мало говорит о гимназических уроках; только об уроках по русской словесности он вспоминает подробнее. Он отзыается с восторгом о... преподавателе этого предмета в гимназии, Ибрагимове. «Этот человек, – замечает он, – имел большое значение в моем литературном направлении, и память его драгоценна для меня. Он первый ободрил меня и, так сказать, толкнул на настоящую дорогу»... Вспоминая о характере его уроков, Аксаков сообщает некоторые подробности преподавания и своих успехов в этом предмете <...>

Для того времени преподаватель этот был, по-видимому, действительно выдающимся. Ученики после вспоминали о нем с необыкновенной любовью и уважением. Это был «человек даровитый, горячо любил литературу, был очень остроумен», – замечает Аксаков. «Он имел, – говорит Вл. Панаев, – необыкновенную способность заставить полюбить себя и свои лекции, сам писал, особливо стихами, прекрасно, и, обладая тонким вкусом, так умел показать нам погрешности в наших сочинениях, что смышленый ученик не делал уже в другой раз ошибки, им замеченной, а иногда слегка и осмеянной... Почитаю себя многим ему

² Владимиров. Историческая записка о первой Казанской гимназии. II. С. 52.

³ Владимиров. Историческая записка о первой Казанской гимназии. II. С. 54. (Записка Веригина).

обязанным»⁴. Ибрагимов был большим почитателем Карамзина; повести «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» казались ему «прелестными». Учеников своих больше всего упражнял в сочинениях, и, кажется, считал такие сочинения важнейшим средством для развития учащихся. <...> Успехи у него Аксакова были во все продолжение гимназического курса блестящи. Несколько слабее были успехи Аксакова в других предметах, но все же не ниже средних. <...>

Очень скоро, сверх классных уроков, у девятилетнего Аксакова начались особые, домашние занятия, по личному плану и под непосредственным руководством его воспитателя, Г. И. Карташевского (у которого и жил Аксаков). План, составленный для этих занятий Карташевским, был план «общего легкого, преимущественно литературного образования». <...>

Бессспорно, объяснения, которые давал при чтениях своему воспитаннику руководитель, в значительной степени расширили умственный кругозор ребенка, способствовали большему осмыслению и пониманию читаемого, вообще могли могущественно действовать на его умственное и эстетическое развитие. Нельзя не отметить отношение воспитателя к Карамзину. Отношение это несколько неясно, но вообще Карташевский смотрит на него как-то холодно, даже враждебно, – совсем не так, как, например, Ибрагимов. Карташевский не читает со своим воспитанником Карамзина, не позволяет мальчику приобретать в свою библиотеку карамзинских изданий, не только не поощряет в воспитаннике возникавших у того симпатий к Карамзину, но прямо предупреждает его против Карамзина <...>. Это холодно-враждебные отношения к реформе Карамзина воспитателя – не могли не отразиться и на взглядах воспитанника, и, нам кажется, уже здесь, в этом влиянии литературных симпатий воспитателя, нужно видеть коренную причину тех воззрений, которые с такою страстью обнаружились у будущего писателя несколько позднее, на студенческой скамье, где он, несмотря на поголовное увлечение всех своих товарищей Карамзиным, выступил крайним и жарким защитником шишковских воззрений...

Ни классные уроки, ни домашние литературные занятия не заглушили, однако, в ребенке его врожденной любви к природе, его страстных порывов к ней. Когда, после годичного пребывания в гимназии, ребенок отправился на вакат домой, в деревню, едва сел он в дорожную

⁴ Вестник Европы, 1867. II. С. 217.

кибитку и выехал в поле, – дыхание природы «охватывает все его существо», и из его головы «моментально вылетают и гимназия, и товарищи, и учителя, и книги, и уроки»... «После временного, – замечает он, – как будто забытья или охлаждения, еще горячее и уже еще сознательнее полюбил я красоты Божьего мира»... <...>

В гимназии в мальчике возникает новая страсть, – зачатки которой были положены уже раньше и которой с этого времени он остается верен потом на всю жизнь, – страсть к театру. Случайно попавши в театр, он «грезит виденными пьесами день и ночь», становится столь рассеянным, что «не может совершенно заниматься учением»...

Страсть растет в нем с каждым днем. Он выучивает наизусть все виденные им на сцене пьесы, и тихонько от воспитателя разыгryвает сам перед собой, совершенно один, все роли этих пьес, запираясь с этой целью в своей комнате или уходя в пустые антресоли... Это было общим увлечением гимназистов, которому покровительствовал и их учитель, Ибрагимов, нередко, в виду спектакля, даже нарочно несколько раньше прекращавший свои уроки (спектакли тогда начинались в 6 ½ часов, а классы оканчивались только в 6).

Гимназия, общество товарищей, вообще сильно развивает даровитого мальчика, вызывает и создает в нем новые интересы и вкусы. Товарищеская атмосфера, чтение, под руководством образованного воспитателя, писателей русских и иностранных, постоянное непосредственное общество серьезного руководителя, все это решительно и быстро развивает богатую натуру ребенка, и вообще действует на него чрезвычайно благотворно в смысле общего его умственного развития. Рядом с страстью к театру, являются стремления литературные и первые попытки авторства. Аксаков сближается, а потом дружится с одним из своих товарищей, Александром Панаевым, – «страстным любителем театра и русской словесности», уже на гимназической скамье издававшим рукописный журнал и, по примеру товарища, сам начинает «тихонько пописывать», храня, впрочем, эту тайну даже от своего друга. Через год талант однако не скрывается более, и в 1806 г., в университете, Аксаков вместе с тем же Панаевым уже предпринимает издание нового рукописного журнала, «более серьезного» сравнительно с гимназическим... Но это было уже в университете.

<...>

Лекции в университете начались с осени 1805 года... Но уже в январе 1807 будущий писатель подает просьбу об увольнении его из

университета; его бывший воспитатель, Карташевский незадолго перед этим, по недоразумениям и служебным неприятностям, оставивший профессуру и перешедший из Казани на службу в Петербург, убедил родителей Аксакова, что молодому человеку вместо казанских наук будет гораздо полезнее поступить на службу... Тотчас же, за подачей прошения, Аксаков перестал ходить на лекции, – и университетская жизнь для него кончается... Таким образом, наш «первый студент» пробыл в университете всего около полутора года. Когда он был «произведен» в студенты, ему шел лишь 14-й год; когда он оставил университет, – не было и 15-ти с половиной... Что же вынес из стен университета этот ребенок-юноша? Что дало ему полуторагодичное пребывание в нашем университете?..

<...>

<...> В научном отношении университет наш не мог дать многоного будущему писателю... «Мало вынес я научных сведений из университета, – сознается сам писатель... – Во всю жизнь я чувствовал недостаточность этих научных сведений, особенно положительных знаний, и это много мне мешало и в служебных делах, и в литературных занятиях»⁵. Тем не менее, университетская жизнь будущего писателя далеко не прошла для него бесследно в общей истории его духовного развития. Его умственные и духовные интересы продолжают здесь не только свое дальнейшее развитие, но приобретают также значительное разнообразие и полноту... Прежде всего, университет поддержал и развил в нем великий дар, вложенный в его натуру, – интерес и любовь к природе. Университет не только помог еще сильнее укорениться в душе будущего писателя этой страсти, но дал отчасти и научную поддержку. Лекции профессора естествознания увлекают юношу, и он слушает их, по его выражению, «с жадностью». Во всей студенческой молодежи этого времени мы видим какое-то особое увлечение естествознанием... Профессор заражает своих слушателей страстью к собиранию насекомых, и увлечение это быстро овладевает юношами. <...>

<...>

Вместе с тем, университет значительно подвинул общее литературное развитие своего питомца, способствовал в известной степени формированию и выработке его общего мировоззрения, полагая основание его будущим общественным симпатиям и взглядам.

⁵ Аксаков С.Т. Сочинения, II, с. 804.

Несмотря на недостаточность и вообще слабость тогдашних научных сил нашего университета, у него было могущественное средство, которым он больше всего мог влиять на умственное и нравственное развитие своих питомцев: этим средством была – молодая, честная, увлекающаяся товарищеская среда...<...> В этой молодежи было много свежего и возбуждающего. В этой среде, как мы видели, значительно развиты были и научные интересы; этой среде были присущи, в весьма значительной степени, и интересы литературные и вообще умственные... Не говорим уже об увлечениях театром, о горячих студенческих спорах по поводу игры артистов, о личном исполнении и декламировании студентами различных ролей в кругу товарищей, о спорах и хлопотах, ссорах и различных юных волнениях по устройству спектаклей в самом университете и т.п.; не говорим и об этом рукописном журнале, который издается одним из студентов еще с гимназической скамьи, – и участие в котором очень скоро, также еще с гимназии, начинает принимать и наш будущий писатель, – впервые делая опыты собственного авторства... Не говоря о всем этом, – вся атмосфера студенческой жизни представляла собой много свежих и здоровых соков для умственного и нравственного питания. Сейчас мы приведем отзыв самого нашего писателя об этом времени его студенческой жизни; предварительно припомним замечание другого тогдашнего студента Казанского университета, младшего товарища Аксакова, – Вл. Панаева; хотя отзыв этот и носит несколько идиллический характер, – но под идиллией все же не могло не скрываться и фактического основания: «Счастливо было это время моего пребывания в университете, – вспоминает он о кружке своих ближайших товарищей, – занятия науками, особенно историей и словесностью, и дружба самая нежная, самая возвышенная услаждали юные дни мои. Свободное время от уроков и забав посвящали мы суждениям о предметах высоких или изящных: подвиги героев, черты самоотвержения, торжество добродетели, творения великих писателей и поэтов – вот что составляло преимущественно предмет наших разговоров, наших помышлений, наполняло сердца наши и души; мы были самыми благородными, самыми честными молодыми людьми; и вдобавок – жаркие патриоты, готовые положить жизнь на алтарь отечества...»⁶. <...> Но вот, что рассказывает Аксаков о своих собственных товарищах, – рассказ его ярче всего рисует перед нами те умственные интересы, которыми жила, которым отдавалась

⁶ Воспоминания Вл. Панаева // Вестник Европы, 1867. III, с. 220–221.

со свойственной юности страстью – окружавшая нашего писателя студенческая молодежь. <...> «В 1806 году, – рассказывает Аксаков, – я был своекоштным студентом Казанского университета. Мне только что исполнилось пятнадцать лет. Несмотря на такую раннюю молодость, у меня были самостоятельные и, надо сознаться, довольно дикие убеждения; например, я не любил Карамзина и, с дерзостью самонадеянного мальчика, смеялся над слогом и содержанием его мелких прозаических сочинений! Это так неестественно, что и теперь осталось для меня загадкой. Я не мог понимать сознательно недостатков Карамзина... <...> Я терпел жестокие гонения от товарищей, которые все были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. <...> И вся кому человеку, и пятнадцатилетнему юноше, приятно увидеть подтверждение собственных мнений, которые до тех пор никем не уважались, над которыми смеялись все, и которые часто поддерживал он сам уже из одного упрямства: точно в таком положении находился я. Можно себе представить, как я обрадовался книге Шишкова, человека немолодого, достопочтенного адмирала, известного писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика «Детской библиотеки», которую я еще в ребячестве вытврдил наизусть! Разумеется, я признал его неопровергимым авторитетом, мудрейшим и ученейшим из людей! Я уверовал в каждое слово его книги, как в святыню!.. Русское мое направление и враждебность ко всему иностранному укрепились сознательно, и теплое чувство национальности выросло до исключительности. Я не смел обнаруживать их вполне, встречая во всех товарищах упорное противодействие, и должен был хранить мои убеждения в глубине души, отчего они в тишине и покое достигли огромных и неправильных размеров. Так шло все время до моего отъезда из Казани»⁷.

Приведенный факт в высшей степени важен – и в общем, историко-литературном отношении, и в частности, в личной биографии нашего писателя. Заметим предварительно, что эти горячие столкновения и споры, принимавшие такой страстный характер вследствие самой юности споривших (Аксакову, например, в это время было всего 15 лет), – и сами по себе имели могучую, развивающую силу, и вообще могли много способствовать общему духовному развитию. Они не могли не действовать возбуждающие, – и в этом уже одном могло заключаться

⁷ Аксаков С.Т. Сочинения, III, с. 172–174.

весьма существенное значение для будущего писателя этой окружавшей его студенческой среды. Но тут была и другая, еще более важная сторона. Это всеобщее и страстное увлечение Карамзиным чрезвычайно много говорит в пользу самого умственного развития всей этой студенческой молодежи, – а вместе и той умственной атмосферы, которая окружала нашего писателя. – Припомним, что литературные реформы Карамзина в то время далеко еще не были делом общепризнанным, – это было нововведение, которому только немногие открыто и прямо сочувствовали; большинство же смотрело недоверчиво и сторонилось... Сочувствие себе Карамзин преимущественно встречал в Москве; в Петербурге – его было меньше. <...> Мнения о Карамзине путались во всей тогдашней нашей литературе, путались во всем тогдашнем русском обществе... Казанские студенты, товарищи Аксакова были, вероятно, тогда самыми горячими поклонниками Карамзина во всей Казани. И вообще, эти карамзинские увлечения казанских студентов далеко не были явлением обычным, эти увлечения на первый взгляд могут показаться даже необъяснимыми, загадочными. Но, очевидно, в Казанском университете, рядом с «чиновником российской словесности», Городчаниновым, была какая-то другая рука, направляющая молодые студенческие головы в другую сторону, какая-то другая могущественная сила, питавшая студентов более свежей и здоровой пищей... Едва ли этой силой не был Ибрагимов. Гимназия в то время помещалась в тех же стенах, где был и университет; последний представлялся даже чем-то неотделимым от гимназии; гимназисты жили сообща со студентами; многие из последних, слушая университетские лекции, в то же время продолжали посещать и гимназические уроки. При таких условиях Ибрагимов имел полную возможность быть близко к студентам и влиять на их увлечения... Мы уже говорили, что Ибрагимов был одним из страстных поклонников Карамзина; в увлечении этом его укорял и Карташевский... Ибрагимов же, во главе нескольких студентов, явился потом и главным инициатором устройства при университете особого «Общества любителей отечественной словесности», членом которого на самых первых порах делается и студент Аксаков...⁸ Как бы то ни было, в виду указанного еще довольно заметного противодействия или, по крайней мере, недоверия, и в

⁸ (Мы не останавливаемся на этом факте в биографии нашего писателя. См. о нем: Сем. Хронику, в Посл. Собр. Соч., II, с. 295; Н.А. Попова. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани, с 1805 по 1834 г. // Рус. Вестник, 1859, т. XXIII, с.52 параграф 99; Н.Н. Булича Из первых лет Каз. унив., II, с. 596–597).

обществе, и в литературе к карамзинским стремлениям, поклонение Карамзину, его обожание со стороны казанских студентов, повторяем, говорит чрезвычайно много в их пользу, в пользу степени развития в них умственных интересов и литературного вкуса, в пользу той среды, в которой они жили, которая окружала и Аксакова. Эта молодая, горячая среда, так беззаботно увлекающаяся Карамзиным и готовая так энергично защищать его идеи, не могла не быть могучею образовательною силой, не могла не действовать на каждого из своих членов, не могла не действовать и на будущего нашего писателя. Правда, он борется с этим всеобщим увлечением, противостоит ему, но противостоит, как и сам откровенно замечает, «иногда и из одного упрямства»... <...> Едва ли уже не здесь, в этих горячих студенческих спорах, не были заложены в будущем знаменитом писателе, незаметно для него и помимо его самого, задатки чего-то другого, лучшего, задатки тех неясных литературных стремлений, которые заставляли его нередко как бы инстинктивно не удовлетворяться и порицаниями, и восторгами Шишкова, зародыши тех стремлений, которые влекли его на свежую дорогу, которые помогли ему, в конце концов, осилить все ложноклассические пути, так долго по воле судьбы окружавшие его умственно, и сделали Аксакова великим писателем...

Во всяком случае, сам писатель считал себя весьма многим обязанным своему, хотя и краткому, пребыванию в университете, и придавал весьма большое значение своей студенческой жизни, не в смысле приобретения здесь каких-либо специальных знаний, а в смысле общего своего духовного развития и облагорождения... С самыми искренними и теплыми симпатиями вспоминает писатель об этом раннем периоде своей жизни. «Тут было, — говорит он, — много добрых, благотворных начал, прочно подвигавших на пути образованности искренне желавших учиться; немного было приобретено сведений научных, но зато они вошли в плоть и кровь учащихся, вполне были усвоены ими и способствовали самобытному развитию молодых умственных сил»⁹... Как ни мало, может быть, сделал университет в научном отношении для будущего великого писателя, университет, бесспорно, был для него могучею образовательною и развивающею силой! И благодарный писатель не забыл этого... Как много в истории своего общего духовного развития приписывал он университету, сколь многим чувствовал себя ему обязанным, — показывает его горячее,

⁹ Аксаков С.Т. Сочинения, II, с.337.

восторженное обращение к поре его студенческой жизни, которым он заканчивает свои мемуары этого периода. Прощаясь с ней в своих воспоминаниях, писатель приветствует ее, как лучшую, наиболее высокую и чистую пору своей жизни: «Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь!.. Прощайте, первые невозвратные годы юности, пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свет, ни домашняя жизнь со всеми их дрянностями еще не помрачили вашей ясности! Стены гимназии и университета, товарищи, – вот что составляло полный мир для меня. Там разрешались молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства! Там был суд, осуждение, оправдание и торжество! Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своеокрыстным расчетам и выгодам, ко всей житейской мудрости, и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких годов неразлучно живет с человеком и неприметно для него освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, как бы ни втоптали в грязь и тину, она выводит его на честную прямую дорогу! Я, по крайней мере, за все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда...»¹⁰.

Литература

1. Воронова Л.Я. С.Т. Аксаков в оценке казанской интеллигенции XIX - начала XX века / Л.Я. Воронова // HOMO SCRIBENS. Литературная критика в России: поэтика и политика: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. (Казань, 30 сент. – 2 окт. 2008 г.). – Казань, 2009. – С. 120–132.

2. Воронова Л. Я. Литературные праздники в Казанском университете (1887–1898 гг.) // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова – Казань, 2012. – С. 20–41.

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

¹⁰ Аксаков. Сочинения, II, с. 304–305.

А.С. Архангельский

Природа в произведениях С.Т. Аксакова¹ (1916)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, творчество С.Т. Аксакова, изображение природы, мастерство писателя.*

Любовь к естествознанию была у С.Т. Аксакова еще в самую раннюю пору его жизни.

«Я любил натуральную историю с детских лет, – говорит он в своих «Воспоминаниях»; «книжка на русском языке, – которой названия не помню, – с лубочными изображениями зверей, птиц, рыб, попавшаяся мне в руки еще в гимназии, с благоговением, от доски до доски, была выучена мною наизусть. Увидев, что в книжке нет того, что при первом взгляде было замечено моим детским пытливым вниманием, я сам пробовал описывать зверьков, птичек и рыбок, с которыми мне привелось покороче познакомиться. Это были ребяческие попытки мальчика, которому каждое приобретенное им самим знание казалось новостью, никому неизвестной, драгоценным и важным открытием, которое надобно записать и сообщить другим. С умилением смотрю я теперь на эти две тетрадки в четвертку, из толстой синей бумаги, какой в настоящее время и отыскать нельзя»

<...>

Конечно, только благодаря этой любви к природе, С.Т. Аксаков, будучи юным, всего лишь 14-летним студентом только что открытого тогда Казанского университета, с таким страстным рвением собирает бабочек и гусениц, с таким усердием учится составлять их коллекции со своим другом Панаевым. Сначала ими руководит «ординарный профессор натуральной истории Карл Федорович Фукс...<...>». Быстро, в два приема Аксаков и, особенно Панаев, научились изготавливать препараты бабочек для засушивания и сохранения в коллекциях.

<...>

Начались частые экскурсии их по садам и окрестностям Казани. Каждое удачное пополнение коллекций становилось целым событием в студенческой жизни молодого университета. Коллекции наших друзей фигурируют на первом университетском экзамене, причем профессора

¹ Архангельский А. С. Природа в произведениях С.Т. Аксакова / А.С. Архангельский. – Казань: Тип. «Общественная Польза», 1916. – 16 с.

Фукс, по словам С.Т. [С.Т. Аксакова. – Ред.], «торжествовал с своей натуральной историей, и наши бабочки и гусеницы, и другие насекомые, все пошли в дело»².

Правда, дальше этих элементарных занятий по энтомологии, судя по воспоминаниям С.Т., практическое изучение им природы, по-видимому, в университете не двинулось: «детство, – как он выражается, – тогдашнего Казанского университета», тогдашнее состояние русского естествознания (ведь дело-то было в 1806–1807 годах!), юный возраст Аксакова, его наклонность в то время к разнообразным увлечениям, – все это, конечно, не могло содействовать формированию в нем сейчас же вслед за студенческой порой определенного естественнонаучного направления мысли.

Потребовался продолжительный период жизни наблюдательного охотника и рыболова, чтобы сослужить великую службу родине в деле изучения ее природы.

«И через 50 лет, – говорит он, – обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство, – и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет «Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»³.

Из этого беглого обозрения хода эволюции идей нашего маститого художника-природоведа мы видим, что он не получил полной специальной естественнонаучной подготовки и что созданием своих только что названных, столь популярных в нашей литературе, произведений он был обязан, главным образом, своей беззаботной, с самого раннего детства пробудившейся в нем любви к природе и продолжительному общению с ней в качестве страстного охотника и рыболова. <...> Действительно, его классификация и описание различных представителей русской фауны и флоры имеют в виду, прежде всего, потребности наших, преимущественно «деревенских», охотников и рыболовов⁴. Систематика дичи, например, представлена у него 4-мя разрядами, а именно: 1) дичь болотная (21 вид), 2) водяная (13), 3) степная

² «Собирание бабочек», рассказ. Из студенческой жизни. Собр. соч. Аксакова, изд. 1900 г., т. 1, стр. 385.

³ «Собирание бабочек», рассказ. Из студенческой жизни. Собр. соч. Аксакова, изд. 1900 г., т. 1, стр. 356.

⁴ Записки ружейного охотника. Изд. 5-е, стр. 10.

или полевая и 4) лесная (по 10 видов)⁵. Точно также породы рыб (24 вида) группируются в три отдела: 1) нехищная мелкая, 2) нехищная крупная, и 3) хищная⁶.

Но, несмотря на такую простоту общей систематики, автор, однако, достиг необыкновенной точности настоящего морфолога, особенно, конечно, при описании наружных признаков отдельных видов. <...>

<...>

Характерная наклонность представлять простейшую систематику описываемых предметов проявляется и в других местах обоих произведений. Болота, например, Аксаков различает и описывает: чистые луговые, сухие, мокрые, тонкие, камышистые, моховые или глухие, зыбкие⁷. В известной, столь художественной по местам, главе о текучих водах последовательно описываются: родники, ручьи, речки луговые и степные, реки средней и первой величины; озера делятся на заливные, непроточные, лесные, степные и искусственные, или пруды⁸. Наконец, ставшее, по своей художественности, классическим, описание леса, как известно, содержит сперва общее подразделение леса на чернолесье и краснолесье, затем перечисление древесных пород и обитателей того и другого, а потом столь богатое эпитетами и яркими, сочными красками изображение вида отдельных деревьев. Припомним себе эту последнюю часть описания:

«Хороша развесистая, белоствольная, светло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, кругло-листая, сладко-душистая во время цвета, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обевающая своими лыками православный русский народ. Хорош и клен со своими лапами-листами (как сказал Гоголь); высок, строен и красив бывает он, но его мало растет в знакомых мне уездах Оренбургской губернии, и не достигает он там своего огромного роста. <...>».

Для стилиста в этом описании важны, конечно, прежде всего, художественные красоты языка, для естественника же, кроме того, – и удачная группировка видовых, с чрезвычайной точностью списанных с натуры, признаков древесных пород нашего чернолесья, обнаруживающая всю огромную степень наблюдательности маститого автора.

⁵ Записки ружейного охотника. Изд. 5-е, стр. 40–42.

⁶ Записки об ужение рыбы. Полное собр. соч. Аксакова, изд. 1886 г., том пятый, стр. 203.

⁷ Записки ружейного охотника. Изд. 5-е, стр. 49–53.

⁸ Записки ружейного охотника. Изд. 5-е, стр. 136–146.

Вообще, точность передачи признаков данного предмета или явления – самая главная особенность его описаний, а это – черта истинного натуралиста. <...>

Отсюда – такая осторожность, присущая истинному натуралисту, при решении вопросов, по которым нет еще достаточного количества наблюдателей.

<...>

Благодаря именно такой старательности наблюдений, С.Т. Аксакову удалось точно описать столько интересных явлений и из жизни рыб. <...>

С точно таким же старанием, любовью и мастерством описаны им разнообразные явления из жизни птиц. <...>

<...>

Описания отдельных представителей дичи в «Записках ружейного охотника», как известно, удачно чередуются с картинками мест ее нахождения. Но при изображении этих картин в художнике все-таки постоянно пробуждается пытливость наблюдательного природоведа. Так, классифицируя болота, он попутно описывает и процесс их образования, а равно и образования пластов торфа⁹, не проходит при этом без объяснения и мимо болотной ржавчины <...>.

Но особенно яркими красками С.Т. описывает свои родные степи, которые, по его словам, «бывают чудно хороши весной – своею роскошной, свежей растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цветами покрыта их черноземная почва, особенно по долинам и равнинам, между перелесками».

В дальнейшем же описании степей опять оказывается отчасти обычна черта систематика, перечисляющего различные виды малорослых горных трав, которые встречаются там по местам, а именно:

«особенного вида приземистый рассыпчатый ковыль, сизый горный шалфей, белая низенькая полынь, чабер и богословская трава. Особенным ароматом наполняют они воздух, и кто не ночевал летом в наших степях, на покатостях горных кряжей, тот не может иметь понятия о благородствованном, мягкому, живительном их воздухе, который здоровее даже лесного».

Тут же автор не пропускает случая упомянуть и о влиянии жизни в степи на кочевников, и о тамошнем лечении больных, широко практикующемся, как известно, и в настоящее время.

⁹ Записки ружейного охотника. Изд. 5-е, стр. 49–55.

<...>

Но как ни хороши бывают степи, однако, красота их – временная, сезонная. Иное дело – лес, который, как и воду, Аксаков справедливо считает действительной и постоянной «красой природы». При этом он указывает также и на другое значение лесов, как «хранителей воды»¹⁰, – мнение, удерживавшееся еще до нашего времени, хотя и сильно поколебавшееся, благодаря, между прочим, новейшим исследованиям грунтовых вод под лесными площадями и сравнению памятного весеннего водополья 1908 года с былыми разливами наших рек¹¹.

Как бы там ни было, С.Т. Аксаков, как, конечно, и всякий действительный натуралист, относился к лесу и вообще к дереву с замечательной любовью. <...>

Но, конечно, не одно только дерево было предметом чувства сострадания знаменитого писателя. Будучи страстным охотником, с таким восторгом описывая иногда свои удачные выстрелы и большие количества добычи, он, однако, с грустью говорит о безжалостном истреблении дичи, особенно болотных куликов¹². С жалостью он относится вообще к различным маленьким представителям дичи, например, так называемым куличкам-воробьям:

«Я так всегда, – говорит он, – любил этих крошечных куличков, что мне даже жалко бывало их стрелять. Если мне случалось как-нибудь нечаянно подойти к их станичке близко, так что они меня не видели и продолжали беззаботно бегать, доставать из грязи корм, а иногда отдыхать, стоя на одном месте, то я подолгу любовался ими, даже не один раз уходил прочь, не выстрелив из ружья... Для горячего охотника это не безделица».

<...>

Причина проявления столь симпатичных гуманных чувств к живым тварям в таком страстном охотнике кроется, несомненно, в той же горячей любви его к природе. Это же последнее чувство в той или иной степени вообще присуще нашему народу, мудрость которого для Аксакова при решении многих вопросов, как известно, была превыше всего. Поэтому он часто и с видимым удовольствием ссылается на чувства и думы народные. Вот как, например, изображается им отношение народа к молодым рыбкам:

¹⁰ Записки ружейного охотника, стр. 307.

¹¹ Анучин Д.Н. О мерах против наводнений Москвы-реки. Русские ведомости, 1908. № 93.

¹² Записки ружейного охотника, стр. 81.

«Почти все молодые рыбки, особенно некоторые из пород не очень крупных, так красивы, или лучше сказать, так миловидны, резвы и чисты, что народ на юге России употребляет слово *рыбка*, как слово ласки, нежности – в похвалу красоте и прелести девической. Оно нередко встречается в народных малороссийских песнях, в которых чувство любви, если не так глубоко, не так серьезно, как в старинных песнях великорусских, зато важнее, эстетичнее, так сказать. В повести Гоголя «Майская ночь, или утопленница» казак Левко, вызывая из хаты свою милую Галю разными нежными словами, между прочим, говорит: «Сердце мое, рыбка моя, ожерелье. Взгляни на меня. Просунь сквозь окошко хоть белую ручку свою...»¹³ <...>

Другое, еще более замечательное место, весьма ярко иллюстрирующее народную наблюдательность и народную любовь к некоторым представителям животного царства, содержится в главе о голубях:

«Любовь голубя к голубке и общая нежность их к детям признаны всем народом русским и засвидетельствованы его песнями и поговорками: авторитет убедительный и неопровергимый. Слова ласки и сожаления, *голубчик* и *голубушка*, постоянно слышны в речах простого народа. Хотят ли сказать, как ладно живет муж с женой, как согласны брат с сестрой, как дружны между собой приятели и приятельницы, и непременно скажут: «они живут, как голубь с голубкой, не наглядятся друг на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушие или доброту, говорят: «у него голубиная душа». Сострадая чужой беде, всякая крестьянка скажет: «ох, моя голубушка, натерпелась она горя»¹⁴. <...>

Итак, несмотря на невежество и суеверие народа, благодаря которым его «фантазия населяет лес сверхъестественными существами: «лешиими» и «лесными девками»¹⁵, глубина народной наблюдательности и своеобразной мудрости несомненна. Да иначе и быть не может: народ наш – сын кормилицы-земли; он вырос на лоне матери-природы. Поэтому он – с незапамятных времен самобытный и остроумный ее наблюдатель и любитель. <...>

Усвоение С.Т. Аксаковым лучших народных воззрений на природу, очевидно, способствовало выработке такой замечательной простоты слога, которым написаны обе серии его «Записок» и который

¹³ Записки об уженье рыбы, стр. 60.

¹⁴ Записки ружейного охотника, стр. 358–359.

¹⁵ Записки ружейного охотника, стр. 311.

характеризует его, как нашего пионера популяризации природоведения.
<...>

В этой простоте стиля, даже в этой манере начинать описание так и чувствуется маститый предтеча последующего ряда наших природоведов-популяризаторов, из которых достаточно назвать, например, такое столь известное имя, как покойного профессора М.Н. Богданова, с его очерками «Из жизни русской природы» и «Мирскими захребетниками».

Простота слога так гармонизирует и со столь энергичным, проникнутым беззаветной идеализацией, призывом знаменитого писателя к простой, мирной, деревенской жизни:

«Деревня, мир, тишина, спокойствие. Безыскусственность жизни, простота отношений. Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений. На зеленом, цветущем берегу, над темной глубью реки или озера в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат поплавки ваши, улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды. Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи».

В истинной любви к природе художник видит зародыш здорового оптимизма, как необходимого условия и личного, и народного счастья:

«Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисходительность с другим и даже к самому себе. Неприметно, малопомалу рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений, – эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуры русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши»...¹⁶

Спасительное средство найдено, – оно разгонит мрачные думы и исцелить страждущую душу:

Есть, однако, примиритель,

¹⁶ Записки об уженье рыбы, стр. III (вступление).

Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, –
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мрак природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои младые годы¹⁷.

Литература

1. Воронова Л.Я. С.Т. Аксаков в оценке казанской интеллигенции XIX - начала XX века / Л.Я. Воронова // HOMO SCRIBENS. Литературная критика в России: поэтика и политика: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. (Казань, 30 сент. – 2 окт. 2008 г.). – Казань, 2009. – С. 120–132.
2. Воронова Л. Я. Литературные праздники в Казанском университете (1887–1898 гг.) // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 20–41.

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

¹⁷ Записки об уженье рыбы, (эпиграф к вступлению).

Боратынский Евгений Абрамович

А.С. Архангельский

Е.А. Баратынский и его поэзия¹ (1902)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, Е.А. Баратынский, речь, поэзия, мировоззрение.*

С особым удовольствием всхожу на эту кафедру², чтобы исполнить возложенное на меня поручение – напомнить о литературной деятельности писателя, личность и творчество которого с полным правом может привлечь наше внимание не только ввиду юбилейной даты, не только потому, что и личность, духовное мировоззрение Баратынского, и вся его поэтическая деятельность являются чрезвычайно характерными, как яркое отражение известного момента в истории нашего общественного развития, – ни также и потому, что писатель этот отчасти наш согражданин <...>.

Биография поэта по своим внешним фактам крайне несложна. <...>

Несравненно более сложной является внутренняя, духовная сторона жизни поэта, его поэзия. <...>

<...> Большой литературной популярностью Баратынский никогда не пользовался, но общее значение его поэзии в истории нашей новейшей литературы уже рано было определено довольно верно. По отзыву самого строгого судьи, Белинского, – «из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место, бесспорно, принадлежит Баратынскому»... В нашей литературе 20–начала 30 годов Баратынский действительно одно время стоял как бы рядом с Пушкиным, принадлежал к самым выдающимся её представителям, находился в самых тесных дружеских связях с лучшими её деятелями – помимо Пушкина – с Жуковским, Вяземским, Дельвигом, Гнедичем, братьями Киреевскими, Плетнёвым,

¹ Архангельский А.С. Е.А. Баратынский и его поэзия (1902) / А.С. Архангельский // Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н.И. Стороженка. – М., 1902. – С. 28–48. (В настоящее время более верным считается написание Боратынский).

² Речь была прочитана 28 февраля 1900 г. по поводу столетия со дня рождения Е.А. Баратынского на торжественном заседании Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. – Примеч. ред.

Языковым... Пушкин считал Баратынского своим ближайшим другом <...>.

Поэтическая деятельность Баратынского была весьма необширной. Имя его начинает появляться в печати с конца 20-х гг.: в 1826 году выходит поэма «Эда». В 1827 г. – маленькая книжка его «Стихотворений», которая, значительно увеличенная, выходит вторым изданием в 1835 г. Ещё раньше, в 1828 г., выходит его поэма «Бал»; в 1831 г. – «Наложница», переделанная потом в «Цыганку». С 1835 г. поэтический голос Баратынского на несколько лет умолкает. В 1842 г. выходит последний сборник его стихотворений: «Сумерки», – за два года до смерти поэта...

Названные книжки были очень небольшие по объёму, но разнообразны и богаты по своему содержанию.

Баратынский в одном месте с большой верностью сам определяет характер своей поэзии: его поэзия – отражение его внутренней жизни, жизни, «исполненной тоски глубокой, противоречий, слепоты», и вместе «высокой любви, добра и красоты»... И в другом месте: «Я не ослеплён своею музой», – говорит поэт <...>.

Это «необщее выражение лица», эта оригинальность мысли и чувства составляют действительно отличительную черту поэзии Баратынского. По меткому выражению Пушкина, – в самой поэзии Баратынский действительно «мыслит», является поэтом мысли, «холодной думы», которая, однако, не разрушает в сердце поэта «любви к добру и красоте»...

Господствующий тон поэзии Баратынского – меланхолический. Тон этот начинает преобладать на первых же порах. Уже 18–19-ти лет поэт думает о своей смерти, – о том времени, когда – «перешедши жизнь незнаемой тропой, свой подвиг совершив», – он склонит «к смертному одру» свою «усталую голову», «умрёт для дружбы, для любви, для памяти»... «И всё умрёт со мною», – добавляет пессимистически настроенный юноша. Выпадающему на его долю счастью он не верит <...>.

И эта поэтическая грусть вовсе не результат какой-либо литературной моды; какое-то особое меланхолическое настроение, наклонность к философской рефлексии обнаруживаются в нашем поэте уже с самых первых лет его сознательной жизни, чуть не с младенчества. Будущий поэт меланхоликом и философом нередко высказывает себя уже в свои «младенческие дни». <...>

<...> По взгляду поэта, чем совершеннее становится человек, чем меньше преград для его воли и желаний ставит жизнь и природа, чем сильнее и быстрее овладеет он силами этой природы, подчинит её своей власти, – тем скорее наступит для человечества момент истощения, и нравственного, и телесного... Двигатель жизни, по мысли поэта, есть страдание и труд. <...>

Было бы совершенно ошибочно, если бы мы подумали, что пессимизм – последний, окончательно решённый вывод миросозерцания поэта. Нередко поэт гораздо спокойнее смотрит на мир, равнодушнее относится к мировым несовершенствам, – и не отказывается от возможных наслаждений жизни. Даже больше: у Баратынского есть стихотворения, где мысль поэта принимает совсем как бы эпикурейский оттенок... поэт наш вообще не хочет, да, очевидно, и не может быть последовательным пессимистом: в нём слишком сильны чувства, – жизнь сердца, требующего своих прав на существование. Чувство нередко вступает в ожесточённую борьбу с «холодной думой», при этом столь же нередко одерживает верх... В эти моменты поэт бросает свой пессимизм, хочет «жить и чувствовать».

<...> поэт с пренебрежением относится к человеческой мудрости, к её ограниченности. Но если бы эта мудрость и не была ограничена, если бы она могла быть вполне доступна человеку, – поэт всё-таки отказывается купить её ценой личного счастья... В одном из лучших стихотворений («Истина», 1824) поэт отвергает дары «истины», когда за эти дары требуется слишком высокая личная жертва. <...>

В душе нашего поэта вообще мало «демонического». Он не чувствует в себе больших сил для борьбы, хотя иногда порывается к этой борьбе, любит наслаждаться ей в природе. Замечательно его стихотворение «Буря» (1825), которое вполне могло появиться в печати лишь в позднейших изданиях... Вообще порывы к борьбе скоро проходят в поэте и уступают более сильному стремлению к покою, единению. Поэт чаще всего в своих стихотворениях выступает перед нами уже с «уставшей душой», уже утомлённым в борьбе, – хотя не видно, чтобы эта борьба была особенно энергичной и продолжительной. Всякую борьбу поэт с охотой променял бы на нежное сочувствие, женскую ласку. <...>

При всех припадках пессимизма, природа поэта вообще самая миролюбивая. По своим личным симпатиям, поэт – враг всяких крайностей; по собственным его словам, поэт всегда носил в своей душе

«соразмерностей прекрасных идеал», – «страстей мятежные мечты» всегда старался подчинить «законам вечной красоты...» <...>

Так в поэтическом творчестве нашего писателя отражаются те противоречия, о которых он сам упоминает, характеризуя свою поэзию как следы «холодной думы», глубокой тоски, и вместе как жизнь сердца, жажда «красоты», «добра»... Живая жизнь души поэта не мирится с «холодной думой» пессимиста и помимо воли поэта рвётся наружу...

В поэзии Баратынского видят иногда следы байронизма. Но если здесь отражались идеи Байрона, то крайне своеобразно. Поэзия Байрона была выражением высшего могущества человеческого духа, смело берущегося за решение самых великих вопросов бытия, – и не отступающего от их решения, каковы бы ни были ответы на эти вопросы... Поэзия Баратынского лишь ставит вопросы, но отворачивается от их решения, – трепещет этих ответов, и как-то с особой поспешностью, как бы на слово, примиряется с ограниченностью человеческого существа... Да и к «мудрости» человеческой, к «истине», к «добрю и злу» – поэт иногда довольно равнодушен... Перед ним не демон «познанья и свободы», – а от века прирождённая человеку двойственность его стремлений и идеалов. Любопытно одно из стихотворений Баратынского, носящее заглавие «Недоносок»: поэт изображает ничтожество человеческой природы, брошенной между небом и землёй, – маленькой, как бы недоразвившейся, человеческой души, совершенно теряющейся перед возникающими в ней вопросами <...>.

В одном письме Пушкин мимоходом называет Баратынского Гамлетом; это сравнение довольно метко. Перед нами не представитель мрачного пессимизма, а поэт разочарования, представитель философствующей, рефлексирующей поэзии... Душевное равновесие поэта нарушено; душа лишена внутренней цельности, твёрдой нравственной опоры, ясного различения между «истиной» и «заблуждением», «добром» и «злом» – поэт как бы потерял под собой почву, не знает, где найти её... Он не видит ясной цели человеческого существования, цели и назначения бытия; он не знает, где и в чём «истина», куда и за чём идти... его мысль колеблется, увлекаемая то умом, то сердцем; его «холодная дума» влечёт его в самые противоположные стороны... Мироизречение не только не имеет особой глубины, но ещё менее цельности, твёрдой системы, – но и вообще твёрдой выдержки, последовательности. Иногда в душе поэта, по его собственным словам, разом борются два совершенно противоположные

течения, и он сам не может определить, «наслаждается он или страдает»... Чувство поэта отравляется рефлексией – «холодная дума» выражается вопросом и не идёт дальше. <...>

Поэзия Баратынского – указанной сейчас своей двойственностью – была ярким, но вместе своеобразным отражением у нас той общей духовной двойственности, крайней неопределенности и противоречия в идеях, в стремлениях, которые переживались в конце прошлого и начале нынешнего столетия всей Западной Европой, – того крайне сложного брожения идей и понятий, которое совершалось в это время во всех сферах западноевропейской духовной жизни – политической, общественной, философской, нравственно-религиозной <...>.

<...> Баратынский был выразителем нашего молодого поколения самых первых 20-х гг. – той стадии нашего общественного развития, которая непосредственно следовала за окончанием Отечественной войны и обуславливала самим первым, более близким знакомством нашим с Западом, хотя в различных слоях общества продолжалась и много позднее, отчасти до самого кануна 40-х гг. Баратынский в этом отношении принадлежит к тому же поколению, к которому принадлежал и Батюшков <...>.

И Батюшков, и Баратынский – одними из первых на Руси людей вкусили от чаши «мировой скорби», раньше многих других испытали горечь разочарования, рефлексии. Оба они – наиболее ранние вестники первого пробуждения в русском обществе критического самосознания, наиболее ранние у нас поэты «смутной думы» и вместе страсти, «теряющейся – по выражению одного из них – в толпе беспредельных желаний» <...>.

Пессимизм Баратынского как бы повис в воздухе и не перешёл на живую, реальную почву... Его «холодная дума» как бы застыла в небесном пространстве, – поэт не нашёл в себе силы спуститься на землю, встретиться лицом к лицу не с отвлечённым, а с действительным, реальным злом <...>.

Литература

1. Воронова Л.Я. Столетие со дня рождения Е.А. Боратынского в Казани / Л.Я. Воронова // Слово и мысль Е.А. Боратынского: Тезисы Междунар науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского (Казань, 21–24 март. 2000 г.). – Казань, 2000. – С. 17–19. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tatar.museum.ru/Boratynsk/Clubs_2_200_5_3_Tez.htm#2

2. Воронова Л.Я., Хузеева Л.Р. Боратынский-мыслитель в оценке казанского литературоведения / Л.Я. Воронова, Л.Р. Хузеева // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2012. – № 6. – С. 50–57. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/77757851.pdf/>

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Е.А. Бобров

Из жизни Е.А. Боратынского¹ (1907)

Ключевые слова: русская литература XIX века, Е.А. Боратынский, биография, поэзия, мировоззрение.

Над жизнью Евгения Абрамовича Боратынского², одного из наилучших русских поэтов, соперника Пушкину, до сих пор ещё в значительной её части простирается мрак. Печальное событие его юности, исключение из Пажеского корпуса, по-видимому, так приучило его не распространяться о своей жизни, что ни он, ни даже его близкие и дети не дали более или менее подробных материалов для биографии. Я лично был знаком со старшим сыном поэта, Львом Евгеньевичем³ и наблюдал и у него некоторую боязнь сообщений о своем отце, некоторые оговорки по поводу событий, имевших место более полувека назад и отчасти уже освещённых кое-какими материалами, проникшими в печать со стороны.

Особенно загадочным кажется мне одно обстоятельство из последних лет жизни поэта. Евгений Абрамович имел печальную судьбу. Он пережил своих в верных друзей-соперников – Дельвига и великого Пушкина. И он пережил не только их, но и весь тот период русской литературы, к которому принадлежали и они, и он сам. И по времени – концу тридцатых годов и началу сороковых, и по месту жительства – в Москве Евгений Абрамович оказался совсем в ином периоде литературы и в ином литературном обществе. Ему пришлось быть в самой лаборатории, где готовились не только сороковые, но и шестидесятые годы, где перерабатывались – под влиянием философии и социализма – взгляды этические, литературные, эстетические, политические и религиозные, где выходили на сцену деятели новых кругов: Белинский, Катков, Герцен, Бакунин и другие. Немудрено, что переживший своих друзей и соратников Боратынский, несмотря на всё возраставшее совершенство

¹ Бобров Е.А. Из жизни Е.А. Боратынского / Е.А. Бобров // Известия Отделения Русского языка и словесности Имп. Академии Наук. – Т. XII, кн. 3. – СПб., 1907. – С. 226–239.

² Написание «Боратынский» правильнее обычного «Баратынский».

³ О Льве Евгеньевиче Боратынском см. особую статью в моей книге «Дела и люди». (Бобров Е.А. Памяти Л.Е. Боратынского // Дела и люди: Сб. ст. / Е.А. Бобров. – Юрьев, 1907. – С. 161–171. – Примеч. ред.)

формы своих произведений, становился чуждым публике, читателям, искавшим нового. Немудрено, что общего между Боратынским и новыми деятелями было мало, и что не могло между ними завязаться дружбы. Но мы замечаем не только отсутствие дружбы или симпатии к Боратынскому со стороны новых деятелей, а ещё и более: ненависть, гонение. И это обстоятельство кажется нам всего более загадочным. За что не любили Боратынского, за что его преследовали его собратья, московские литераторы? Чем это вызывалось? Вот вопрос, который нам хотелось бы решить, но для окончательного решения которого у нас, к сожалению, слишком мало данных. <...>

В биографиях поэта сообщается, что он примкнул к литераторам консервативного лагеря. Но кого же под ними разуметь? Если это славянофилы, то, действительно, Боратынский был очень близок и с Иваном Киреевским, – как свидетельствуют сохранившиеся письма Боратынского, – и с Хомяковым. Эти двое не могли выступать противниками Боратынского. Но к консерваторам относились и Шевырев, и Погодин. <...>

Боратынский, глубокий мыслитель, в глазах Погодина оказался пустельгою, над которой он с удовольствием смеялся. Ещё откровеннее Погодин в своем дневнике: «Был Боратынский (3 апреля 1829 г.), с которым я затрудняюсь говорить». – «К Боратынскому не лежит мое сердце» (12 июля 1830 г.). Не соглашались Погодин с Боратынским и в политических диспутах, и это, быть может, ещё более отвращало Погодина от нашего поэта. <...>

<...> И новаторы, и, быть может, некоторые из консерваторов донимали бедного поэта. Сын его, Лев Евгеньевич, или и сам не знал, или не хотел разъяснить мне, *чем* могли угнетать поэта: «Знаете, разные слухи ходили и распускались», – сказал он мне. Но что это были за слухи? Неужели через четверть века выкопали дела юности и похищение вещей у камергера Приклонского?

Поэт страдал – и страдал глубоко. С поражающею силой сказались эти его страдания в великолепном стихотворении «На посев леса», на которое указал мне и Лев Евгеньевич. <...>

Неприязнь к Боратынскому сказывалась и у некоторых петербургских журналистов. Например, 14 октября 1844 г. Плетнёв (т. II, стр. 332, №

103)⁴ писал Гроту: «Читал в сентябрьской книжке «Библиотеки для чтения» критику на Боратынского, растворенную тонким ядом беспристрастия». <...>

На причины злобы к поэту ещё раз указывает в своей переписке Плетнёв (стр. 323, № 96 от 30 сентября 1844 г.): «По поводу смерти Боратынского в «Москвитянине» не сказали ни слова: такова злость литературных партий. Его не любили московские литераторы, как не разделявшего их гегелевских мнений».

Итак, причиной недружелюбия или одною из его причин, по мнению Плетнёва, являлось неразделение модной гегелевой философии. Это действительно могло настраивать против Боратынского молодых литераторов. Но ведь Погодин не был гегелевцем. За что же и Погодин промолчал о смерти замечательного поэта, друга Пушкина и сотрудника его, Погодина, изданий⁵?

Оставляя в стороне «консерваторов», ограничимся «молодыми» литераторами.

Ненависть к Боратынскому молодого поколения московских писателей, по-видимому, объясняется, как указывает Плетнёв, действительно, нашей обычной нетерпимостью к чужому мнению. Эта несчастная нетерпимость одинаково культивировалась и у левых, и у правых. <...> Пока живы были заветы Пушкина, пока в ходу было изящное искусство, – и Боратынский был в чести: «ручку пожалуйте»! Но ведь литературное положение и самого Пушкина поколебалось в последние годы жизни; и у Пушкина его биографы констатируют некоторое отчуждение между поэтом и его публикой. Но Пушкин умер, а Боратынский продолжал жить и дожил до господства гегелевства, попал в другой период литературы. Он сам был оригинальный мыслитель, обладавший ясным и светлым умом; на философские темы он отзывался охотно и развивал их перед людьми, даже не совсем к тому подходящими <...>. Но, отдавая должное философии и отвлечённому мышлению, Боратынский не дал себя ослепить модной философией, он отстаивал свою самобытность и, надо думать, препирался с гегельянскими фанатиками. <...>

⁴ Здесь и далее Е.А. Бобров ссылается на издание: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: С прил. портр. Грота и Плетнева. Т. 2 / Под ред. и с предисл. Я.К. Грота. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1896 – 972 с. – Примеч. ред.

⁵ Еще по «Московскому вестнику».

Из всего сказанного ясно, что Боратынского, хоть он и не увлекался гегелевской философией и социализмом *Сен-Симона* и *Фурье*, как это делали тогда менее *передовые* литераторы, с большою осторожностью и оговорками можно причислять к *консерваторам* Николаевского царствования, между которыми было много *крепостников*, – тогда как Боратынский по складу идей мог принадлежать к «освободителям» 1861 г. <...>

Итак, по вопросу о той неприязни, которую питали к Боратынскому московские, а отчасти и петербургские литераторы, надо, по-видимому, ответить так. Боратынский был жертвой нашей обычной русской нетерпимости к чужому и самостоятельному мнению. <...>

Но если Боратынский не удовлетворял своих московских доморощенных судей, ни гегелевцев, ни людей «чего изволите», то иначе отнеслись к нашему поэту люди наполовину уже объевропеившиеся, наши заграничные русские эмигранты⁶. <...>

Отзвук себе поэт нашел у живших за границею русских, *эмигрантской* молодежи. Вот какой он был «консерватор»! Те его поняли, им он откровенно и очень энергично поведал свои тайные думы, страдания и стремления... <...>

Он был хорошо знаком, как мне известно, с *Сазоновым*, с Иваном *Головиным*⁷ и всех ближе с поэтом же, Николаем Платоновичем *Огарёвым*. На неожиданную смерть Боратынского, которую замолчали на родине, Огарёв отозвался прекрасным стихотворением. «В Париже мы сблизились с ним, – писал Огарёв, – и полюбили его всей душой: он имел *много планов* и умер, завещая нам привести их в исполнение»⁸.

Стихотворение Огарёва «Памяти Е.А.Боратынского» мало известно, хотя оно представляет собой лучшую характеристику Евгения Абрамовича.

В его груди любила и томилась
Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,

⁶ Были среди них постоянные эмигранты и временные; не все окончательно порывали с правительством и родиной.

⁷ О Головине была недавно статья в журнале «Былое», на наш взгляд, не вполне объективная...

⁸ См. в моей уже названной книге «Дела и люди» об обеде, который Боратынский давал в Париже русской эмигрантской колонии, и на котором произносились речи об освобождении крестьян.

Поэзией дыша;
Святой огонь под хладной сединой
Он гордо уберег,
Не оскудел, хотя страдал душой
Средь жизненных тревог.

Огарёв подчеркивает эти страдания Боратынского и его гордость в перенесении их.

На жизнь смотрел, хоть грустно, он, но *смело*
И все *спешил вперед*;
Он жаждал *дел*, он нас сзывал на *дело*
И верил в Бога сил.

В противность обычному представлению Боратынского как бездеятельного квиетиста, Огарёв рисует его человеком смелого и деятельного почина, побуждающим эмигрантов, молодежь к деятельности. Далее подробнее изображается отношение Боратынского к парижскому кружку:

О сколько раз с горячим рукожатьем,
С слезою на глазах
Он *нам твердил*: «*вперед, младые братья*:
Пред истиной все прах!»
О сколько раз он, *старец вечно-юный*,
Наш круг одушевлял,
Дрожали в нас души живые струны,
Согласный хор звучал.

Приведем еще характерный конец:

Они *избрали нас*, и старец, умирая,
Друзья, нам *завещал*,
Чтобы по *нём*, как тризну, совершая,
В борьбе наш дух мужал!

Так поняли Боратынского русские, жившие в Париже. В Москве его одни зачислили в буржуа, ради материального обогащения отказавшегося от поэзии и от заветов юности, другие сочли его «консерватором», отсталым. Ни те, ни другие не понимали души поэта. «Пустоцвет новых племён», гегелевцы, как и «консерваторы», мелко плавали в оценке Боратынского; но не ограничиваясь несправедливой оценкой поэта, они чинили ему интриги и преследования. Боратынский отказался от печатанья своих стихов и затворил свою душу. Раскрыл он её за

границей, – и бывшая там русская передовая молодежь оценила великое сердце поэта-мыслителя.

Литература

1. *Воронова Л.Я., Хузеева Л.Р.* Е.А. Боратынский-мыслитель в оценке казанского литературоведения / Л.Я. Воронова, Л.Р. Хузеева // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2012. – № 6. – С. 50–57. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/web/llibrary/files/incoming/6/2012/6/st9.pdf> ; <http://elibrary.ru/download/77757851.pdf>.
2. *Хузеева Л.Р.* Е.А. Бобров-философ о поэзии мысли Боратынского / Л.Р. Хузеева // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: материалы Междунар. научно-практич. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (Ярославль: 15 мая 2012 г.). – М.; Ярославль, 2012. – С. 276–282.

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

И. Я. Порфириев

Е.А. Баратынский¹ (1910)

Ключевые слова: русская литература XIX века, Е.А. Баратынский, биография, поэзия, мировоззрение.

К школе Жуковского и Пушкина принадлежал даровитый поэт Баратынский (или Боратынский, как он сам называл себя, 1800–1844). Его стихотворения, при самом первом появлении, обратили на себя внимание. Плетнев в 1822 г. присуждал ему два венка – Анакреона и Петрарки. Пушкин называл его «отличным поэтом за то, что он мыслит и что он оригинал». Но ни Анакреоном, ни Петраркой Баратынский не сделался, хотя и писал удачно стихотворения по подражанию им; он был поэт элегический; грусть была его вдохновением; он на все смотрел с грустной точки зрения, и элегия сделалась главной формой его поэзии. Основа этой грусти первоначально заключалась в обстоятельствах его жизни и особенно образования. <...> изнеженный в детстве и получивший иностранное воспитание под руководством итальянца Боргезе, он мог рассчитывать на блестательную карьеру в жизни <...>

В 30-х годах он несколько времени жил в Казани, куда в то же время приезжал Пушкин, собираяший материал для истории Пугачевского бунта. <...>

О своей поэтической музе Баратынский выражался таким образом:

Не ослеплен я Музою мою:
Красавицей ее не назовут
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором,
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,

¹ Порфириев И.Я. Е.А. Баратынский (1910) / И.Я. Порфириев // История русской словесности / И.Я. Порфириев. – Ч. 3. Новый период, Отд. 3. Литература в царствование Александра I. – Казань, 1910. – С. 244–251.

Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей, чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалой.

Действительно, стихотворения Баратынского, при недостатке внешнего убранства, отличаются выразительностью, строгостью и простотою, как лица, не поражающие красотою, но нравящиеся выражением, отличаются чем-то особенным. Эту особенность сообщает им размышление. Которое составляет преобладающий элемент в его поэзии, за что некоторые критики называли его русским Гамлетом. Мысль, анализ, сомнение постоянно преследуют его. Только не мыслящий, не образованный человек, по его мнению, может быть счастливым; человек мыслящий ничем не удовлетворяется и во всем видит слабую сторону; в прогрессе, в науке и успехах цивилизации Баратынский видит причины разлада душевного, потери веры и надежды – несчастье в жизни. Белинский упрекал поэта за стихотворения: «Приметы», «Последняя смерть», «Последний поэт», где выражается это миросозерцание. Но с особенною резкостью оно выражается в стихотворении «Истина», которое является самым характерным для всей поэзии Баратынского. <...>

Вопросы об истине, свободе, о счастье и несчастье, добре и зле и загробной жизни постоянно занимают поэта. <...>

Но он не хотел быть пессимистом и совершенно не верующим; временам он ищет возможности примириться с разными диссонансами в жизни и природе. Он сознает необходимость бессмертия и загробной жизни. <...>

Есть у Баратынского стихотворения довольно светлые, по крайней мере написанные в примирительном тоне, как, например, «Весна», «Родина», «Запустение», «Мадонна», «Весна, весна! как воздух чист», «На посев леса». Но он, как и все разочарованные, ищет примирения, забвения горестей и успокоения чаще в природе, чем в жизни человеческой.

Поэт мысли, Баратынский питал особенную симпатию к Гете, как глубокому мыслителю, как поэту-философу, весь мир обнявшему и изображавшему в своих поэтических сочинениях, и написал на смерть его превосходную элегию <...>

В «Записках» К.А. Полевого (Исторический вестник, 1887, апрель)² сохранился следующий отзыв о Баратынском: «Баратынский пользуется славою поэта и справедливо. У него были и поэтические ощущения и необыкновенное искусство в выражении. Но, зная его хорошо, могу сказать, что он еще больше был умный человек, нежели поэт. Отчасти он был обязан поэтическою славою Пушкину, который всегда и постоянно говорил и писал, что Баратынский чудесный поэт, которого не умеют ценить. Почти то же говорил он о Дельвиге и готов был иногда поставить их обоих выше себя. Трудно понять, что заставляло Пушкина доходить до таких преувеличений... Баратынский – поэт иногда очень приятный, везде показывающий верный вкус и писавший не по вдохновению, а вследствие выводов ума. Он трудился над своими сочинениями, отделявал их изящно, находил иногда верные картины и живые чувствования; бывал острумен, игрив, но все это – как умный человек, а не как поэт. В нем не было ни поэтического огня, ни оригинальности, ни национальности. Оттого-то лучшие его произведения, где он философствует, как, например, в стихотворении на смерть Гете. Я уверен, что если бы он не почитал себя поэтом и занялся теорией и критикой литературы, он написал бы в этом роде много умного, прекрасного, пояснил бы много идей для своих современников. Его ясный ум, строгий вкус, сильная и глубокая душа давали ему все средства быть отличным критиком. Это показывали суждения его о многих тогдашних литературных явлениях». Не отрицая, таким образом, того, что Баратынский был поэт и поэт иногда очень приятный, Полевой замечает только, что он писал не по вдохновению, а вследствие выводов ума. Но разве ум не может быть источником, возбудителем вдохновения? Разве поэзия может быть только в чувствах и образах? Разве мысль не такой существенный элемент поэтического содержания, что без нее не может обойтись ни одно произведение? Баратынскому можно поставить в вину только односторонность его мировоззрения, привязанного только к известным идеям и представляющего все в преувеличенно-печальном виде, болезненное направление его мысли. Мы выше отметили, что Баратынского некоторые называли русским Гамлетом; со времени Баратынского в нашей литературе начали появляться разного рода Гамлеты. <...>

² Полевой К.А. Записки Ксенофона Алексеевича Полевого / К.А. Полевой // Исторический вестник. – 1887. – Т. XXVIII. – № 4. – С. 58. – Примеч. ред.

Литература

1. *Макарова Н.И.* И.Я. Порфириев как исследователь русской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 / Н.И. Макарова. – Казань, 2000. – 23 с.
2. *Макарова Н.И.* Творчество Е.А. Баратынского в оценке И.Я. Порфириева / Н.И. Макарова // Слово и мысль Е.А. Боратынского: Тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского (Казань, 21–24 март. 2000 г.). – Казань, 2000. – С. 44–45. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tatar.museum.ru/Boratynsk/Clubs_2_200_S_3_Tez.htm#2.
3. *Воронова Л.Я., Хузеева Л.Р.* Е.А. Боратынский-мыслитель в оценке казанского литературоведения / Л.Я. Воронова, Л.Р. Хузеева // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2012. – № 6. – С. 50–57. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/web/library/files/incoming/6/2012/6/st9.pdf>; <http://elibrary.ru/download/77757851.pdf>.

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Веневитинов Дмитрий Владимирович

Е.А. Бобров

Поэзия Д.В. Веневитинова в связи с его жизнью¹ (1901)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, Д.В. Веневитинов, поэзия, философия, романтизм.*

<...> Веневитинов получил строго эстетическое воспитание; искусства: живопись и музыка, и классические образы древней словесности – вот что с ранних пор исключительно составляло душевную пищу ребенка. Это не было беспорядочным чтением итальянских и французских писателей, <...> на которых развивался, например, хоть бы *Пушкин*. Несомненно, что различие воспитания, помимо уже природного различия натур, должно было принести и различные плоды, различно отзывающиеся на направлении поэтического творчества обоих. Классический мир <...> должен был наложить свою печать изящества и пластики на произведения самого Веневитинова, а полное соответствие между формой и содержанием – сообщить гармонию и равновесие впечатлительной душе поэта. Этим тщательным изучением древнеклассической литературы объясняется и позднейшее пристрастие поэта к *Гёте*, который навсегда остался любимейшим писателем Веневитинова и из которого он сделал несколько очень удачных переводов. Вообще, изучение классических произведений, если не захотило его к так называемой ложноклассической французской школе, зато навеки отвратило от легкого французского направления и направило его скорее к изучению современной ему немецкой литературы, которая в лице *Гёте* и *Шиллера* в это время уже повернула к античному направлению и к его пропаганде. Кроме того, Д.В. Веневитинов рано ознакомился с *Байроном* во французском переводе и тоже увлекался им. <...>

16 лет (в 1821 г.) Веневитинов написал свое первое оригинальное стихотворение, маленькое послание «к друзьям». <...> Стихотворение

¹ Бобров Е.А. Поэзия Д.В. Веневитинова в связи с его жизнью / Е.А. Бобров // Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. 1. – Казань, 1901. – С. 3–82.

написано в буколико-идиллическом тоне <...>. Впрочем, и в этом произведении до известной степени можно уже проследить природную склонность поэта к тихой, трудовой жизни среди *тесного кружка друзей* и его отвращение от шумного, светского образа жизни. Пока в нем сквозит довольство жизнью юноши, еще не видевшего серьезных житейских огорчений, не страдавшего сильно, и не встречавшего еще непреоборимых препятствий. Конечно, по мере более близкого знакомства с реальной жизнью, подобный идиллический взгляд, да притом еще отчасти заимствованный, навеянный, должен был мало-помалу исчезнуть, оставив по себе горечь разочарования (как оно и случилось). <...>

Университетские годы Веневитинова текли среди постоянных и неустанных трудов и научных занятий. Филологические, философские и словесные курсы он дополнял слушанием лекций по естественным наукам. <...>

По окончании курса Веневитинов поступил на действительную службу. <...> Он избрал себе довольно скромную службу в Архиве коллегии иностранных дел² <...>. Но несомненно, что архивная служба была удобна для Веневитинова уже и тем, что не требовала от него пока разлуки с матерью и «верными друзьями».

Склонность к тихой, нешумной жизни, к тихим кабинетным занятиям, к тихому, мирному делу тоже, вероятно, играла не последнюю роль при выборе им служебного поприща. <...>

Основательный, глубокий мыслитель-философ, дальний критик и филолог не избежал общей людской участи: возраст взял свое. В половине 1825 года он влюбился. <...> Избранная Веневитинова была княгиня Зинаида Волконская, урожденная княжна Белосельская. <...>

Любовь нашего поэта, как и следует ожидать от такого глубокого эстетика, как по натуре, так по воспитанию и образованию, носила высоко идеальный, чисто платонический характер. Он не был в состоянии увлечься одной наружной красотой; его привлекала, преимущественно, общая их обоим натурам склонность к изящному, прекрасному. Княгиня Волконская была одарена многоразличными способностями: талантливая музыкантша и певица, она не лишена была и дара поэзии, сочинивши целую «книгу новелл». Но она уже была замужняя женщина и по летам гораздо старше нашего юного (20 л.) поэта. Любовь Веневитинова

² Нужно заметить, что в Архиве служили тогда самые замечательные молодые московские люди («архивные юноши»): И. Киреевский, Шевырев, Соболевский и др.

поневоле должна была ограничиться одной дружбой и оставаться на почве платонических мечтаний. <...>

Какой же исход приняла страсть поэта? Для человека, душа которого доселе была всецело погружена в глубокие мысли и поэтические мечтания, который до сих пор – в силу особых условий почти не жил общей жизнью, не знал действительности, жил жизнью ученого анахорета, вращаясь, по преимуществу, в своем кружке добрых друзей, не изведавши чувства любви, подобное чувство должно было быть роковым. Любовь при высокой общей нервной чувствительности и восприимчивости должна была зажечь не только «огнь», а целый пожар в груди поэта. <...> Страстная натура, до поры до времени заглушенная высшей умственной работой, сказывается:

Но этот огнь *томительной, мятежной,*
Он не горит любовью тихой, нежной, –
Нет! он и *жжет, и мучит, и мертвят,*
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудется страданьем... <...>

В начале марта 1827 г. <...> Веневитинов сильно простудился и слег в постель, которой суждено было стать его смертным одром. <...> Он схватил сильный брюшной тиф; подточенный непосильной нервной работой, организм недолго боролся с ужасной болезнью, <...> через 9 дней – 15 марта 1827 г. поэт скончался на руках своих друзей. <...>

Как в человеке, нас поражает в нем редкая гармоничность натуры. Под гармоничной натурой мы понимаем такую психическую систему, в коей все элементы уравновешены, т.е. такого человека, все душевые способности которого обладают равной силой и равным развитием. Такой натурой был и наш поэт. В нем почти одинаково сильны были и ум, и чувство, и творческая способность фантазии. <...>

Поэт и сам понимал свою натуру и высказывал это, как мы не один раз подчеркивали в его стихах и прозе. Случайным обстоятельством было то, что как раз в это время господствовала теория Шеллинга, проповедовавшая тоже внутреннее единство поэзии и философии; немудрено, что Веневитинов стал шеллингистом: он был уже им по своей натуре <...>. В силу богатства он находил в своей душе отклик и большему числу явлений, находил более, чем другие, интересных для себя предметов, а следовательно, и более посвящал, с ранних пор, времени и сил духовной работе и развитию. Все шло хорошо, пока поэт оставался и

жил в мире идеальном и воображаемом, в мире прекрасного и истинного, искусства и наук, не соприкасаясь непосредственно с действительной жизнью. Но первое же реальное чувство (любовь) переворачивает его и становится источником невыносимых, смертных мучений. Истощенный, надорванный организм и рано переутомленная душа не вынесли сильного порыва, охватившего поэта так неудержимо именно потому, что до тех пор все условия его воспитания и жизни, его служба и тесный кружок друзей, все отдало его от жизни и мира действительности. Ни тело, ни душа не устояли в борьбе. Гармония нарушается, один элемент – чувство получает перевес, деспотствует над остальной душевной областью, становится постоянным и неотвязным содержанием души – к гибели ее.

Поэт не может справиться с собою, «выдернуть любовь» из себя побазаровски. Живи он еще в другой век с иными воззрениями, может быть, дело еще приняло бы иной исход. Но то был век самого разгара романтизма, век der Resignation. Вместо того, чтобы мужественно противостоять своему чувству, поэт пускается в мистические размышления о предопределении и т.д. Его возлюбленная, тоже дочь романтического века – и тоже с примесью мистицизма, не чувствуя в себе любви к юноше, начинает втолковывать поэту, что «счастье дано лишь робким», что его «с пламенной душою нельзя в сем мире сочетать», – поэт покорно повторяет себе за ней:

Тебе все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься...
и приучается в смерти видеть себе спасение и счастье:
То, что раем ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приближься! вот могилы дверь!
Ему его душа начинает шептать:
Ты в мире молнией промчишься...

Он приходит к убеждению, что он принадлежит к тем людям, чья участь – «рано умереть»...

Литература

1. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров о Д.В. Веневитинове / А.Н. Ерофеева // Критика и ее исследователь: сб., посвящ. памяти проф. В.Н. Коновалова (1938–1998). – Казань, 2003. – С. 136–139.

Подготовка текста: Р.А. Бакиров

Гоголь Николай Васильевич

Л.К. Ильинский

Памяти Н.В. Гоголя¹ (1909)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, Н.В. Гоголь, мастерство писателя, реалистическое направление.*

Посвящаю моим ученицам

...Да, добрые мои читатели, вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность... «Зачем? – говорите вы: к чему это? Разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни? И без того случается нам часто видеть то, что вовсе неутешительно. Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы». И забываются часто усыпленные желаньем отдохнуть от жизни: слишком много в ней грязи, пошлости. Зачем еще эта грязь перейдет в литературу? Популярен тот писатель, который «не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы... Все, рукоплеща, несется за ним и мчится вслед за торжественной его колесницей». А жизнь идет своей дорогой. Разгуливают по земле Мокий-Кифовичи, и никто не может к ним подойти. Кто может их остановить, тот, усыпленный писателем, показавшим «прекрасного человека», окурившим «упоительным куревом людские очи», более интересуется, как Кифа Мокиевич, вопросом о том, какой толщины должна быть скорлупа, если бы слон вылупился из яйца. Жизнь для них не существует; они ее не видят. И велика должна быть сила «дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земля, подчас горькая и скучная дорога». «Сурово его поприще». Как ибсеновского Бранда,

¹ Ильинский Л.К. Памяти Н.В. Гоголя. 20.III.1809 – 21.II.1852 – 20.III.1909: Речь, произнесенная в Казанской Ксенииинской женской гимназии 20 марта 1909 г. / Л.К. Ильинский. – Казань: Центр. тип., 1909. – 24 с.

оставят его все, «и горько почувствует он свое одиночество». Но перспектива одиночества, камней, которыми бросали в Бранда, не остановят человека мысли. Мысль его не успокоится, не заснет под гул мелочной жизни. Жизнь будет манить к себе, прельщать своим земным счастьем, но для него всегда будет слышаться внутренний звон своего идеала, и он повлечет его, как балладного богатыря Вадима, вдаль, ибо «какое-то странное, и манящее, и несущее, и идеальное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога!»

I.

И дорога в неведомую даль манила Гоголя еще на школьной скамье. Еще в школе, в среде товарищей он говорил о какой-то миссии, предстоящей ему в жизни. Подобно Ганцу Кюхельгартену его душа рвалась в жизнь, где он жаждал осуществить свои мечты. С мечтами о своем высоком служении обществу он едет в Петербург и поступает на службу. Но служба принесла одно разочарование. Идеальный юноша не нашел себе подходящего дела. <...> И Гоголь уходит от этой жизни в воспоминания прошлого. Среди новой жизни он забывается воспоминаниями Малороссии, ее красот, ее тихой, спокойной жизни. Из «прекрасного далека», на основании писем и сообщений с родины, своих светлых детских впечатлений он пишет ряд высоко-поэтических очерков из быта Малороссии, – рассказов, показавших поэтический талант автора. Жизнерадостный, хотя и покрытый дымкой тихой грусти по родине, юмор повеял новой струей на читателя, и перед ним открыл новый мир.

Но воспоминания детства, даже славного прошлого своей родины не могли заполнить жизни Гоголя. Его ум не мог успокоиться: успокаивалось только чувство. <....> благодаря знакомствам, своей службе, рассказам о России в среде писателей Гоголь познакомился с действительностью. <...>.

И было пред чем остановиться наблюдателю с пылкой душой, ищущей высшей жизни. Русская жизнь того времени подавляла человека мелочами. Не было простора мысли: она заглохла в тине пошлости. <...> В обществе нет ни великодушных стремлений, ни правосудия. Ни простоты, ни чести в нравах, словом, ничего, свидетельствующего о здравом, естественном и энергичном развитии нравственных сил... Общественный разврат так велик, что понятия о чести, о справедливости считаются или слабодушием, или признаком романтической восторженности (Никитенко). <...>

И эту же грусть ощущал своей чуткой душой Гоголь. Если потрясенный Городничий, пробудившись, ужаснулся открывшейся только теперь его глазам картине окружающего общества, увидел, что вокруг него только «свиные рыла», – то еще сильнее было впечатление интеллигентного человека от окружающей действительности. И неожиданно – потрясенный открывшимся безобразием, он долго стоял как художник Чертков пред портретом, всматриваясь в жизнь окружающего общества.

Впечатление было тем сильнее, что Гоголь любил Россию, «любил... сильно свое отчество и своих же соотечественников». Он чувствует с нею тесную связь, «да и вообще Россия все мне становится ближе и ближе; кроме свойства родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной». И эта близость питает его веру в силу России <...>

И глубоко любящий и веряющий в Россию, в силу необъятной своей родины Гоголь еще сильнее чувствовал грусть при виде того ее положения, когда личность человека была угнетена мелочами и пошлостью; ее права попраны и человек, как таковой, вызывал, как Акакий Акакиевич, лишь смех; когда на жизнь смотрели исключительно с точки зрения тела; о душе не думали и редко задавались вопросом о ее существовании, узнавая о ней лишь после смерти человека, как было в губернском городе после смерти прокурора; когда во главе общества стояли «первойшие хапуги в мире», вроде Золотухи; когда свои заслуги считали числом обманутых губернаторов; и человека, прочитавшего, даже без толку, две книги считали масоном. <...> И прав был Собакевич в своей характеристике городского общества – «это все мошенники; весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродацы. <...>». Атмосфера слишком сгущена, и грустно было и горько человеку, любившему свою родину. Его чувство при виде всей этой пошлости оскорблялось. И, конечно, жизнерадостный комизм малоросса-Гоголя, сложившийся под влиянием отца, комедии которого пересыпались ему в Петербург, сменяется другим чувством. Жизнь открылась с другой стороны. Наблюдатель не мог после данного ему в Петербурге толчка не заметить того, что проходит мимо равнодушных очей, – всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь. <...>

Под влиянием этого и произведения принимают другой оттенок, и факты действительности, жизни освещаются иначе, с совершенно новой

точки зрения, принадлежащей исключительно Гоголю, как начинателю этого рода литературы. Это то чувство, которое заставляет автора «озирать всю громадную, несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы». Комические картины жизни, комические лица заставляют человека проникать мыслью вглубь. И недаром Пушкин, прослушав несколько глав «Мертвых душ» и вначале смеявшийся, воскликнул: «Боже, как грустна Россия!». Он видел другое, глубокое содержание. Смешная оболочка типов открыла сильнее язвы человека, как и в смешной фигуре Дон-Кихота можно уловить черты глубокого идеалиста, энтузиаста, служителя идеи, обвеянного ее сиянием. Сервантес и Гоголь в этом отношении тождественны.

Это другое, более глубокое содержание стоит в зависимости от того, что наблюдатель неизбежно должен был прийти к мысли о причине пошлости, причине, заключающейся в самом человеке, в его душевной организации. Стремление наблюдать за душой человека у Гоголя развились рано: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в мельчайших чертах и движениях его, которые пропускаются без внимания людьми». С течением времени интерес к душе человека разрастался. Гоголь не ограничивается одними наблюдениями над человеком. Он «обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество». Рамки его кругозора расширяются. Для него предметом наблюдения становится «не русский человек и Россия, но человек и душа человека вообще». И задачей его является не изображение низости и пошлости русского человека, а картина погрязшей в тине мелочей души человека. Пред нами выступают не просто Городничие, Тяпкины, Ноздревы, Маниловы, Плюшкины, Собакевичи, а люди определенных душевных качеств. Пред нами не просто картина жизни уездного городка, а картина нашего душевного города. Нужды нет, если не во всех частях изображенная жизнь реальна; нужды нет, если ситуация произведений не всегда жизненна. Нужды нет, если автору вздумается ввести и фантастический элемент, как в повести «Шинель». Для него, жившего в глубоких психологических движениях души, эти картины реальны. Они являются также дорогие для него наблюдения над душой человека.

И мысль о погибшей в мелочной пошлости жизни душе человеческой все время занимала писателя. И вывести ее из тьмы окружающей жизни, – стало задачей писателя. Для него человечество шло путем заблуждений, в которых само будет раскаиваться, и задача писателя указать путь правды;

указав всю пошлость жизни, человека, каков он есть, пробудить его душу.
<...>

Этот путь определил отношение Гоголя к окружающей действительности, помог ему глубже вникнуть в душу человека, определил и его отношение к художественным произведениям. В них он ищет, прежде всего, «правды жизни», что налагает отпечаток идеала на все произведения – тот отпечаток, который Лев Толстой определил как религиозность произведения, разумея под этим термином стремление к идеалу вообще.

Но путь, приведший Гоголя к Христу, заставил его сузить свой идеал в рамки узкой религиозности. Религия для него становится даже во внешнем ее проявлении силой, как у Плюшкина. Положительные его типы близки к религиозным ханжам, вроде Муразова, думавшего в своем узко религиозном ослеплении наставить Чичикова и Хлобуева. Наконец, Гоголь не удовлетворяется и своей художественной деятельностью, и в конце своей жизни он пришел к тому же, с чего начал – к самосожжению художника. И трагедия его собственной души привела к мукам, с которыми он сошел и в могилу.

II.

Вот главные элементы, из которых состоит миросозерцание Гоголя. С точки зрения его и подошел он к русской жизни и русской действительности. Безотрадна была картина русской жизни. Грустное чувство овладело человеком, то грустное чувство, которое является характерным для людей эпохи. Но оно не подавило светлых надежд Гоголя, не разрушило его юношеских мечтаний. Не уничтожили их и неудачи личной жизни, – неудачи в служебной деятельности и на ученом поприще. <...> И «высокое настроение поэтической силы» помогло ему осуществить свою задачу.

Чуткий к жизни, схватывая ее сразу в больших объемах, он интуитивным путем, пользуясь данными своих корреспондентов, из «прекрасного далека» определяет существенную характерную черту своего времени. И в своих ярких, рельефных образах он, комбинируя разбросанные факты, трудно воспринимаемые в общем проявлении жизни, полнее отражает ее, чем это чувствовалось обычным средним человеком. И картина русской жизни в художественных образах Гоголя была в сущности та же, что мы можем найти и в письмах современников. То и другое находятся между собой в отношении портрета к оригиналу.

Конечно, Гоголю, как художнику, приходилось брать другие пропорциональные отношения, включать их в известную общелитературную форму. Не обошлось в данном случае и без влияния исторического развития литературных форм, хотя бы в области драмы. Не говоря уже о поэме, по своей форме являющейся результатом старого обыкновения включать сюжет в форму путешествий. <...>

В рамках заимствованной формы реальность и высокая художественность изображения жизни не потонули. Широкий захват жизни...; жизненность типов, сходных в двух главных произведениях, а отсюда портретность их, на что намекали и современники, указывавшие прототипы действующих лиц произведений Гоголя; изображение жизни и лиц в художественных образах-типах, явившихся результатом логического строя ума, мыслящего образами, – говорит за самостоятельность, самобытность автора, говорит о творческой оригинальности его, как определил эту черту Белинский.

Образность мышления вела и к образности языка, изобразительного, доходящего до стихотворений в прозе в описаниях природы и лирических отступлениях. Все богатство и выразительность русского языка было ведомо Гоголю <...> И его меткое слово и теперь еще ходит по свету, распространяясь все более и более, ибо «нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово».

Эта сторона произведений Гоголя – реальность изображения, художественность и является главной в ряду элементов его творчества. В этом и состоит его ценность как писателя. И в оценке Гоголя-художника сошлись самые разнородные направления литературы того времени. Чтением его произведений увлекались Аксаковы и даже витавший в небесах Жуковский. Пушкин ценил Гоголя и его талант, отдавая ему сюжеты для произведений и руководя им. Белинский признал его «главой литературы, главой поэтов» и желал, «чтобы этот прекрасный талант долго сиял на небосклоне нашей литературы». Даже и после, разойдясь с Гоголем по поводу «Переписки», Белинский не оставил своего мнения о писателе-художнике, называя его произведения «глубоко истинными, дивно-художественными творениями».

<...>

Эта художественность пробудила русскую мысль, заставила ее работать. Только при свете этой художественности и может человек понять жизнь, оценить ее, ту жизнь, которую писатель представил в новом

свете, сквозь призму юмора и высоконравственного идеала. Внутренняя жизнь человека, его душевные переживания, прежде всего, попадали в поле зрения писателя. Впервые подойдя с этой стороны к человеку, Гоголь с этой же точки зрения изобразил и общественные явления. И обществу в своих произведениях произнес суровый приговор, найдя в нем лишь пошлость, грязь нравственную.

И в художественных творениях общество увидело себя, как в зеркале.

<...>

<...> Русская литература насчитывает в своей среде таких корифеев, как Тургенев, Достоевский, Гончаров, Островский, Салтыков, великий писатель земли русской – Лев Толстой, но все они шли путем, указанном Гоголем. Всем приходилось считаться, выражаясь языком Тургенева, с гоголевским элементом литературы; все они вышли из одного источника – из под Шинели Гоголя, так как он дал, по выражению Чернышевского, русской литературе решительное стремление к содержанию и стремление в столь плодотворном направлении как критическое. Вся русская литература восходит к Гоголю, он является, по меткому выражению Д.В. Григоровича, одним из трех китов, на которых русская литература держится.

Истинный поэт-художник не может не оставить следа: художественное произведение уже само по себе является стимулом работы мысли, а тем более произведение, отобразившее в себе общественную жизнь: оно заставляет человека углубиться в себя, вникнуть в свою жизнь, искать правды, хотя страсти человеческие часто заглушают ее голос.<...>

<...>

И типы его не умрут. В жизни мы найдем и до сих пор типы Шекспира – Гамлетов, Отелло, Макбета, Короля Лира, как находил их в русском обществе Тургенев. Среди живых людей явится и печальная, но обвеянная сиянием идеи фигура рыцаря Дон-Кихота, так как живы и будут вечно те душевые свойства человека, которые положены в основу их обрисовки. Найдем в жизни и героев Гоголя: может быть, к стыду человечества, но они перейдут и в другие эпохи, и за пределы своего отечества, где только будут преобладать черты их нравственной физиономии, и еще долго будет иметь место нарисованная Гоголем картина встречи Чичикова: пройди... мимо... какой-нибудь знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, – он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от

смеха: смотри, смотри: вон Чичиков, Чичиков пошел! И потом, как ребенок, позабыв всякое приличие, должное званию и летам, побежит за ним вдогонку, подразнивая сзади и приговаривая: Чичиков, Чичиков.

Этой чертой своего таланта Гоголь уже выходит за пределы литературы одной лишь нации, он становится писателем мировым. «И действительно, этому писателю принадлежит универсальное значение, превышающее уже отчасти невозвратимым прошлым интересы и потребности времени и среды, для которых ближайшим образом трудился Гоголь» (Дашкевич).

<...>

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

Д.П. Шестаков

Личность и творчество Гоголя¹ (1902)

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н.В. Гоголь, биография, творчество.

I.

Осенью 1844 года известный «друг поэтов», Александра Осиповна Смирнова, спрашивала у Гоголя: «Спуститесь в глубину души вашей и спросите, точно ли вы русский или хохлик».

«На это я вам скажу, – отвечал великий писатель, – что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская; знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой: явный знак, что они должны пополнить одна другую».

На той особой «природе», которую Гоголь этими словами признаёт за малороссом, коренятся все произведения первой половины литературной деятельности Н.В. Гоголя, коренятся и те черты его художественного творчества, которые легли неизменяемым фондом в основу его писательской личности. <...>

Удивительная пластичность языка этого величайшего колориста нашей литературы одинаково сказывается и в отдельных выражениях, и в обширных описаниях, образах, сравнениях. Он высекает, как из твёрдого, вечного мрамора свою фразу <...>. А если бы мы задались целью пересказать все его пластические, удивительные по силе звука и слова, описания, то пришлось бы переписывать целые страницы. <...>

Характерно для начальной поры литературной деятельности Гоголя и то, что изо всех времён года он особенно любит весну. Он упивается ею. Творящая, буйная, несдержанная сила природы оставляет в нём впечатление неотразимое. <...>

С годами Гоголю приходилось всё более признаваться и убеждаться в том, что всё более и более слабела в нём эта удивительная сила молодой,

¹ Шестаков Д.П. Личность и творчество Гоголя / Д.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 48 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XIX).

проницательной наблюдательности. Зато усиливалась и крепла иная сила – глубокой, серьёзной вдумчивости. <...>

И точно, даже в ранних «хочлацких» произведениях Гоголя, даже среди роскошных картин родной природы и родного быта, слишком часто обнаруживается и «выходит наружу» внутреннее, грустное чувство.

Таково заключение «Сорочинской ярмарки»; только что блестела и смеялась перед нами национальная украинская свадьба, с весёлыми юмористическими выходками участвующих, с гопаками и песнями, – а уже слышатся серьезные, мрачные звуки. <...>

Родная, любимая старина говорила Гоголю и звуками украинской песни, перед которой он преклонялся <...>, и семейными старинными преданиями, к которым он прислушивался и которые он собирал неутомимо. Семейное, близкое ему предание подсказало Гоголю незабвенную Пульхерию Ивановну. Едва ли не семейная тяжба легла в основу *«Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»*.

Заслугой Гоголя перед родной литературой останется и то, что он подсказал старику Аксакову создание *семейной хроники*.

Чрезвычайно характерно, что и Рим, занимающий такое видное и важное место в жизни и творчестве Гоголя, обвеял его с самого начала чем-то родным, патриархальным, старосветским, украинским. <...>

Русские друзья великого писателя, особенно московские, зачастую были совершенно бес tactны в своих упрёках Гоголю за пристрастие к чужбине; призывая его в Россию, в Москву, они не хотели считаться ни с душой художника, которому так радостно работалось в «художнически монастырском» укладе римской жизни, ни с душой нервного писателя, которому приходилось постоянно «выбирать место, где лучше и удобнее работается, а не где веселей проводить время».

II.

Если богатая природа родной Украины дала Гоголю первые уроки красоты, если она наложила печать такой художественной силы на внешность его произведений, – то у людей Украины Гоголь взял первые уроки уже внутреннего и самого основного элемента своего творчества – он взял у них первые уроки юмора. <...>

Из своих товарищей Гоголь сходился, как сам свидетельствует, только с немногими. И этих немногих объединяло с Гоголем общее

наслаждение – «осмеивать глупости людские» остальных их сотоварищей, школьного большинства.

III.

Мы наметили выше вкратце тот багаж наблюдательских и художественных навыков, который Гоголь повёз с собой в Петербург, отправляясь туда на службу в 1829 году, по окончании курса в Нежинской гимназии. <...>

Неприветливо встретила северная столица нашего «хохлика». В *«Ночи перед Рождеством»* есть сжатый и яркий очерк Петербурга, как он представился кузнецу Вакуле, сразу перенесённом чёртом из глухой украинской деревушки в середину столицы. В этой картинке чувствуются личные впечатления Гоголя. <...>

К тому же и все старания Гоголя прочно основаться на определённом месте долгое время оставались безрезультатны или малорезультатны. Человеку грезилась большая служба с большой пользой для всей России, а его совали в маленький департамент переписывать маленькие бумажки. Ему мечталась высокая кафедра, откуда бы он мог вешать миру, а его вынуждали возиться с ученическими тетрадками и «мелким женским умом» в Патриотическом институте.

Гоголь и сам чувствовал, как не на месте он на всех этих местах. Он только по-видимому всей душой отдавался служебным обязанностям; на самом деле общался он с ними вольно, почти юмористически. <...>

Тем не менее, Гоголь, конечно, преувеличивает, когда позднее проклинает как вредное для него и ничтожное и своё занятие чиновничьей службой, и своё учительство. Всё это были ступени, часто скользкие, по которым он восходил нечувствительно к иной, великой службе, к иной, громкой кафедре. Ни чиновничество, ни учительство не прошли без следов и плодов для его художественного творчества. <...>

На историю смотрел Гоголь глазами художника, а не старого исследователя. Летописями он не умел удовлетвориться. На его глаза, летописи в своём отношении к жизни прошлого «похожи на хозяина, прибившего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены». Полноты жизни он не находит в них. Народное предание, народная песня – вот его руководители в историческом изучении. Он, стало быть, окрашивает ушедшее былое живым лиризмом современного чувства. Для художника такое переживание старины достаточно, для строгого историка – нет. <...>

В конце концов, все его исторические изучения привели к тому же результату, как и Пушкина. Пушкин, подготовляя историю Пугачёвщины, мимоходом создаёт «*Капитанскую дочку*», в которой эпоха отпечатлелась живее, полнее, ярче, чем в многотомных историях времени. И вложив в художественное произведение всё дыхание жизни, он оставляет для настоящей «*Истории Пугачёвского бунта*» один сухой, безжизненный остов. Гоголь вместо шести-восьми томов истории Малороссии, которыми мечтал разразиться, пишет «*Тараса Бульбу*» и с превосходной пластичностью укладывает в нём то время, «о котором живые намёки остались только в песнях, да в народных думах, уже не поющихся более на Украине бородатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа». Художник взял своё с истории и весь обратился к современности.

Естественная и законная стихия Гоголя, – сила его светлого, освежающего смеха, его поразительного юмора – втихомолку растёт и зреет в нём среди всех этих побочных и далёких от его назначения занятий. <...>

IV.

Все мы знаем, что такое поэзия Пушкина. Это высокая, обдуманная гармония замысла и исполнения, содержания и слова. Это могучая фантазия, свободно переплетающая все «границы пространства и веков», но смиренная, сдержанная удивительным чувством меры. Понятно, какое благодетельное влияние на Гоголя произвело тесное сближение его с живым носителем этой поэзии. <...>

«Пушкин, – вспоминает Гоголь в «*Авторской исповеди*», – уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец один раз, после того как я ему прочёл одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако же, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех...» Он отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому

никому. Это был сюжет «*Мёртвых душ*»². (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему).

Другую крупную задачу, указанную Гоголю Пушкиным, называет дневник последнего от 7-го апреля 1834 года: «Гоголь, по моему совету, начал историю русской критики». Задача не была выполнена Гоголем и впоследствии, к сожалению, досталась очень тенденциозному писателю, господину Иванову³.

В письмах Гоголя мы находим целый ряд указаний, как близко относился Пушкин к сочинениям Гоголя, как входил он и в общее, и в частности их, как заботился о их законченности и красоте. <...>

В общем, Пушкин был для Гоголя тем судьёй, без которого, по словам нашего писателя, «не мог существовать ни один художник».

V.

Другим, после Пушкина, гениальным завершителем художественного развития Гоголя был Рим. Недаром и к Пушкину, и к Риму Гоголь прилагает один и тот же образ. «Поэзия Пушкина не вдруг обхватит нас, — пишет он Данилевскому в 1832 году, — но чем более вглядываешься в неё, тем она более открывается, развёртывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее». Такое же впечатление чего-то неизмеримого и не сразу открывающегося произвёл на Гоголя и Рим. «Это такое бездонное море, — пишет он Прокоповичу в 1837 году, — что не знаешь, откуда, с какого конца начать и о чём говорить». <...>

Дорога, всегда освежающе и бодряще действующая на Гоголя, обдумывание и продолжение «*Мёртвых душ*», к которым он снова обратился за границей, старый и величественный Рим, принявший и успокоивший усталого, — таковы были благотворные впечатления беглеца за рубежом России. Перед великим, если не величайшим художником русского слова развёртывается широкий простор спокойной, вдумчивой эпопеи. Рим как нельзя лучше подходил для такого сведения воедино художественных итогов. <...>

Не желая признать, что «все, до малейшей, излучины души подлого и бесчестного человека рисуют уже образ честного человека», — Гоголю кричали со всех сторон: да дайте же, дайте же нам этот положительный

² Существуют и некоторые другие мнения о происхождении сюжета «*Мёртвых душ*» с родного Гоголю юга <...>.

³ Напомню хотя бы его отношение к Карамзину.

типа, этого так нужного для нас, так для нас поучительного честного человека!

И Гоголь сдался. Он отвечал на требования и запросы раздражённого читателя: погодите, что скажет «мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома *«Мёртвых душ»*!

<...> В последние годы деятельности Гоголя разыгрывается жалкое и досадное зрелище: великий поэт, творец великих и вековечных образов, начинает толковать эти самые образы, в области которых он – истинный мастер и хозяин, начинает самооправдываться и разъяснять неполноту, элементарность, незаконченность этих образов. <...>

Гоголь и сам, в конце жизни оглядываясь на жизнь, выдвинул среди своих сочинений не что другое, как *«Мёртвые души»*. Изнемогающий, больной, едва ли не накануне смерти, он чертит дрожащей рукой на клочке бумаги ни к кому в частности и ко всем вообще обращённые слова: «Будьте не мёртвые, а живые души!»

Великий художник слова точно говорит нам этими словами: вот, я собрал всё низкое, мелочное, пошлое, всё убивающее душу, всё затягивающее её как тиной; с болью, со страданием собрал, потому что это наши общие пороки; я воплотил их в такие твёрдые, вечные образы, каких никто до меня не давал, каких и после меня не скоро дождёться. *«Мёртвые души»* перед вами. Но помните: вы должны идти за мной и в тот христианский путь, по которому брёл я усталый, изнемогающий, близкий к смертному порогу. Любите земную родину, но не забывайте и небесной. Пусть каждый шаг ваш в жизни будет шаг христианский. Будьте не мёртвые, а живые души!

Литература

1. Аксёнова А.А. Историко-литературные работы Д.П. Шестакова как материал для изучения его поэтического наследия / А.А. Аксёнова // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. (Н. Новгород, 12–14 нояб. 2009 г.) – Н. Новгород, 2010. – С. 130–137.

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Грибоедов Александр Сергеевич

Е.Ф. Будде

О комедии Грибоедова «Горе от ума» (Опыт разбора комедии)¹ (1896)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.С. Грибоедов, комедия «Горе от ума», интерпретация идеи и образов, восприятие читателями и критикой, мастерство писателя.*

В прошлом году исполнилось 100-летие со дня рождения Грибоедова. В Казани этот день прошел незаметно, и я чувствую себя в долгу, не вспомнить до сих пор о Грибоедове ни в одной печатной статье. Причина этого – недостаток времени, вследствие разнообразных занятий. Теперь я имею возможность хоть в нескольких словах статей о Грибоедове пополнить пробел нашей казанской прессы.

«Грибоедов», по выражению Белинского, «принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа»². Его комедия представляет из себя художественную хронику русской жизни 20-х годов нашего столетия, жизни того общества, которое у нас в России лишь *одно* могло носить это название, и потому идеалы, стремления и мнения людей, принадлежащих к этому обществу, были в то же время идеалами, стремлениями и мнениями общественными. Комедия «Горе от ума» представляет поэтому не только литературный интерес, но и научный: она оставила нам в наследие тот научный материал, над которым уже много работали и до сих пор работают литературные критики и ученые. «Горе от ума» вместе с мемуарами и записками современников служит надежным источником наших сведений о культурных задачах нашего образованного общества в «век нынешний и век минувший». Едва ли еще какое-нибудь литературное произведение, кроме «Горя от ума», наделало столько шума в читающей публике при первом своем появлении в рукописи, сколько именно, комедия Грибоедова! Комедия эта распространилась в

¹ Будде Е.Ф. О комедии Грибоедова «Горе от ума» (Опыт разбора комедии) / Е.Ф. Будде. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1896. – 23 с.

² Соч. Т.3, стр.437, М., 1876.

бесчисленном множестве списков в Москве еще в 1823 году, тотчас по приезде Грибоедова из Тифлиса. Булгарин, известный журналист и литератор, говорит, что в России насчитывали до *сорока тысяч* списков комедии Грибоедова³. Все московское общество взволновалось до такой степени, что комедию долгое время не пропускали в печать: московская клика «тузов» узнала свои портреты в сатире Грибоедова и сделала знаменитому автору большую неприятность; его смелый тон, художественная верность литературных типов оригиналам, обнаружение узкоэгоистических и пошленьких сторон в характере и службе влиятельных и крупных личностей, его искренняя защита свободы личности и общечеловеческих прав, – все это было перетолковано в худую сторону и в связи с грустными обстоятельствами и предвестниками ужасного 1825 года создало для поэта тяжелое положение арестанта, к счастью прекратившегося очень скоро, так как поэт был оправдан в подозрении.

В 1825 году «Горе от ума» имелось в рукописи почти в каждом мало-мальски образованном семействе, но целиком напечатано оно было лишь после того, как сам император Николай не нашел в нем ничего противоцензурного, в 1833 году. Какая же причина такого раздражения современного общества? Почему судьба комедии «Горе от ума» такая странная? Сам Грибоедов, к сожалению, вскоре после трагически окончил свою жизнь, оставив нам загадку неразрешенною. Спустя долгое время литературная критика обнаружила причину волнений в московском высшем обществе, произведенных комедией; оказалось, что лица, выведенные Грибоедовым в комедии, живые, и для многих из литературных типов подысканы были их оригиналы; некоторые деятели лишь сравнительно недавно сошли с жизненной сцены, и Москва до сих пор в лице своих старожилов может указать с достоверностью прототипы для грибоедовского Фамусова, Софьи Павловны, Молчалина, Натальи Дмитровны, Скалозуба и других лиц комедии... Тем более нам должно быть интересно литературное изображение живого общества, так как в нем мы находим корни наших собственных идеалов, нравственных понятий и взглядов. «Горе от ума» не есть литературный пасквиль на московское чиновное дворянство, как хотели его выставить некоторые критики: в нем есть идея – это борьба отживающего, старого поколения с новым, борьба за существование понятий, это борьба культурная, это

³ Гарусов. Горе от ума. СПб., 1875, стр. 33.

столкновение понятий века минувшего и века нынешнего. Носителем идеи является всегда человек, как член общества, а потому там, где есть общество, есть и связывающие и образующие его идеи, есть и общественное мнение, и его выражатели. Что же за общество рисует нам Грибоедов? Из-за чего и с кем могла быть борьба? А борьба была жестокая! Обратим внимание на эпиграф, с которым появилось «Горе от ума» в одной из самых ранних рукописей. Здесь стоит следующий эпиграф.

Судьба – проказница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым – счастье от безумья,
Всем умным – горе от ума.

Этим самым Грибоедов сказал, что он считает умным человеком того, кому пришлось испытать *горе* в его комедии, т.е. Чацкого, который нам и сообщает идею всей комедии в разговоре с Фамусовым:

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши.
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший –
Свежо предание, а верится с трудом... (Д.2, Явл.2)

<...>

Дом Фамусова, его все знакомые, друзья, приятели, собирающиеся у него на балах, – это целая компания людей, связанных между собой одним общим миросозерцанием: у них у всех одни идеалы, одни кумиры, одни желания, одинаковые узко эгоистические интересы и пошленькие души. Эксплуатация казенной службы, низкопоклонство, лесть перед высшими себя, и важная надутость и чванство перед низшими себя, безнравственное понятие о чести, о долге семьянина, отца, воспитателя, низменные чувства к женщине, волокитство, – все это имеет место в семье Фамусова, всему этому дает простор у себя дома Фамусов, и все это прикрывается притворно-ложивыми, неискренними, но наружно благонамеренными целями, суждениями и поступками. Чацкий очень едко отзывается об этом низком притворстве <...>

Чрезвычайно художественно обрисован поэтом этот круг ловких людей в доме Фамусова; его дом – это целая школа жизни, где сходятся одновременно люди разных курсов и разной опытности в жизненной дипломатии: одни здесь, как сам Фамусов, уже вышедшие из этой школы с большими успехами и применяющие свои познания на практике и

видящие уже плоды своей науки: мы видели, что Фамусов ставил себя рядом с Максимом Петровичем в пример Чацкому, когда говорил о шутовстве Максима Петровича при дворе; очень удачно льстит Скалозубу и ухаживает за ним, влезая на стул, чтобы поскорее открыть отдушничек и согреть полковника, которому, несмотря на грубость его натуры и характера, даже совестно становится от этакой любезности хозяина. <...>

Фамусов – чиновник, привыкший извлекать для себя выгоду самыми неблагородными средствами, самыми безнравственными способами, втянулся до такой степени в эту пышную жизнь, ставшую для него нормой, что другой жизни, других более высших интересов, чем личные интересы самого невысокого качества, он и не допускает и не понимает, и в этом он составлял лишь один из многих примеров тогдашнего московского высшего общества. Такая жизнь сделала его и в семье безнравственным отцом – лицемером, обманывающим свою дочь: он весь изолгался, он весь опошился. Очень понятно, что и его единственная взрослая дочь впитывает в себя недостатки своего отца и того общества, среди которого она умственно и нравственно формируется. <...>

<...>

Таким образом, перед нами Грибоедов рисует личность Фамусова со многих сторон: мы видим его взгляды на обязанности отца, на воспитание, на отношение к людям, на общественное мнение, мы видим его поведение с своей горничной; словом, Фамусов, как центр или центральная личность известного круга людей, прошедших одну с ним жизненную школу, обнаруживает себя в каждом слове и действии, как человек, у которого нет ничего *святого* в жизни, нет идеалов, кроме угодничества высшим и пресмыкания перед людьми, от которых он признает свою зависимость. <...>

<...> Проводя свою философию последовательно в жизни, Фамусов разносит и распространяет кругом себя, так сказать, аромат и атмосферу, которыми и дышат все его окружающие. <...>

Женское общество, посещающее дом Фамусова, общество Софьи Павловны, которая служит молодой хозяйкой и представительницей дома, ничем существенно не отличается по своим нравственным взглядам от общества мужчин: здесь Грибоедов тоже выводит перед нами и дам, уже готовых к жизни и, следовательно, ко всяkim поступкам невысокого качества, – и девиц, еще только приготовляющихся к такой жизни. <...>

<...>

Не то ли же самое женское властолюбие и деспотизм развивается и в

девицах Фамусовского круга? Не те ли задатки обнаруживаются и в Софье Павловне в 17 лет? В самом деле, для многих литературных критиков и для публики казалось почти необъяснимым явлением – любовная связь Софьи с таким человеком, как Молчалин. Что в нем могла найти Софья? На чем создались эти отношения? Готовы были даже видеть в этой любовной связи Софьи и Молчалина нарушение жизненной и художественной правды, <...> готовы были порицать Грибоедова! Но в том-то и дело, что Грибоедов нам дал в своей чудной комедии все, что требуется для понимания характеров и положений действующих лиц; он сделал все, чтобы нельзя было его упрекнуть за нарушение правды, чтобы нельзя было ему отказать в художественном и могучем таланте, – и этого он достиг тем, что *писал прямо с натуры*, это ему далось *легко*, потому что он был *искренним*, и в этом заключается вся литературная и художественная сила его комедии <...>. Москвичи помнят живую Софью Павловну и живого Молчалина! <...>

<...>

Молчалин, конечно, в своих отношениях к дочери своего начальника видел только применение на практике той же самой житейской философии, которую исповедовал Фамусов, практиковал мудрое правило своего отца и завещание сыну: «угождать всем людям без изъятия» (Д.4, Явл.12) до собаки дворника включительно, и сам признавался горничной Лизе, что он любит Софью «по должности» (Д.2, Явл.12), между тем как истинное чувство он в себе находит только к горничной Лизе (Д.4, Явл.12) и любезничает с ней, как и его принципал.<...>

<...>

Таким образом, в тех отношениях между Софьей и Молчалиным, которые развиваются перед глазами зрителей в комедии «Горе от ума», мы не видим ни малейшего нарушения правды жизни, напротив, мы видим здесь художественное и искреннее ее выражение. Софья Павловна принадлежала к тому кругу людей, где оценивались люди не по их внутренним качествам, а по их внешнему положению в обществе, по их успехам в службе, конечно, не могла не видеть и misalliance в своем браке с Молчалиным, пока последний был «ассессором» и «нищим», и потому мы вправе предполагать, что с ее стороны эти отношения с Молчалиным были лишь «игрою в любовь», которою она сама забавлялась и на которой практиковала свое кокетство. <...>

<...>

Очень понятно, что среди такой компании Чацкий казался человеком,

который пришелся «не ко двору»: все то, что не было похоже на воззрения и взгляды фамусовского круга, было *странным* и ненормальным; отсюда и явился взгляд на Чацкого, как на человека *опасного*, как на человека *вредного*, которого Фамусовская клика называла и вольтерьянцем, и якобинцем, и карбонарием за его либеральные или, как выражается фамусов, «завиральные» идеи (Д.2, Явл.3).

Наши литературные критики и наша наука, подыскав для многих лиц, выведенных в комедии Грибоедова, живые оригиналы в московском обществе 20-х годов, долго останавливалась на вопросе о том, *кто такой* Чацкий. Одни в нем видели самого Грибоедова, другие – Чаадаева, но до сих пор этот вопрос остался не совсем выясненным. Кто бы ни был Чацкий, одно, кажется нам, несомненно, что это – личность, суждения, мнения и даже поведение которой изображены согласно с действительностью. <...>

<...>

<...> Чацкий, благодаря своим природным дарованиям и пытливости своего ума, скоро почувствовал духоту окружавшей его атмосферы: он вырвался из нее, и на это хватило у него сил и решимости, между тем как у другого не хватило бы; если среда засосала Софью, как девушку, если она втянула Репетилова, из которого не вышло ничего цельного, если в ней пал товарищ Чацкого – Платон Михайлович Горич, то Чацкий оказался сильнее из всех: он бежал заграницу учиться и там окончательно окреп умственно и нравственно.

<...>

<...> Как молодой и глубоко преданный гуманным идеям человек, он невольно принимает мир своих идей за действительность, свои стремления невольно считает уже осуществленными в жизни людей, и здесь-то ему приходится испытывать «миллион терзаний», так как он наталкивается на горькую действительность, ошеломляющую его до потрясения всего его существа, до ужаса. Его образование не оторвало его вконец от родной почвы: «дым отечества» ему «сладок и приятен» еще, его все нападки на иноземцев и их влияние исходят из искреннего желания блага своей стране, развитие которой должно, по его мнению, идти вперед, не теряя национальной окраски, не поселяя презрения к родине и народу: он сам показывает нам своим примером, что западноевропейское образование, без которого он не мог обойтись, содействовало и должно содействовать более глубокому пониманию национальных нужд и вопросов, более осмысленной любви к своему

отечеству <...>

Случайно день приезда Чацкого в Москву совпал с днем бала, назначенного у Фамусовых. Чацкому представляется возможность увидеть обширное общество московской знати зараз, встретиться со знакомыми лицами и проверить свои впечатления от Софьи и Фамусова. Вот, именно, в том обстоятельстве, что вся комедия представляет нам действие, совершившееся лишь *в течение одного дня*, с 7 часов утра до ночи, и заключается полное оправдание поведению Чацкого: если бы он не был поражен на первых же порах противоречием между его внутренним миром и действительной жизнью, если бы он не попал сразу к Фамусову на бал, если бы, наконец, Грибоедов изобразил перед нами *несколько дней* жизни Чацкого в Москве, то, наверное, мы не имели бы Чацкого, а какого-либо другого человека. Застигнутый врасплох с своими мнениями и взглядами, Чацкий не подготовился учить и переучивать других; он *не мог быть не искренним*, а потому не мог не показаться резким и странным, следовательно, он – не резонер. Его раздражение и тон вызваны тем *столкновением понятий*, которое обнаружилось сразу, а потому его тон и был страстным и горячим. Чацкий наверное поступил бы иначе, если бы его не влекли с собою мысль и желание уберечь Софью от влияния окружающей ее среды; он мечтал прежде всего найти сочувствие в том человеке, который был другом его детства: не любовь к Софье руководила им во всех его суждениях и в том вызове, который он делает московскому обществу, а случайное стеченье обстоятельств и искренность его души, заставившие его сразу обнаружить свой внутренний мир. Это вполне естественно и художественно верно. Отсюда происходит то, что он, пробыв лишь *один день* в Москве, чуть не задохнулся в этой атмосфере и вновь бежал из Москвы, конечно, за границу. <...>

<...>

Литература

1. Воронова Л.Я. Е.Ф. Будде как исследователь русской литературы / Л.Я. Воронова // IV Междунар. Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сент. 2009 г.): труды и материалы : в 2 т. – Казань, 2009. – Т. 1. – С. 5–7. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://cls.ksu.ru/boduen/bodart_4.php?id=1&num=2000000

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

Л.К. Ильинский

О комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»¹ (1909)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.С. Грибоедов, литература и действительность, проблематика комедии «Горе от ума», образы и типы, открытия А.С. Грибоедова-писателя.*

Когда приходится говорить о каком-либо произведении литературы, наша мысль невольно ищет аналогии в предшествующих эпохах. И особенно надо это сказать о произведениях, затрагивающих вопросы глубоко психологические. Одного из таких вопросов коснулся и А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума». Отношение двух поколений, – века нынешнего и века минувшего, – столкновение и борьба их взглядов, – тема старая, но, вместе с тем, и всегда новая – вопрос постоянный, вечный, один из тех, которые в обиходном языке носят название «проклятых» вопросов жизни. Конечно, не могла обойти его и литература: она отражение жизни. И в этом отношении комедия «Горе от ума» имеет предшественников. Назову старинную русскую сатиру о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникова. Этот же вопрос затронут и в комедии Фонвизина «Недоросль».

В начале XIX в. жизнь снова и резко поставила этот вопрос. «Дней Александровых прекрасное начало» пробудило русскую мысль, начавшую замирать во вторую половину царствования Екатерины, и особенно в царствование Павла. Как и при Екатерине, теперь широкою волной хлынула западная литература, остановленная на границе в царствование Павла. Широкие общественные начинания правительства поставили обществу новые задачи. Своими силами русская мысль справиться с ними не могла. Помощницей в деле разрешения вопросов явилась, по обычаю, более культурная Западная Европа. Но в прежних рамках она уже не удовлетворяла русское общество. Время выдвинуло на первый план новые вопросы – политические и социальные. Этим определялся и характер умственного и культурного влияния. Французские писатели теперь отошли на второй план. Воспитателями теперь явились английские

¹ Ильинский Л.К. О комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: Лекция, читанная перед представлением комедии «Горе от ума» в Казанском городском театре 25 января 1909 г. / Л.К. Ильинский. – Казань: Центр. тип., 1909. – 16 с.

писатели: Бентам, Адам Смит, Вальтер Скотт, Байрон – особенно охотно читались русским обществом и воспитывали из русских граждан и джентльменов. <...>

В первую очередь был поставлен и вопрос о просвещении. Вспомнили о старых проектах школ. Основано было и особое министерство просвещения. Составлялись новые проекты сети школ в России. Практически они частично осуществлялись. После даже жаловались на обилие их. <...>

И в этой области, как и во всем, не обошлось без влияния Англии. Широко применялась в России система взаимного обучения по методу Ланкастера, что в просторечии называлось «ланкарточной системой обучения». Серьезное внимание было обращено на университеты. Началось обновление Московского университета, и обновленный он сыграл громадную просветительскую роль: двери его аудитории были широко раскрыты для всех желающих, что вызвало много сентimentальных слез умиленного Карамзина. Открыты были университеты и в других городах, а в Петербурге педагогический институт. Русское общество умственно и культурно росло.

В деле развития общества и особенно части его громадную роль сыграла и война 1812 года. Походы за границу сблизили русских людей с культурой Запада. На деле показали культурную разницу России и Европы и способствовали расширению умственного кругозора <...>

Война 1812 года оказала влияние в другом отношении. Она была, прежде всего, войной народной. Все слои населения соединились в одну общую массу. Всех сблизило это несчастье. Барин и крестьянин сражались под одним знаменем, в одном ряду. Дворянство впервые вступило на одну линию с народом, подошло к нему не с точки зрения барина, а с точки зрения человека, движимого высшим чувством любви к родине, бескорыстного защитника отечества <...>

Сближение с народом заставило обратиться к русской жизни, задуматься над русской действительностью, искать правды в народе. И под знаменем народности соединяются в миросозерцании русского человека западничество и любовь к русской старине. Сочетание оригинальное, но характерное для людей alexandrovskой эпохи. Таков был Чацкий – герой комедии Грибоедова.

Жизнерадостное настроение «прекрасного начала дней alexandrovых» продолжалось сравнительно недолго. После сильного подъема деятельной энергии правительство чувствовало усталость.

Прежнего рвения не было. Внешние события после войны 1812 года заставили осторегаться, быть осторожным. События 15–20 гг. в Германии и Испании охладили пыл и правительства, и общества. Начали бояться Западной Европы и роста мысли. Влияние Австрии еще более усилило эту боязнь. Поднимаются и возвышают свой голос все те, кто раньше молчал. Все Простаковы, Скотинины и др. снова появляются на свете. Урок, данным им в царствование Екатерины, не прошел даром. <...> Стоит только вспомнить картину, нарисованную в комедии Фонвизина, и сопоставить с ней взгляды действующих лиц грибоедовской комедии. Здесь мы найдем и Простакову, ценившую богатство, а не ум. Софья в комедии Фонвизина бедная девушка и не она составит пару Митрофанушке, но это только до получений 10 000 годового дохода. Современная Грибоедову Простакова – Фамусов, – говорит: «Ах, матушка, не довершай удара: кто беден, тот тебе не пара». <...>

Принцип отношений, основанный на богатстве и родовитости, применяется везде и всюду. Картина, нарисованная Фамусовым в его разговоре с Чацким, всего более дает понять, что ценилось в обществе «... на золоте едал; сто человек к услугам...; богат и на богатой был женат», – и уже человек достоин уважения; пред ним можно преклониться; о его кончине все с прискорбием вспоминают. Богатство и дворянство человеку дает право на все. <...> Услуги пред сильными мира – залог благополучия. Кто же служил делу, а не лицам, тот гордец, проповедует вольность, не признает властей. Напротив, угодники по убеждениям, – Молчалины – блаженствуют на свете; их заметят даже и в Твери, – дадут чин асессора и возьмут в секретари – не для дела, конечно, – о нем не заботятся: интереснее «дела» вносить в календари: когда зван на форели, крестины, похороны.

Такие люди под влиянием внешних событий второй половины царствования Александра I были хозяева положения. Ими была полна чиновная Москва. <...>

Невежество, прикрытое богатством, дворянством, угодничество, низкопоклонство, личные низменные интересы, отсутствие живой мысли, – вот характерные черты их. Беспредельное по идее царство мысли не могло прорваться сквозь толстую кору сознательного невежества, закоснелости, грубости, бесчеловечья, животной мысли. Интересы духовные отсутствовали. <...>

И в это царство приниженности, молчаливости врывается новая сила живой мысли, живого слова, воспитанная на новых веяниях начала

Александровской эпохи. Волей-неволей пришлось столкнуться, выслушивать уроки и наставления, – учились бы на старших глядя. Помня старое лучшее, люди мысли с ужасом смотрели на всех этих новых Простаковых, Скотининых. Но бороться с ними теперь приходилось словом, силой убеждения, а это не всегда удавалось: новая свежая мысль резала им слух. <...> Положение нового человека было трагично. <...> Слышится уже раздражение против затхлой жизни. Это раздражение растет, вырывается горячими монологами, нападками на окружающую среду и кончается трагедией одного воина в поле.

Тема не новая. Но постановка вопроса шире, чем у Фонвизина. Если Фонвизин разрешает этот вопрос в зависимости от воспитания, то Грибоедов расширяет рамки кругозора. <...> Комедия затрагивает и сферу общественной жизни. Она в свои рамки включает и соотношение общественных сил. А это сообщает ей большой интерес. <...>

<...>

В своей комедии Грибоедов явился самостоятельным поэтом-мыслителем. Он сумел найти основную характерную черту своего времени и в типичных образах нарисовал целую картину современной ему жизни, – картину яркую, рельефную, густыми мазками. Последнее – не недостаток: Грибоедов писал сатиру, т.е. группировал факты, как группировал их Гоголь в «Мертвых душах», «Ревизоре». Но синтез мысли не лишил комедию жизненности. Все взято целиком из жизни: «Все – от Фамусова до мелких штрихов, до князя Тугоуховского и до лакея Петрушки, без которых картина не была бы полна, взято из московских гостиных и перенесено в книгу и на сцену». Каждое отдельное лицо живое, имело своих прототипов в жизни. В комедии лишь портреты, снимки с натуры в обобщении художника. Грибоедов и не скрывал зависимости своих лиц от живых представителей тогдашнего общества. <...>

Но реальностью изображения современного поэту общества далеко не исчерпывается значение комедии Грибоедова. Реальность изображения представителей общества не всегда дает писателю право на бессмертие в потомстве. Временное изнашивается, но комедия Грибоедова и в настоящее время не утратила своей свежести, будучи почти девяностолетним старцем. Читая ее, всякий воскликнет вместе с Фамусовым: «Ба, знакомые все лица» и впечатление от комедии, может быть будет тоже, что и от чтения «Мертвых душ» <...> Черты Фамусовых, Скалозубов, Загорецких мы найдем и в современном обществе. Это –

характерная черта комедии Грибоедова. Она нам объяснит живучесть комедии и ее типов.

Белинский объяснял ее «творческой оригинальностью»: «У каждого таланта каждое лицо – тип, и каждый тип для читателя, есть знакомый незнакомец. ... Не говорите: вот чиновник, который подл по убеждению, зловреден благонамеренно, преступен добросовестно – скажите: вот Фамусов! Не говорите: вот человек, который подличает бескорыстно, по одному влечению души – скажите: вот Молчалин!». Белинский высказал фактически ту мысль, которая и объяснит нам сущность каждого типа. «Творческая оригинальность» – черта каждого писателя. Но если писатель в своем творчестве ограничивается временным, характерным только лишь для эпохи, то его произведение, его тип лет через 20–50 утратит свое жизненное значение. Он будет историческим документом, фактом прошлой жизни, как стали типы Стародума, Милона, Правдина, как стали большинство типов Островского. Другое – комедия и типы Грибоедова. Мы их и до сих пор встречаем в жизни, около себя, не в тех даже служебных положениях, в которых они являлись в комедии. <...> Все эти Фамусовы, Скалозубы, Молчалины, Загорецкие, Репетиловы и т.д. более широкие образы и не замыкаются в узкие рамки своего служебного положения. Каждого из них мы найдем и на ином поприще. <...> Изменяется лишь оболочка, а сущность останется та же, так как она – эта сущность, – глубоко психологическая черта человека, она живет в человеке вообще, а не в данном только. И «пока будет существовать стремление к почестям, помимо заслуги, пока будут водиться охотники и мастера угодничать и «награжденья брать и весело пожить», пока сплетни, безделье, пустота будут господствовать не как пороки, а как стихия общественной жизни – до тех пор, конечно, будут мелькать и в современном обществе черты Фамусовых, Молчалиных и других, нужды нет, что с самой Москвы стерся тот отпечаток, которым гордился Фамусов». Временное отпадает, изменяется, облик типов другой, но ведь он был другой и во время появления комедии на сцене. Но это оболочка лишь тому вечному, общечеловеческому, которое лежит в основе каждого типа и делает его бессмертным. Эта черта грибоедовского творчества ставит его наряду с лучшими представителями не только русской литературы. Его значение выходит из пределов родной литературы и ставит в ряд поэтов, для творчества которых нет территориальных границ. Он писатель – поэт общечеловеческий, возникший на русской почве.

И всех ярче в комедии вырисовывается тип Чацкого. Пред нами не

загадочная личность, не ходячая мораль, а живое лицо. Такое же живое, как и остальные типы комедии. Много было споров в литературе о личности главного героя, споров, не прекращающихся и до сего дня. <...> И благодаря спорам все более и более устанавливается тесная связь этого «трибуна московских салонов» с живыми поборниками света в ту эпоху. <...> Пред нами живой человек, человек горячего чувства, поборник мысли и слова. Его душа, ищущая уголка разуму и чувству, не вынесла неправды, темноты, умственной нищеты окружающего общества. В его душе накипело в один день, и он не удержался, вылил всю желчь и всю досаду. В этом нет ни резонерства, ни придуманности положения. Он был бы выдуман, если бы промолчал. Человек нового поколения чужд молчалинских приемов. Прямо, честно, хотя и горячо, он высказал, чем жил его ум, и в этой прямоте, горячности характерная, типическая черта эпохи.

<...>

Но генеалогия Чацкого этой эпохой не кончается. Он не только исторический тип. Основа у него та же, что и во всей комедии Грибоедова. Во временную оболочку эпохи мыслитель-поэт облек нечто вечное, глубоко живущее в природе человека. Эта та черта, на которую указал еще Гончаров: «Чацкие живут, не переводятся в обществе, повторяясь на каждом шагу, в каждом доме, где под одной кровлей уживается старое с молодым». <...> Во все эпохи, у всех народов он придет и принесет с собою проповедь человечности, правды, истины, просвещения. Только для этой проповеди отыщется другая форма, другая оболочка. Пусть в его личности много донкихотского, но это хорошее донкихотство, –

Святы в нем любовь и вера,
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты.

<...>

Литература

1. Ильинский Л.К. «Горе от ума» на провинциальной сцене / Л.К. Ильинский // А.С. Грибоедов. – М., 1946. – С. 325–366. – (Сер. Литературное наследство. Т. 47/48). То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/147/lit-325-.htm>

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

Н.М. Петровский

Грибоедов и Немцевич¹ (1917)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.С. Грибоедов, «Горе от ума», «Возвращение депутата», Ю.У. Немцевич, польская литература.*

<...>

<...> Русскому читателю нашего времени «Возвращение депутата» невольно приводит на память единственную бессмертную комедию нашей литературы – «Горе от ума». В самом деле, в идейном отношении обе пьесы весьма сходны; как Валерий, так и Чацкий – люди молодые, проникнутые лучшими гражданскими стремлениями, – сталкиваются с невежественной, заскорузлой средой, которая довольна своим существованием и не хочет слышать ни о каких нововведениях; оба они возвращаются на родину после пребывания в более просвещенных краях – Чацкий, по-видимому, из-за границы, Валерий из Варшавы, где тогда сосредоточивалась вся работа по обновлению строя Речи Посполитой, не обходившаяся без влияния западных образцов. Оба они, уезжая из своих родных мест, оставили там любимую девушку, и оба, пребывая в разлуке с нею, продолжают любить ее. Среда, с которой они сталкиваются, довольно однородна – Фамусов есть русское видоизменение старости. Но в судьбе героя и героини между русской и польской пьесой замечается существенное различие: Тереза, живя в доме, не держащемся устарелых предрассудков, остается верной Валерию, тогда как Софья, в четырнадцатилетнем возрасте покинутая Чацким, за три года его отсутствия забывает его и пленяется Молчалиным, более подходящим к фамусовскому строю. Тереза, воспитываясь в доме подкомория, избежала влияния мачехи; Софья находилась под руководством француженки; об ее матери мы из нынешней редакции «Горя от ума» ничего не узнаем, но в первоначальном наброске бессмертной комедии она была обрисована теми же чертами, что (вторая) жена старости – сентиментальной модницы и аристократки.

¹ Петровский Н.М. Грибоедов и Немцевич / Н.М. Петровский // Русский филологический вестник. – 1917. – Т. 77. – С. 1–19.

Немцевич рисует польскую провинцию, в которую возвращается Валерий, не с такой односторонностью, как Грибоедов – Москву. У русского писателя «сердце России» изображено исключительно отрицательными чертами, причем автор впал даже в некоторую неестественность: если все общество первопрестольного города состояло из Фамусовых, Скалозубов, Репетиловых и т.п., то где мог воспитаться Чацкий, отец которого был другом Фамусова, а мать страдала помешательством? Ведь не только же за границей выработал он свое мировоззрение; да и самая мысль ехать в более просвещенные края должна была быть чуждой кружку Фамусова, жалующегося на то, что от рыщущих по свету нельзя ждать порядка. Немцевич стоит на иной точке зрения; он не осуждает огулом всю польскую провинцию, а находит в ней семьи противоположного между собою характера. Главе одной из них он придает черты ненавистной ему заскорузлости, стоящей за старину как по неспособности оценить лучшее новое, так и в силу материальных выгод; другая семья обрисована с положительной стороны. В смысле таланта Немцевичу далеко до Грибоедова, и его фигуры малоудивительны, но, наблюдая семьи подкомория и старосты, мы понимаем, что в первой должен был вырасти Валерий, отрицательно относящийся ко второй; любовь его к Терезе естественна, так как эта девушка была только физически дочерью старосты, в духовном же отношении принадлежала к семье подкомория.

Разбор комедии «Возвращение депутата» показывает, что в ней, в сущности, две фигуры напоминают персонажи «Горя от ума» – староста и Валерий; горничная Agatka, выступающая в пьесе Немцевича как бы наперсницей Терезы, по характеру не похожа на Лизу, хотя обе субретки – и русская, и польская – обязаны своим происхождением французской псевдоклассической комедии, унаследовавшей этот тип от греко-римских драматургов. Сравнение Валерия с Чацким не вполне удобно, так как материала для характеристики первой из этих фигур в подробностях сравнительно мало; зато сопоставление старосты – самого яркого типа в комедии Немцевича – с Фамусовым весьма поучительно. Правда, это продукты разных культур..., но в их личности найдется много сходных черт. Оба они люди уже пожилые, чтобы не сказать старые; оба воспитаны в строго кастовых, дворянских понятиях; оба любят вредный для родины, но выгодный для них «старинный» строй государства; Фамусов с благоговением говорит о раболепных временах Екатерины II, староста с восхищением вспоминает саксонскую эпоху; каждая попытка

обновления государственного строя кажется им обоим преступлением; при этом, конечно, оказывается различие между польскими и русскими порядками..., но, в сущности, оба они стоят на одинаковой точке зрения: обоим дорога прежняя возможность благоденствовать вопреки нравственным законам. К просвещению и польский, и русский Фамусовы относятся также одинаково: русский находит, что его дочери не годится портить глаза чтением, в котором, по его мнению, прок не велик; Софье «сна нет от французских книг», а ее отцу от русских «больно спится»; французские авторы и музы являются для него губителями карманов и сердец; он мечтает о том, чтобы для пресечения зла все книги были забраны и сожжены, ибо ученье – чума. Староста говорит подкоморию: «Я знаю, что Вам приятна всякая перемена; всем этим дикостям Вы научились в книгах, в тех книгах, над которыми уже потеряли глаза. Я, не читающий никогда, или, по крайней мере, читающий мало, знаю, что всего лучше так, как бывало прежде». <...> На роль материальных соображений при браке староста и Фамусов смотрят также одинаково...

Кроме общей концепции, точки соприкосновения между «Возвращением депутата» и «Горем от ума» могут быть найдены и в отдельных выражениях; например, Валерий, по его словам, «среди стольких развлечений не изменился» по отношению к Терезе – не то же ли говорит и Чацкий: «ни развлечения, ни перемена мест» не охладили в нем прежних, с детства питаемых им чувств к Софье? Староста, по словам слуги, в течение целого ужина все говорил, споря со всеми; «напоследок, хотя никто ему не отвечал, он, однако, нахмурившись, говорил и говорил, и только заметив, что все уже спали, что свечи гасли, он все-таки, ворча, вышел из залы и на лестнице кончил остаток своей речи» – не сходно ли это повествование с тем, что мы видим в конце третьего акта «Горя от ума», где Чацкий, не обращая внимания на отсутствие слушателей, произносит свой знаменитый монолог и обрывается только тогда, когда замечает, что предполагаемая аудитория вальсирует или играет в карты?

Наши сторонники сравнительного метода в его узком применении, т.е. обязательном отыскивании иностранного источника для каждого русского произведения в его целом и частях, конечно, стали бы доискиваться причины сходства русской и польской комедий (оно, во всяком случае, не меньше, чем предполагаемая зависимость пьесы Грибоедова от «Мизантропа» или «Истории абдеритов»). Они нашли бы эту причину в знакомстве нашего писателя с произведением Немцевича. Правда, о таком знакомстве мы не имеем прямых свидетельств, но ничего

невозможного в нем нет; «Возвращение депутата» было довольно известно и в обществе, и в печати; Грибоедов в 1812–1816 гг. находился на службе в Иркутском гусарском полку, который стоял в Могилеве, Слониме, Бресте-Литовском – пунктах, в то время чисто польских и потому дававших любознательному человеку повод знакомиться с польской стихией, в частности литературой; впоследствии Грибоедов был близок к поляку Булгарину и декабристу Рылееву, который под влиянием «S'pieyw historycznych» Немцевича создал свои «Думы»... Даже фамилия просвещенного героя «Горя от ума» напоминает о весьма известном в те времена деятеле польского просвещения, гр. Ф.Чацком (1765–1813)...

Но настоящая статья написана вовсе не для того, чтобы число догадок о заимствованиях русских писателей у иностранцев увеличилось еще на единицу. Сравнительный метод в узком его понимании бывает очень полезен, но постоянное применение его – и исключительно его – к изучению отдельных славянских литератур дает весьма односторонние результаты... <...>

<...>

Литература

1. Свердлина С.В. Грибоедов и Немцевич (из творческой предыстории «Горя от ума») / С.В. Свердлина // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. – Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1994. – С. 82–96. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/ptg/ptg-082.htm>.
2. Воронова Л.Я. Деятельность Пушкинского общества в 1916–1918 гг. // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 75–204.

Подготовка текста: Е.А. Аликова

Жуковский Василий Андреевич

Н.Н. Булич

В.А. Жуковский (1783–1883)¹

Ключевые слова: *русская литература XIX века, В.А. Жуковский, романтизм.*

<...> Из русских писателей, немногих по числу, достигавших столетней памяти, ни один, по времени и по характеру своей литературной деятельности, не стоит к нам ближе Жуковского. Уходящее в могилу поколение современных нам людей было воспитано идеалами и образами Жуковского; их молодость прошла под обаянием «plenительной сладости» его стихов; удивительная красота его выражения нравится и теперь, но вместе с этой красотой выражения западало в душу и содержание, новое, неизвестное предшественникам, более широкое, более гуманное. Как воспитатель русского общества, Жуковский стоит очень высоко в истории нашего развития. Пусть его поэзия была далека от действительности, уносила человека в иной, далёкий и мечтательный мир, чуждый окружающей его жизни, но людям того времени, по особым историческим условиям существования, приходилась по душе эта поэзия с её мечтательными, фантастическими и туманными образами. Они, как и сам поэт, представитель современников, неудовлетворенные жизнью, недовольные действительностью, уходили в мир очаровательных грёз, где всё неясно, всё покрыто дымкою, всё получает неопределенные размеры. Ни сам поэт, ни люди его времени, им увлекаемые, не были виноваты в таком увлечении. Оно создалось независимо от их воли. Его слагали личная жизнь, история времени, два фактора, действующие с необходимостью, как древняя судьба. <...>

Личная жизнь была одним из двух могущественных факторов, под влиянием которых сложилось содержание поэзии Жуковского. Как много печальных и сентиментальных элементов ни заключалось в исторической

¹ Булич Н.Н. В.А. Жуковский (1783–1883): Читано в зале Университета в столетнюю годовщину дня рождения Жуковского, 29 янв. 1883 г. / Н.Н. Булич. – Казань: Унив. тип., 1883. – 26 с.

атмосфере времени, семейная обстановка, горе личной жизни, которое в ту пору русского развития, при тогдаших условиях чувствовалось сильнее, чем теперь, были той естественной подкладкой, от которой не могла никогда освободиться поэзия Жуковского. Незаконный сын в довольно богатой помещичьей семье, среди многочисленных законных детей, он рано должен был почувствовать горечь своего положения <...>

Воспитание в общественной школе (Благородный пансион при Московском университете) было для Жуковского продолжением и развитием домашнего. <...>

<...>

Попытка составить себе карьеру и независимое положение в жизни службой, по окончании учения, не удалась Жуковскому. <...> Жуковский уехал в родную деревню. <...> Здесь, в сельском единении, были написаны Жуковским его молодые стихотворения, полные искренности, проникнутые любовью к незамысловатым образам окружающей его природы. Отсюда же разнеслось в немногочисленном тогда читающем мире России и сделалось известным впервые имя Жуковского как поэта, стоявшее под знаменитым его переводом Греевой элегии «Сельское кладбище» (1802). Этим переводом начинается длинный ряд прекрасных переводов поэта, которыми он обогатил русскую литературу, расширив ее содержанием поэтической деятельности чужих стран. Эти переводы Жуковского, дающие ему главное право на славу и благодарную память в русской литературе, любопытны в том отношении, что в них Жуковский часто клал всю свою душу и свое сердце, особенно в молодые годы. Каждая пьеса, им переведенная, не была чужда его душе; каждая выражала его внутреннее настроение и, несмотря на верность перевода, на удивительную близость его к подлиннику, каждая пьеса заключала в себе что-то личное и субъективное, каждая пьеса выражала задушевный мир Жуковского. «Сельское кладбище» было первой такой пьесой его, но в истории русской поэзии пьеса замечательна тем, что ее достоинства давали с этого времени русскому читателю право требовать от поэтического произведения естественности выражения и простоты обстановки.

Но в этих молодых произведениях Жуковского напрасно стали бы мы искать образов действительности, несмотря на искренность и задушевность его поэзии. Неопределенная скорбь, разочарование, вместе с мыслью о смерти, доходят до крайнего выражения. Неудовлетворенное жизнью чувство, этот больной, надорванный сентиментализм вытекал

тогда из господства над образованным человеком литературных вкусов и из воспитания, лишенного всякого реального основания, исключительно литературного. Недостаток положительных знаний отнимал у человека, если не возможность жить в ладу с действительностью, то иметь какое-либо влияние на неё, работать для жизни. Жуковский любил повторять фразу, казавшуюся ему аксиомой: «жизнь и поэзия одно», но мы имеем право сказать о том времени совершенно противоположное. Фраза верна, может быть, по отношению к личному чувству поэта, но между поэзией Жуковского и русской жизнью, его окружавшей, не было ничего общего. Последняя, конечно, не могла ни в каком отношении удовлетворить сколько-нибудь мыслящего человека; она не давала ничего для развития; она не допускала даже возможности действовать в ней так, чтобы находить в действии удовлетворение, не подрывая в человеке дорогих ему убеждений. От того люди, подобные Жуковскому, т.е. лучшие люди тогдашнего общества, жили не в действительности, а в мире любимой мечты, который был им дороже действительности. В нем происходило их саморазвитие, но не для жизни, а для себя. О поэзии, как выражении действительности, не могло быть и речи в то время. Отсюда это недовольство и разочарование, толки о пустоте и «грязи» действительности, повторявшиеся несколькими поколениями наших поэтов.

Скоро зарождается там же в деревне, в кругу родных, та глубокая, продолжительная и несчастная привязанность, которая наполняла много лет сердце Жуковского, и осталась, по всей вероятности, как неудовлетворенное чувство до самой старости. <...>

<...>

<...> Приходилось покориться и скрыть свою страсть в глубине сердца, высказывая ее лишь в неясных поэтических образах. Но эти образы, свидетельствующие о глубине и интенсивности чувства, остались перлами русской поэзии того времени; заглушенное чувство проходит, как преобладающий тон, через все произведения Жуковского; о нем намеки разбросаны везде. Читатель узнает любимую личность и в ранних, и в позднейших произведениях Жуковского. <...> В жизни Жуковского то было единственное, глубокое чувство: естественно, что его поэзия должна была звучать им. <...>

Если такой глубокий след в поэзии Жуковского оставил заглушенное личное чувство, дававшее и тон и образы ей, в течение многих лет, то и духовная атмосфера времени, своим особенным

содержанием, необходимо должно была в свою очередь отразиться в сильной степени на его поэзии. Как чувство Жуковского, так и эта атмосфера времени носит характер неудовлетворенности. Поэзию Жуковского обыкновенно называют *романтическою*. Это понятие принадлежит европейской духовной жизни, но так как наша необходимо должна была идти одной общей дорогой, так как и до неё доходили европейские веяния, то понятие о романтизме распространено и в нашей литературе. Этот романтизм появился у нас вместе с переделкою немецкой Бюргеровой баллады, переименованной Жуковским в «Людмилу» (1808). Впечатление, произведенное ею, было чрезвычайно; восторгам и подражаниям не было конца, и Жуковский долго не оставлял новой литературной области, мира фантастических чудес, мира соприкосновения жизни действительной с загробной. Все это он сам называл романтизмом. Изображение этого мира пришлось по вкусу тогдашнему обществу, отвечало его настроению. Жуковский сам называл себя в шутку «родителем на Руси немецкого романтизма», «поэтическим дядькою чертей и ведьм немецких и английских». Но такой романтизм был лишь одной и далеко не важной стороной духовного настроения эпохи.

Человеческий дух, начиная со второй половины XVIII века до конца его, представляет нам такую общую, деятельную, глубокую критическую работу мысли, какую едва ли может представить другой исторический период, за исключением эпохи Возрождения. Результатом этой усиленной, смелой и радикальной работы (например, в философах Франции и в Канте) и в сфере государства и практики, и в религии, и в нравственности был решительный пересмотр прошедшего. Человечеству пришлось выбросить за борт, как ненужный балласт, массу такого содержания, которое создавалась веками, к которому люди привыкли длинным путем развития исторического. <...> За работой мысли, в последние годы прошлого и в первые годы настоящего века, произошел тот могущественный исторический катаклизм, волнения которого не вдруг могли стихнуть. Падали старые формы жизни, падали, вызывая в душе то восторженные крики освобождения, то боль и страдание. Менялись с чрезвычайной быстротой границы государств и народностей, отстраняя старые изжившие явления, выдвигая новые и непривычные. Когда успокаивалось волнение, мысль естественно должна была обращаться назад: она видела перед собою развалины и брожение. Многого не досчитывалась она, обо многом жалела, доходила до

ненависти к недавним увлечениям, до неисторического, до нелогичного, но часто страстного желания восстановить невозвратное прошедшее. Она пугалась добытой борьбою свободы, боялась крайних выводов, робко пряталась от самой себя. Скорбь и раздвоение, раздражение и разочарование наполняли сердце у романика, из которого ветер критики выдул вековые иллюзии. Ему страшно идти вперед, не оглядываясь, а старая вера подорвана. Он стоит в тяжелом раздумье на распутье двух миров: назад его манят волшебные образы прошедшего, где живут его воспоминания, а впереди страшно свободно развертываются широкие поля будущего, ему незнакомые. Это-то и была общая болезнь века, называемая весьма неправильно романтизмом, сказавшаяся в Европе в самых разнообразных явлениях философии, литературы, искусства, что было совершенно естественно при её богатой и сложной исторической жизни. <...>

Страна, где дольше и сильнее господствовал романтизм, была Германия, эта по преимуществу *das Land der Romantik*, потому именно, что в ней, в ту эпоху, за исключением краткого периода освободительных войн, всего меньше было политической жизни, а духовная жизнь отличалась и богатством, и разнообразием. Германия делается излюбленной страной Жуковского. Из её литературы он выбирал больше всего подлинников для своих превосходных переводов. В ней, на берегах Рейна, он и кончил свою жизнь, не сочувствуя охватившей эту страну новой политической жизни с 1848 года, негодяя на неё, как истый романтик. Нигде в Европе не высказалось в литературе такого уважения к прошедшему, как в Германии. Отсюда Жуковский заимствовал для русской поэзии обрывки европейского романтизма, переводя их своими чудесными стихами. Художественная прелест их, в особенности Ундины Ламотт-Фуке, сделала их достоянием нашей литературы, внесла к нам новое, неизведенное содержание, эту глубокую сердечную нежность в человеческих отношениях, развитую другим, богатым культурою миром. Это и есть и заслуга Жуковского для воспитания русского общества. <...> При субъективности своей поэзии, Жуковский вынес из разнообразного мира немецкой романтики то лишь, что подходило к его личной настроенности: меланхолическое чувство, жалобы на непрочность земного, порывание в туманную даль, пиэтизм и фантастику, граничащую с суеверием. Действительная жизнь, требующая бодрой работы,зывающая на борьбу – не существовала для него. Целью стремлений для человека в поэзии Жуковского является «очарованное там». Русскому

обществу приходилась по вкусу эта поэзия: она и увлечение ею были продуктом исторического развития.

Был, однако ж, момент и в жизни Жуковского, и в его поэзии, когда он стоял лицом к лицу с русской действительностью, когда он был выразителем самых высоких, самых задушевных чувств русского народа. То была эпоха могущественного подъема народного духа и сознания в памятные годы Отечественной войны и нашего освобождающего народы похода по Европе. <...>

В эту знаменательную эпоху впервые получают известность и славу имя и стихи Жуковского. Он является выразителем общего чувства; он стоит непосредственно посреди времени и событий, и это лучшая пора его деятельности, когда для сочувствия к современности он забыл на время болезненные идеалы, наполнившие его сердце... Военная карьера его была непродолжительна, но в лагере под Тарутиным был задуман его «Певец во стане русских воинов», напечатанный в конце 1812 года, быстро облетевший всю Россию и выученный наизусть современниками. Пьеса звучит патриотизмом, выражает ненависть к врагу и, что особенно придавало ей значения, высказывает надежду на победу после отчаяния, господствовавшего в умах большинства. <...>

<...>

<...> Еще больше известности доставило Жуковскому его «Послание к императору Александру» (1814), написанное, по его собственным словам, «с искренним, бескорыстным чувством, без всякой другой побудительной причины, кроме удовольствия писать». Имеем полное право верить этим словам Жуковского. «Послание» было отголоском настроения времени. Голос Жуковского был выражением общего голоса. Поэт проникнут величием исторической роли, выпавшей на долю русского императора. <...>

<...>

С тех пор, как Жуковский сблизился с двором, сделался частым гостем вдовствующей императрицы, любившей собирать у себя в Павловске выдающихся русских писателей, он стал как бы центром литературной жизни в то время. Все, что было замечательного в русской литературе, собиралось около Жуковского, и через него двор получал представление о нашей духовной жизни. И это происходило не потому, что Жуковский принимал деятельное участие в литературных предприятиях или журналах того времени; напротив, он как бы удаляется от вопросов времени, волновавших тогда выдающихся людей, замыкается

в мире своей поэзии, в мире поэтических переводов, отвечавших своим содержанием нежной и мечтательной душе Жуковского. Самые переводы эти печатаются лишь для избранной, придворной публики, для «немногих», как озаглавливаются эти издания. Говорить ли здесь об этих переводах, переносящих читателя то в средние века, то на далекий Восток, то в героическую эпоху древней Греции: они известны каждому образованному человеку, они читались и перечитывались; ими воспитывалось несколько поколений в гуманном духе поэзии Жуковского. Чем развитее литература, тем она богаче поэтическими переводами, и Жуковский был именно таким переводчиком, который заставлял полюбить им переведенное: он сливался душою с чужими образами и представлениями и умел воспроизводить их, как свои родные. Один перевод «Одиссеи», так оригинально сделанный Жуковским, не знавшим подлинника, составляет услугу русскому обществу. <...>

В Шепелевском дворце, где жил Жуковский, он являлся личностью светлой, окруженней любовью и уважением всех за добро, какое он умел делать. Надобно перечитать всю переписку Жуковского, надобно познакомиться с множеством воспоминаний современников, чтобы составить себе сколько-нибудь полное представление об этой стороне его благородной жизни, о нежной и вместе с тем бодрой натуре этого, судя по стихам его, чуждого действительности поэта. <...> Как он умел не только плакать о чужом несчастии, а и смягчать его! Сколько добра он сделал! Вспомним его отношения к Н. Тургеневу и к тем, которых участь в далкой Сибири он умел облегчать не только письмами, но и представительством перед властью. Страстная, непокорная и увлекающаяся натура Пушкина смягчалась под благодетельным влиянием Жуковского. Несмотря на значительную разность лет, они были на ты: их сблизила поэзия и сколько раз Жуковский спасал Пушкина в то трудное время; он и проводил его в гроб. Понятно, что Жуковский пользовался страстной любовью Пушкина, называвшего его своим гением-хранителем, а Тургенев «плакал от радости, от счастья иметь Жуковского другом». Нельзя забыть и отношений к Гоголю, капризному и больному, которому по близости своей к царскому дому, Жуковский не раз оказывал существенную помощь. Жуковскому же Шевченко был обязан избавлением от крепостной неволи. Филантропия, стремление поднять человека, оживить его, как наследство старого московского масонства, через Тургеневых, перешло к Жуковскому: он постоянно окружен был бедными и просителями. Желание чистого счастья, которое часто

высказывал Жуковский, кажется, осуществилось для него в его благородной жизни. <...>

Это уважение как самого императора, так в особенности императрицы Александры Федоровны, <...> доставило Жуковскому честь быть воспитателем наследника престола, незабвенного покойного императора. Эта высокая честь дала Жуковскому полное счастье, но возложила на него и тяжелые обязанности и священную ответственность. Царственный отрок был чаянием России. <...>

Известны многие подробности о том, с какой глубиной сознания, с каким усердием Жуковский приготовлялся к своим обязанностям, говоря, что этот высокий долг – «цель для целой остальной жизни» его. Он страстно полюбил августейшего юношу, и эта любовь была, кажется нам, проводником высоких, человеческих, добрых чувств, которые были присущи сердцу покойного государя. Воспитание наследника престола (1829–1837) – многознаменательная страница из истории не только русского народа, но и человечества, по торжеству тех общечеловеческих начал, которое для России представляет царствование царя-освободителя. Любовь, сострадание к падшим и несчастным, уважение к свободе, наконец, этот великий акт освобождения 19 февраля 1861 года и реформы, сулившее стране такое широкое общечеловеческое развитие в будущем, весь этот радостный и деятельный порыв к жизни <...> – находится, полагаем не без основания, в непосредственной связи с воспитанием, которое дано было будущему императору Жуковским. Император Александр II был воспитан честным и добрым русским человеком. Этот русский человек жил жизнью своего народа, выносил в груди его страдания, радовался его немногими радостями, надеялся его робкими надеждами. <...> Биография Жуковского, с молодых лет его, дает много фактов, правда малоосвещенных по условиям времени, но положительных, борьбы его с явлениями крепостного права, которая доводила его до слез, если не было возможности оказать помощь: не перешло ли это сострадание к обиженным господствующим правом существам в душу царственного юноши и в величайший акт его царствования? <...> И если реформы прошедшего царствования, как сознает всякий русский, настоящий сын своей страны, представляют залог «свободного развития новой лучшей жизни для народа», если воспитание под руководством Жуковского могло способствовать, хотя отчасти, сознанию в покойном государстве необходимости этих реформ, то симпатичный поэт, которого мы поминаем, сослужил великую службу

родине. Благословим же его память – и порадуемся за родное слово, представители которого могут сделать так много добра своей родной стране!

Литература

1. Сидорова М.М. Изучение и преподавание русской литературы в Казанском университете в XIX веке / М.М. Сидорова // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе: материалы межрегион. науч. конф. / Ярослав. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2004. – С. 193–198.
2. Сидорова М.М. Н.Н. Булич как исследователь русской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Сидорова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1997. – 27 с.

Подготовка текста: М.М. Сидорова

С.П. Шестаков

В.А. Жуковский как переводчик Гомера¹ (1902)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, В.А. Жуковский, Гомер, «Одиссея», перевод.*

I.

В числе крупных произведений иностранной литературы, какие стали достоянием русского общества, благодаря музее В.А. Жуковского, перевод «Одиссеи» Гомера занимает главное место. Это обширный труд, выполненный поэтом в период с 1842 по 1849 г. на седьмом десятке лет его жизни, по собственному его признанию, «озолотил много часов его устарелой жизни» и «радовал его мыслью, что на Руси останется твёрдый памятник его поэтической мысли».

В письмах Жуковского встречаем много указаний на задачи переводчика и эти указания самого поэта должны служить исходной точкой для оценки этой стороны его литературной деятельности.

О задачах переводчика поэтических произведений вообще Жуковский высказывается в своей статье, посвящённой басням Крылова в их отношениях к басням Лафонтена: «Переводчик – читаем мы здесь, – уступая образцу своему пальму первенства в изобретательности, должен необходимо иметь почти одинаковое искусство слога, одинаковую силу в уме и чувствах <...> Что же обязан сделать переводчик? Находить у себя в воображении такие красоты, которые могли бы служить заменой, следовательно, производить собственное, равно и превосходное: не значит ли это быть творцом?» <...> Прежде чем приступать к своей работе, переводчик должен спросить у себя: чувствую ли я в душе своей тот же пламень, которым наполнена душа моего поэта, видимая в его сочинении? Могу ли я с необыкновенной живостью, со всех сторон, со всеми оттенками, заметными для одного только стихотворного (то есть поэтического) взора, представлять себе тот предмет, который в подлиннике моём изображён с таким превосходством <...>».

¹ Шестаков С.П. В.А. Жуковский как переводчик Гомера / С.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 44 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XXII).

<...> Вот те высокие требования, какие ставил переводчику поэтического произведения сам Жуковский.

Что касается Гомера, трудность увеличивается особыми свойствами его поэзии. <...> Во всяком случае, свежесть и непосредственность творчества в Гомеровских поэмах, их своеобразный, строго определённый, сложившийся веками работы целых поколений рапсодов стиль существенно отличает их от тех произведений древней и новой литературы, с какими приходилось иметь дело поэту до той поры, когда он приступил к своей поэтической передаче на родной язык целой Гомеровой эпопеи. <...>

Для нашего поэта эта работа была трудна тем более, что он пользовался при ней немецким подстрочником, нарочито для него изготовленным профессором Грасгофом в Дюссельдорфе, и «гармония девственной поэзии доходила до его слуха посредством взвизгов подстрочного немецкого перевода». «Я, – говорит поэт, – принужден был спрашиваться с самими гением Гомера, не имея материального посредника в языке его, и эта духовная беседа с тенью имела для меня чудную прелесть». «Мне надлежало из данного нестройного выгадывать скрывающееся в нём стройное, чутьём поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо; и всё это не во вред, а с верным сохранением древней физиognомии оригинала». «Я старался переводить слово в слово, сколько это возможно без насилия языку, следовал за каждым словом, и в особенности старался сохранить их место в стихе тем словам, которые на этом месте производят особенное поэтическое действие». «Я везде старался сохранить простой, сказочный язык, избегая всякой натяжки; пользовался, где мог, возвышенностью церковнославянского диалекта, но строго держался языка русского, присвоенного общим употреблением; и по возможности соглашал его формы с формами оригинала, соглашал так, чтобы Гомеровский стих был ощущителен в стихе русского, не принуждая его кривляться по-гречески» (т. V, стр. XV след.)². В другом месте поэт пишет о своём переводе: «Я переводом доволен; он кажется мне проще всех существующих; верен, как проза, но поэтический и поэтический по образу и подобию Гомера; язык же русский, а не греческий, как у немцев, и не такой, как во всех переводах французских <...>» (т. VI, стр. 186 след.)³.

² Жуковский В.А. Сочинения: Т. 5. / Под ред. И.А. Ефремова. – СПб.: Издание книгопродавца И.И. Глазунова, 1878. – 576 с. – Примеч. ред.

³ Жуковский В.А. Сочинения: Т. 6 / Под ред. И.А. Ефремова. – СПб.: Издание книгопродавца И.И. Глазунова, 1878. – 694 с. – Примеч. ред.

Эти замечания самого поэта о своём переводе «Одиссеи» должны служить необходимой путеводной нитью в оценке его работы. <...>

Древность не была склонна к тому субъективному и мечтательному слиянию с природой, которое проникает поэзию новых времён, ищущую в природе отзыва на все человеческие горести и волнения. Однако чувство красоты в явлениях природы далеко не было чуждо античным поэтам. «Одиссея» даёт один из самых ранних в греческой поэзии картин природы, и в Жуковском они нашли себе художественнейшего воссоздателя.

Согласно указаниям самого поэта, первой задачей оценки перевода «Одиссеи» Жуковского должно быть выяснение на примерах того, как собственный его поэтический гений отражается в его передаче на отечественный язык греческого подлинника. При этом, кроме единства впечатления, какое производят на читателя отдельные Гомеровские описания и сцены, детальный анализ раскрывает нам новые и новые данные для характеристики тех свойств работы переводчика-поэта, на какие Жуковский указывал в своих критических статьях и письмах. Часто один выбор того, а не другого выражения в родном языке для передачи данного слова подлинника или прибавка слова, лишнего, сравнительно с точным текстом оригинала, не изменяя общего его смысла, придают яркости образу и мысли древнего поэта и становятся их поэтическим истолкованием. <...>

Вообще чувствительное, трогательное, согласно всему характеру музы В.А.Жуковского, поэта, смотревшего на свет «сквозь призму сердца», оставляет глубокое впечатление и в его переводе Гомера. <...>

Внимательный пересмотр «Одиссеи» Жуковского с текстом греческого подлинника в руках действительно открывает <...> следы той самой творческой работы, какую в своих статьях и письмах Жуковский считает необходимым условием перевода поэтического произведения. Оценить эту работу вполне мы, не поэты, не призваны. Мы в состоянии указать только более заметные обнаружения её. <...>

II.

<...> Жуковский выработал для «Одиссеи» особую строгую форму дактилического стиха, где, за исключением обязательной двухсложной конечной стопы, почти всюду является дактиль. Только в начальной стопе замена дактиля двухсложной стопой, спондеем (допуская это название двухсложной стопы в нашем дактилическом стихе), встречается чаще. <...>

В отношении техники гекзаметра Жуковский установил своим переводом правила, которых нельзя достаточно рекомендовать

переводчикам древних поэтов. Жуковский тщательно избегает какого-нибудь насилия естественному ударению в словах ради постройки гекзаметра. Столь обычный приём позднейших переводчиков – ставить в начале стиха слова второстепенного значения, не имеющие на себе ударения, особенно союз *и*, представляет измену добной традиции стиха Жуковского. <...>

III.

Как стиль всякого народного эпоса, стиль греческого эпоса отличается большой неподвижностью, консервативностью. Традиция рапсодов передавала из поколения в поколение ряд неизменных выражений, оборотов, постоянных эпитетов, эпических формул, соблюдение коих было обязательным для каждого нового поэта, обогащавшего эпос плодами своего творчества. Этот стиль требует от переводчика создания на родном языке некоторого подобия ему, отличного от обычного литературного языка. Впрочем, естественное родство поэтических образов и представлений у различных народов является здесь на помощь переводчику. <...>

Жуковский встретился в «Одиссее» с целым рядом постоянных эпических формул, частью состоящих из многих стихов, каковы: описание приготовлений к трапезе, описание жертвоприношения, расспросы, предлагаемые хозяином прибывшему издалека гостю. <...>

Наиболее характерной чертой перевода «Одиссеи» Жуковского со стороны стиля является чрезвычайное обилие и разнообразие эпитетов.

Заметим, прежде всего, что Жуковский распоряжается эпитетами совершенно свободно, так что далеко не всегда в его переводе является тот эпитет, какой употреблён в данном стихе у Гомера. Это обуславливается, главным образом, требованиями размера. Часто также для наполнения стиха эпитеты прибавлены там, где у Гомера их нет. <...>

IV.

В заключение нашей характеристики перевода «Одиссеи» Жуковского мы намерены указать на попытку его сообщить стилю своего перевода, особенно в некоторых сценах Гомеровской поэмы, переносящих нас в среду низшего слоя общества, колорит народный, местами, можно сказать, вульгарный.

<...> Подводя итоги нашему рассмотрению «Одиссеи» в переводе В.А. Жуковского, мы не можем не высказать своего удивления перед свежестью и бодростью вдохновения, блеском красок художественного языка,

чрезвычайным умением «сделать Гомеровский стих ощутительным в стихе русском», какие проявил маститый поэт в этой своей самой обширной переводной работе. Та энергия, тот юношеский пыл, с каким престарелый поэт, едва кончив «Одиссею», после неутомимого, усидчивого труда над её второй половиной, принимается за перевод «Илиады», который, однако, судьба не судила ему довести дальше второй песни, были поддерживаемы в нём живым сознанием образовательного значения памятника, передаваемого им русскому обществу, русскому юношеству, памятника, сияющего немеркнущей славой среди прочего литературного достояния человечества, во все времена вдохновлявшего величайших гениев в области искусства. Великая культурная заслуга В.А. Жуковского, обогатившего отечественную литературу вдохновенной передачей созданий восточных и западноевропейских литератур, не умрёт в памяти грядущих поколений и его «Одиссея» Гомера будет блестеть среди них светлым алмазом.

Литература

1. Воронова Л.Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 7–18; То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/54256722.pdf>
2. Воронова Л.Я. Русская литература XI–XIX вв. в оценке Пушкинского общества // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 81–108.

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

С.П. Шестаков

Заметки к переводам В.А. Жуковского¹ (1903)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, В.А. Жуковский, поэзия, художественный перевод.*

Переводы Жуковского из Уланда открываются в 1816 году, т.е. вскоре после появления первого издания сборника поэтических произведений германского поэта (изд. Cotta 1815 г.)², целым рядом их, свидетельствующим об интересе, пробуждённом в нашем поэте этим передовым бойцом нашей новоромантической школы. Это были «Сон» (Uhland, «Sdngers Vorüberziehen»), «Песня бедняка» («Lied eines Armen»), «Счастье во сне» (Uhland, «Der Traum»), «Мицение» («Die Rache»), «Три песни» («Die drei Lieder»), «Гаральд» («Harald»)³.

При небольшом размере некоторых из данных произведений мы должны, прежде всего обратить внимание на ту *цельность впечатления*, какую они оставляют в переводах Жуковского не менее, чем у Уланда. Благозвучие стиха Жуковского много усиливает прелест передачи такого мимолётного настроения, какое, например, выражено в «Сне». <...>

<...> Мы должны заметить, что самые ранние из них [переводы Жуковского. – Ред.] относятся к поре, когда талант Жуковского как поэта и переводчика уже значительно окреп. 1816 г., когда сделаны Жуковским его первые переводы из Уланда, в значительном числе, очевидно, под живым, свежим впечатлением первого знакомства с поэтом, относится уже к концу первого из тех трёх периодов в развитии таланта Жуковского, какие намечает Чешихин в своём этюде о переводах Жуковского из Шиллера. У Уланда, кроме того, не было той философской подкладки поэзии, которая не раз затрудняла Жуковского в переводах Шиллера. Поэтому нет ничего удивительного, что, обратившись к Уланду после многолетнего опыта над переводами английских и немецких поэтов, Жуковский уже в самых первых переводах из него является мастером своего дела и умеет не только превосходно передавать красоту и самый

¹ Шестаков С.П. Заметки к переводам В.А. Жуковского / С.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та., 1903. – 98 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XXIII).

² Uhland L. Gedichte / L. Uhland. – Stuttgart, J.G. Cotta, 1815. – 358 р. – Примеч. ред.

³ Мы цитируем Уланда по изданию Фрэнкеля (Gedichte II. Bdd. 1893).

дух оригинала, но нередко обогащает его новыми оригинальными чертами.

Мы присоединяем к этому своему этюду несколько замечаний о немногочисленных переводах Жуковского из Маттисона (1761–1831). Поэзия Маттисона отличается многими теми чертами, которые должны были привлекать симпатии нашего поэта. Особенно славится Маттисон своими *поэтическими описаниями природы*; его религиозность, проникнутая тоскливым и меланхолическим чувством, благородство и чистота его языка, мелодия стиха – всё это не могло не обратить на себя внимания нашего переводчика-поэта⁴. Впрочем, стихотворения, взятые для перевода, относятся к другой области, воспроизведению *мотивов античной поэзии*. <...>

В балладе «Суд божий над епископом»⁵ строфы с 3 до 7 представляют вполне свободную передачу содержания подлинника (так, прямая форма речи бедняков отсутствует в подлиннике), но дальнейший перевод близок к оригиналу, до тех строф, где описывается бегство епископа в башню на Рейне. О подземном ходе из замка к Рейну, упоминаемом в начале 13 строфы перевода, подлинник не сообщает. Описание неприступного положения башни на Рейне в подлиннике – в речи епископа, и одна строфа оригинала таким образом распространяется в переводе на две строфы, также лишнюю против подлинника строфу вызывает описание крепости стен и затворов башни. Эти изменения подлинника нельзя не признать весьма целесообразными для большего оттенения последующего описания вторжения в башню мышей. Жуковский опускает особую строфику подлинника (5 с конца), посвящённую описанию того, как крысы переплывают Рейн и стаями ползут на берег и затем ко всем трещинам и окнам башни. Вслед за двумя строфами о кошке, чющей приближение мышей, у него прямо следует молитва епископа (в подлиннике «чаще и чаще твердит он молитвы по чёткам»; слова «воет преступник» – прибавка Жуковского) и кратко о том, как мыши доплыли и ползут (в той же строфе). Зато описание нашего поэта сосредоточивается на том моменте, когда перед самым вторжением внутрь башни крысы лезут по стенам с писком, скребут лапками и грызут камень зубом (в подлиннике кратко, в

⁴ Мы пользуемся изданием стихотворений в первом томе полного собрания сочинений Маттисона, Цюрих 1835 г.

⁵ Баллада Соути «God's judgment on a bishop». – Примеч. ред.

двуих словах: «И громче, и громче доходило до его слуха, по мере их приближенья, пиление их зубов»).

Превосходно передан Жуковским момент самого вторжения крыс. В подлиннике четыре стиха строфы для этого только описания распространены в шесть стихов для длинного перечисления всех направлений, в каких вторгаются зверьки. Вообще все изменения композиции этой баллады у Жуковского, его распространение некоторых деталей описания способствуют усилению впечатления ужаса картины.

<...>

Переводы Жуковского из Гёте. Первый перевод Жуковского из Гёте относится к одному и тому же году, как наиболее ранние переводы его из Шиллера. Это «Моя богиня» (1809 г.) «Meine Göttin»⁶ Гёте. Впрочем, значительная часть указанного стихотворения представляет совершенно самостоятельное распространение подлинника. Именно та часть его, которая рисует картины природы, разнообразие коих увлекает богиню Фантазию, начиная с тех стихов, где богиня представляется сидящей на крутой скале <...>.

<...> *Переводы Жуковского из Гебеля.*

Отечественная литература обогащена Жуковским целым рядом мастерских переводов со швабского диалекта произведений Иоанна Петера Гебеля. Эти чудные произведения, полные свежей, непосредственной, наивной поэзии, соединяют с воззрениями, юмором и языком народной словесности и совершенство художественной формы. Во всём обильном запасе переводов Жуковского переводам произведений Гебеля должно по праву принадлежать одно из первых мест. Однако не все эти переводы с одинаковой верностью воспроизводят оригинальный характер поэзии Гебеля и одно из произведений германского поэта, именно «Воскресное утро в деревне» (Hebel, «Sonntagsfrühe»), кроме начальных стихов, настолько изменено нашим поэтом в самом содержании, что по справедливости может быть названо вольным подражанием, но не переводом. <...>

Литература

1. Воронова Л. Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова //

⁶ У нас было под руками издание: Göthe's Gedichte. I-II. Bdd Stuttgard u. Tübingen. 1838.

Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 7–18. То же.
[Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/54256722.pdf>

2. Воронова Л.Я. Русская литература XI–XIX вв. в оценке Пушкинского общества // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 81–108.

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Лермонтов Михаил Юрьевич

А.П. Георгиевский

М.Ю. Лермонтов о цели и смысле жизни (1814–1914)¹ (1914)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, М.Ю. Лермонтов, христианские идеалы.*

На первый взгляд, Лермонтов представляется взору исследователя писателем, стоящим в стороне от господствующих течений русской художественной литературы начала XIX века. Пушкин, начавший свою литературную деятельность на почве романтизма, к концу ее постепенно переходит на реальную почву и прямым его продолжателем и увердителем новых реальных веяний является Гоголь. Лермонтов же остается как бы совершенно в стороне от этой преемственности. Он представляется словно яркою звездою, неизвестно откуда взявшейся и исчезнувшей без следа <...>

Однако более глубокое проникновение в существо характера личности Лермонтова должно привести к выводу, что творчество его – явление естественное и необходимое в литературе, как самое яркое отражение тревожного времени в русской жизни и переходного момента в развитии русской мысли.

<...> В 20-х годах в русской жизни и литературе царил светлый оптимизм. <...> Но вот пронеслась романтическая буря. Спокойное настроение исчезло, а на место веселья является грусть, часто переходящая в форму мрачного и безотрадного пессимизма².

<...>

<...> что у Пушкина было лишь в зародыше, развивается и достигает высшей степени напряжения у Лермонтова. Это – момент душевного разлада, лихорадочной погони за новыми идеалами, неудовлетворенности и отчаяния перед трудной задачей примирения с жизнью³.

¹ Георгиевский А.П. М.Ю. Лермонтов о цели и смысле жизни (1814–1914) / А.П. Георгиевский // Вестник образования и воспитания. – 1914. – № 10. – С. 822–834. (Отд. отт.: Казань: Центр. тип., 1916. – 13 с.).

² Н. Котляревский. М.Ю. Лермонтов, стр. 222. СПб, 1891.

³ Ibid. Стр. 224.

Жизненная задача Лермонтова была – отвергнуть безотчетное поклонение старому, не позволить человеку заснуть в довольстве настоящим, двинуть его вперед и научить строгому суду над самим собою!

Вот это отрицание душевного покоя во имя вечного движения вперед и есть тот общечеловеческий элемент, который ставит поэзию Лермонтова в тесную связь с предыдущим и дает ей полное право на бессмертие!

Основное настроение поэзии Лермонтова – тоска по неведомому идеалу. Господствующим мотивом этой тоски является жажда великих подвигов, героический подъем мыслей и чувств, рвущихся на простор, «к облакам».

<...>

<...> Одно несомненно, что во всех порывах выдвигается вперед единственная личность, сильная, но совершенно не установившаяся:

Для небесного могилы нет.

Когда я буду прах, мои мечты,

Хоть не поймет их удивленный свет,

Благословит!» ...

– Неведомый пророк мне обещал бессмертье!⁴

<...>

<...> Внешние блага жизни никогда не в состоянии были удовлетворить его духовной природы, ибо не могли соответствовать тому представлению о деятельной жизни, какое с детства слагается в душе поэта. Если бы беспечная и веселая жизнь северной столицы и Кавказа приближала его к <...> личному эпикурейскому идеалу счастливого и ни в чем не стесненного существования, <...> то пессимизм и недовольство должны бы уменьшаться в душе поэта в той степени, в какой усиливалось весельем наслаждение. История его жизни показывает, однако, совсем обратное: чем веселее и разгульнее жизнь поэта, тем печальнее и безотраднее его миросозерцание. <...>

<...>

И ненавидим мы, и любим мы случайно...

И царствует в душе какой-то холод тайный...

И к гробу мы спешим без счастья и без славы!⁵

⁴ М.Ю. Лермонтов. Полное собр. соч. т. I, стр.255. «1831 г. 11 июня». Изд. Имп. Акад. наук под ред. проф. Д.И. Абрамовича. – СПб, 1910–1913.

⁵ Ibid. II, 252–253. «Дума».

Эти стихи писаны кровью!.. Это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. Это – демон сомнения, разрушающего всякую полноту жизни, отравляющего всякую радость! Пробудилась жизнь, и с нею об руку пошло сомнение – враг жизни.

<...>

[Печорин] <...> страстная натура, произвольно осудившая себя на безделье, самовольно отбросившая основные вопросы жизни, отдавшаяся всем встречным течениям и потому всегда сама себе противоречившая⁶.

<...>

<...> Мы видим, к какому безотрадному выводу приходит Лермонтов <...> в вопросе о цели и смысле жизни: полнейшее разочарование во всех вопросах бытия и жизни с утратою даже самого желания попытаться встать в нормальное положение к окружающему миру <...>.

Естественно, что такой «человек» не попытается достигнуть примирения с жизнью на почве умозрения или веры.

<...>

<...> Поэт не мог примириться <...> по самому существу своей души, вечно волнующейся, вечно ищущей, вечно тоскующей по лучшим идеалам жизни... И он не примирился! <...>

<...>

<...> Смерть Пушкина <...> как громом поражает Лермонтова! «Поэта праведная кровь» слилась с его сердцем и заставила его биться еще сильней, еще лихорадочней...

<...>

Кавказ еще более усиливает лихорадочную работу души поэта над вечными вопросами жизни.

<...>

<...> Несомненно одно, что природа лишь в большей степени содействует выходу из того тупика, к которому пришел поэт в Печорине.

<...>

<...> [Лермонтов] только боится исчезнуть совершенно <...>.

<...>

Здесь мысль поэта естественно направляется к Тому, Кто есть Владыка жизни и смерти <...>.

<...>

⁶ Ibid. IV, 254. «Герой нашего времени».

И этот «Дух сомненья», этот страшный Демон <...> исчезает и из души поэта, этого прекрасного страдальца за лучшие идеалы человечества!

<...>

<...> А мысль о небесном достигает еще большей степени напряжения!

<...>

<...> В душе поэта царит духовный мир и смирение молитвы. Чудные религиозные песни изливаются из под его пера: «*Ветка Палестины*»⁷ и «*Молитва*»⁸ – обращение к Божией матери.

<...>

<...> Первом религиозного творчества поэта является чудная «Песня про купца Калашникова». <...> смирение, с каким герой переносит свою участь, христианское преклонение пред судом Божиим и царевым – черта совершенно новая в герое и потому особенно характерная!

Так титанические порывы гениального духа сменяются христианским смирением и наполняют творчество поэта новым, светлым содержанием!

<...>

<...> На вопрос о том, где же <...> жизненная гармония достигается и каким путем, поэт успел сказать лишь несколько кратких, хотя и сильных выражений. Смерть сомкнула уста высокого страдальца за человека и человеческое счастье, и то, что он, быть может, хотел сказать, скажут за него другие!

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

⁷ Ibid. II, 141 – 142. «Ветка Палестины».

⁸ Ibid. II, 208. «Молитва».

Полежаев Александр Иванович

Е.А. Бобров

К столетию годовщины рождения поэта А.И. Полежаева (1805-1905)¹ (1905)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.И. Полежаев, поэзия, романтизм, «Сашка», Москва.*

<...> Русский поэт, известный под именем Александра Ивановича Полежаева, и бывший по крови *Александром Леонтьевичем Струйским*, увидел свет в Пензенской губернии в селе *Покрышкино*.

Быть может, в Пензе городишко
Несноснее Саранска нет:
Под ним есть малое селишко,
И там мой друг увидел свет.

Так характеризует в «Сашке»² (ч. I, строфа III) сам поэт место своего рождения. <...>

Тяжелая *наследственность*, обремененная как душевным расстройством деда и отца, так и алкоголизмом последнего, объясняют нам многое и в характере поэта Полежаева. Другие стороны его характера объясняются его *воспитанием*.

Потомок не особенно знатного, но старого, восходящего к XVI в. рода, Л.Н. Струйский не вступал в брак, но сошелся со своей дворовой девушкой замечательной красоты, Аграфеной Ивановной. Плодом этой связи были дочь Олимпиада и сын, названный в честь своего крестного отца и дяди (брата Леонтия Николаевича) *Александром*.

Аграфену Ивановну впоследствии фиктивно выдали замуж за саранского мещанина Ивана Полежаева, который дал нашему поэту и отчество, и фамилию.

Поэт не любил говорить о своем происхождении и о своих родных.
<...>

¹ Бобров Е.А. К столетию годовщины рождения поэта А.И. Полежаева (1805–1905) / Е.А. Бобров. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1905. – 75 с.

² «Сашка» (1825) – поэма А.И. Полежаева. – Примеч. ред.

Подобно многим незаконнорожденным, поэт питал вначале к своему отцу по плоти недобрые чувства. Потом это отношение радикально переменилось. Но в студенческие годы Полежаева, в период писания его «Сашки», это нерасположение сказывается довольно рельефно (стр. IV):

Нельзя сказать, чтобы богато
Иль бедно жил его отец,
Но все довольно таровато,
И промотался наконец.
Но это прочь!... Отцу быть можно
Таким, сяким и рассяким (sic).
Нам говорить о сыне должно:
Посмотрим, вышел он каким. <...>

Центральное место в биографии А.И. Полежаева должно занимать его представление императору Николаю Павловичу и последовавшее затем вступление поэта в военную службу, которое имело для него важные последствия и сыграло роль в его жизни. <...>

Находясь в Москве в 1826 году перед коронованием, государь остался очень недоволен состоянием университета и деятельностью высших членов университетской и окружной администрации. В это время ему каким-то образом поднесли, как доказательство неблагонамеренного направления, какое московские студенты получают, воспитываясь в университете, поэму только что окончившего курс вольнослушателя А.И. Полежаева «Сашка».

Ознакомившись с поэмой, государь изволил пожелать видеть обвиняемого лично и приказал представить его к утреннему докладу. <...>

Государь встретил юношу сурово и приказал ему прочесть вслух некоторые, более резкие места из его сочинения.

Бравый вид молодого поэта, его смелая речь и «орлиный взор» <...>, общая молодцеватость его смягчили императора и внушили ему мысль, что из такого молодца выйдет лихой офицер. <...>

И вот он предлагает поэту вступить в целях своего очищения в ряды войска. <...>

В рядах армии, как мы знаем, Полежаев не оправдал надежд на исправление, какого ожидал от него государь <...> и участь поэта стала еще горше, особенно после безумной попытки его дезертировать... <...>

Полежаев не обладал даже волей и среднего человека, более или менее нормального. Раннее необузданное пьянство, разгульные ночи, ранний разврат, быть может, и венерические болезни настолько расшатали

организм Полежаева и настолько ослабили его волю, что он не мог исполнить даже и того, что мог бы выдержать и сделать на его месте самый обыкновенный и заурядный человек того времени. Нам думается, что Полежаев, безразлично на какую бы службу он ни попал, на военную или гражданскую, все равно одинаково бы добился того же самого фатального конца, гибели от водки. Не удержался бы он при своем неизлечимом алкоголизме ни на каком поприще, не способен он был ни на какое дело, кроме тех занятий, какие начал еще в университетские свои годы, т.е. прокучивания дядиных денег в компании Танек, Дуняшек и Аниюток, которых он увековечил в своем «Сашке». <...>

14 июня 1827 г. Полежаев дошел до алкогольного транса и ударился в бега. После дезертирства и разжалования без выслуги, т.е. без права быть произведенным в унтер-офицеры, с лишением дворянских прав, разумеется, дела Полежаева стали совсем плохи. Но поэт и здесь не удержался, а пошел по наклонной плоскости еще далее – и по второму процессу чуть-чуть не попал под шпицрутены...

Поэт не удержался даже при всей строгости военной дисциплины. Что бы стало с ним, если бы он попал не на военную службу, а куда-нибудь в канцелярию, да особенно в провинции? Что бы могло его удержать в колее? Кто бы удержал его там от питья водки, если этого не смогла сделать даже железная военная дисциплина николаевских времен, если его не удержали стены казармы?

Очевидно, что, не попади Полежаев в военную среду, алкоголизм его, не находя себе никаких преград, никакого удержа, развился бы несравненно быстрее и процесс его разрушения физического, умственного и нравственного пошел бы несравненно скорее. В военной службе под вечным страхом жесточайших взысканий, не исключая и телесного наказания, Полежаев, если по временам и прорывался, то в общем, при доброжелательном отношении полкового начальства, кое-как еще держался. В штатской же службе Полежаев послужил бы недолго, подвергся бы изgnанию, а дальше ему предстояло только обратиться в босяка и дойти до последней степени потери человеческого образа...

Будем жалеть бедного Полежаева, станем скорбеть о его тяжелой участи, но не станем же убелять его паче снега, и, слагая с него лично всякую вину, всякую нравственную ответственность, обвинять одни только внешние обстоятельства, вроде военной службы. Сотни тысяч людей прошли через армию, не погибли и не развратились; многие и тогда, и в наше время путем служения в рядах освободились от дурных

наклонностей и привычек, приобрели себе в этой службе нравственные устои на всю жизнь. Но алкоголь никогда и никого до добра не доводит: с этим житейским спутником конец один: гибель физическая, потемнение умственное, смерть совести и всяких нравственных чувств!.... <...>

Жизнь А.И. Полежаева самым тесным образом связана с Москвой. Сюда прибыл он десятилетним мальчиком, здесь получил он среднее и высшее образование, здесь наслаждался он своей юной жизнью; в Москве случилась с ним катастрофа, в Москве и ее окрестностях провел поэт и остальную часть своей жизни вплоть до смерти, исключая те четыре года, которые он пробыл на Кавказе. <...>

Поэт, действительно, любил город, ставший для него родиной, и с полным основанием мог сказать о себе, тоскуя на Кавказе:

...Разных прелестей Москвы

Я истребить из головы

Не в силах...

Верно понять жизнь и творчество Полежаева вообще можно только в том случае, если мы подвергнем внимательному изучению особенности культурной обстановки современной ему Москвы, той культурной среды, в которой наш поэт рос, воспитывался, действовал и творил.

Литература

1. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров об А.И. Полежаеве / А.Н. Ерофеева // Мир романтизма. – Тверь, 2002. – Вып. 7 (31). – С. 118–121.

Подготовка текста: Р.А. Бакиров

Е.А. Бобров

А.И. Полежаев об А.С. Пушкине¹ (1907)

Ключевые слова: русская литература XIX века, А.И. Полежаев, А.С. Пушкин, «Сашка», «Евгений Онегин», подражание, реализм.

<...> На Полежаеве, стоявшем «в стороне от большого света», можем мы с удобством изучать, как отражалась поэзия Пушкина не в ближайших к нему литературных кругах, но на интеллигентной России того времени вообще. <...>

Эротические, политические и антирелигиозные рукописные пьесы Пушкина, запретный плод, контрабанда, должны были иметь особенно притягательную силу для школьников, для учащейся молодежи. Так, вероятно, впервые ознакомился с Пушкиным и Полежаев. <...>

Самым верным учеником и последователем Пушкина показал себя Полежаев в своей поэме «Сашка» в двух частях, писанной в 1825 – 1826 гг. накануне окончания университетского курса и неожиданно обрушившейся на его голову грозной царевой опалы. По форме эта поэма есть подражание «Евгению Онегину». Каждый поэт изображал своего героя по-своему. <...> Мы должны здесь подчеркнуть двойственный характер полежаевской поэмы «Сашка». С одной стороны это – пародия, порой даже карикатура на «Евгения Онегина». Полежаев <...> иногда умышленно пародирует Пушкина, делает то, что у Пушкина прилично – неприличным, что у того возвыщенно – забавным и циничным. С другой же стороны, «Сашка» есть искреннее подражание, последование всерьез духу Пушкина, духу, выразившемуся как в его «Евгении Онегине», так и вообще в его рукописных стихотворениях. Последнее касается всех неуважительных замечаний Полежаева о предметах религиозных, политических и об явлениях русской современной ему действительности. Самая циничность и бесцеремонность картин в «Сашке» есть отголосок цинизма юного шалуна Пушкина, обильно почерпавшего в свою очередь

¹ Бобров Е.А. А.И. Полежаев об А.С. Пушкине / Е.А. Бобров // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отделении рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – СПб., 1907. – Вып. 5. – С. 82 – 109. (Отд. отт. : СПб., 1907. – 28 с.). То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps5/ps52082-.htm>

из французских и итальянских писателей – «сказочника» Лафонтена, Ариоста и т.д. <...>

Впрочем, как ни циничны многие картины Полежаева, нельзя все-таки не признать генетической связи между «Сашкой» и какой-нибудь «Вишней» Пушкина, с любовью культивировавшего в своей поэзии и соблазнительные образы, и национальное сквернословие. <...>

Именно поэма «Сашка» была <...> сразу и подражанием пушкинскому «Евгению Онегину», и пародией-карикатурой на него. По духу же своему эта шутливая поэма была полным отголоском эротических, политических, антирелигиозных и сквернословных эпиграмм, поэм, посланий и од молодого Пушкина. И если точно поэма «Сашка» именно послужила причиной гибели Полежаева, то значительная доля вины лежала в данном случае на совести самого учителя. Не забудем, что вредное влияние стихов Пушкина сказалось в Московском университете еще тогда же в одном случае, а именно в политическом деле кружка братьев Критских (1827 года), причем основатель кружка, старший брат, Петр Критский, на следствии прямо показал, что к мысли образовать кружок с целью борьбы против правительства он был приведен чтением запрещенных стихотворений Пушкина. <...>

Полежаев по силе поэтического вдохновения и мастерству языка уступал Пушкину, но он был ему конгениален, он обладал натурой, схожей и родственной натуре Пушкина. <...> На Полежаева у нас издавна установился совершенно неправильный и очень односторонний взгляд: в его стихотворениях хотят видеть во что бы то ни стало исключительно либо протест, либо плач о своей погубленной доле. <...> Элементы плача и протesta попадают в поэзию Полежаева извне, благодаря внешним влияниям, в силу неблагоприятных внешних условий и происшествий. Там, где протест (как в «Сашке») высказывается еще ранее постигших Полежаева несчастий, этот протест есть чужое влияние – и именно влияние молодого Пушкина. Там же, где Полежаев высказывается независимо от внешних влияний и отдаётся вполне внушениям своей натуры, там мы наблюдаем чрезвычайно любопытное явление: несмотря на болезненность своего физического организма, разрушенного ранним разгулом, в душе своей поэт до конца дней остается свежим, здоровым и сильным реалистом, объективно воспринимающим и точно воспроизводящим окружающую его действительность – вдобавок, с большой наклонностью к здоровому, безобидному, незатейливому юмору, без всяких претенциозных «невидимых» слез за видимым миру смехом.

<...> Эти же самые черты – здоровый, мощный реализм в соединении с безобидным здоровым юмором представляют собой именно наиболее характерные черты зрелого, мужественного Пушкина – они-то именно привлекают нас в позднейших творениях гениального поэта, и быть может, мы среди русских поэтов не найдем никого, кто бы по свойствам своей натуры подходил к Пушкину так близко, как именно Полежаев.

<...> Этую конгениальность натур обоих поэтов всего лучше и объясняется тот факт, что вне всякого знакомства, вне личного общения с Пушкиным и с его ближайшим кружком, одиноко стоявший юный поэт Полежаев, к сожалению, чрезмерно поддался фатальному для него влиянию пушкинской музы раннего периода – и в этом отношении нельзя не пожалеть, что Полежаев не родился позднее, и что он со своею конгениальностью Пушкину встретил образцами произведения Пушкина не зрелые, а еще ранние, от которых тот сам потом нередко откращивался.

Литература

1. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров об А.И. Полежаеве / А.Н. Ерофеева // Мир романтизма. – Тверь, 2002. – Вып. 7 (31). – С. 118–121.

Подготовка текста: Р.А. Бакиров

Пушкин Александр Сергеевич

А.С. Архангельский

А.С. Пушкин, как писатель народный¹ (1899)

Ключевые слова: русская литература XIX века, А.С. Пушкин, мир народный верований и обрядов, народное мировоззрение, религиозное чувство, процесс внутреннего духовного роста.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

[В черновых бумагах А.С. Пушкина есть размышление. – Ред.] <...>
«Один из наших критиков <...> полагает что *народность* состоит в выборе предметов (сюжетов) из отечественной истории. Другие видят *народность* в словах, оборотах, выражениях, т.е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения <...> *Климат, образ жизни, вера* – дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается и в поэзии <...>

<...> Мне хочется отметить здесь <...>, насколько Пушкин сам, в своих собственных поэтических произведениях, – и вообще в своей литературной деятельности – отвечал этому, им самим намеченному, характеру *народного писателя* <...>.

<...>

<...> Время, когда жил и писал Пушкин, только что начинало интересоваться «народом», – духовные интересы <...> народных масс только что еще выступали на свет божий, только что начинали обращать на себя внимание лучших людей <...>.

<...>

¹ Архангельский А.С. А.С. Пушкин как писатель народный: [Читано в извлечениях по поводу закладки «Пушкинской» народной аудитории в Казани, 27 мая 1899 г.]. / А.С. Архангельский. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1899. – 56 с.

<...> Пушкинская поэзия дает очень много и <...> народной массе. Еще больше может дать <...>.

<...>

<...> В поэзии Пушкина перед нами не только вся Русь, но в частности – и вся *Русь крестьянская* <...>, «вера», «тьма обычаев и поверий», которыми живет *русский крестьянский мир* <...>.

<...>

Поэзия Пушкина любит обращаться к картинам *русской природы*. Кажется, поэт нигде не чувствует себя так хорошо, как именно на лоне этой родной природы <...>

<...>

Своеобразный мир народных <...> верований, мир народных обрядов <...>, обычный склад народного мировоззрения – все это <...> рельефно выступает в поэзии Пушкина <...>.

<...>

<...> Струя теплого религиозного чувства <...> заметно сказывается в <...> произведениях великого поэта <...>, в нем совершался процесс *внутреннего духовного роста* <...>.

<...>

<...> Живые *патриотические* чувства, столь глубоко проникающие русский народ, <...> встречают себе отголосок в поэзии Пушкина.

<...>

<...> Чувство любви к родной земле, чувство неотделимой родственной связи с родным лесом, садом, домом, где прошли года собственной жизни, – эта «физическая любовь» к отечеству, по выражению Карамзина, никогда еще <...> в нашей поэзии не выражалась с такой захватывающей теплотой и искренностью, [как у Пушкина] <...>.

<...>

<...> Произведения Пушкина, с сюжетами, взятыми из отечественной истории, дают русскому обществу превосходное понимание своего родного прошедшего <...>.

<...>

<...> На воскрешение в поэзии исторического мира родного прошедшего поэт смотрел как на главную обязанность национальной поэзии <...>.

Литература

1. Пушкинская юбилейная литература, 1899–1900 гг.: Критико-библиографический обзор / Сост. В.В. Сиповский. – СПб.: Тип. В.С. Балашев и К°, 1901. – 272 с. (С. 219–220). То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/sip/sip.htm>
2. Воронова Л.Я. Проблема «Пушкин и читатель» в работах А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Публицистические чтения. А.С. Пушкин: Казанские страницы (по материалам научно-публицистич. семинара 8-9 окт. 1998 г.) – Казань, 1998. – С. 126–135.
3. Воронова Л.Я. А.С. Пушкин в оценке А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Т. 136: А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков (К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина). – Казань, 1998. – С. 42-54.
4. Воронова Л.Я. Пушкинские юбилеи 1887 и 1899 гг. в Казанском университете / Л.Я. Воронова // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 119–125; То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18961435>

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

Н.Н. Булич

В память пятидесятилетия смерти Пушкина (29 января, 1887 года)¹ (1887)

Ключевые слова: русская литература XIX века, А.С. Пушкин, биография, литературный портрет, великий, родной духом писатель.

I.

Тяжёлая потеря выпала полвека тому назад на долю русского умственного развития. Безвременно ушёл в могилу смертельно раненный на дуэли величайший художник слова нашей родины, творец её духовного богатства, сокровищ ума и выражения и неувядаемых поэтических образов, воспевавших столько поколений. Печальная жертва светских приличий и светской интриги, сражённый пулей человека, с которым у него не было ничего общего <...>.

<...> Едва ли в то время большинство русского общества отдавало себе отчёт в великости потери, понесённой им; едва ли оно понимало, какая мощь и какая слава родной страны уходит в безмолвный сумрак могилы. На Пушкине лежал в то время запрет; в школах его не читали ещё и не учили наизусть; для взрослых людей той эпохи он был вольнодумцем и вредным либералом. Только тогдашняя молодёжь, воспитанная контрабандой на стихах Пушкина, недолюбливаемых отживающим тогда поколением, и волновалась, и негодовала, и плакала о нём. Мы чуть помним тогдашних юношей и их горячее негодование по поводу смерти великого поэта. То были, однако, только бессознательные, хотя и благородные порывы, скоро рассеянные бессодержательной жизнью. Весть о смерти Пушкина ползла черепашьим шагом по громадным снежным пространствам страны. Ни телеграфных проволок, ни железных дорог не существовало. <...> Смерть поэта не казалась тогда событием важным для сообщения о нём Европе, да и Европа сама почти ничего не знала о русской словесности. Скорбная весть сухо передавалась тогдашними газетами, издаваемыми Гречами и Булгариными; зато возмутительные подробности события сообщались в письмах, в рассказах приезжих, в тёмных слухах, едва отличимых от сплетни. Правды никто не

¹ Булич Н.Н. В память пятидесятилетия смерти Пушкина (29 янв., 1887 г.) / Н.Н. Булич. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1887. – 50 с.

знал. Наш город не имел в тот год никакого печатного литературного органа. Единственная представительница поэтических поползновений в Казани – Александра Андреевна Фукс, приветствовавшая, правда, деревянными стихами в своём доме года за три Пушкина, ехавшего в Оренбург собирать живые предания о пугачёвщине, не почтила его «страдальческую тень» ни одной стихотворной строфой. Да и не совсем удобно было страдать, волноваться и негодовать о безвременной смерти великого поэта, даже в стихах, после высылки из Петербурга Лермонтова на Кавказ за его негодующие строфы. Скромно, без всякой торжественности, без народной толпы, перенесено было тело Пушкина в небольшую приходскую церковь, поблизости его квартиры, окружённое только родными и близкими, и никому почти не было известно, как увезли ночью это тело в Псковскую губернию, в Святогорский монастырь, недалеко от села Михайловского, где поэт несколько лет прожил в невольной ссылке.

Прошло пятьдесят лет с того печального случая. Многое прожито было страной в эти годы и прожито, конечно, не даром. Общественное сознание выросло и окрепло, развилось понимание и того, что сделал Пушкин для родины и того, чем он стал для неё. Мы выучились гораздо больше ценить представителей нашего ума, нашего художественного и литературного творчества; мы выучились и провожать их с должным почётом, всенародной толпой, в место последнего успокоения. Мы мечтаем уже о национальном пантеоне, какие существуют у всех культурных народов, куда можно было бы перевезти и прах Пушкина из его уединения и поставить рядом с другими творцами нашего духовного и народного могущества <...>. В пятьдесят лет возросло для русского общества значение Пушкина. Мы смотрим на него как на величайшего русского художника в области слова, мы знаем, что только после созданий Пушкинского гения наша словесность стала дорогим национальным достоянием, которым следует дорожить, стала силой, с которой приходится считаться. <...>

<...> Сегодня сочинения Пушкина по закону перестают быть собственностью только семейной. Они делаются достоянием всенародным. Каждый может печатать их и издавать на свой страх. Будем надеяться, что с настоящего времени сочинения эти по дешевизне своей найдут более свободный доступ к народной массе и послужат для неё источником развития, приучат её к пониманию более высокой мысли художественной прелести стиха и доставят ей недоступное прежде

эстетическое наслаждение. <...> Что касается до более образованной массы, то имя Пушкина, его сочинения, поэтические образы, созданные им, облечённые им в нетленные плоть и кровь силой творчества, всем известны. Почти всякий из нас знает наизусть множество стихов Пушкина с тех пор, как из запрещённых они стали считаться необходимым условием школьного образования. Открытие памятника Пушкину в Москве походило, действительно, на общее духовное торжество грамотного народа в России. Оно было вместе с тем и торжеством русской словесности, лучшие представители которой, соединившись на празднике в общем культе великому поэту, старались уяснить и себе, и другим то глубокое народное значение, какое постепенно приобретали сочинения Пушкина, то значение, которое имеют они для русской души. Но ещё раньше этого праздника русская критика умела объяснить его произведения с разных сторон. Их художественное значение всем ясно и доступно.

<...> Художественность созданий Пушкина подкупает; но за ней обыкновенно не видят его отношений ко времени, не замечают, как дорого стоила Пушкину его вымученная, выстраданная художественность. Я желал бы в самых, конечно, общих, но точно определённых чертах, вызвать перед вами только исторический образ великого поэта, как он вырос на почве современной ему действительности, я желал бы показать тот скорбный путь, каким шла его поэзия в немногие годы мучительно пережитой им жизни. Для нас Пушкин, несмотря на гениальность натуры, на удивительно художественную прелесть своего стиха и поэтических образов, доставляющих величайшее духовное наслаждение, всё же, однако, образ из прошлого. Бессспорно, это величайший художник русского слова, и тот русский, который останется глух слухом для чудесной гармонии его стиха и неподвижен сердцем для глубины чувства, проникающего его создания, свидетельствует лишь о плохом своём умственном развитии. Но искать в стремлениях Пушкина, в его идеалах, порывы и надежды окружающей нас современности – уже нельзя. <...>

II.

Трудно определить в немногих, как бы нам хотелось, словах, эту гениальную, сложную, разнообразную и, вместе с тем, удивительно цельную личную натуру Пушкина, которую надо бно считать источником его творчества. Никакие общеупотребительные фразы не помогут её определению. Называют обыкновенно эту личность *артистической*,

говорят о глубокой её *впечатлительности*. Но это последнее понятие естественно предполагает и с его стороны сильную *восприимчивость*, т.е. способность подвергаться разным, извне действующим влияниям. Между тем у Пушкина дело как раз происходило наоборот. Как человек и художник он развивался вопреки всяkim, близким внешним влияниям, наперекор семье, школе, обществу, требованиям окружающей жизни, и, может быть, именно поэтому и сохранил глубокую чистоту и цельность натуры. <...>

Несмотря на глубокую пылкость и страстность своей натуры, Пушкин умел сдерживать её порывы своим ясным и положительным умом, воспитанным в сфере того же художественного творчества, которым он был одарён. <...>

IV.

Никогда, однако, мы не поймём Пушкина, содержание его произведений и всё могущество его таланта без знакомства с духом его времени, оказавшим такое сильное влияние на него и на многих выдающихся его сверстников. <...> Поколение, к которому принадлежал Пушкин, выросло в самых благоприятных исторических условиях, и едва ли какая-либо другая эпоха русской жизни может сравниться с тогдашним временем по силе событий, по их влиянию на умы и жизнь. <...> Мысль о принадлежности к великой эпохе жила в сердцах современников. Пушкин в последнем поэтическом обращении к друзьям своей молодости и лицея, написанном незадолго до смерти, так говорит о своей эпохе, посреди другой обстановки, посреди нового века, названного им «жестоким», при условиях которого стал чахнуть его сильный талант:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Металися смущённые народы,
И высiliлись, и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари...

Некоторые близкие к Пушкину люди принимали непосредственное участие в мировых событиях. Рассказы их о только что пережитой исторической драме, о живых впечатлениях заграничных походов наших,

в которых брала участие наша гвардия, Пушкин мог слышать непосредственно, будучи ещё лицеистом. <...> С этого времени Пушкин стал писать те стихотворения, которые положили начало его громкой известности и были причиной его ссылки. <...>

Стихотворения молодого Пушкина с каждым годом становятся серьёзнее по содержанию. <...>

Тогда же возникло в нём стремление, никогда его не покидавшее: «в просвещении стать с веком наравне». Пушкин развивался до конца жизни. <...>

<...> Трудно говорить о каких-либо влияниях, которым бы он мог подчиниться. Пушкин высоко стоял над жизнью; он черпал из неё всё, на что отзывалась его чуткая душа. Зло обращалось в добро; беспутная жизнь просветлялась высокой поэзией. <...> Только в широких и свободных образах своей поэзии Пушкин черпал бодрость ума и сердца, становился опять новым и чистым человеком. <...> Поэма «Руслан и Людмила» <...> полна замечательной свежестью молодого воображения и чувства, а такие стихотворения, как «Деревня» <...> или «Возрождение» прямо доказывают, что никакого вредного влияния разгул и кутежи петербургской жизни не оказали на Пушкина. <...>

Был, однако, в то время в Петербурге и другой кружок совершенно иных свойств. Участниками его были некоторые близкие, сердечные друзья Пушкина, выдающиеся умом, образованием, нравственными свойствами и блестящими положением в свете. <...> Пушкин, однако, очень рано, но совершенно теоретически усвоил содержание этого кружка. Закваска этих идей осталась в нём навсегда, до конца жизни, и делала из него человека Александровского времени посреди совершенно иной эпохи. Эта-то закваска сохранила в нём протестующие свойства, мешала его полному примирению с действительностью и, полагаем, привела его к трагическому концу. Идеи эти возникли исторически; для Пушкина и лучших его современников они были неизбежны. <...>

Пушкин не был, да и не мог быть, и по своему характеру, и по образу жизни деятельным членом этого кружка людей. Здесь боялись или его страсти, не доверяли ему, или щадили для будущего его большой талант. <...> Но из молодых стихов Пушкина, за которые он подвергся ссылке, видно, что только из этого кружка он мог усвоить страстную ненависть к людям, которые были сильными и главными орудиями реакции, господствовавший тогда дух оппозиции и протesta, сознание гражданина, отвлечённую любовь к родине, хотя и с неправильным

представлением её исторического развития и абстрактную идею свободы.
<...>

V.

Много горя доставили эти стихи Пушкину не ссылкой на юг, конечно, которая послужила во благо, но оскорбительной сплетней, разнёсшейся по Петербургу о последствиях его оппозиционного задора. Положение его было невыносимо. Его мучило жгучее чувство оскорблённого личного самолюбия и человеческого достоинства. Ссылка была спасением для Пушкина от невыносимого ощущения обиды и от той безумной жизни, которую он вёл и посреди которой он мог бы легко растратить свой великий талант. <...>

Вся поэтическая деятельность Пушкина на юге России, начиная с известной его элегии «Погасло дневное светило», в которой уже слышатся отзвуки поэзии Байрона, происходила более или менее под влиянием этого «властителя наших дум» – по его выражению. Таким властителем Байрон остался для Пушкина до самого того времени, когда замысел «Евгения Онегина» не увлёк его в русскую деревню, в недра родной семейной и общественной жизни. Байрон на русской почве должен был получить, однако, своеобразные черты, зависевшие уже от наших условий. Горькая ирония и отчаяние Байрона, его типы и герои, воплотившие в себе собственную душу английского поэта, его скептицизм вытекали из отношений к современной истории такой глубокой личности, какой был Байрон. <...>

Совершенно понятно, почему Байрон во всём время жизни Пушкина на русском юге был «властителем его дум». Поэзия Байрона, если она была выражением его могучей и гордой личности, то вместе с тем она была также и выражением свободного европейского духа в эпоху самовластного могущества Наполеона и начавшейся после его падения всеобщей европейской реакции. <...>

Пушкин как современник, как и друзья его, живший волнениями времени, был приготовлен к восприятию байроновской поэзии. В самой судьбе его были черты, схожие с Байроном. <...> В общении с английским поэтом созрел его талант. <...>

VII.

Вся жизнь Пушкина, по его личным свойствам и по отношениям к эпохе и к людям, исполнена постоянной тревоги и бурных волнений.

Казалось, он никогда не знал покоя и мирной тишины и хотя бы временного довольства жизнью. Период одесской жизни Пушкина принадлежит к самым тревожным его годам. <...> Но посреди тревожной одесской жизни в творчестве Пушкина совершился замечательный переворот, составляющий неразгаданную тайну его творчества, так как нам совершенно неизвестно, под какими внутренними и внешними влияниями произошёл он. В «Цыганах» он простился навсегда с романтической поэмой, с влиянием Байрона, с придуманными героями, с условными страстями и обратился к жизни русской и действительной: в Одессе начат был «Евгений Онегин», написаны были первые две главы романа. Раз вступивши на эту дорогу жизненной правды, он уже не мог сойти с неё; эта правда охватила его своей силой. <...>

VIII.

Двухлетнее пребывание Пушкина в Михайловском замечательно в том отношении, что в эти два года поэт радикально изменился в глубинах невольного уединения последовало удивительное развитие ума, характера и творчества, невозможное для заурядного человека. <...>

IX.

С конца 1826 года, когда Пушкин <...> освободился от невольной жизни в деревне и получил возможность снова воротиться в знакомый и привычный круг столичного общества, до него начинается последний, десятилетний период его жизни, кончившийся так трагически. Если для поэта в этот период не было столь же широких и полных впечатлений, как в прежней жизни, то он, в свою очередь, принёс ему ту же тревогу, те же бури душевные, напрягавшие его нервы, то же недовольство, которые сопровождали его от колыбели до могилы эту страстную натуру, и имели, в свою очередь, большое влияние на характер и содержание всего творчества. <...>

Приветствуя так радостно, «в надежде славы и добра», новое время, где он надеялся быть деятелем, Пушкин кончил, однако, убеждением, что это время было «жестоким веком». И в самом деле, посреди новых людей, окружавших его, он был одинок, он стоял обломком исчезнувшего. <...> Пушкин – тип русского человека; он – создание своего времени, в него воплотилась и в нём нашла выражение не только целая эпоха русской жизни, но и вся душа его народа; оттого и стих его «ударяет» с такой болью по сердцам.

<...> Именно теперь, в этот последний период своей жизни, Пушкин должен был смотреть гораздо больше, чем в прежнее время, на свою литературную деятельность, как на источник, дающий ему средства жить. Если мы сравним количество написанного Пушкиным в первое время с тем, что написано было им после женитьбы, то увидим, что продуктивность его увеличилась почти втрое и притом поэт стал больше писать теперь прозой, потому что на отделку прозы требовалось меньше времени и труда, можно было написать гораздо больше и получить, следовательно, за написанное больше денег, необходимых Пушкину при условиях новой жизни. <...>

Со времени женитьбы поэтические осени, любимое время для творчества Пушкина, навсегда исчезли. Он жалуется уже постоянно на грызущую его хандру и не раз в его письмах встречаем мы сожаления о прежней холостой и свободной жизни. <...>

Женитьба Пушкина заставила его жить в свете для жены-красавицы, для которой другая жизнь была невозможна в ту пору, когда, по его выражению, «никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства». <...> Денежные затруднения сделались источником постоянных мучительных забот Пушкина. Пушкин проживал больше, чем получал, и весь отдавался писательству, рассчитывая как можно скорее и как можно больше добыть денег для жизни. Естественно, что сила его творчества должна была пострадать от такой лихорадочной работы, а тут ещё цензура не пропускает его лучшего произведения, газету издавать не позволяют, журнал его плохо идёт. <...>

Дорого стоили ему жертвы, которые приносил он большому свету для красавицы-жены: мучительная хандра, недовольство жизнью не покидали его. <...>

А как ему хотелось вырваться из своей общественной обстановки в эти последние мучительные годы, как ему хотелось свободы, самостоятельности, простора для жизни, для творчества, «плонуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином»! <...>

<...> Крепко думал он об отставке, с горькой тоской мечтал он, по всей вероятности, о просторе знакомых ему с детства полей и лесов, но неумолимая судьба ждала его: «И свет не пощадил, и Бог не спас!» (Лермонтов).

Катастрофа, которая положила конец жизни великого русского поэта, была неизбежна. Она лежала в условиях жизни, в условиях

самостоятельной и гордой натуры Пушкина, вставшей на защиту семейной чести своей.

Вызывая перед вами эту «страдальческую тень» и припоминая те волнения, посреди которых развивалось поэтическое творчество Пушкина, мы старались показать, как долго стоили ему строфы и образы, дающие нам такое высокое наслаждение. Сегодня создания Пушкина делаются вполне народным достоянием; сегодня скорбный образ измученного жизнью великого поэта окружается как бы вновь лучами славы, приветствуется теми, которые знакомы с ним не понаслышке. Пожелаем же от души, чтоб и остальная масса народа нашего выросла до понимания великого, родного ему духом поэта.

Литература

1. Азбукин В.Н. К оценке литературоведческого наследия Н.Н. Булича / В.Н. Азбукин, В.П. Макурин // Романтизм в русской и зарубежной литературе. – Казань, 1974. – С. 113–124.
2. Сидорова М.М. Н.Н. Булич как исследователь русской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Сидорова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1997. – 27 с.
3. Сидорова М.М. А.С. Пушкин в оценке Н.Н. Булича / М.М. Сидорова // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков : тезисы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – Казань, 1998. – С. 66–67. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.kpfu.ru/science/news/pushkin/p39.htm>
4. Сидорова М.М. А.С. Пушкин в оценке профессоров Казанского университета / М.М. Сидорова // Михайловская Пушкиниана. Вып. 14: Сб. науч. ст. по материалам конф. «У каждого времени свой Пушкин» / Гос. музей-заповедник «Михайловское». – М., 2001. – С. 18–23.
5. Воронова Л.Я. Пушкинские юбилеи 1887 и 1899 гг. в Казанском университете / Л.Я. Воронова // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 119–125. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18961435>

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Н.Н. Булич

**Значение Пушкина в истории русской литературы
(Введение в изучение его сочинений)¹ (1855)**

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.С. Пушкин, герой духа, историческое развитие, пластические типы внутренней жизни народа, эстетическое чувство в обществе.*

I.

В наше время, в годину великой борьбы, когда Отечество наше на кровавых полях битв, перед целым светом, отстаивает независимость начал своих и вековую честь исторического существования, когда возвышенным порывом звучит грудь каждого русского человека, отрадно русскому сердцу обратиться к одному из тех великих людей своей родины, которые в области мысли, в области прекрасной художественной деятельности, составляют честь русского народа, гордость и славу его. История духовной деятельности народа восполняет собой его политическую историю. Наука, поэзия и искусство идут вслед за событиями политическими и оправдывают их. Счастлив народ, который рядом с героями внешней деятельности может указать с гордостью на героев духа, выразителей того, что положено историческим развитием в грудь народа, что волнует его душу, что составляет его лучшие, благороднейшие и ценнейшие начала. В этих героях духа народ узнаёт сам себя; они – пластические типы внутренней жизни народа и создания их суть духовное свидетельство существования его, документ перед человечеством, оправдывающий историческую жизнь и развитие народа. Произведения литературы суть те же факты народной жизни, как и ступени развития гражданского в обществе, как и славные военные подвиги. Вообще историческая жизнь народов отражается в представителях своих. Крепкая и давняя, она своим содержанием вырабатывает типы людей, в которых таинственным образом сосредотачивается всё, что составляет внутреннее содержание жизни

¹ Булич Н.Н. Значение Пушкина в истории русской литературы (Введение в изучение его сочинений): Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Казанского университета экстра-ординарным профессором Н.Н. Буличем 9 окт. 1855 г. / Н.Н. Булич. – Казань: Тип. Ун-та, 1855. – С. 3–74.

народной. Оттого в произведениях великих поэтов народа, которые являются духовными представителями своей родины, есть отголосок на все стремления народа, есть отзыв на клич души его, есть разгадка того, что составляет, по-видимому, неразгаданные и таинственные стороны его жизни. Поэзия более, нежели другая сторона духовной жизни народа, говорит его сердцу и затрагивает его за живое. <...> Поэтому великие поэты являются везде в истории воспитателями народов, подобно загадочному Орфею в тёмную пору начала греческой цивилизации, подобно Гомеру, отразившему в своих художественных образах всю современную ему жизнь Греции и подвинувшему вперёд её развитие. <...> Понимание поэзии дано всякому, но образование развивает его, делает его полнее и совершеннее. Тогда поэзия в сознании человека возвышается от простого благозвучного лепета, который раздаётся в младенческих устах народов, выражая собою детский порыв души, до сознательного отражения в художественных образах своих мира и действительности, стремлений и порываний человечества, его счастья и страданий. <...>

<...> Вдохновенный поэт импровизирует свои образы, часто рождаются они бессознательно в его творческой фантазии, но эти образы существуют, они одеты плотью искусства и влияние их на развитие человечества неизмеримо. Вот почему современная критика имела полное право сказать о Пушкине, этом величайшем и благороднейшем представителе Русского духа в мире художественных явлений, что он был у нас *воспитателем художественного чувства в обществе*² с этим званием соединяется многое и заслуга в этом отношении обществу, со стороны Пушкина, чрезвычайно важна и велика. <...>

Действительно, русское общество много обязано поэзии Пушкина. Она, отражая в себе современное ей общественное состояние, в историческом ходе развития русской поэзии, была явлением новым, неслыханным до того времени, а потому так близко пришлась к русскому сердцу. <...> Впервые общество нашло гармонического выразителя своих заветных дум и стремлений и любовалось в любимом поэте своём лучшей стороной своего духа. Звуки его поэзии сделались достоянием всех почти общественных классов, несмотря на глубокое художественное значение своё, доступное пониманию немногих. Такого явления не было в русской

² Сочинения А. Пушкина. Издание Анненкова. Том I. «Материалы для биографии». Стр. 69.*

литературе до появления Пушкина. <...> Причина этого нового отрадного явления, конечно, не лежит в одном достоинстве поэзии Пушкина: оно было приготовлено всем историческим развитием русского народа, оно было следствием того возвышенного порыва народной истории, который мы видели у нас в славном 1812 году. Впервые явилась тогда потребность в литературе, сознаваемой всеми. Но и глубокое художественное достоинство созданий Пушкина имело тут немаловажное влияние. <...> В чём же заключалась эта художественность созданий Пушкина, которая так привлекает к себе душу читателя, так сладко настраивает, затрагивая за живые струны сердца? Могущественное влияние этой художественности заключалось в общедоступности, в общечеловечности образов, создаваемых великим поэтом-художником. <...> в образах пушкинской поэзии мы любуемся не уединёнными, индивидуальными созданиями поэта, а слышим то, что было давно знакомо нашей собственной душе, что жило в ней давным-давно, но чему не могли мы найти приличного выражения. <...>

Его поэзия была мимолётным, блестящим явлением и погибла, как цветок, сорванный ранней бурей. <...> В настоящее время, когда перед нами лежит последнее, по возможности полное собрание его сочинений, его имя опять с прежней свежестью раздаётся в устах каждого русского. Снова как будто он становится нашим современником, снова развивает перед нами блестящий ряд поэтических созданий, снова льёт роскошные волны звуков, полных неувядаемой поэзии. <...>

<...> Поэзия Пушкина, несмотря на то, что двадцать почти лет прошло со смерти поэта, остаётся последним, вполне художественным и совершенным явлением в истории русской поэзии. <...> знающий развитие русской поэзии до Пушкина, найдёт в его поэзии отголоски звуков прежних русских поэтов. Но это только отголоски, а не повторение старого. Поэзия позднейшего времени тем и выше предшествовавшей поэзии, что, заключая в себе прежнее содержание уже в высшем и изменённом виде, приносит к нему начала новые, вытекшие из окружавшей поэта действительности, прибавляет звуки, прежде не слыханные. Поэтому в лире Пушкина слышится что-то родственное с лирами прежних поэтов. Он наследник, которому впрок пошло достояние завещанное, не погубивший и не растерявший капитал, а увеличивший его сторицею.

II.

Русская поэзия, в смысле Искусства, <...> началась в XVIII веке вместе с началом новой нашей политической истории. С тех пор она шла рядом с развитием общества, шаг за шагом за ним, сочувствуя его быстрым успехам, сочувствуя той новой жизни, которую пролил в мёртвые дотоле массы великий гений преобразователя. <...>

V.

<...> Пушкин, оставаясь народным поэтом, был вместе с тем глубоким художником и этим качеством своим, художественностью созданий своих, он стоит гораздо выше всех предшествовавших ему русских поэтов. Создание строгих элементов народности в поэзии и уменье облечь их в блестящую художественную одежду – вот заслуги, оказанные Пушкиным русской литературе, вот за что он занимает такое высокое место в её истории, представляя последнюю ступень её развития. <...> Россия вправе гордиться своим великим поэтом, выразителем духовного богатства народных сил, заключённых им в такую изящную форму. <...>

Общество смотрит на поэта как на натуру возвышенную; оно хочет, чтобы не даром горел в нём божественный пламень таланта; оно хочет употребить в пользу дивные звуки его, чтобы не пустым звоном раздавались они, а были бы органами истины, добра, пользы общественной. <...>

Критика того времени, хотя и не прямо, но высказывала иногда эти мысли Пушкину. Она ждала от него созданий, возникавших в волнениях жизни, кипящих страстными порывами современности, созданий, в которых слышались бы звуки любви и вражды действительности. Эта критика хотела того от Пушкина, чего не мог он дать ей. Его призвание был мир чисто художественной деятельности, далёкой от всего временного. Для него этот мир был страной светлой и спокойной, небом, не возмущаемым никакими земными порывами и наполненным образами, возникавшими только в душе Поэта. Он говорит о себе подобных:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв:
Мы рождены для вдохновенья –
Для звуков сладких и молитв.

И постепенно уходил Пушкин от мира, постепенно уединялся он в светлую область поэзии. Твёрд, спокоен и угрюм, стоял он перед голосом общественного мнения, перед голосом критики, не дорожа любовью народной и с презрением смотря на суд толпы <...>.

<...> Мы можем всю поэтическую деятельность Пушкина разделить на три периода, согласные с событиями его жизни и развитием таланта. Первый период поэтической деятельности его, который можно назвать лицейским, заключает в себе его первые шаги в поэзии, состоящие частью из подражаний, частью представляющие первые робкие, но самостоятельные попытки. Этот период оканчивается появлением «Руслана и Людмилы». Следующий за тем есть период *странствования* Пушкина по России и уединённой жизни в деревне, период, когда зрел его талант и приготовлялся к возвышенным подвигам творчества, освобождаясь из-под могучего влияния Байрона, но волнуясь ещё волнениями житейскими и сочувствуя скорбям и радостям действительности. Третий период представляет нам полное развитие Пушкина как художника, полную свободу и самостоятельность поэта и может быть назван *сознательно художественным*. Здесь он исключительный жрец искусства, чуждый всему земному и живущий в отдалённой и высокой сфере своих созданий. Эти периоды не нами придуманы, но в них легче обозреть жизнь и деятельность поэта, а потому они необходимы. <...>

Поэзия Пушкина не умрёт, пока будет существовать русский язык и русская литература. Его могучий гений говорит нам об этом бессмертии в потомстве русского народа. <...> Русским сердцем мы верим в великую будущность нашего Отечества, мы верим, что будет ещё много поэтов на нашей великой земле, что она даст содержание и силы для многих возвышенных созданий вдохновения. <...>

* Н.Н. Булич ссылается на издание: Сочинения Пушкина : в 7 т. – Т. 1. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина / П.В. Анненков. – СПб., 1855. – 489 с.

Литература

1. Азбукин В.Н. К оценке литературоведческого наследия Н.Н. Булича / В.Н. Азбукин, В.П. Макурин // Романтизм в русской и зарубежной литературе. – Казань, 1974. – С. 113–124.

2. Сидорова М.М. А.С. Пушкин в оценке Н.Н. Булича / М.М. Сидорова // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: тезисы Междунар.

науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – Казань, 1998. – С. 66–67. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.kpfu.ru/science/news/pushkin/p39.htm>

3. Сидорова М.М. А.С. Пушкин в оценке профессоров Казанского университета / М.М. Сидорова // Михайловская Пушкиниана. Вып. 14: Сб. науч. ст. по материалам конф. «У каждого времени свой Пушкин» / Гос. музей-заповедник «Михайловское». – М., 2001. – С. 18–23.

4. Сидорова М.М. О «павлинах» и «божьих коровках»: К истории одной литературной полемики (Н.Н. Булич, Н.Г. Чернышевский, А.Д. Галахов) / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология`2007. – Казань, 2007. – С. 226–233.

4. Воронова Л.Я. Пушкинские юбилеи 1887 и 1899 гг. в Казанском университете / Л.Я. Воронова // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 119–125. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18961435>

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Е.Ф. Будде

О литературных мнениях Пушкина¹ (1896)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.С. Пушкин, натура художника-артиста, глубокая вера в светлую сторону жизни.*

<...> Пушкин был *художником по натуре* и обладал *врожденным вкусом* и стремлением к изящному <...>

<...>

Такая глубокая вера в светлую сторону жизни, в нравственное совершенствование, такое предпочтение даже <...> ошибки, лишь бы эта ошибка держалась на высоте наших дум и чувств, обнаруживает чистоту души поэта <...>. Его натура была натурой художника-артиста, его тонкий эстетический вкус был врожденным его дарованием, и этому вкусу, или чутью изящного, доверяли в нем лучшие люди его времени, ему же сознательно доверяем и мы до сих пор <...>.

<...>

Пушкин своим <...> гениальным чутьем чувствовал, что его *искреннее* увлечение поэзией вызовет в нас такую же искреннюю и сильную любовь к нему <...>.

<...> Пушкин вывел нашу литературу на новую дорогу художественного и национального направления. Это подвиг и дело гения!

<...>

<...> Пушкин привязывался к людям разных мнений, разного образа мыслей единственно на почве общих симпатий к любимому им делу поэзии; это страстное увлечение поэзией служило причиной того, что Пушкин любил всякого любящего поэзию, привязывался ко всякому человеку с поэтическим и литературным талантом, но никогда не сближался с людьми, которые не понимали поэзии и лишены были тонкого вкуса к изящному. <...>

Литература

¹ Будде Е.Ф. О литературных мнениях Пушкина / Е.Ф. Будде. – Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1896. – 28 с.

1. *Андреева Л.С.* Наследие А.С. Пушкина в оценке представителей Казанской лингвистической школы / Л.С. Андреева // Публицистические чтения. А.С. Пушкин: Казанские страницы (по материалам научно-публицистич. семинара 8–9 окт. 1998 г.). – Казань, 1998. – С. 98–114.
2. *Воронова Л.Я.* Е.Ф. Будде как исследователь русской литературы // Л.Я. Воронова // IV Междунар. Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сент. 2009 г.): труды и материалы: в 2 т. – Казань, 2009. – Т. 1. – С. 5–7. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xls.ksu.ru/boduen/bodart_4.php?id=1&num=2000000.

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

А.С. Рождествин

Лев Толстой в критической оценке Мережковского¹ (1902)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.С. Пушкин, примирение языческих воззрений с христианскими.*

Пушкин в глазах Мережковского является у нас пока единственным поэтом, сумевшим примирить идеал язычества с идеалами христианства. И вот в этом-то примирении языческих воззрений с христианскими, по мнению Мережковского, и заключается главнейшая заслуга Пушкина. <...> «Пушкин, – говорит он, – воздух, которым мы дышим, белый свет, в котором мы видим все другие цвета, он – русская мера всего, наш собственный взгляд на всё, он – мы сами в нашей последней, ещё для нас самих не открывшейся глубине; и вот почему узнать его нам так же трудно, как узнать себя, и может быть, разгадать Пушкина – это именно и значит найти себя в нём». <...>

Литература

1. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: научное издание. – М.: Наука, 2000. – С. 7–12. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/merezkhovsky_tolstoj_i_dostoevsky_2000_text.pdf
2. Хайрутдинова Л.Ф. Литературно-критическое наследие А.С. Рождествина // «Казанский телеграф»: литературно-критическое наследие (1893–1917) / Л.Ф. Хайрутдинова. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С. 118–163.
3. Воронова Л.Я. Вопросы критики в трудах Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Критика и ее исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998) – Казань, 2003. – С. 60–70. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publication/2003/kritika.php?sod=15>

Подготовка текста: А.В. Софьина

¹ Рождествин А.С. Лев Толстой в критической оценке Мережковского / А.С. Рождествин. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – С. 3. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С.Пушкина при Императорском Казанском университете; вып.XIII).

История русской литературы второй половины XIX – начала XX века

Горький Максим

Г.Ф. Шершеневич

**Герои Максима Горького
перед лицом юриспруденции¹ (1904)**

Ключевые слова: *русская литература конца XIX – начала XX века, интерпретация, тип бояка, боячество как социальная проблема, искусство и действительность.*

I.

В 1892 году, в газете «Кавказ» появился рассказ «Макар Чудра» за подпись «Максим Горький», которая ровно ничего не говорила читателю. Через три года это имя появляется в одном из наших толстых журналов, а через три года, в 1898 году, появляется первый том собрания сочинений этого писателя. Еще через три года – появляется на сцене первая пьеса, принадлежащая тому же автору.

Весьма быстро имя автора стало пользоваться огромной известностью, не только в России, но и за границей. Его рассказы расходятся ежегодно в необыкновенном количестве экземпляров, его пьесы занимают собою лучшие сцены. Меткие, остроумные выражения, которыми так богаты его произведения, переходят из зрительного зала в жизнь и становятся ходкими, как монета.

Этим необыкновенным успехом автор обязан, прежде всего, своему таланту, данному ему природою. Этот талант – самородок и без отделки

¹ Шершеневич Г.Ф. Герои Максима Горького перед лицом юриспруденции: Публичная лекция, прочитанная 20 февр. 1904 г. в Казани / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 31 с.

блестит так, как иные камни после долгой шлифовки никогда не будут блестеть. Но, помимо литературного таланта, успех Максима Горького обусловливается и содержанием затронутых им тем. Перед глазами читателя раскрылась, как под микроскопом, своеобразная картина жизни «общественного дна» с его населением, этим «почтенным, но не чтимым сословием», с его интересами, запросами, нуждами, отношением к «верхам».

<...>

Особенное впечатление производит то обстоятельство, что Горький не придумал, как бы с этой именно стороны подойти к читателю, чтобы заставить его задуматься над сущностью общественных отношений. Чистая случайность погрузила крупный литературный талант на самое дно, заставила его прожить настоящей, полной жизнью в этом аду, и, вернувшись, поведать другим о том, что сам видел, чувствовал, испытал.

Нас не касается литературная оценка Максима Горького как писателя-художника. Только один вопрос, занимающий литературную критику, не может быть обойден и нами. Это вопрос – насколько верно изображает Максим Горький ту среду, которая по преимуществу фигурирует в его произведениях. Вопрос о верности типов неизбежен там, где предполагается социальная их оценка.

<...>

II.

Предположив верность литературных типов Максима Горького, обратимся к характеристике его героев на основании того материала, который содержится в его произведениях.

Первое, что обращает на себя внимание в его героях – это слабость воли. С первого взгляда это положение как будто противоречит той решимости, с какою бояки, не опасаясь последствий, готовы учинить любой скандал. <...>

Но <...> это не более, как вспышки, после которых немедленно наступает реакция. Между тем, сильная воля оказывается в последовательном и настойчивом стремлении к намеченной цели.

Слабость воли героев Горького выражается в том, что они не могут пристроиться прочно ни к какому делу. Этому мешает то, что Коновалов называет тоскою, а Орлов – беспокойством в сердце. Первый из них – артист-пекарь, которым содержатели пекарен чрезвычайно дорожат, поработав немного, бросает все из-за пустого повода и идет искать чего-то другого, хотя он и сам не знает, чего именно. Орлов, прекрасный

сапожник, охотно бросает свое дело и принимает обязанности служителя в холерном бараке, где своим рвением и сообразительностью заслуживает особого внимания со стороны докторов. Поработав здесь, в новом деле, с увлечением, Орлов тоскует, ищет какого-то нового подвига и... спивается.

<...> «Характер у меня такой, – описывает себя другой герой, – у хохла он как палка, а у меня, как пружина: нажмешь на него – дрожит» (II, 93). Вспомните сцены, которые происходят между содержателем ночлежки, ротмистром Кувалдой, и его клиентами: человек оправился, решил начать жизнь заново, пришел проститься... и дело кончается попойкой, после которой всё идет по-старому. Как странно, почти сказочно звучат в ушах несчастных людей слова старца Луки: «Человек всё может, лишь бы захотел».

Вторая характерная черта героев Максима Горького – это ненависть ко всем установленным правилам морали и приличия и готовность нарушать их при всякой возможности. Эти правила установлены, по их мнению, исключительно в интересах господствующих классов. «Честь, совесть, – говорит Васька Пепел, – тем нужна, у кого власть да сила есть». На обращенный к нему вопрос, есть ли у него совесть, Бубнов отвечает: «На что совесть? Я не богатый». <...> Истинный босяк, говорит уже сам Горький, «любит показать, что для него на земле нет такой вещи, которую он не посмел бы обругать» (II, 13). Этим непреодолимым желанием нарушить правила общежития объясняется любовь цыгана Зобара к конокрадству, потому что он это делал не из корысти и приобретенные кражею деньги раздавал всем, кто хотел (I, 4). <...>

Третью характерную черту рассматриваемого общественного класса составляет отсутствие сознания нравственной связи с какой бы то ни было общественной средой. Босяк бродит по всей России, из города в город, из деревни в деревню. Что ему среда, ее мнение о нем, ее отношение к нему, ее интересы и ее правила общежития. Если ему не понравится в одном месте, он переселяется в другое. Его девиз: где хорошо, там и отчество. Нерасположение к нему среды, в которую он случайно попал, может быть, даже опасность для него с этой стороны, заставят его только переменить место, не вызывая в нем никакого огорчения. Он тем свободен, что он вне общественного мнения, вне того нравственного давления, которое оказывает всякая среда на своих членов, прочно с нею связанных. <...>

<...>

IV.

Таким образом, характерными чертами бояков, какими они являются нам в обрисовке Максима Горького, следует признать: а) слабость воли, б) отрицательное отношение к установленным правилам общежития, с) отсутствие связи с какой-либо общественной средой.

Эти черты, каждая в отдельности, а тем более в совокупности, не могут не представлять некоторой опасности для общественного порядка. На замечание, что никто не имеет права покупать своего счастья ценою жизни другого человека, Емельян Пиляй говорит: «Угу. Да. Это в книжках сказано, но только ради совести, а на самом-то деле тот самый барин, что первый такие слова придумал, кабы ему, значит, туда пришлось, – наверняка бы при удобном случае, для сохранности своей, кого-нибудь обездушил». <...>

Это прямое отрицание всего правового порядка. Собственность, честь, здоровье, даже жизнь граждан, охраняемые законом, в глазах бояка заслуживают уважения только в том случае, если за ними стоит сила. Стоит бояку почувствовать себя сильнее в том или другом случае – и нет никаких препятствий к нарушению этого порядка.

К сожалению, действительность оправдывает это представление об угрожающей с этой стороны опасности. Все чаще доносятся вести о различных выходках бояков, заставляющих каждого испытывать беспокойство и неуверенность в своей безопасности. Этот страх заставляет некоторых обращаться к праву, искать защиты в усиленной репрессии. <...>

<...>

VI.

Вооружившись знанием того, как действует право вообще, посмотрим, нельзя ли воспользоваться гражданскими и уголовными законами для того, чтобы противодействовать антисоциальным стремлениям героев Максима Горького. <...>

Современное уголовное право ставит себе три задачи в борьбе с преступниками: устрашить, исправить, обезвредить. Посмотрим, насколько осуществимы эти задачи в отношении наших героев.

Но, прежде всего, возбуждается вопрос, разве герои Максима Горького преступники, чтобы воздействовать на них уголовными мерами? Конечно, не все они преступники, но, несомненно, все они ближайшие кандидаты в преступники, не все они уже нарушили правовой порядок, но все они опасны для него. Во всяком случае, преступный элемент

настолько преобладает среди героев Горького, что можно пренебречь незначительной величиной, какую представляют те из них, которые пока еще не нарушили ни одного закона уголовного.

Приняв во внимание, с одной стороны, свойство правовой угрозы, а с другой – психологию героев Горького, мы принуждены признать полное бессилие уголовной репрессии в отношении этой категории людей, в виду их уголовной невосприимчивости.

Мы видим, что люди эти отличаются слабою волею. При этом недостатке человек решает под влиянием не сильнейшего, а последнего по времени мотива. Человек неспособен сообразить соотношение мотивов, взвешивать их сравнительную тяжесть. Его поступок есть выражение последнего волевого движения, иногда очень слабого по своей основательности. <...> Его непреодолимо тянет к нарушению правил приличия, нравственности, права, как к водке. Угроза наказанием в это время мало действует на него.

Да и с какой стороны может подойти к боязнику наказание? Под этим именем мы понимаем страдание, намеренно причиняемое органами государственной власти преступнику лишением его какого либо из тех благ, которыми пользуются граждане под защитой права. Какими же благами обладает боязник? Да почти никакими, и благодаря этому – он неуязвим. <...>

<...>

Можно ли направить наказание против имущественных благ? Они состоят из земли, дома, обстановки, мебели, платья, из всех вообще вещей, которые в совокупности составляют наше хозяйство, наш особый мирок. Чем более мы привязаны к ним, тем более боимся потерять. <...> Но боязник? У него нет ни кола, ни двора, ни простой конуры, в которой он чувствовал бы себя как дома. <...> Какое же устрашающее значение может иметь для такого господина денежный штраф или хотя бы конфискация всего имущества?

Обратимся к личным благам: физической неприкосновенности, здоровью, жизни. Промтov говорит, что он рискует единственно только ребрами. И действительно, Максим Горький развертывает перед нами и в рассказах, и в драмах такую картину биться до потери сознания, до изувечивания, даже до смерти, что удивляешься человеческой выносливости. Перед этими обычными для боязника физическими страданиями Фемида принуждена в бессилии опустить свой меч. <...>

<...>

Босяк любит свободу и, может быть, лишение свободы могло бы сдерживать его. Посадим его, за его выходки, в тюрьму, благо это теперь любимое наказание.

При совместном содержании босяк встретит здесь всё то же общество, что и на свободе, и, наверное, лучшую обстановку, чем на свободе. Кто не знает, что зимию, когда босяку природа мешает довольствоваться тем малым, к чему он привык, босяк не без удовольствия посматривает на тюремные двери, где тепло, светло и сыто.

<...>

Наконец, неуязвим босяк и в том отношении, что у него нет связей с общественной средой. <...> Вышел он из тюрьмы и свободно направил свои шаги в любую сторону. Чье неодобрение страшно ему? Какая среда выразит ему порицание? А когда человек одинок, вне связей, наказание, уже перенесенное, совсем ему не страшно.

Если в отношении героев Максима Горького устрашение мало действительно, можно ли возлагать надежды на их исправление? Если исправительная задача уголовного наказания вообще сомнительна, то в отношении босяков это дело безнадежное. Перевоспитать их немыслимо. Не странно ли вообще, что в то время, как в педагогике всё более укрепляется взгляд, что воспитание не должно пользоваться наказанием, в уголовное право проникает взгляд на воспитательное значение наказания. Но позволительно еще спросить – не создает ли тюрьма типичных золоторотцев? По крайней мере, Сатин объясняет свое погружение на дно тем, что просидел четыре с половиной года в тюрьме, где выучился мастерствам вроде шулерства.<...>

<...>

VII.

Итак, мы приходим к безотрадному заключению: герои Максима Горького не поддаются уголовной репрессии. Как же бороться с ними? Нельзя же оставить их в таком привилегированном положении, если ряды их будут пополняться, а каждый из нас будет не уверен в своей личной безопасности. Но эта уверенность – есть высшее благо государственной жизни. <...>

Государству предстоит обширная, но, безусловно, необходимая задача, которая может быть решена не строгостью права, а приобщением к благам культуры всех граждан. Не будем возлагать надежды на доброе сердце, а положимся опять-таки на интерес. Поднять низший класс в умственном и материальном отношении побуждает интерес

самосохранения высших. Если в городах организуется бесплатная врачебная помощь, учреждаются санитарные осмотры, устраиваются дешевые квартиры, от которых выигрывает низшее население, то главным двигателем здесь является опасение эпидемии, от которых могут пострадать невольно и те обитатели, которые поставлены в лучшие условия. К филантропии примешивается изрядная доля интереса, страха за себя, и едва ли не она именно делает больше добра, чем простая благотворительность.

<...>

VIII.

Но неужели нельзя сделать ничего сейчас, чтобы если не искоренить, то хотя бы ослабить социальное страдание?

Ответ подсказывает старец Лука: «Особливо же деток надо уважать... ребятишек! Ребятишкам простор надобен! Деткам то не мешайте жить... деток уважьте».

Взрослые бояки безнадежны, на них приходится махнуть рукой. Конечно, этих несчастных можно согреть теплым участием, помочь материально. Раздача пищи, платья, приискание работы, постройки ночлежных домов – всё это, конечно, хорошее дело. И доброе сердце человека не откажется от таких действий, но пусть оно не внушает разуму, будто этим достигнута цель, разрешена задача. <...>

Но смотреть спокойно, как готовятся среди молодого поколения кадры для пополнения выбывающих бояков – непростительно. Бездействие состоятельных классов в данном случае есть непонимание собственного интереса. Здесь возможна и необходима немедленная помощь средствами и трудом. Здесь, рука об руку, в правильном понимании общности интересов, должны выступить государство и общество. И здесь нельзя ограничиваться несколькими приютами для беспризорных детей. И это дело, чтобы достигнуть результата, должно быть широко поставлено. Необходимы большие денежные средства. Русское общество показало, на какие жертвы способно оно, когда ему грозит опасность извне. Ему нужно только проникнуться сознанием, что внутренняя опасность не менее серьезна, чем внешняя. <...>

Литература

1. Шершеневич Г.Ф. Герои Максима Горького и суд юридической науки. Критический обзор публичной лекции / Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1904.

2. Воронова Л.Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – Т. 150, кн. 6. – С. 7–18. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/54256722.pdf> 3.

3. Воронова Л.Я. Творчество современных писателей в восприятии казанской интеллигенции / Л.Я. Воронова // Пушкинское общество в Казани (1887–1917) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 108–121.

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

Достоевский Федор Михайлович

Н.Н. Булич

**Ф.М. Достоевский и его сочинения:
Историко-литературные очерки.**

I. Первая литературная деятельность (1845–1849)¹ (1881)

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, русская литература XIX века.*

28 января настоящего года в Петербурге умер писатель Достоевский, и весть о его кончине, неожиданной для его близких, посреди усиленной литературной деятельности, быстро разнеслась по всей России, вызывая везде к покойному такие глубокие симпатии читающего и думающего общества, какие прежде никогда не сопровождали в могилу русского писателя. <...> Молодое поколение, пришедшее поклониться его гробу, особенно скорбело о нем, как о «великом учителе». О том влиянии, которое имели на него сочинения Достоевского, свидетельствуют восторженные речи у гроба, сказанные представителями молодежи. Главный смысл этих речей состоял в том, что Достоевский «вместил в своей душе учение Христовой правды»; его благодарили за его «любовь к народу», за то, что «он посмел восстать на унижавших» и за сущность его учения, состоявшего в том, чтобы исчезло на земле страдание, «чтоб никто страдания не ведал».

<...>

<...> Едва ли возможно вполне спокойное отношение к его деятельности: так близко, в последние годы особенно, талант его стоял к русской действительности, такие живые вопросы, близкие к злобе настоящего дня, поднимал он в своих произведениях и пытался произнести времени свой решающий приговор. Этим объясняется и та

¹ Булич Н. Ф.М. Достоевский и его сочинения: (Историко-литературные очерки). I. Первая литературная деятельность (1845–1849): Речь на акте Императорского Казанского университета 5 нояб. 1881 г., читанная заслуженным ординарным профессором Н. Буличем / Н. Булич. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1881. – 48 с.

крайняя противоположность мнений о Достоевском, о смысле и содержании его сочинений, о значении его мысли вообще. <...>

<...>

Суждения о литературных заслугах Достоевского большей частью основываются на прежних приговорах нашей критики. Первые произведения его были встречены и оценены Белинским; другой период его деятельности <...> старался определить Добролюбов. Но при жизни писателя всякая критика его произведений не будет окончательно верным приговором <...>. Оба лучшие критики наши смотрели каждый со своей точки зрения на сочинения Достоевского, оба были правы в условиях своего времени. Но ни для того, ни для другого критика не существовало больших последних романов Достоевского, им был совершенно неизвестен писатель как публицист, как судья современного общества и его явлений, как мыслитель и пророк, указывающий на будущее, призывающий к определенной деятельности, ставящий впереди идеалы и цели стремлений. А между тем, именно эта последняя деятельность и нуждается в положительном историческом определении. <...>

Обстоятельство, что романист, рассказчик более или менее верно придуманных событий из ежедневной жизни русских людей, вдруг поднимается на степень великого народного учителя, пророка, увлекающего за собою сердца, или вызывающего жесткий, страстный, полный боли и ненависти протест, объясняется условиями нашей общественной жизни, нашей мысли, условиями самой художественной литературы нашей. Наша мысль еще не привыкла свободно поднимать и дебатировать вопросы, затронутые Достоевским. Зато давно, едва ли не со времен реформы Петра В^{еликого}, художественная литература наша в типах ею созданных, умела касаться самых живых сторон действительности, шевелила ум и в особенности сердце, указывала на общественные раны и умела даже лечить их. В этом её величайшая заслуга перед страной, перед народом. Все русское духовное развитие за глубину своего содержания обязано больше всего своей художественной литературе. Такого явления мы не встретим в других странах, где существует и наука, <...> где есть и настоящая общественная жизнь, с мнением, выражющимся в свободном слове. <...>

<...>

<...> Писатель – сын своего времени, и это время, так или иначе, одною или многими сторонами своими, отражается в его произведениях.

Двойною представляется трудность говорить о Достоевском в отношениях его ко времени. Она заключается и в условиях нашего слова, и в характере самой эпохи. Литературная деятельность Достоевского продолжалась тридцать пять лет. Эти годы, столь близкие к нам, представляют, может быть, самый замечательный исторический процесс в нашем государственном и в нашем умственном развитии. Они полны в высшей степени разнообразного, часто противоположного движения. <...> Создания нашего творчества выросли по большей части в тяжелой современной борьбе. Чем впечатлительнее, нервознее натура писателя, тем глубже вдумывается он в современность, тем болезненнее, раздвоенное, мучительнее образы, воплощенные им в слово. Те годы, в которые продолжалась литературная деятельность Достоевского, никак не благоприятствовали спокойному, свободному творчеству. <...> Станный и пёстрый исторический мир окружал Достоевского. Надобно отдать ему справедливость: он всеми силами своего ума и таланта старался поймать смысл этого мира и воплотить его в художественные образы, и как часто эти образы, дикие, болезненные, уродливые, свидетельствуют о том мутном источнике, из которого он черпал! Ввести эти образы в жизнь времени, разглядеть, как отражалось оно в них, в связи с обстоятельствами жизни писателя и его внутренним миром, в связи с его душою, гнувшейся и ломавшейся под впечатлениями жизни современной – вот задача будущего исследователя литературной деятельности Достоевского.

<...>

<...> О его детстве, о родной семье, о воспитании и учении его, то есть о самых влиятельных и на всю жизнь действующих факторах внутреннего развития, у нас почти вовсе нет сведений. <...> Несмотря на значительную субъективность таланта Достоевского, из его отрочества, из его детства мы не встречаем в его произведениях особенно мягких и светлых образов. <...> Ни деревня, ни русская природа, поэзия которой была совершенно чужда ему, не появляются в его произведениях как главный фон. Его воспоминания жили, говоря словами одного из его лиц «в мрачном, угрюмом городе, с давящей, одуряющей атмосферой, с зараженным воздухом, с драгоценными палатами, всегда запачканными грязью, с тусклым, бледным солнцем и полусумасшедшими людьми» (Униж. и Оскорбл. 475). <...>

<...>

<...> В 1845 году им написана первая повесть «Бедные люди». Исключительно литературное образование побудило его испробовать себя в сочинительстве. По его собственному рассказу, Достоевский стал автором случайно, «вдруг, до тех пор еще ничего не писавши» (*Дневник писателя* 1877 г. стр. 21). Повесть создалась, очевидно, под влиянием Гоголя, критики Белинского и общего направления тогдашней литературы нашей. <...> Чтение повести в рукописи привело в восторг Некрасова и самого грозного и страшного критика. И это было совершенно естественно: в повести было так много теплого сердечного чувства, и ее незамысловатое содержание уносило читателя в мир незаслуженного страдания, в мир простых людей, которых беспощадно затирает жернов жизни, и неправильных общественных отношений. <...>

Ни один роман Достоевского, считая и последние, не имел такого успеха в обществе, как «Бедные люди». Этому успеху способствовало и тогдашнее общественное настроение, и решающий голос Белинского. <...> Многие, однако ж, из тогдашних читателей поняли и внешние недостатки писателя: утомляющую растянутость рассказа, ненужные повторения и излишнюю плодовитость. Все это приписывали молодости автора, еще не установившегося, не вошедшего в надлежащую мерку таланта. <...>

Что такое эта первая повесть, которою таким блестящим образом началась литературная деятельность Достоевского? Это весьма простой рассказ из жизни тех людей, которые нанимают бедную комнату или «угол» в Петербурге, едят с грехом пополам, отказывают себе в малейшей безделице, считая копейки и берегая кусочки сахара. Все духовные интересы их ограничиваются чтением случайно попавшей в руки книжки или представлением на сцене Александринского театра. Но в этой скучной жизни не умирает человеческое сердце, горит искра чувства, есть свои радости и свои страдания, столь же глубокие, столь же понятные, как и везде, где страдает и радуется человек. <...>

Начинающий романист выбрал и форму, употребляемую неискусившимися в романе писателями: форму писем. Это обстоятельство помешало Достоевскому более глубоким и психологическим образом развить ту несколько странную старческую привязанность Макара Алексеевича Девушкина, которую он питает в качестве дальнего родственника к молодой девушке, брошенной обольстителем, ее купившим. В изображениях жизни, окружающей старика и девушку, мы находим те же симпатии писателя, которые сохранились в нем и в

последние годы и в позднейших, гораздо шире задуманных романах. Таковы у него фигуры бедных детей, загнанных, болезненных и задумчивых. Нищий ребенок, окоченевший от мороза, посинелый от холода, бледненький и запуганный, голодный, кашляющий и чахлый, заглядевшийся на кукол, танцующих у шарманщика <...>, появляется и на страницах «Дневника писателя». Лицо Варвары Алексеевны повторилось и в Наташе романа «Униженные и оскорбленные», и отчасти в Софье Мармеладовой в «Преступлении и наказании», хотя сам Девушкин очевидно нарисован по типу героя гоголевской «Шинели». Перед нами проходят те же лица, которые и позднее повторяются несколько раз, например, этот излюбленный Достоевским тип чиновника без места, исключенного из службы и подчас спивающегося: «такой седенький, маленький; ходит в таком засаленном, в таком истертом платье, что больно смотреть... Жалкий, хилый такой; коленки у него дрожат, руки дрожат, голова дрожит, уж от болезни что ли какой, Бог его знает; робкий, боится всех, ходит стороночкой: уж я застенчив подчас, а этот еще хуже» (*Бедные люди*, стр. 20). Эта фигура, со всегдашнею слезинкою, которая гноится у ней на ресницах, – тот же тип смирения и забитости, каким является и сам Девушкин, человек смиренный, человек маленький. Герой романа – простой переписчик и гордится этим: «Я работаю, я пот проливаю», – говорит он. <...> Правда, и в его голове, особенно когда он выпьет, невольно иной раз поднимаются «проклятые вопросы». <...> И не находит мучительный вопрос жизни ответа в голове бедняка или разрешается смиренным фатализмом: «всякое состояние определено Всеышним на долю человеческую. Тому определено быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно повиноваться» (стр. 88). Но этот низменный фатализм был, разумеется, лишь в голове чиновника Девушкина. Достоевский думал, конечно, иначе и, выставляя свои жалкие лица: оборванных, запуганных бедняков чиновников, дрожавших перед их превосходительством, бедных девушек, которые без сознания, без воли, как цветы под морозом, гибнут жертвами разврата и насилия, болезненно нервных детей с широко раскрытыми глазенками, задумывающихся посреди веселья, с исхудальными, как кисточки, ручками, понимал, какой мир он изображает.

<...>

И громкий успех романа, и одобрение знаменитого критика должны были развить в Достоевском сильное самолюбие, питавшееся еще

другими сторонами того времени. <...> это самолюбие, по большей части развивавшееся до крайних, болезненных пределов, раздражающееся на каждом шагу, грызущее, как червяк, больную душу и вместе с тем пугливое, робкое, плачущееся, доходящее до унижения, до самообвинения, было болезнью целого тогдашнего поколения русских людей, как оно сложилось под гнетущим влиянием домашних обстоятельств. Странные типы людей, разумеется, я говорю о тех только, которые думают и чувствуют, читают и учатся, представляет нам то время, типы, отразившие в себе, болезненно выстрадавшие, выносившие в себе так много исторического горя, что являются перед наблюдателем совершенно больными людьми и физически и морально. Воспитание, которое досталось им на долю, казалось, имело целью своею убить в них молодость и подавить те человеческие стремления, которые соединяются с нею. Перед ними лежали громадные пространства родной земли, сложная жизнь, образовавшаяся историей, которую они хотели понять, но она давалась им только в неясных очерках. Те, которые примирились с жизнью и не делали ей вопросов, у которых в душе не было никаких идеалов, <...> жили весело, и старики с любовью возвращаются к воспоминаниям этой для них счастливой, для других безотрадной поры. <...> Но у людей с незабитой, пробужденной по каким-либо обстоятельствам мыслью, сердце сжалось от странной, новой для них, неизвестной прежде боли. <...> Эта молодежь выступала в жизнь и деятельность без всяких преданий, с ненавистью к школе, которая убивала ее, с разладом семейным, так как они не могли сочувствовать тому, во что верили отцы. <...> Новое поколение, к которому принадлежал Достоевский, было запутано и уныло; под гнетом воспитания и целой системы, оно состарилось рано, как бы не зная молодости. Робкая мысль этих людей уходила внутрь, и лишь там ей был простор рыться в таинственных глубинах человеческого духа, делать самый кропотливый человеческий анализ по большей части странных и аномальных явлений, граничащих с лечебницей для душевнобольных. Кругом все было пошло, прошлого они не знали, впереди никаких упований, и эти люди, озлобленные и больные, находили радость только в отрицании, только в этом патологическом, мелочном диагнозе и анализе явлений духа и окружавшей их, прижатой и до крайности мелкой среды. <...> Перед ними, как неизведенное море, лежала громадная масса простого, серого русского народа в самых ненормальных, ужасающих условиях жизни, масса, изувеченная крепостным правом, запуганная многоразличными

чиновниками, масса, живущая едва ли не в тех условиях быта, которые существовали во время переселения Ариев. И с глубоким горем чувствовали эти больные, надорванные русские люди, что их жизнь далеко отводила их от этого родного народа, что шире и глубже становилась пропасть, разделявшая их, что страшный труд неумолимо зовет их, труд для народа, труд необходимый и неизбежный, а ему со всех сторон грозят препятствиями. Тяжелое чувство беспомощности охватывало человека; оно причиняло нервную, чисто физическую боль, оно могло довести до сумасшествия, до страшных преувеличений галлюцинации, до юродивости. «Хоть бы в сумасшедший дом поступить, что ли, решил я, наконец, – говорит Достоевский, – чтобы перевернулся как-нибудь весь мозг в голове и расположился по-новому, а потом опять вылечиться». Это вовсе не похоже на боязнь сойти с ума у Пушкина, который жалел, что не дойдет к нему за решетку: «и голос яркий соловья, и шум глухой лесов». Достоевский говорит, что и у него была жажда жизни и вера в нее. «Но помню, я тогда же засмеялся, – прибавляет он. – Что же бы делать пришлось после сумасшедшего-то дома? Неужели опять романы писать?..» (*Униженные и оскорбленные*. стр. 72)

С такими чувствами, с таким внутренним душевным настроением прошла первоначальная литературная деятельность Достоевского. Это не был свободно творящий художник, для которого труд есть и освобождение и отрада; его не радовали образы, вызванные к жизни, положенные на бумагу. Это были дети скорби и душевных страданий. У Достоевского не было того свободного творчества, каким в высшей степени владел Гоголь. Ни мелкой наблюдательностью, ни соединением различных черт в один могучий тип, как это было у Гоголя, отличается рассказ Достоевского. Мы не знаем истории его жалких и странных героев; она, по-видимому, не интересует его; он только с сознательной мыслью берет какое-либо лицо и затем с мелким психологическим анализом забирается в его душу и роется в ней, придумывая в голове различные приключения. Герои рассказов Достоевского выросли на почве действительности чрезвычайно мелкой и пошлой; но вместе с тем они и создания болезненного воображения. Во время первой литературной деятельности своей Достоевский, по его собственным словам, «был страшный мечтатель». Он жалуется на «томительное, душное, безвыходное безмолвие долгих бессонных ночей, среди бессознательных стремлений и нетерпеливых потрясений духа». Поколению того времени знакомы эти томительные ночи, когда вся жизнь уходит в грезу. <...>

Таким мечтателем был Достоевский. Слабые нервы, болезненно-раздраженная фантазия, начальные припадки той болезни, которой страдал Достоевский, недовольство окружающим, невозможность высказать это недовольство, «когда чего-то другого просит и хочет душа!» – вот те условия, при которых возникли странные создания Достоевского до 1849 года. <...>

Второй большой рассказ Достоевского (1846 г.) «Двойник. Приключения господина Голядкина», с мучительным и доведенным до мельчайших подробностей анализом сумасшествия старается, как нам кажется, объяснить причины этого сумасшествия (а оно зарождается и развивается перед читателем) именно тем обстоятельством, что в существо унизенное, забитое и запуганное прокрадывается случайно сознание человеческого достоинства, желание таких же благ, какие достаются счастливцам на этом свете. <...> Белинскому «Двойник» не нравился; он видел в нем: «неуменье богатого силами таланта определять разумную меру и границы художественному развитию задуманной им идеи»; находил он и другой недостаток: это фантастический колорит, но, кажется нам, последнее неверно. Двойник, встречающийся на каждом шагу бедного и придавленного героя, мешающий ему жить – не фантастическое создание, а реальный продукт больного мозга Голядкина; сознание его раздваивается и перед нами мучительный процесс этого раздвоения одного и того же характера на две половины. Но и в голове самого писателя должен был совершаться тоже тяжелый и мучительный процесс для того, чтобы с таким неумолимым хладнокровным вниманием, с такою, если можно так выразиться, *сосредоточенною* злобою останавливаться на мелких, ничтожных и больных приключениях Голядкина. <...>

<...> Современная критика упрекала Достоевского за то, что он любит «сумасшествие – для сумасшествия», но это не так: упорное, болезненное и постоянное вращение в сфере идей, близко граничащих с душевной болезнью, которая сама возникала под влиянием социальных причин, была сущностью таланта Достоевского. Оно вызывалось и тою странною жизнью, какую вел он, уже страдающий нервными припадками. <...>

Без изучения духовного мира, в котором необходимо живет писатель, произведения и личность его всегда будут неясны. <...>

Литература

1. Кузнецова Е.Г. Особенности историко-литературного осмысления Н.Н. Буличем творчества Ф.М. Достоевского / Е.Г. Кузнецова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунарнапр. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та (Казань, 4–6 окт. 2004 г.): труды и материалы. – Казань, 2004. – С. 188–192.
2. Сидорова М.М. Изучение и преподавание русской литературы в Казанском университете в XIX веке / М.М. Сидорова // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе: материалы межрегионал. науч. конф. / Ярослав. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2004. – С. 193–198.
3. Сидорова М.М. Н.Н. Булич как исследователь русской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Сидорова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1997. – 27 с.

Подготовка текста: М.М. Сидорова

Короленко Владимир Галактионович

Ф.Е. Пактовский

Идеализм в произведениях Вл. Короленко¹ (1901)

Ключевые слова: русская литература конца XIX – начала XX века, непрофессиональная литературная критика, В.Г. Короленко, особенности творчества, русская литература.

Далеко не всем писателям, чтобы принести «священную жертву Аполлону», приходилось бежать «на берега пустынных волн, в широкошумные дубравы!». Многих из них «божественный глагол» касался тогда, когда им некуда, да и невозможно было бежать... Нечего уже говорить о том, что большинству из них не приходилось «вкусить хладного сна» и «тосковать в забавах мира». Форму, а, главное, идеи для своих созданий покупали они тяжелыми страданиями, нравственными и физическими: каторга, тюрьма и этапы дали Ф.М. Достоевскому идею и форму для «Записок из Мертвого дома»; Решетникову – его «Подлиповцы», эта картина нищеты, с ее невыносимыми страданиями и упорной борьбой с голодной смертью, внушены не минутным откровением и спокойно-поэтическим созерцанием действительности, а собственной голодной нищетой, бесприютной и страдальческой жизнью. Левитов, прежде чем поведать русскому обществу «Горе сел, деревень и городов», побывал на далеком севере, в Шенкурске и потом в Вологде, куда, конечно, загнало его не нахлынувшее вдруг поэтическое вдохновение... Вечный бесприютный странник по столичным чердакам, сырьим темным подвалам, часто без куска хлеба, поведал он современникам о страданиях низшей братии, дал русскому обществу несколько чудных и полезных для общественного развития рассказов, не требуя себе ничего, кроме памяти и уважения к тем идеям, которые воплотил он в своих рассказах. Немало подобных примеров на страницах истории русской литературы! Произведения многих наших писателей

¹ Пактовский Ф.Е. Идеализм в произведениях Вл. Короленко / Ф.Е. Пактовский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 36 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. IV).

«выстраданы» ими, а не были лишь плодом спокойно наблюдающего ума. Тем-то и дороги нам их идеалы: кажется, личная жизнь их творцов должна была бы озлобить их, а между тем самые страдания родили собою чистую любовь, глубокую веру в свою родину...

Некоторые из рассказов В.Г. Короленко, особенно первого периода его литературной деятельности, создавались тоже при тяжелых обстоятельствах. Идея, содержание большинства его рассказов заимствованы им из той жизни, которой он жил, или также, едва не погибая от голода, или во время своих странствий по «тем далеким и угрюмым странам Сибирской тайги, куда Макар загнал-таки своих телят».

Произведения Вл. Короленко интересуют современное общество тем, что они не подходят под господствующий тон современной беллетристики. Художественная литература наших дней, за немногими исключениями, имеет своими темами отрицательные явления современного нам исторического момента развития нашей общественной жизни. Последние произведения современных нам писателей перебрали почти все насущные боли и потребности, обрисовали все мельчайшие черты современного борца с отрицательными явлениями, – наделяя его лишь желательными силами, а не действительными, и идеалами меньшинства, то совсем отказывая современному человеку в активном сопротивлении жизненным невзгодам, как, например, в произведениях Чехова. Конечно, произведения эти имеют свое несомненное значение, помогая обществу ориентироваться в жизненных явлениях, выбраться на торную дорогу. Тяготение к отрицательному направлению литературы само по себе стало историческим явлением, вызванным, очевидно, условиями самой жизни. Оно имеет уже свое историческое прошлое, и стало как бы национальной чертой русской литературы. Господство отрицательной, или так называемой натуральной школы утвердил, как известно, своим гением Гоголь; но признал его и Пушкин, сказавши, что «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло»... <...>

Хотя все это и так, тем не менее, нельзя отрицать важности и необходимости и иного рода словесных произведений. Одно отрицание никогда еще не создавало ничего положительного. Лучшие русские писатели умели всегда брать более сильный аккорд, чем рекомендуемый скорбным поэтом унисон или втору унылой русской песне... Если до читателя, по словам великого критика Белинского, страдания должны долетать музыкальными звуками, то ими же должно влияться в душу

читателя и всё идеальное, возвышенное, прекрасное русской жизни. Аккорд поэзии в ее целом должен быть непременно сложным.

Значение произведений Короленко определяется именно тем, что основное настроение его души, основные мотивы его чудных рассказов проникнуты глубокой любовью к людям. Во всех своих произведениях он доискивается лучших сторон человеческого духа – «под какой бы непроницаемой корой наносной житейской грязи они ни скрывались»... По произведениям Вл. Короленко нельзя, конечно, изучить русскую жизнь в такой степени, как по произведениям Тургенева; в них нет тех колossalных задач, какие ставит в наше время своей гениальной поэзией Л.Н. Толстой. В рассказах Короленко мы совсем не найдем, во что именно из деяний героя его рассказов мы должны верить, что именно любить, но найдем, безусловно, одно – указание, что надо любить, что можно и должно любить, что есть в жизни много высокого и благородного, что только вера в святое, любовь к людям делают жизнь человека осмысленной... Короленко в своих произведениях до известной степени дает читателю те «забытые слова», о которых хотел напомнить пред своей смертью наш гениальный сатирик Салтыков, этот маститый страж святых идеалов. В словах поэзии Короленко заключается та сила, которая необходима в жизненной борьбе и которою владеет симпатичнейший писатель нашего времени.

В своем очерке я коснусь лишь некоторых рассказов Короленко и только с указанной стороны. Во всей силе своего идеального мировоззрения Короленко прежде всего сказался в рассказе «В дурном обществе». Место действия рассказа – небольшой городок Княжье-Вепо. Действующие лица – нищета, которая в силу разных жизненных условий потеряла или не приобрела себе права жить в людских помещениях и иметь кусок хлеба; нищета эта поселилась в ужасных квартирах, именно в подземелье старой заброшенной униатской часовни, стоявшей среди истлевших крестов и провалившихся могил. Весь интерес рассказа состоит в описании жизни и характеров обитателей этих жилищ мертвцевов; в их общество автор ввел маленького сына местного судьи. Отца мальчика, идеального и честного человека, постигло личное горе – он потерял горячо любимую жену, и в период жгучего чувства не обращал внимания на своего сына. Вася – так звали сына судьи – рос, как дикое деревцо в поле: никто не окружал его особенной заботливостью, но никто и не стеснял его свободы.

Впечатлительная детская натура искала себе духовной пищи, и чудным сердцем своим Вася давал оценку всему, что ему приходилось наблюдать в городе. Любопытство загнало его к жителям старого кладбища, и он свел здесь не только знакомство, но и дружбу с теми, которые всею своею жизнью и своим положением вполне заслуживали название «дурного общества». Настоящей жизни этих темных, одетых в жалкие лохмотья, жителей никто в городе, кроме Васи, не знал. «Они не похожи были на обыкновенных нищих. Их отношения к городу имели чисто боевой характер; они предпочитали скорее ругать обывателя, чем льстить ему, брать самим, чем выпрашивать. Они или жестоко страдали от преследований, если были слабы, или заставляли страдать обывателей, если обладали нужною для того силой». Вот концепция рассказа, задуманная с высокогуманными целями. Рассказ раскроет пред нами сокровенные идеалы поэта, обнаружит все, во что верит писатель, ободрит потерявшего веру в жизнь читателя и даст его наболевшей и измученной душе отдохнуть на светлых явлениях – скажет одно из «забытых» миром слов...

<...>

И действительно, читатель покорен, но не силою психологического анализа, не подробностями реальных картин нищеты и бедствия, а тем принципом, что святая святых человека есть любовь к людям. Писателем разбужены все лучшие, благородные чувства читателя, разбужены одной только правдой жизни, а не искусственно подобранными чертами, пробуждена любовь к униженным и несчастным... Автор достиг цели: он нашел отклик своему сердцу – в этом идеальном взгляде на людей и заключается сила влияния произведений Короленко на современное общество. Рассказ неотразимо влечет читателя туда, «где трудно дышится, где горе слышится»...

<...>

Короленко – поэт, главным образом, не европейской России... Страна наша как бы разделена между нашими писателями, и каждый из них брал себе преимущественно один какой-либо край ее, в то же время оставляя себе право и на общее всем владение своей родиной. Свои «поэтические владения», если можно так выразиться, русские писатели не обособляли, не отрывали от целого, от родины, не обособляли и людей; показав их характерные, особенные черты, онисливали их воедино общею чертою – человечности. Таким именно образом Лермонтов владел Кавказом, Гоголь – Малороссией, Пушкин – всей Россией, Тургенев – центральной ее

частью, Аксаков – Оренбургским краем и т.д., и т.д. Короленко едва ли не первый таким же точно образом властно овладел далекой Сибирью – явился ее поэтом во многих своих произведениях; назовем, например, «Ат-Даван», помимо других, также упоминавшихся... При этом чаще всего и главным образом Короленко останавливается в своих рассказах и очерках на вольных и невольных жителях далекой Сибири и их жизни, имея в этом отношении себе гениального предшественника в лице Достоевского, хотя не повторяет его «Записок из Мертвого дома»...

<...>

Тяжелые ли обстоятельства собственной жизни во время невольного пребывания в угрюмых странах Сибири; власть ли тех же обстоятельств над поэтом, когда он уже вернулся в Россию; суровый ли край его поэтических владений или уж слишком тяжелая жизнь его обитателей, все ли, наконец, эти обстоятельства вместе взятые – во всяком случае, что-то мешало поэту «улыбаться» во время создания некоторых, особенно первых по времени, своих произведений, – вообще юмор нужно признать одной из заметных сторон поэтических созданий Короленко. Его мы видим, например, при художественной обрисовке перевозчика через реку Тюлина (в рассказе «Река играет»), слышим в рассказе. «На затмении», особенно ярко проявляется он на сравнительно поздних рассказах (1890 г.) «Судный день» и «Без языка». Характер этого юмора не походит на юмор других писателей наших дней, напр. Чехова. Юмор Короленко скорее напоминает юмор Диккенса и Гоголя. Впрочем, над горькой действительностью Короленко часто плачет и прямо, не скрытыми слезами...

Естественность, правда в поэзии – дорогое, ценное ее свойство; но если эта правда дается в произведениях писателя не только как результат объективных наблюдений и работы философски мыслящего ума, а составляет в то же время идеал, горячую активную веру самого писателя, то правда эта становится для читателя еще дороже. Короленко обладает именно этого рода естественностью и правдою – этим свойством характеризуется и его идеализм. Писатель не отвлеченно, не как беспристрастный художник ярко выставляет все идеальное, достойное любви и участия: он, прежде всего, сам любит это идеальное, сам скорбит с несчастными, верит в победу добра. В созданных писателем лицах мы видим нередко самого писателя, переживающего с ними их настроения. В чистом эпосе Короленко великий лирик, как Лермонтов в «Мцыри»... Он может слиться душою с человеком во всяком звании и при всяком

общественном его положении – если только в душе этого человека горит искра Божия, если в нем есть порывы к добру, правде. В этом слиянии, конечно, нет ничего неестественного: для высоко идеального, для благородного человеческого чувства – нет звания, нет общественного положения... Сущность жизненного идеала, литературного направления Короленко, не может быть оспариваема, как оспаривалось и оспаривается направление других писателей – оно неизменно и общепризнано. Общее мировоззрение писателя – общечеловеческое, христианское и уже вполне литературно-сложившееся. «Едва ли кому придет в голову, – замечает Арсеньев уже при самом начале литературной деятельности Короленко, – назвать Короленко писателем, только подающим надежды. Мы видим в нем гораздо больше и думаем, что ему принадлежит уже и теперь первое место между нашими молодыми беллетристами. Само собою разумеется, что он может пойти дальше, подняться гораздо выше, но если бы даже он оставался на том, что сделал до сих пор, – его имя едва ли скоро было бы забыто у нас»... Для нас Короленко дорог тем, что в его произведениях мы слышим несмолкаемый вечный призыв: *«Люби ближняго, как самого себя»*... Через его поэзию нам становится понятно, что –

До небес ликующая,
До смерти огорченная,
Счастлива только
Душа любящая... (Гете «Эгмонт»).

В идеальных стремлениях нашего современного писателя повторяется нам завет и другого уже давно умершего поэта:

Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там!..

Литература

1. Воронова Л.Я. Творчество современных писателей в восприятии казанской интеллигенции // Пушкинское общество в Казани (1887–1917) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 108–121.

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

Толстой Лев Николаевич

А.С. Рождествин

Лев Толстой в критической оценке Мережковского¹ (1902)

Ключевые слова: *русская литература конца XIX – начала XX века, Д.С. Мережковский, духовный переворот Л.Н. Толстого, отношение к природе, герои Толстого.*

I.

<...> Вышедши из Пушкина, этого идеального язычника-христианина, Толстой и Достоевский близки и противоположны друг другу, как две главные, самые могучие ветви одного дерева, расходящиеся в противоположные стороны своими вершинами, сросшиеся в одном стволе своими основаниями. Лев Толстой и Достоевский, по теории Мережковского, раздвоили и углубили то, что стихийно и бессознательно соединялось в Пушкине. Толстой является последователем Пушкина-язычника, Достоевский – Пушкина-христианина. <...>

Пока Лев Толстой-язычник не пытался сделаться христианином, он, в глазах Мережковского, был естествен, искренен, правдив, возвышен, даже свят. <...>

II.

Зато с непонятной суровостью относится Мережковский ко Льву Толстому, когда этот последний, почувствовав ложь своей прежней (с точки зрения Мережковского, святой) жизни, заявил в «Исповеди», что жизнь людей его круга – богатых, учёных не только не опротивела ему, но и потеряла всякий смысл. <...>

Убедив себя заранее в том, что языческая душа Толстого не может быть христианскою, он [Мережковский. – Ред.] все усилия употребляет на то, чтобы развенчать нравственно-строгую и возвышенную жизнь Толстого. Самые достоверные сведения о личности и жизни Толстого

¹ Рождествин А.С. Лев Толстой в критической оценке Мережковского / А.С. Рождествин. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 31 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып.ХIII).

дают, по уверению Мережковского, художественные произведения Льва Толстого, которые «в сущности один огромный пятидесятилетний дневник, одна бесконечно-подробная исповедь». <...>

Взгляд Мережковского на художественные произведения Толстого как на самый достоверный источник к пониманию жизни великого писателя сразу уже обличает тенденциозность и пристрастность критика. Как бы писатель-художник ни был субъективен, смотреть на его произведения как на исповедь в высшей степени рискованно. В каждой, даже незначительной по объёму, повести, а тем более романе всегда есть несколько типичных личностей. Чтобы сказать с уверенностью, что писатель, особенно не отошедший ещё в область истории, открывает себя в известном именно типе, нужно иметь очень много данных.

По отношению к Толстому, лицо которого, по признанию самого Мережковского, до сих пор ещё является «неразгаданным, неосвещённым», нужно пользоваться его художественными произведениями, в качестве биографического материала с большой осторожностью. И вот этой-то осторожности мы как раз и не видим у Мережковского. Из произведений, которые действительно могут служить отчасти биографическим материалом, он выбирает только те места, которые подтверждают его мысль, а целые страницы и главы, противоречащие его взгляду, он опускает.

В духовной жизни Толстого Мережковский видит двойственность. <...>

Некоторая двойственность желаний и стремлений присуща душе каждого человека <...> Но Мережковский двоит душу Толстого так резко, что действительно получается как бы два Толстых. Мы считаем такое деление души Толстого крайне искусственным, мало обоснованным и потому неубедительным. Обращаясь к жизни Толстого, которую он стал вести после духовного переворота, мы видим, что эта жизнь не только не идёт вразрез с его философским мировоззрением, а напротив вполне согласуется с ним. <...>

<...> Наиболее истинным, искренним он [Мережковский. – Ред.] считает «Толстого-язычника <...>», который «подчинял своё сознание своей стихии». Самый переворот в духовном настроении Толстого Мережковский, наперекор словам самого Толстого, объясняет не духовными причинами, а чисто телесными, стихийными. <...>

Игнорируя все произведения Толстого, в которых везде видна попытка писателя выяснить смысл жизни, Мережковский объясняет

духовный переворот Толстого «глубоко плотскими» причинами, именно – каким-то физиологическим страхом смерти. <...>

Судя по «Исповеди» Толстого, которой мы не имеем никаких оснований не верить, его недовольство своей жизнью началось как раз в то именно время, когда он более, чем когда либо, мог быть счастлив и менее, чем когда либо, мог думать о смерти. <...>

В такие периоды жизни плотские люди обыкновенно менее всего думают о будущем. Если же Толстой среди полного внешнего благосостояния <...> стал чувствовать себя несчастным, то причина эта должна лежать гораздо глубже, чем в простом физическом страхе смерти. Мне кажется, причина эта заключается именно в том, что душа Толстого по природе не язычница, как уверяет Мережковский, а христианка, для которой истинное счастье заключается не во внешнем скоропреходящем благосостоянии, а в осмысленном следовании нравственному закону. И пока душа-христианка не уяснила себе этого закона, до тех пор она не может быть спокойна: она мучится, томится по высшему идеалу. Глубоко мучился и томился и Л.Н. Толстой. «Я заболел, – говорит он в своей исповеди, – более духовно, чем физически».

III.

Низведя духовные муки Толстого к простой боязни лишиться внешнего благосостояния, Мережковский естественно должен был признать духовные страдания Толстого эгоистическими. <...>

Обращаясь к Толстому, критик находит, что он в течение своей жизни испытывает одиночество, не будучи в состоянии по самой своей природе искренно привязаться к кому бы то ни было. <...>

<...> Говорить теперь об эгоизме Толстого по меньшей мере странно. Стоит только остановить внимание на горячей отзывчивости Толстого к всевозможным людским страданиям и бедствиям, чтобы вполне убедиться в том, какою искреннею и пламенною любовью горит его сердце.

В шестидесятые годы любвеобильное сердце Толстого заявило себя в его заботах о народном образовании. Но Мережковский и педагогическую деятельность Толстого низводит в разряд каких-то бессердечных экспериментов над детскими душами. <...>

Что в своих занятиях сельской школой Толстой впадал в крайности, это несомненно. Но несомненно также и то, что самые эти крайности-то свидетельствуют об искренности Толстого, о его всегдашней готовности служить известной идее до самозабвения. Про Толстого никак нельзя

сказать, что бы он был «ни холoden, ни горяч». Он всегда один: или холoden, или горяч. <...>

Любовь Толстого к природе и всем живым существам, кажется, не нуждается в доказательствах. Стоит только прочитать его «Три смерти», «Первую ступень», чтобы ясно убедиться, какую душевную боль испытывает Толстой, видя безжалостное отношение человека к растительному и животному царству. Но строгий Мережковский отказывает Толстому и в любви к природе. «Любит ли Толстой природу?» – спрашивает критик и отвечает: «Если он и любит её, то не как отдельное, чуждое человеку и всё-таки человекоподобное, полное божескими и демоническими силами, вселенское существо, а как животно-стихийное продолжение своего собственного существа, как «душевного человека». Он любит себя в ней и её в себе, без восторженного и болезненного трепета, без опьянения тою великою любовью, которую любили её древние».

V.

<...> Простую, трудовую жизнь Толстого Мережковский старается представить в карикатурном виде. В глазах критика Толстой, отказавшийся от всякого комфорта и роскоши, есть только «совершенный эпикурец» <...>.

Забывая намеренно постоянных и многочисленных посетителей Ясной Поляны, которые стоят семейству Толстого многих хлопот, терпения и даже неприятностей, Мережковский пишет: «В доме Толстых – вечный праздник, вечная игра – то в поле за сохою, то на лаун-теннисе, то на лугу с косцами, то за расчисткою снега для конькобежного катка, то за постройкою печки для бедной бабы». <...>

Мережковскому понадобилось сложить сказку «о вечном празднике и вечной игре» в доме Толстого для того, чтобы этой сказкой доказать свою излюбленную мысль, именно: что в личности Толстого сидят два Толстых – Толстой – язычник-эпикурец и Толстой – христианин-аскет. Второй Толстой призрачный: он говорит и пишет; а первый Толстой реальный: он живёт и действует.

VI.

Та же предвзятая мысль мешает Мережковскому правильно смотреть на Толстого как на художника. Обладая несомненным чутьём, Мережковский отметил в творчестве Толстого много весьма интересных

черт, ускользавших от других критиков. И мы глубоко убеждены, что если бы талантливый писатель в своих суждениях был свободен от предвзятой и весьма мудрёной идеи о личности Толстого, его критический этюд был бы одним из лучших этюдов в русской художественной критике. <...>

Отмечая общепризнанный реализм в художественных произведениях Толстого, Мережковский совершенно верно говорит, что «в отношении Л.Н. Толстого к природе так же, как и во всем его столь многоцветном, многозвучном гении, – ничего призрачного, сумеречно-звездного, мерцающего, подобного лермонтовским «тайным сагам» или пифийскому лепету пушкинской Парки, – ничего сказочного, волшебного, чудесного».

Суждение критика, как видим, справедливое, неоспоримое. Его можно подтвердить каким угодно произведением Толстого. Мережковский высказал это суждение совершенно независимо от своего взгляда на личность Толстого. Но вот как только критик вспомнил, что в Толстом не одно лицо, а два – язычник и христианин, он говорит уже об отношении Толстого к природе совсем другое. «У Льва Толстого, – пишет он, – отношение к природе двойственное: для его сознания, желающего быть христианским, природа есть нечто тёмное, злое, звериное или даже бесовское, то, что христианин должен в себе побеждать и преображать в царствие Божие».

Мы решительно не знаем, откуда критик узнал, что для христианина природа представляется чем-то тёмным, звериным. И в каких произведениях Толстой показал своё отношение к природе как к чему-то злому, бесовскому? Сам критик не подтверждает своих слов ссылками на произведения Толстого; поэтому мы вправе считать их ни на чём не основанной фантазией Мережковского.

Реальное изображение Толстым человека Мережковский весьма удачно назвал изображением «душевного человека». Это название, заимствованное критиком у апостола, действительно, вполне приложимо к героям Толстого. Все они живут жизнью, чуждою всяких мистических верований. Даже простак дядя Аким есть христианин не столько по вере, сколько по природе.

Но Мережковский заходит так далеко, что «душевным» героям Толстого отказывает во всех чисто духовных стремлениях. «Л. Толстой, – пишет Мережковский, – великий творец человеческих тел и только отчасти – человеческих душ, именно в той стороне их, которая обращена к телу, к бессознательным, животно-стихийным корням жизни». В другом

месте критик выражается ещё резче. <...> «Так вот отчего душно; отчего кажется, что в произведениях Л. Толстого воздуха нет, без которого дышать нельзя: душно от плоти и крови, от человеческого мяса. Слишком всё плотское, плотяное, кровяное, мясистое».

Считаем лишним опровергать столь странные суждения Мережковского: «Кто читал сочинения Толстого без предубеждения, тот, конечно, знает, что в основе каждого художественного произведения Толстого лежит не изображение человеческого тела, а изображение человеческой души». <...>

VII.

От художественного творчества, сведённого к описанию человеческих тел с их страстиами, странно было бы требовать создания героических личностей. <...> И Мережковский действительно утверждает, что в произведениях Толстого «нет характеров, нет личностей, нет даже действующих лиц, а есть только созерцающие, страдающие, нет героев, а есть только жертвы, которые не борются, не противятся, отдаваясь уносящему их потоку стихийно-животной жизни. Только что вынырнув, показавшись на поверхности, эти человеческие лица, тотчас снова поглощаемые стихиями, уже навеки погружаются и тонут в них». <...>

Сожаление критика об отсутствии в произведениях Толстого того, что древние называли «катастрофою», даёт нам возможность разгадать, почему Мережковский не нашел у Толстого не только героев, но даже действующих лиц. Нам кажется, что критик понимает героизм слишком школьнически. По школьной теории словесности, героям непременно должно быть лицо величественное, оно должно произносить эффектные монологи, кричать о своих смелых намерениях, негодовать на все встречающиеся ему на пути преграды, бороться с этими преградами без страха и смущения – и, в конце концов, гордо и величественно пасть в неравной борьбе.

У Толстого таких героев, действительно, нет, и он их не признаёт. Но из этого не следует ещё, что у него нет героических лиц. Мережковский видит героизм в видимом величии, в «ударах грома и ужасах молнии», Толстой видит героизм, или точнее высшее проявление духа, в простоте, в правде, в смирении. <...>

Смотря с этой точки зрения на действующих лиц произведений Толстого, мы видим между ними много героянья. Героизм их

заключается не в пышных речах, не в эффектных позах, а в строгом исполнении семейных обязанностей, в упорных исканиях истины, в безмолвных страданиях за правду и борьбе с пошлостью жизни. <...>

Гениальные творения Толстого до сих пор, строго говоря, не оценены ещё критикой, почти всегда недружелюбно относящейся к оригинальности. И быть может, пройдёт много-много лет, прежде чем истинно-художественные произведения великого писателя предстанут во всём своём величии и люди уразумеют их глубокий смысл.

Литература

1. Воронова Л.Я. Вопросы критики в трудах Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Критика и ее исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938-1998). – Казань, 2003. – С. 60–70. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publication/2003/kritika.php?sod=15>
2. Хайрутдинова Л.Ф. Литературно-критическое наследие А.С. Рождествина // «Казанский телеграф»: литературно-критическое наследие (1893–1917 гг.) / Л.Ф. Хайрутдинова. – Казань, 2000. – С. 118–163.

Подготовка текста: А.В. Софьина

Тургенев Иван Сергеевич

Н. К-ий [Н.Н. Булич]

Две повести г. Тургенева: «Накануне» и «Первая любовь»¹ (1860)

Ключевые слова: русская литература второй половины XIX века, И.С. Тургенев, повесть, критика.

Каждое новое произведение господина Тургенева, только что разнесутся в обществе слухи о скором появлении его, ожидается с лихорадочным нетерпением, читается с жадностью; толки о нем не умолкают долгое время; живых людей называют именами лиц, созданных воображением поэта; выражения их и любимые фразы надолго входят в обыкновенный разговор, усваиваются обществом. Ясное свидетельство того, в каком близком, в каком тесном отношении к русскому обществу находится талант господина Тургенева. Мы до того привыкли к периодическим явлениям произведений этого писателя, что в каждом из них невольно ждем чего-то нового, прежде неслыханного нами <...>. Впрочем такое ожидание очень понятно, если мы вспомним существенные стороны таланта господина Тургенева, если мы обратим внимание на то именно, что составляет содержание его произведений. Талант этот растет перед нашими глазами, но он растет не одиноко, он растет вместе с нами, растет вместе с русским обществом, вместе с той общественной средой, к которой принадлежат задуманные и призванные к жизни господином Тургеневым лица его повестей и рассказов. Вглядываясь пристально в галерею живых портретов этого прекрасного мастера, вы изучаете постепенное развитие сознания, вы видите, что с каждым новым произведением черты делаются резче и определеннее, что больше мысли, больше сердца светится в глазах этих портретов <...>. За примерами ходить недалеко. Возьмите любой рассказ Тургенева из прежних лет, возьмите любую героиню его прежнего времени и сравните с теми лицами, с теми героинями, которые появляются и действуют в

¹ Н. К-ий. [Булич Н.Н.] Две повести г. Тургенева : «Накануне» и «Первая любовь» («Русский вестник», январская и «Библиотека для чтения» - мартовская книжки) / Н.Н. Булич // Русское слово. – 1860. – № 5 (Май). – Отд. Критика. – С. 1–38.

последних рассказах его, и вы легко увидите духовное преображение, совершившееся с лицами, а, следовательно, и с жизнью. <...>

Нигде так наглядно не представляется рост общества человеку мыслящему, как в повестях господина Тургенева; со временем, будущий историк нашего общества посмотрит на них как на документы нашего общественного сознания. Да, при всем нашем глубоком уважении к прекрасному таланту господина Тургенева, мы уверены, что нравственное содержание его типов дается жизнью и не зависит от его таланта. Талант дает им более или менее законченную форму: он пересаживает их из действительности в область фантазии; он окружает их любовью или ненавистью, но не создает их <...>. Господин Тургенев принадлежит к тем чутким, к тем богато развитым людям мысли, которые жадно прислушиваются к жизни действительной, ловят ее неуловимые звуки <...>. При этом живом отношении к действительности, любовь и симпатия, составляющие содержание таланта господина Тургенева, позволяют ему улавливать каждый звук, каждый образ, на многое находить ответ в себе и, преимущественно, на явления общественные. Вот поэтому-то господин Тургенев – любимец русских читающих людей, и они давно уже привыкли восторженно встречать каждое новое произведение его, полагая найти в нем ответ на заветные думы, надеясь подстеречь в нем художественный образ того, что волнует и мучит душу, что неясно, смутно, неопределенно волнуется в настоящей действительности, и что только в красках и образах художников получает вечную форму. Вот поэтому-то слух о появлении нового романа господина Тургенева заставил всех ожидать его с нетерпением, читать его с жадностью, задумываться над скрытой в нем, но невольно выставляющейся мыслью. Самое название его, со своим символическим намеком, которому можно придать очень обширный смысл, указывало на мысль повести, заставляло догадываться, что автор хотел сказать что-то больше того, что заключено в его художественных образах. Не мы первые высказываем мысль, что русское общество переживает переходную эпоху; явления нашей общественной жизни, реформы вековых учреждений, смутное брожение в умах, эти силы, этот пыл молодости, часто растрачиваемый на пустяки и вместе с тем свидетельствующий о жизни, заключенной в них, все это указывает, что общество должно измениться, <...> что старых людей, измученных и дряблых, вынесших на плечах своих много тяжелого, людей очень умных, но не практических, отлично иронизирующих, все понимающих, но не способных на дело, должны

сменить иные, новые люди, выросшие совершенно для другой деятельности и при других общественных условиях. Человек, перед которым не напрасно проходят явления жизни, ясно видит, что мы живем *накануне* <...> этого общественного перелома <...>.

Новая повесть господина Тургенева «Накануне», в которой автор, как будто покончив с типами доселе им любимыми, пытается создать новых людей, ожидаемых обществом, встречена была такими разнообразными толками и противоречащими суждениями, какими не сопровождалось еще ни одно из его произведений <...>. Порицали автора за то, что, взяв своего нового героя из Болгарии, он как будто этим хотел сознаться, что земля наша велика и обильна, и много производит прекрасных личностей, а Инсаровых в ней покуда еще нет, так что приходится их, как норманнов или литовцев, выписывать из-за моря.

Точно ли господин Тургенев заслуживает упреков порицания, и не виновата ли сама жизнь в том, что первый встречающийся в нашей литературе тип Инсарова, человека целого, не раздвоенного и не подорванного, человека, у которого слово и дело сливаются в одно, у которого нет готовых на устах, но никогда не применяемых к делу фраз, который не задумывается над любовью, или ненавистью, над долгом или страстью, который весь отдался великому делу, совершающему им без парада и шума, без риторики и кривляний, что тип Инсарова вышел не вполне удачен и не удовлетворяет нас? <...> Да, виновата среда, если лицо Инсарова в русской повести кажется нам иностранным; автор сам чувствовал неловкость своего героя, если б он родился в русской коже, и выписал его из Болгарии. Нам горько и больно это обстоятельство, но делать тут нечего, и мы покорно клоним голову перед неизбежным произволом автора, но за то радостно приветствуем этот новый, невиданный дотоле в русской литературе, а, следовательно, и в жизни, образ <...>.

Содержание «Накануне» все основано на любви, составляющей пафос повести, в которой пробуются разные характеры и где победителем является болгар Инсаров, подчиняющий себе вполне один из лучших женских характеров, когда-либо созданных Тургеневым. До сих пор женщины господина Тургенева стояли гораздо выше мужчин; теперь он, по-видимому, ставит своего героя выше этой Елены. Взглянем прежде на эту прекрасную девушку повести, посмотрим, почему ей из всех ее окружающих лиц возможно было полюбить только Инсарова и никого

другого, почему один этот человек, натура далеко не талантливая и не поэтическая, остался победителем между другими.

<...>

Отрывки из дневника Елены указывают нам то состояние ее души, когда она познакомилась с Инсаровым. Состояние это – девушки, развитой духовно, которой только любовь дает последнее определение. Всё окружающее так пошло и так ничтожно; привязаться ей не к кому. Оттого у неё нет покоя, оттого ей грустно и тошно так, что она завидует пролетающим птицам. <...> Как могла бы она полюбить, каким бы могучим счастьем окружила она человека, выбранного душой ее. Она никогда не мыслила, не чувствовала вполовину. И вот наступает для нее этот период блаженства, эта долгожданная, долго призываляемая любовь, и русская литература обогатилась несколькими страницами такого блестящего описания страсти, страницами, полными роскоши молодого и свежего чувства, полными волшебного обаяния любви, какие редко случалось перечитывать нам доселе. <...>

Кому же отдалась эта девушка, эта чуткая душа <...>, отдалась вполне и безраздельно? <...> Четырех молодых людей выставляет автор претендентами сердца Елены. Каждый из них и благороден, и чист, и достоин всякого сердца женского, но один из них выше остальных трех. <...> Чем он достойнее остальных известных и знакомых нам личностей, которых не раз господин Тургенев подвергал беспощадному анализу, где соединялась тонкая ирония с грустным сожалением?

Непосредственная, художественная, блестящая натура представляется нам в лице художника-скульптора Шубина. Здоровье и молодость, беспечность, самонадеянность, избалованность невольно привлекают к нему. <...> Это тип так называемой широкой натуры, доведенный здесь до изящества, до грации, освобожденной от всего грубого, дикого, удалого, выполненный той сдержанной, законной гармонией, которая проникает все существо Шубина. <...> Шубин – представитель целого поколения молодых русских людей, <...> которые вследствие независящих от них обстоятельств, выбрали своей деятельностью изящное наслаждение жизнью <...>. В нем много обаяния, *шарму*, как говорит он сам. <...> В сравнении с Инсаровым он вовсе не дрянь, но Елена никогда его не любила, как сама признается. Что для ее натуры с вечной жаждой добра могла значить эта красивая, блестящая личность с ее иронией и эпикурейской бездеятельностью?

Теперь другой тип, который несколько подействовал на сердце Елены, так что ей казалось одно время, что она любит его – Берсенев, человек хорошо воспитанный, кандидат Московского университета, с лицом, выражающим привычку мыслить и доброту. <...> Любимая мечта его, цель его жизни – сделаться профессором. <...> Его идеал – эта деятельность слова в аудитории, этот свет мысли, постепенно пробивающий густую тьму, эта просвещенная борьба со злом, которой он хочет отдать всю свою жизнь, выбирая орудием борьбы – науку. <...>

Третий молодой человек, третий тип – жених, выбранный дочери благоразумным родителем, идеал родительской власти, идеал маменек, прекрасный муж, по понятиям наших семейств. <...> Он отличный работник по канцелярской части, делец, – человек положительный и честный <...>. Но Елену оттолкнуло от господина Курнатовского то, что лицо это мертвое, лицо невыработанное жизнью, не живое <...>. Он пойдет далеко, будет где-нибудь губернатором, не задумается над действительностью, не сломается ею, но счастья любящей женщины не сделает.

О четвертом лице, об этом свистуне – Лупоярове – говорить нечего. Он весь выразился в том трещании, которое раздается в конце повести <...>

Таковы представители поколения, окружающего Елену, представители хорошо нам знакомые и из жизни, и из верных портретов, написанных г. Тургеневым. Долго обращался он с этими лицами, то иронически выставляя их на суд современников, то выражая к ним грустное, полное любви сожаление. Как бы сами ни виноваты они были в своей пустоте и бездеятельности, в недостатке воли, необходимой для деятельности, в своей бесполезности, в гамлетовском эгоизме и отчасти эпикуреизме, в недостатке самопожертвования и веры, без которых ничто прочное и великое не совершается на земле, нам нельзя огулом обвинить их всех; нельзя отказать им в сожалении и участии. В их бесполезности виновата многое и история страны, и среда общественная, и разные обстоятельства. Тут безвыходный логический круг; одно явление поддерживает другое, опирается на другое; причины и следствия связаны. Обыкновенно эти люди <...> оправдываются в своем бездействии тем, что их никто не брал на работу, что никому не нужны были их руки... <...> но <...> пусть признаются они, положа руку на сердце, готовы, способны для деятельности, если б действительно призыв раздался. В глухом бездействии, в изящном наслаждении жизнью, в абстрактной науке, в

вечном холодном размышлении над самими собою, убивающем жизнь, в машинальном исполнении своих обязанностей, они разучились действовать, они потеряли способность и на жертву, и на увлечение, необходимые для всякой деятельности. Все они очень умные люди, а потому, без всякого сомнения, сами признаются в своей ненужности. Что делать? <...> Мы не отвернемся от них и дружелюбно протянем им братскую руку, потому что знаем связь общественных явлений между собою, потому что сами сделались жертвами их, потому что и нам привелось страдать с ними общим страданием, бестолковым и глухим <...>. Инсаров – это контраст всем остальным мужчинам повести господина Тургенева, это Дон-Кихот, которого недавно поставил он в противоположность Гамлету в своей речи об этих характерах. Мысль речи и мысль повести одни и те же. Одновременное появление обоих произведений заставляет делать невольное сближение между ними. <...> Конечно, русское общество должно быть благодарно господину Тургеневу, что после долгого обращения с болезненными личностями, с неудовлетворяющими начинающейся жизни людьми, обратился к живому человеку, составленному из жертвы, веры, сознательной деятельности, которых жаждет наша жизнь, как знайное поле дождя. <...>

<...>

<...> Эта-то общая цель народа, которою проникнут Инсаров, это отданье всего себя общему делу, великой идее борьбы за родину и делает Инсарова существом гораздо высшим всех действующих в повести молодых людей, у которых цели или эгоистические, или далекие. <...> Чувство, долг и жизнь слились в этом человеке в одно целое. Оттого он и взял обеими руками прекрасное сердце. <...>

<...> В Инсарове нет ни одной черты, напоминающей наше отчество. Все чужое, все не наше. Вместо неопределенчившихся черт характера, вместо волнующейся, неустановившейся личности, мы видим твердый, железный характер, упрямую волю <...>. В нем нет той сложности, той ухищренности, которыми отличаются наши люди, произведения болезненного и долгого развития, явившиеся вследствие непоправимого разрыва с народом и народностью. <...> Во имя чего ставится он за идеал для подражания русским людям, каким очевидно хотел поставить его господин Тургенев? До сих пор господин Тургенев самовластно, деспотически, распоряжался со всеми русскими характерами, которые действуют в его рассказах <...>. Один только Инсаров <...> – характер идеальный, возвышенный, конечно выше всего

его окружающего, и автор не свободно стоит перед ним. Неужели же он сделал его идеальным из уважения к чужому, чего нельзя переделать, с чем нельзя поступиться критически? Говорить и доказывать это значило бы оскорблять нашего автора. Цель его гораздо выше. Инсаров является героем в русской повести, как представитель *общечеловеческих* начал <...>. Понятно, что господин Тургенев, талант чрезвычайно чуткий на понимание явлений общественных и нашего развития, томится тою же жаждою *новых людей*, какою томится наше общество. И он, как и все мыслящие русские люди эпохи, нами переживаемой, понимает, чего не достает русской жизни. <...> Этот идеальный характер был необходим как образец для подражания, как урок поколениям, и автор поневоле должен был взять его из чужбины, поставить его в контраст с явлениями нашей жизни и принести ему в жертву лучший цветок этой жизни.

<...> Совершенно справедливо, что Инсаров не удовлетворяет нас, русских, но в этом недостатке виноват не талант господин Тургенева, а сама жизнь, не успевшая или не могущая нам дать своего Инсарова. <...>

<...>

Если «Накануне» вызвало столь разнообразные толки и в обществе, и в журнальных статьях <...>, то «Первая любовь» должна была удовлетворить всех. <...>

«Первая любовь», не касаясь <...> общественных вопросов, проникнутая вся глубокой поэзией любви, изображать которую такой удивительный мастер господин Тургенев <...>. Начав читать эти страницы, нельзя оторваться от них до конца. Поэзия чувства разлита в них щедрою рукою. Живые лица повести все охвачены потоком любви, окружены волшебным светом, в котором всякий предмет получает яркие цветы. <...> Тайной прелестью действительных воспоминаний первой любви, молодым восторгом и молодою скорбью веет от этих горячих, страстных страниц. <...>

<...>

Но главная прелесть его состоит в передаче симптомов страсти в молодом сердце, в первом волнении и первом трепете его и горе ревнивого чувства. Мы могли бы назвать этот рассказ о любви глубоким психологическим этюдом, если б в нем не заключалось так много действительно прочувствованного, прожитого сердцем. <...>

Подготовка текста: М.М. Сидорова

Успенский Глеб Иванович

Д.П. Шестаков

Семья и народ в произведениях Гл. И. Успенского¹ (1903)

Ключевые слова: *русская литература второй половины XIX века, Г.И. Успенский, биография, народ, семья.*

I.

После кончины Глеба Ивановича Успенского, в речах и венках, принесённых к его гробу, его называли «страдальцем», «мучеником», «борцом за свободу», «незабвенным учителем» (так «педагогически» определили писателя гимназисты). <...> Словом, похороны глубоко искреннего писателя носили все типические черты эффектных петербургских похорон, похорон писателя, знаменитости, страдальца.

Петербургской публике пора было громко заявить своё сердечное сочувствие к писателю. За последние десять лет, с тех пор как свезли Успенского в лечебницу умалишённых, никто, разве только ближайшие друзья, не говорил и не вспоминал о Глебе Успенском. Забвение, злорадно подстерегающее лучших русских людей, наступило для Успенского обидно скоро. Литературные друзья пытались напомнить о нём публике, пытались растолковать, какую большую сочувственную силу потеряло общество в Успенском. Эти дружеские усилия поняты превратно. Одно время, передают газеты, открылись «визиты соболезнования» в лечебницу к больному Успенскому. <...>

Каким запоздалым и ненужным признанием являются после этого всего все венки, речи, стихи у могилы. <...> Во всех этих посмертных чествованиях наблюдается больше партийности и популярничанья, чем подлинного траура. А Глеб Иванович Успенский, как каждый самобытный талант, широк и самостоятелен в своих произведениях. Оставаясь, по свойствам истинного дарования, всегда вне партий, он только в силу широты своей всегда же

¹ Шестаков Д.П. Семья и народ в произведениях Гл.И. Успенского / Д.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. – 44 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XXIV).

особенно легко присваивался той или другой партией в свой приход. <...> самой точной, проницательной и беспристрастной оценки значения писателя надо ждать от той среды, мыслью о которой была полна вся его деятельность, тяготы которой он, как пастырь добный, взял на свои плечи, чтобы напоследок сломиться под непосильной ношей. Глеб Успенский имел утешение услышать из уст народа такую оценку своей деятельности. <...>

И «учителем» Г.И. Успенский мог показаться только на поверхностный взгляд. Человек, безусловно, искренний, он всегда прямо и до конца высказывал свои убеждения. Но убеждения эти, убеждения талантливого и до боли нервного человека, не были ни всегда последовательными, ни неизменными. Возьмём отношение писателя к деревне и мужику, занимающее центральное место в литературной деятельности Успенского. Это отношение, как видно из изучения сочинений Глеба Успенского, пережило вместе с самим писателем несколько фазисов. Сначала Успенский очевидно идеализирует русского крестьянина. <...> Ближе к истине и исторически понятнее другой мужик позднейшего рассказа Успенского; этот «не различал хорошего барина от худого, злого от доброго, не жадного от жадного; все они были для него равны – враги, которых надо всеми способами истощить, одурочить, разорить, извести и сжить с лица земли» («Урожай»).

Потом писатель взглянул на народ трезве, – единственно трезво, как ему тогда казалось. Отношение крестьянина к земле представилось ему в виде твердой, определённой и исчерпывающей формулы: *Власть земли* <...> Всё больше открывается писателю, что не одним хлебом земным жив деревенский русский человек. Всё заманчивее рисуется ему иная, незнакомая Русь, Русь не сохи, а большой дороги, не посёлка, а странничества. Пилигримом, пилигримом за верой и правдой представляется Успенскому русский народ. И кто знает, до каких окончательных заключений дошёл бы горячий искатель, если б не перешла ему дороги роковая болезнь.

Первые корни недуга, рано вырвавшего из жизни талантливого писателя, кроются в его детстве, в семейной обстановке. К ней и надо нам обратиться ранее всего, если пожелаем установить правильный и спокойный взгляд на Глеба Успенского.

II.

Всё своеобразие личной и писательской судьбы Успенского происходит от того, что писатель не знал правильно и здорово протекающего детства. <...> Его родным домом был дом дореформенного провинциального

чиновника, <...> каким же глубоким мраком веет от первого детского воспоминания Глеба Успенского. Всем известно, что такое был русский чиновник доброго старого времени. <...>

Человек этот был, прежде всего, глубоко несвободным и несчастным. Начало недовольства жизнью лежало для такого деятеля в резком несоответствии молодых мечтаний о жизни с подлинной её действительностью. <...>

Детское сердце слишком чутко воспринимало правды и неправды жизни. И жаждущую жизни молодую силу влекло непобедимо из той среды, где всё глухо молчало, и молчанием покрывались воры и поборы, в ту среду, где люди говорили, и говорили свободно. <...>

И вот что решительно определило дальнейшие отношения, отношения всей жизни Успенского к народу. Это то, что действительные его любимые учителя и наставники из народной среды кончали всегда дурно; и рядом с этими побеждёнными успевающие победители жизни и представляли в неприглядном нравственном свете. <...>

Душа маленького наблюдателя росла и пробуждалась вместе с общественной душой. <...>

<...> Когда и как зародились в Успенском собственно литературные интересы?

Газетные некрологи Успенского отмечали, что ещё дома он получил хорошее литературное образование, основанное на знакомстве с *Пушкиным*, *Лермонтовым* и проч. Это едва ли верно. Правда, в сочинениях Успенского попадаются цитаты из поэтов, иногда неожиданные <...>. Но вряд ли в привычной чиновничьей обстановке, описанной Успенским, между «большим красным киотом с просфорами в бумажках» (Соч. I, 153)² и шкафчиком с водкой оставалось место для книжного шкафа. <...>

Вполне характерно для нашего писателя, что и первым пробуждением литературных интересов Успенский был обязан, кажется, человеку из народа. <...> Между другими детскими воспоминаниями он тепло и трогательно припоминает одну «книжную лавку на толкучке, красный нос её хозяина, сего страсть к литературе и литературные мнения». Этот доморощенный просветитель, приютившийся со своим книжным скарбом в углу табачной лавочки, «покупал у гимназистов книги и снабжал чтением бедных людей» («На старом пепелище»).

² Автор ссылается на издание Успенский Г.И. Сочинения. В 2 т. Т.1 / С портр. авт. и вступ. ст. Н.К. Михайловского. – 3-е изд. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлиха, 1889. – 1255 с. – Примеч. ред.

III.

<...> Успенский, вне сомнения, много шире современного популярного беллетриста. <...>

Только в одной области ранних литературных произведений Глеба Успенского ему изменяет его чудесный, свободный юмор. Зная детство нашего писателя, можно наперёд решить, какая это область. Чуть дело коснётся семьи, весёлый, бодрый юмор Глеба Успенского превращается в колючую, злую сатиру, сатира нередко выражается в нехудожественном шарже. Писатель точно мстит чужим семьям за неудачность собственной семьи. <...>

Нота, раз данная детству Глеба Успенского, повторяется потом и звучит во всех его произведениях: насколько он не вовсе прав к семье, настолько справедлив и всесторонне внимателен к народу. Народ, раз заменив семью для Успенского в детстве, остался семьёй писателя и на всю его жизнь.

<...> Я думаю, уместно будет отметить и объяснить отсутствие самостоятельного пейзажа в произведениях Успенского. Именно идеей его о « власти земли » это отсутствие объясняется. Если земля и её деревенский обитатель стоят в такой неразрывной между собой связи, то пейзаж, красота природы сами по себе непонятны нашему писателю. Как каждый художник, Глеб Успенский любит родную природу. В его сочинениях, в его письмах часто попадаются следы бескорыстного художнического любования этой красотой. Но пейзаж чужд Успенскому, если не оживлён человеческим стремлением, трудом, заботой, личным и семейным строительством. <...>

Как народник, как художник, Успенский болезненно чувствует резкую разницу между идеальной, небесной мыслью церкви и земными её выражениями. С чудесной, волнующей художественностью вскрывает он старинное, идеальное значение храма, этого всенародного приюта веры и правды. <...>

IV.

В личной биографии Глеба Успенского не раз повторяются шаги и переломы, совершенно аналогичные с такими же переломами в общенародной жизни. <...>

На таком чисто материальном разумении жизни не мог успокоиться Глеб Успенский. <...>

Психологическая черта Успенского – способность почувствовать чужое, народное, своим и своё, семейное, чужим <...>.

Внешним результатом постоянных путешествий Глеба Успенского было широкое и разностороннее наблюдение народной жизни, во всём многообразии её местных, племенных и сословных особенностей. Современному наблюдателю приходится торопиться уловить эти особенности, потому что все их неумолимо стирает современная общеевропейская цивилизация. <...>

<...> От внешнего разнообразия наблюдаемых в путешествиях людей писатель переходит к внутреннему разнообразию. И как внутренний результат скитаний Успенского, в его сочинениях, чем дальше, тем яснее определяется более глубокое понимание смысла народной жизни. Не одна земледельческая, оседлая Русь привлекает теперь внимание писателя. Он находит, что внутренний смысл крестьянского миропонимания едва ли не яснее обозначается в Руси бродячей, в Руси страннической.

На два основных типа подразделяет Успенский бродячую Русь. Это, во-первых, люди, пускающиеся в странствование из материальных, по-видимому, побуждений, на самом деле прикрывающих цели более глубокие, идеальные. Это, во-вторых, странники с идеальными, на первый взгляд, запросами, которые при ближайшем разборе оказываются прямо и глубоко материальными. Разумеется, не последний тип русского странника – идеал народного писателя.

Близкое знакомство с народной душой, с одной стороны, природный юмор, не вовсе сломленный трудностями жизни³, с другой – подсказывает Успенскому удивительно меткий портрет странника из мещан, «обуреваемого единственно съестными целями». Этот своеобразный паломник круглый год бродил по обителям не для молитвы собственно, а ради сравнительно-гастрономических изучений. <...>

V.

Путешествие, дорога, помимо ближайшего знакомства с русским народом, имели для нашего писателя ещё и узколичное значение. Это было для Успенского лучшее лекарство от расстроенных нервов, от мучительной тоски, временами тяжело на него нападавшей. <...>

Как близко напоминают эти настроения последний, скитальный период жизни Гоголя. И печальный конец скитаний Гоголя был концом Успенского. Настала минута, когда и дорога перестала «брать под свою

³ «Обычным тоном» обычновенных бесед Г.И. Успенского была, по словам В.Г. Короленко, «какая-то сдержанная глубокая печаль, по временам вдруг уступавшая место вспышкам тихого юмора».

защиту» безнадёжно расстроенное сердце. Пришло время, когда над всеми надеждами иисканиями взяло верх давно посещавшее Успенского по временам безнадёжное настроение, в котором вся жизнь русского народа представлялась ему в виде одной угрюмо-чёрной картины. <...>

Здесь кончается история человека и писателя, начинается история болезни. В редкие светлые промежутки Успенский снова обращался мыслью к тому предмету, который горячо занимал его всю жизнь. «Смотрите на мужика... Всё-таки надо смотреть на мужика», – повторял он тогда, по воспоминаниям Короленко. Последние сознательные мысли Глеба Успенского посвящены были народу. <...>

В окончательном итоге, Успенского нельзя назвать учителем: для этого он сам слишком неровный и неустановившийся искатель. Неточно и неполно и определение писателя только мучеником, потому что он нашёл лично привлекательную работу и, стало быть, доступную человеку меру счастья. Всё дело в том, что бывают люди осёдлые, успокоившиеся, семьяне, и бывают люди бродячие, искатели, одиночки. Глеб Успенский принадлежал к последнему типу. Особенность его судьбы в том заключается, что со своим заветом – «помните мужика, любите мужика» – он не умел примирить другого завета: «любите свою семью». Если бы обе любви в нём примирились, его жизнь пошла бы легче, ровнее, в его сочинениях не было бы наблюдалась теперь некоторой односторонности. Но не было бы тогда и глубины изучения народа, отличающей произведения Успенского, не было бы родственной, чуткой, нервной близости к мужику, не получилось бы того своеобразного писательского облика, за который русский читатель полюбил и запомнил Глеба Успенского.

Литература

1. Воронова Л.Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – Т. 150, кн. 6. – С. 7–18. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11691841>
2. Воронова Л.Я. Творчество современных писателей в восприятии казанской интеллигенции // Пушкинское общество в Казани (1887–1917) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 108–121.

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

Чехов Антон Павлович

Ф.Е. Пактовский

Современное общество в произведениях А.П. Чехова¹ (1901)

Ключевые слова: *русская литература конца XIX – начала XX века, А.П. Чехов, литература и действительность, интерпретация творчества.*

Осмыслить, понять современную нам жизнь в ее проявлениях, дать ей оценку, выделить в ней неслучайное, найти силу, управляющую людьми в их взаимных отношениях, руководящую их поступками, – задача далеко нелегкая. Не только отдельный член какого-либо общества, но даже и целые слои его так разновидны по своим проявлениям умственной и нравственной жизни, что обобщение устоев ее путем исключительно научным – дело невозможное. Наука заведует лишь фактами определившимися, прочно и верно установленными (история); явления же современной частной и общественной жизни – это только материал для будущих научных работ. <...> творчество дает миру знания жизни своими художественными созданиями, и только после этого наука может приступить к своей работе – оценке, анализу и объяснению жизненных явлений внутреннего мира современного человека. Чем более дано обществу таких художественных обобщений, тем более у него знаний о самом себе, – тем сознательнее его жизнь. Но, как и всякая работа человеческого ума, обогащающая нас опытом и знанием, работа художника имеет свои особенности: сила ее не в выводах, а в том, что она заставляет человека пережить тот случай, который она избрала типом известного рода жизненных явлений: человека, положим, доброго и щедрого по своей натуре, на известное время заставляет чувствовать себя скопцом, с незапятнанной совестью – преступником, спокойного и апатичного – борцом, счастливого – несчастным и т.д. В этом магическом как бы загипнотизировании читателя созданными образами и заключается

¹ Пактовский Ф.Е. Современное общество в произведениях А.П. Чехова / Ф.Е. Пактовский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 42 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. III).

величайшая сила художественных созданий. Кто из нас не переживал вместе с Раскольниковым («Преступление и наказание» Достоевского) всех его мучений, а разве у нас было на душе его преступление? Переживая жизнь созданных писателем персонажей, мы как бы экзерцируем наши душевые силы, отделяемся от действительности – с тем, чтобы посмотреть на нее как бы издали, находясь в другом положении, отделяемся от себя, чтобы знать других... Вот это-то и есть урок, действие, лекция писателя своему читателю.

Великая заслуга русских писателей перед соотечественниками состоит, между прочим, в том, что они, проводя в жизнь гуманные идеи, руководили деятелями, будили общественное сознание, вызывали все мыслящее и благородное на борьбу с отрицательными явлениями жизни, – и в этой ответственной и важной работе, в силу исторически сложившихся условий, чаще всего стояли почти одиноко...<...> Есть и другая особенность русских художественных созданий: творцы их всегда с особенной любовью относились к своей родине, даже и в том случае, когда раскрывали пред обществом исключительно отрицательные, неприглядные ее стороны – мрачного пессимизма на страницах истории русской словесности не имеется. <...> Не одна только степень и сила таланта породила неодинаковые симпатии общества к Тургеневу, Некрасову, Достоевскому, Салтыкову, гр. Л.Н. Толстому, с одной стороны, и Ап. Майкову, гр. А.К. Толстому – с другой. Еще более, мне кажется, это справедливо в отношении к позднейшим современным нам писателям. Из них лишь тот может рассчитывать на популярность и любовь среди читателей, кто свои художественные дарования сливает воедино с самой жизнью, кто своими художественными созданиями помогает современному читателю разобраться в жизненных явлениях, кто на стороне не подавляющего большинства, а мыслящего меньшинства, кто любит, а не презирает жизнь и ищет ее смысла...

Есть ли эти данные у одного из выдающихся писателей нашего времени – А.П. Чехова? На чем основывается его популярность? Чем вызывает он симпатии читателя к своим, в большинстве, миниатюрным рассказам, граничащим иногда с анекдотом?..

Как ни оригинальна форма его произведений, как бы ни увлекала она читателя или утомленного жизнью, или просто скучающего, но одна эта форма, без идейного содержания, не составила бы имени писателю – а между тем сборники его произведений выходят уже девятыми изданиями, книжка журнала, с новым произведением Чехова, возбуждает особый

интерес; в отделе критики современных журналов и даже на страницах газет, после появления нового рассказа, идут пространные толки о нем... Конечно, не за одну художественность, занимательность рассказов, Академия наук признала молодого еще писателя – вместе с великим творцом «Войны и мира» и другим симпатичным художником нашего времени Короленко – своим почетным членом... Я далек от мысли ставить произведения Чехова на ту высоту, на которой стоят произведения Тургенева, Достоевского и др.; я хочу обратить внимание лишь на то, что Чехов в своей литературной деятельности – не жанрист только, хотя в количественном отношении этот род произведений является у него преобладающим, что в произведениях Чехова – хотя и далеко не во всех – есть то заветное русской литературы, что отличает его от простого, занимательного и увлекающего рассказчика...

<...> Чехов не пессимист, как поспешили определить его миросозерцание, а лишь повествователь – не всегда, правда, объективный – невеселых, пожалуй, даже мрачных картин современной жизни. В своих лучших рассказах он редко выдает себя; автор хочет скрыть свой взгляд на явления жизни, но читатель видит его – в самом выборе сюжета, в его освещении, видит, во что верит писатель, чего он ждет от жизни... Чехов не знает одной какой-нибудь властной идеи над современным обществом, подобно Тургеневу, Достоевскому, гр. Л.Н. Толстому; не знает колоссальных общественных недугов, подобно крепостному праву. У него, как повествователя, нет даже художественно и всестороннее очевидного типа: действующие лица у него взяты только на один момент и поставлены лицом к лицу с каким-нибудь жизненным явлением, созданным не ими самими. Покажет автор один этот момент соприкосновения современного человека с этим, своего рода фатумом жизни, обнаружит его борьбу, падение или нравственную немощь пред этим фатумом – и опустит занавес или, лучше сказать, закроет свой волшебный фонарь. Самые разнообразные картины в этом роде, одна с другою, за редким исключением, между собою внешне несвязанные, но картины эффективные – вот что представляют из себя фабулы его коротких рассказов. Взятые же в совокупности, рассказы Чехова дают яркое освещение современности и суммируют те явления, с которыми приходится сталкиваться в жизни каждому человеку, а сталкиваться приходится людям разных слоев общества, людям с неодинаковыми нравственными силами. Из последних Чехов берет лишь тех только, кто в соприкосновении с существующими явлениями жизни бессилен, жалок

или смешон. Значит, действующие лица в произведениях Чехова – пассив жизни, а не актив ее, отрицательная ее сторона, а не положительная. Но художественный рефлектор писателя направлен главным образом не на лица, а на явления жизни. Она, очевидно, роковая для них в силу каких бы то ни было причин, отсюда «унылая скорбь автора, внущенная созерцанием современных ему явлений жизни» и бессилием действующих лиц (то есть современного человека) в борьбе с ними, нежеланием самой борьбы, малодушной уступкой этим явлениям. За каждым рассказом мы видим автора, как бы говорящим: если поставить на место этих безвольных, слабых людей силы мощные, то явления эти не будут так фатальны, и жизнь будет иною. Сила современных отрицательных явлений жизни, по произведениям Чехова, лишь в бессилии современного человека... Кто так смотрит на жизнь, тот не пессимист. Если указано средство, значит, есть вера в светлое будущее, может быть, далекое от нас, но приближение которого зависит от нас же самих. Вот жизненный смысл, идеал художника и его услуга обществу и науке.

<...>

Чехова упрекают за то, что он только намекает (как это и было в предыдущем рассказе), а не развивает взятых им положений, не развертывает всей картины, а только показывает один край ее. Нужны ли к приведенному выше положению какие-либо подробности, картины? Характерный прием писателя виден везде: он берет только самый яркий момент в жизни современного человека, где сильнее всего обнаруживается весь ужас его соприкосновения с действительностью, и из них он составляет свой волшебный фонарь, одну громадную картину современности.

<...>

Ярче и полнее изображен вопрос об отношении современного культурного человека к явлениям жизни в рассказе «Скучная история». Я опускаю содержание его и ограничусь лишь теми выводами, которые делает писатель устами идеального, верующего в науку, прогресс и человечество профессора. Не утешительны эти выводы: «Наши интеллигентные силы реже вступают в борьбу со злом, и чаще или тонут в нем, или уже утопились в нем, а потому и являются не жертвами борьбы, а жертвами своего бессилия». Такое отношение к действительности незаметно выработало и новый тип, едва ли опять-таки не присущий более всего нашему времени, тип человека, у которого вместо борьбы, дела – является злословие. Это, по выражению профессора, «жабы нашего

времени». Устами профессора здесь брошен упрек той современной молодежи, которая готовится или слиться и усилить собой те явления, от которых нелегко живется современному человеку, или потонуть в этих явлениях, и устами того же профессора идет защита вообще молодежи от тех, кто любит в виде невинного развлечения глумиться над другим, любит только осуждать, кто не брезгует даже клеветническими приемами. Многое представляется идеальному профессору в нашей культурной жизни не тем, чем оно должно быть.

<...>

Чехову ставят в упрек то обстоятельство, что выбор тем у него носит характер случайности: то описывает он льва в клетке, то убийство ребенка, то случайную ссору двух незнакомых людей (*«Враги»*) и т.д., и т.д.; обстоятельство это едва ли может служить упреком. Правда, фабулы его рассказов различны, но за каждым рассказом стоит одна и та же тема, одно стройное и цельное миросозерцание: писателю нужны самые разнообразные столкновения с жизнью людей на разных ступенях общественной жизни, с разными силами, и чем разнообразнее и многочисленнее эти действующие лица, чем больше столкновений с самой жизнью, тем цельнее пред нами эта жизнь с ее деятелями.

<...>

Есть у Чехова в своем роде тургеневский «Бежин луг» (*«Детвора»*), «ночное» у детей культурных семей. Но место действия уже не луг, а столовая. Дети, в отсутствие старших, уехавших в гости, играют в лото. Беседа их не такая интересная и мирная, как у тургеневских мальчиков крепостной деревни. Интересы чеховской *«Детворы»* совсем иного рода: они играют в лото на копейки; в игре одних обнаруживаются «финансовые соображения» и зависть, в игре других – детское самолюбие, и все «ночное» их не обошлось без ссоры и драки. Тургенев своим рассказом «Бежин луг», бесспорно, привел читателя к убеждению, что его Павлушам, Костям, Илюшкам нужно дать школу, дать здоровую пищу их пытливому уму. Чехов своим рассказом *«Детвора»* говорит читателю, что нашим детям следовало бы давать другое развлечение, чем лото и копейки, и не давать им совсем «ночного». Деревенское «ночное» (тургеневское) воспитывало в Илюше, Косте и Павлусе дальних, сильных работников; городское «ночное» (чеховское) может детей сделать лишь слабыми и нервными.

Рассказ не оставляет по себе тяжелого чувства лишь потому, что перед читателем развернута чудная картина детского мира, а Чехов в

изображении его не уступает первоклассным русским художникам Л.Н. Толстому и Достоевскому. Зная так хорошо детскую душу, Чехов своими рассказами дает понять современному читателю, что с этой душой надо обращаться умеючи, что только серьезное знание детской души, разумная любовь к ребенку могут воспитать в нем все добрые начала, а потому воспитание детей должно явиться одной из самых важных обязанностей родителей, которые должны подготовляться к этому делу едва ли менее, чем к обязанностям прокурора, судьи, доктора и т.д. Если во всякой работе требуется любовь к делу, то в педагогической – любовь к детям является основанием всего дела: нигде сухой педантизм и формализм, в чем бы и как бы он ни сказался, не принесут столько вреда, как в деле воспитания.

<...>

Итак, фатум деревни формулируется следующими не длинными предложениями: «Пьют, бьют, своего хлеба не хватило, пожар, недоимка»... Справедливы ли упреки автору, что он собрал в своем произведении только отрицательное деревни, или нет, решать этого вопроса не беремся; но думаем, что если писатель останавливается только на одной стороне действительности, в этом еще нет вины: никто не упрекает Гоголя за то, что он дерзнул выставить на всенародные очи «пошлость пошлого человека», печальное жизни. И каждый ученик Гоголя не должен заслуживать упрека, если он дает «правду жизни», хотя бы и горькую, лишь бы он не впал в клеветничество и не сделался бы, по выражению самого Чехова, «жабой нашего времени»...

Есть у Чехова еще выдающееся по своей художественности произведение «Степь», написанное опять на неизменную тему, которую я мог бы теперь, в конце своего очерка, озаглавить перифразом некрасовского стиха: «Кому и отчего живется тяжело». Рассказ изображает пред нами жизнь случайных жителей степи – возчиков. Это то же, что и бурлаки на Волге, и картина жизни этих степных бурлаков, нарисованная художником, едва ли чем уступит по своему содержанию и, особенно, по выполнению некрасовским стихотворениям о Волге, вместе с картиной Репина «Бурлаки». Как хороши и оригинальны в этом произведении описания природы, сливающейся в одно нераздельное целое с жизнью обитателей степи!.. За неимением времени оставляем совершенно в стороне это важное достоинство таланта Чехова, как оригинального художника.

Заканчивая свою беглую характеристику произведений Чехова со стороны их содержания, я должен упомянуть еще об одной группе рассказов, имеющих отношение к современной нам действительности, где выводятся те современные деятели, кои слились с фатумом «хмурых» людей и составили собою неизменную часть его. Типичными рассказами в этой группе будут: «Человек в футляре» и «Сонная одурь».

У каждого времени есть свой отрицательный герой. Были когда-то подобными героями Чичиковы, Хлестаковы, Молчалины... Наше время выдвинуло подобным героем «Человека в футляре». Художник сказался и здесь во всей своей силе; он уловил наиболее типичную, отрицательную, конечно, черту современного деятеля, художественно выразивши суть его мировоззрения фразой: «Как бы из этого чего не вышло»... Какая страшная, но вместе с тем поразительная по верности фраза, в которую вылилось все мировоззрение этих людей. Наивно было бы думать, что Чехов в этом рассказе хотел дать только отрицательный тип учителя средней школы. «Человека в футляре» имеет каждое ведомство. Это чиновник, у которого нет любимого дела, собственной инициативы, нет своего мнения, даже нет своего желания, — если все это предусмотрено известным циркуляром, даже больше того, личным взглядом начальника. Циркуляр и начальство заменили в таких людях и ум, и сердце. Это своего рода гоголевские Башмачкины, с той лишь разницей, что Башмачкин жалок тем, что в нем убили живого человека, а «человек в футляре» жалок тем, что он сам убил в себе «Бога, живого человека»... Как бы само по себе ни было свято, важно дело, но если оно исполняется исключительно во имя правил и предписаний, исполняется, как тяжелая обязанность и «людьми в футляре», то вместо живого дела всегда получится тот характер общественной деятельности, который ярко обрисован Чеховым в рассказе «Сонная одурь».

К сожалению, я не мог коснуться в своем беглом очерке других важных сторон литературной деятельности Чехова — его чудных, своеобразных описаний природы, которую он так естественно сливает с жизнью и чувствами своих героев (*«Мечты»* и *«Степь»*), должен опустить также и такие светлые картины, как апофеоз святой пасхальной ночи (*«Святою ночью»*), с идеальным монахом Иеронимом... На подобных страницах читатель не может не остановиться, чтобы отдохнуть немного от тяжелой действительности, чтобы уловить тот чудный мир, куда зовет писатель от *«Скучных историй»* и *«Сонной одури»*...

Пока деятельность писателя еще не закончилась, пока не сказано им последнее слово, нельзя подводить никакого итога, нельзя точно и безошибочно определить значения этой деятельности; отзывы же и мнения современников о таком писателе будут лишь более или менее ясно обозначившимися впечатлениями от его произведений, из проверки которых лишь впоследствии создается веское, положительное слово. Само собою разумеется, впечатления эти бывают весьма различны. В настоящее время по отношению к Чехову все они сходны в одном: в лице Чехова мы имеем даровитого, талантливого художника, изображающего отрицательную сторону современной деятельности. Большинство сближает его по характерным приемам творчества с Гюи-де-Мопассаном, и не без основания, конечно; но едва ли в юморе рассказов нашего писателя о современном человеке, в его чудных поэтических описаниях природы, особенно степи, в тех немногих строках, где автор выдает свое отношение к изображаемым явлениям жизни, не слышится скорее более близкий и знакомый нам голос Гоголя, а в изображениях «униженных и оскорбленных» – голос Достоевского.

Литература

1. Весь А.П. Чехов. Электронная коллекция [Электронный ресурс]. URL: http://allchekhov.ru/_theater/history/kritika/paktovskiy.php
2. Чехов в панораме мнений: хрестоматия литературно-критических и эпистолярных материалов / сост. С.П. Бавин ; науч. ред. Л.А. Мартынова. [Электронный ресурс]. URL: <http://allchekhov.ru/interpretation>
3. Воронова Л.Я. Творчество современных писателей в восприятии казанской интеллигенции // Пушкинское общество в Казани (1887–1917) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 108–121.

Подготовка текста: Л.Я. Воронова

История театра

Б.В. Варнеке

История русского театра¹ (1913)

Ключевые слова: история театра, русские драматурги, пьесы, актеры, амплуа, А.П. Сумароков, Д.И. Фонвизин, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, А.П. Чехов.

I. Условия, способствовавшие возникновению русского театра.

К тому времени, когда в России возник театр, на Западе театральное искусство успело достичь пышного расцвета и одна из ветвей этого вполне уже сложившегося театра вместе с общим потоком западного влияния проникла к нам, и после того наш театр еще долго не мог порвать своей связи с западной родиной: облачившись в русское платье и заговорив русским языком, он все еще питался все той же западной пищей художественных образов и идей. Но уже в XIX столетии появляются у нас такие драматурги, как Гоголь, Грибоедов, Островский и Чехов, имена которых не менее славны в мировой истории театра, чем Шиллер, Ибсен и др. Тогда же появляются у артистов таланты, которые нисколько не уступают величайшим художникам западной сцены.

Сравнительное изучение мировой литературы научило нас, что такая же самая участь выпала на долю театра почти во всей Европе: только одна Греция имеет право без всяких оговорок называть себя настоящей родиной самобытного театра, все же остальные страны только по-своему дополняли и развивали искусство, заимствованное ими у греков. Но там, где чужое достояние попадало в руки народа сильного в духовном отношении, с ярко выраженными национальными особенностями и природным дарованием к художественному творчеству, пришедший извне театр будил таившиеся в народе силы, получал с течением времени чисто местную окраску и наравне с самобытными созданиями этой страны начинал служить удовлетворению местных интересов и запросов. Сквозь заимствованную

¹ Варнеке Б.В. История русского театра / Б.В. Варнеке. – 2-е изд. – СПб.: Изд. Н.Н. Сергиевского, 1913. – 704 с.

форму выливался национальный дух так ярко, что забывалась заимствованность воплотившей его формы и сравнительно недавний пришелец сливался в общую картину с чисто туземными явлениями и, хоть затем он все еще продолжал получать новые притоки извне, не порывая связи со своей родиной, заметить это мог только внимательный глаз наблюдателя-специалиста.

Как раз такую судьбу и испытал театр в России. Неподготовленность местных условий для его усвоения сказалась в том, что здесь ему пришлось, быть может, дольше чем в других странах, мириться с незавидным положением искусственно насажденного экзотического растения и истратить больше сил на то, чтобы приучить к себе и примирить с собой местное население; но, как и следовало ожидать, в конце концов, он вышел из этой борьбы победителем и мало-помалу снискал чуть ли не всеобщую любовь там, где первые его шаги были встречены если не с открытой враждой, то, во всяком случае, с большим недоверием. <...>

II. Школьные спектакли в Киеве.

<...> Эти заезжие бродячие люди [скоморохи. – Ред.], появившиеся в Древней Руси очень давно, по-видимому, из Византии, откуда они принесли и свое название, не поддающееся более точному определению. Впоследствии их перестали отличать от шпильманов, зашедших к нам от немцев и отличавшихся своим «латинским» костюмом с короткими полами, составлявшим принадлежность потешных людей и на Западе. Скоморохи, одетые «в личины», играли на домрах и сопелях, водили медведей, исполняли песни и различные жанровые сценки, подчас соблазнительного характера. Наряду с этим они занесли к нам и кукольную комедию, встреченную с большим сочувствием. Церковь видела в представителях светского, а стало быть, и языческого веселья, соблазн, и неустанно предостерегала от него, подвергая скоморохов суровому осуждению. <...>

Эти скоморохи приносили с собой к нам возникшие на Западе игры, забавы, прививали охоту к ряженью и разыгрыванию жанровых сценок. В них можно видеть первых профессиональных русских актеров, подобно тому, как на Западе мими и жонглеры были первыми лицами, отдавшими себя драматическому искусству. <...>

VII. Волков, Дмитревский и основание постоянного театра в Петербурге.

<...> Подобно тому, как на Западе при владетельных особых мы весьма часто встречаем в составе их придворного штата и комедиантов, так и у нас Елизавета пополняла актерами блеск своего двора. Таким образом, русский актер, голос которого впервые раздался в комедийной хоромине при дворце Алексея Михайловича и теперь продолжает оставаться в составе придворного штата. Этим определяется, в значительной степени, весь характер его дальнейшей деятельности, целиком отражая на себе все колебания личного вкуса сменяющихся правителей и соображая все свое существование с их взглядами и запросами. В этом таится разгадка многих сторон в позднейшей судьбе русского актера. Высшие слои общества будут видеть в нем своего частного забавника, и это окружит его тем презрением, от которого ему не удалось освободиться даже тогда, когда перестал действовать аскетический взгляд церкви, столь сурово осудившей деятельность актера в первые века христианства и упорно продолжавшей держаться того же отрицательного взгляда на все, сопричастное театру. Вместе с тем, появляется и заискивающее робкое отношение к обществу актера, по привычке продолжавшего оставаться послушным исполнителем прихотей «великих мира сего» вместо того, чтобы при случае самому явиться в ответственной и независимой роли выразителя общественного мнения. <...>

X. Театральные порядки XVIII века.

<...> Все актеры и актрисы труппы распределялись на известные амплуа.

По штату 1766 г. амплуа эти таковы. Актеры разделялись на: 1) первый трагический и комический любовник, 2) второй трагический и комический любовник, 3) третий трагический и комический любовник, 4) пер-нобль, 5) пер-комик, 6) слуга первый, 7) слуга второй, 8) резонер, 9) подъячий и 10) и 11) – два конфиданта. Женская часть труппы делилась на амплуа: 1) первая трагическая и комическая любовница, 2) вторая трагическая и комическая любовница, 3) первая служанка, 4) вторая служанка, 5) старуха, 6) и 7) две конфидантки.

Сообразно с этим списком прочно установленных амплуа, артисты в труппу приглашались не иначе, как на определенное амплуа, что и устанавливалось в контракте, но вместе с тем дирекция оставляла за собой право назначать каждому актеру роль по своему усмотрению <...>.

Необходимо обратить внимание на отношение общества XVIII века к театру. К его деятелям, за самыми редкими исключениями, общество относилось презрительно, и даже знакомство с такими выдающимися актерами, как Дмитревский, ставилось в вину светским людям строгими хранителями этикета. Несмотря на внимание, оказываемое русскому театру самой императрицей, зараженная франкоманией публика больше льнула к французскому театру, и Плавильщиков с горестью писал: «Во время французского спектакля прохожий увидал площадь, заставленную шестернями, во время русского же где-где увидишь шестерню». <...>

XI. Репертуар XVIII века. Сумароков и его трагедии.

<...> При оценке репертуара Елизаветинского театра нельзя упускать из виду, что это репертуар придворного театра, театра, предназначенного прежде всего увеселять придворных, стремившихся проводить время так, как его проводили кавалеры и дамы в блестящих салонах Франции. Чего требовало и ждало от театра такое общество? Прежде всего, забавы, а это могло быть достигнуто только в том случае, если театральные зрелища были изящны, не оскорбляя нежных чувств, и были легко воспринимаемы, не требуя для своего усвоения ни особенно глубоких познаний, ни чрезмерного напряжения ума и памяти. Для этого все в театре должно носить самую общую форму, освободившись от всяких обременительных подробностей. Поэтому пьесы этого репертуара, хотя и полны исторических персонажей, на самом деле ничего общего ни с какой историей не имеют. Списки действующих лиц обещают показать нам и греков, и римских императоров, и турецких полководцев, и испанских принцев, и древнерусских князей, но жестоко разочаровался бы тот, кто стал бы пытаться по этим пьесам составить себе хоть малейшее представление о подробностях изображаемых в этих пьесах событий, о жизни тех стран, куда ведут нас афиши. Авторы не по незнанию истории, а совершенно сознательно смывают со своих героев все мало-мальски отличительные черты, характерные особенности эпохи и местности. Распознать такие тонкости можно только при известном напряжении ума и насилиях памяти, а придворный поэт не смеет так утруждать своих зрителей: они собрались не учиться, а только позабавиться изящным произведением искусства и ради этого он не должен ничем их обременять. Поэтому он оставляет от своих героев только одну половину: общую всем векам и странам. <....>

Необходимо обратить внимание на одну, чисто техническую сторону трагедий Сумарокова, свойственную, однако, и пьесам его ближайших последователей. В их тексте нет ни малейшего указания на ту декоративную обстановку, среди которой разыгрывается действие, не поставленное ни в какую связь с местом его развития, поэтому драматург не предъявляет в этом отношении решительно никаких требований ни режиссеру, ни декоратору: его пьеса может быть исполняема в чисто условной обстановке, лишенной всяких характерных особенностей и поэтому одинаково пригодной для исполнения целого ряда пьес подобного характера. Придворная зала самого общего очертания могла бы вполне удовлетворить в этом отношении.

Эта особенность придавала пьесам, так сказать, отвлеченный характер, лишала возможности пользоваться теми многочисленными эффектами, которые достигаются на сцене от согласования драматического действия с его внешней обстановкой, но в то же самое время представляла очень много удобств на первых порах существования только что организованного театра, не успевшего поэтому обзавестись обширным декорационным инвентарем; чисто схематическая, традиционная обстановка, требуемая текстом наших первых трагедий, не могла создать никаких затруднений, и этим открывала доступ к частой постановке новых пьес.

После трагедий: «Артистона» (1751), «Семира» (1751) и «Ярополк» (1768), Сумароков обратился к более поздней эпохе русской истории и написал трагедию «Дмитрий Самозванец» (1771), открывая этим ряд драматургов, продолжающих до настоящего времени обрабатывать богатую драматическими эффектами и положениями эпоху Смутного времени. <...>

Точный последователь Вольтера, суждениям которого Сумароков не переставал придавать особенную цену, он нередко превращал сцену в трибуну для выражения господствовавших идей и воззрений века. Так, например, в его «Дмитрии Самозванце» мы встречаем длинные тирады о значении власти и народной воле.

Отводя, подобно Расину, особенно много места чувству любви, Сумароков чаще всего главный интерес пьесы сосредоточивал на героине и в этом отношении он являлся проповедником совершенно новых воззрений на женщину. <...>

Сам Сумароков шел в оценке своих заслуг гораздо дальше своих современников и, давая волю своему заносчивому и неуживчивому характеру, требовал везде к себе исключительного внимания, чем очень

вредил тому делу, которому служил, особенно в должности директора театров, сильно страдавших от отсутствия в нем выдержанности <...>.

Но, оставляя в стороне эти печальные свойства характера Сумарокова, от которых больше всего, в конце концов, страдал все-таки он сам, мы не должны ни на минуту забывать тех существенных услуг, которые он оказал русскому театру как первый его драматург <...>.

XX. «Недоросль» и «Ябеда».

Лучшей пьесой из всего русского репертуара XVIII века является, бесспорно, «Недоросль» Фонвизина. <...> В то время как все остальные драматические произведения этого времени, по-видимому, навсегда погребены в недрах театральных архивов, «Недоросль» продолжает жить своей художественной жизнью, до сих пор появляясь на сцене. <...>

В своей пьесе Фонвизин горьким смехом своим посмеялся над мрачными сторонами крепостного права, неправосудием, подкупностью и уродливостью суда, воспитания, а это были как раз те самые темы, которыми занимались публицистика, комедия и сатира того времени, начиная с Сумарокова и до конца XVIII века. Фонвизин далеко не первый обратил свою сатиру на эти стороны действительности, но зато он первый придал своей сатире высокое художественное совершенство и этим обеспечил своей пьесе долговечную жизнь, доказав таким образом лишний раз на деле справедливость изречения, что в искусстве важно не «что», а «как». <...>

Верный сын восемнадцатого века сказался в Фонвизине тем, что сущность нарисованных им характеров он поставил в теснейшую зависимость от вопроса воспитания. <...>

<...> Вопрос воспитания положен в основу всей пьесы, являющейся иллюстрацией вечной борьбы двух поколений: сходящего с жизненного пути и только что на него вступающего. Перед нами одна из страниц непрекращающейся борьбы отцов с детьми. Но причину этой борьбы, по-видимому, Фонвизин усматривает не в одном разногласии людей двух разных поколений, а объясняет только разницей воспитания. В таком освещении вопроса, по существу несколько одностороннем, сказался представитель известных педагогических идей и в этом именно художник уступил место публицисту; свою мысль Фонвизин воплощает в целом ряде фигур различного художественного совершенства. <...>

Благодаря такой шлифовке каждого сценического образа, несмотря на его значение, в пьесе нет в сущности тех бледных дополнительных

персонажей, присутствие которых так сильно портит остальные пьесы драматургов XVIII века, у которых хватало таланта на создание только двух-трех центральных фигур, тонущих в массе недоделанных и недорисованных персонажей, страшно расхолаживающих общее впечатление пьесы и уничтожающих совершенно и то немногое, что удалось драматургу на двух-трех лучше отделанных фигурах. Нет никакого сомнения, что именно это совершенство художественной отделки и придало пьесе секрет вечной юности, сохранив за ней почетное место в русском репертуаре, откуда навсегда исчезло немало пьес, написанных на ту же основную тему, но выполненных с меньшим мастерством. <...>

XXIV. Водевиль.

<...> Очень трудно на деле установить различие между водевилем и комической оперой, на смену которой он явился. Чуть ли не наиболее характерным признаком водевиля является его более личный, злободневный характер, почему и для зрителей он представлял более острый интерес, часто граничивший с интересом скандала.

Уже вскоре после проникновения на нашу сцену водевиля, он принял ту форму, которую почти без всяких изменений сохранил за собой до тех самых пор, пока не был вытеснен со сцены, главным образом потому, что актеры, умевшие петь, взялись за оперетку, представлявшую более широкое поле для проявления внешнего сценического таланта, и более занятную для публики по игривости своего содержания и костюма своих исполнительниц. <...>

XXV. Александр Сергеевич Грибоедов.

<...> Очень интересна трехактная комедия в прозе «Студент». Написана она была Грибоедовым еще в 1817 году при ближайшем содействии Катенина². Она посвящена осмеянию восторженного юноши Евлампия Аристарховича Беневольского, студента из Казани. <...>

Здесь авторам очень удалась фигура Беневольского и его хлопотуна – покровителя Звездова, который в сущности ничем не занят, но постоянно мечется между тысячью дел и поставил себе за правило поступать наперекор всем советам, как бы они ни были благоразумны и толковы. <...>

² Катенин П.А. (1792-1853) – русский поэт, драматург, литературный критик, театральный деятель – Примеч. ред.

Фамилию для студента Грибоедов выбрал с большим расчетом: известный писатель того времени Загоскин подписывался под журнальными статьями: Ювенал Беневольский. Загоскина Грибоедов терпеть не мог. <...>

В «Студенте» Грибоедов обнаружил умение вполне свободно обращаться с прозаической речью, и некоторые реплики, особенно в роли Звездовой, написаны и выразительно, и сжато.

Любопытно, что в некоторых ролях уже этой пьесы при желании можно разглядеть слабые очерки иных персонажей из «Горя от ума». Так, в самом Звездове есть некоторое сходство с Репетиловым, в кутиле-гусаре Саблине – со Скалозубом. <...>

Во время последнего проезда через Москву в Персию Грибоедов говорил друзьям: «Я не напишу более комедии, веселость моя исчезла, а без веселости нет хорошей комедии. Но есть у меня написанная трагедия». <...>

<...> Печальные слова Грибоедова относятся к его последнему произведению: трагедии «Грузинская ночь». <...>

Если бы Грибоедову удалось завершить эту пьесу, она составила бы совершенно особый вид его писательской деятельности, так как и по своему сюжету, и по своему настроению, близкому к романтизму, пьеса эта не имеет ничего общего среди его предшествовавших произведений. Видно, что, принимаясь за нее, Грибоедов собирался выйти совсем на новый путь.

От пьесы сохранились только отрывки, но и они весьма любопытны. Прежде всего, они доказывают, что и Грибоедов не избежал влияния Шекспира. Реплики выведенных им духов Дели кое-где являются переделками соответствующих мест из речей ведьм из «Макбета».

Затем в пьесе был выражен явный протест против крепостного права, и соответственные эпизоды из быта Грузии давали повод к сопоставлениям из жизни крепостной России. <...>

От этих мелких и не самостоятельных работ Грибоедов едва ли приобрел бы ту славу, которая хоть отчасти приближалась бы к известности автора «Горе от ума». Над этой комедией он работал долгие годы, переменяя ее план и внося в нее все то, что приносили ему постепенно житейский опыт и наблюдения над окружающей средой. <...>

<...> «Горе от ума» первоначально было задумано в виде поэмы и <...> при переделке его в драматическую форму дело не обошлось без сильного и неприятного для Грибоедова изменения первоначального

очерка. Но и остановивши свой выбор на комедии, Грибоедов часто изменял свою пьесу. <...>

Ввиду того, что после смерти Грибоедова подлинной рукописи его великой комедии не нашлось, а ходило в обращении очень много вариантов, на согласование их уходило много усилий издателей, причем все-таки оставалось много сомнений. <...>

Позднее, ближайшее сопоставление комедии Грибоедова с «Мизантропом»³ убедило действительно в существовании большого сходства между Альцестом и Чацким. Следует припомнить, что Грибоедов, часто выступая на «благородных спектаклях», особенно охотно играл Альцеста, славясь своей мастерской и строго художественной игрой. Но Грибоедов, как истинно великий поэт, не ограничился простым подражанием, а сумел так глубоко пропитать Чацкого влиянием московской атмосферы двадцатых годов, так сплести взгляды и стремления его и со своими личными убеждениями, и со взглядами своих сверстников, так тесно поставить его в ближайшую связь с миросозерцанием своего времени, что родство Чацкого с характерным французским героем невольно забывается, и сам Чацкий получает значение совершенно самостоятельного образа. Родство с Альцестом нисколько не вредит его жизненности и не мешает верить тому, что Москва сама могла создать такую личность, выдвинутую из кружка молодежи в противовес слишком настойчиво занимавшим свои позиции остаткам Екатерининского века. Мольера вообще Грибоедов знал очень хорошо, и тем легче могло появиться в его пьесе подражание одному из наиболее ярких образов, созданных Мольером. В комедии рассыпан целый ряд и образов, и картин, и выражений, источник которых надо искать у того же Мольера, но редкое мастерство Грибоедова в том и сказалось, что он сумел этим заимствованиям такой придать вид, будто они возникли совершенно самостоятельно. <...>

XXIX. Гоголь.

<...> Желая дать ответ на названные «Ревизором» толки, Гоголь написал «Развязку «Ревизора», где между прочим происходило на сцене увенчание лаврами Щепкина. Происшедший к этому времени болезненный перелом во взглядах Гоголя отразился крайне неблагоприятно на

³ «Мизантроп» – пьеса французского комедиографа XVII в. Мольера – *Примеч. ред.*

предложенном здесь толковании «Ревизора», принявшем мистическую окраску. <...>

Особенно трудно поверить навязываемому Гоголем мистическому толкованию «Ревизора» ввиду его редкой реальности. В пьесе едва ли можно указать хоть одну черту, которая была бы выдумана, а не выхвачена прямо из жизни. Если припомнить, что Хлестакова обыграли в Пензе, а едет он в Саратов, стало быть, место действия «Ревизора» относится к средней полосе России между этими двумя городами. Ростаковский говорит, что прошение о пенсии он подал в 1801 г., и что с этих пор прошло уже лет 30. Следовательно, действие происходит около 1830. Но по своему содержанию «Ревизор» гораздо шире этих рамок, и изображенная в нем картина подходит чуть ли не ко всей России Николаевского времени, а если забыть про несущественные подробности, то и гораздо более позднего времени. Так блестяще разрешенная Гоголем труднейшая задача – создать реальную пьесу без всякого заполнения ее подробностями, свойственными только определенной местности или эпохе, – обусловила и дальнейшую судьбу пьесы. Несмотря на все совершенство пьес Островского, они начинают вызывать обвинение в том, что устарели и производят впечатление рассказа о событиях, нравах и лицах, отошедших в область предания. Вместе с тем, коренному жителю Одессы или Кавказа и других окраин трудно по своеобразности быта, изображенного в наиболее характерных для Островского пьесах, и мировоззрения его героев так близко подойти к ним, как это необходимо для сильного сценического впечатления.

Городничих уже давно нет на Руси, почтмейстеры стали осторожней, никто не носит цветных фраков Бобчинского и Добчинского. И, тем не менее, «Ревизор» не производит впечатления исторической пьесы, мы смотрим его, как современную пьесу, и нет такого угла России, где он не был бы одинаково понятен даже наименее знакомым с коренной Россией обывателям. Поэтому-то «Ревизор» чуть ли не наиболее подходящая из всего нашего репертуара пьеса к тому, чтобы идти на иностранных сценах, где она действительно пользуется и большим распространением, и большим успехом, чем пьесы Островского. Достиг этого Гоголь тем, что его зоркому взгляду было доступно проникать в глубину чувств и характеров общечеловеческих, свойственных и понятных далеко не тому только месту и времени, в котором он сосредоточил действие своей пьесы. <...>

Роль Хлестакова действительно представляет большие трудности для исполнителей. Здесь Гоголь, чуть ли не первым из наших драматургов, рискнул на то, к чему пришел театр только через полвека после его смерти: он порвал с царившим до этого обычаем писать роли, строго придерживаясь рамок определенного амплуа, и дал в этом образе такое одновременное соединение свойств, которое, встречаясь в жизни, не встречалось в предшествовавшем репертуаре. <...>

Не много успел Гоголь, с редким трудолюбием работавший над своими пьесами, написать для театра. И пребывание заграницей, откуда труднее было поддерживать связь с театром, и возмутительно несправедливое отношение близорукой и тупой критики не располагали Гоголя сосредоточить свои труды на драме. И, тем не менее, в двух пьесах Гоголю удалось создать высшие образцы русской комедии. Замыкая весь предшествующий период развития русской драмы, Гоголь до сих пор остался непревзойденным еще никем в области сценической техники.

Нередко говаривал он, что из него вышел бы хороший комический актер, и, несомненно, в присутствии таланта актера надо видеть основную причину громадного совершенства Гоголя-драматурга. Образцовая композиция пьес Гоголя, где действие развивается с естественностью чуть ни органического создания природы, так что у его пьесы ничего не отнимешь и не прибавишь к ней без существенного ущерба, и удивительная сосредоточенность стоят неизмеримо выше тех приемов, которые обнаруживает построение даже лучших пьес позднейшего репертуара. <...>

XXX. Островский.

<...> В <...> 1873 г. была напечатана весенняя сказка «Снегурочка», тогда же появившаяся с музыкой П.И. Чайковского (впоследствии Римским-Корсаковым была написана на этот же сюжет опера). Эта пьеса представляет единственную попытку Островского выйти из рамок реальной действительности и перенестись в мир фантастического творчества. Знакомство с поэтическими воззрениями и сказками русского народа здесь пришлось автору как нельзя более кстати. Помог ему также и его природный талант к мягкому, теплому лиризму. Таким образом, составилась пьеса, целый ряд сцен которой полон чарующей прелести и истинной поэзии. Монологи Весны, жалобы Купавы, ее разговор с Берендеем принадлежат к числу лучших поэтических сокровищ нашей драматической литературы. В пьесу искусной рукой введен ряд народных

игр, празднеств и обычаев, которые придают ей необходимое оживление; в галерее ярких жанровых фигур, вроде Бобыля и Бобылихи, автор обнаружил прекрасное дарование в бытовых образах. Вся пьеса, изображающая основательное знакомство автора с русской народной поэзией, написана чрезвычайно сочным, стильным языком, живо переносящим слушателя в атмосферу народных песен и пословиц. Написанная в эпоху, менее всего способную оценить такую поэтическую сказку и, быть может, как раз в осуждение ее чрезмерно холодной деловитости, «Снегурочка» не встретила должного отношения к себе со стороны тогдашней критики, тем более, что сцена того времени не располагала теми техническими усовершенствованиями, которые необходимы для постановки такой сложной пьесы, и только несколько лет тому назад, когда наши казенные театры оказались в состоянии надлежащим образом обставить эту пьесу, она нашла тот крупный успех, который заслуживала.

Все остальные пьесы Островского, в зависимости от изображенных в них классов общества, можно разделить на четыре группы. Первую, наиболее значительную, составляют пьесы из купеческого быта. <...> Главнейшее достоинство этих пьес состоит в удивительно тонком жанровом рисунке, благодаря которому в них для большинства читателей открылся неведомый дотоле мир, поразивший их своеобразием форм и внутреннего устройства. <...> В пьесах этой группы надо видеть вполне художественное, объективное изображение быта того класса общества, с которым Островскому приходилось сталкиваться наиболее часто и от соприкосновения с которым в его запасе было наибольшее количество художественных впечатлений.

К пьесам из купеческого быта тесно примыкает сравнительно малочисленная 2-я группа, состоящая из пьес, изображающих «народный быт». <...> Относительная малочисленность пьес этой группы, а также отсутствие в них таких ярких и типичных жанровых образов, какими полны пьесы из купеческого быта, объясняется тем, что Островскому, как горожанину, крестьянский быт был знаком гораздо менее купеческого. Путешествие не могло заменить ему постоянного общения с народом, от которого Островский получил гораздо меньше непосредственных впечатлений, чем от прекрасно знакомого ему купечества. <...>

Более значительную группу составляют пьесы из мира мелких чиновников, к числу которых Островский сам никогда принадлежал; пьесы первой группы весьма часто включают стряпчего в число своих

действующих лиц. <...> Но там они являются только в соприкосновении со своими постоянными «благодетелями», купцами, а здесь они составляют центр действия. Непосредственность впечатлений сказалась в том, что и представители этого класса обрисованы чрезвычайно жизненно и ярко, и дореформенный чиновник может считаться с полным правом таким же оригинальным созданием Островского, как и купец-самодур. <...> Пьесы эти опять-таки дороги исключительно своим жанровым рисунком, и в них, как в верном зеркале, отразились все характерные особенности этого своеобразного класса. При этом, конечно, отразились и весьма многочисленные его отрицательные стороны, присутствие которых, однако, вовсе не дает право видеть в них сатиру на тогдашнее чиновничество. <...> Почти в каждом характере Островский старается найти такие положительные свойства, которые до известной степени примиряют с ним зрителя, почему в этих пьесах нет и следа той узкой односторонности, которая почти всегда бывает неразлучна с тенденциозной сатирой. <...>

Действие в [4-й] группе произведений Островского происходит среди представителей так называемого «общества». <...> В последние годы своей деятельности Островский по преимуществу интересовался этим классом, что объясняется, по всей вероятности, вполне естественным желанием драматурга пойти навстречу новым формам жизни; но, очевидно, его дарование менее годилось для изображения особенностей этого быта, потому что эти пьесы в значительной степени уступают пьесам других отделов по тонкости наблюдения и яркости бытовых красок, хотя, конечно, и среди них попадаются чрезвычайно удачные фигуры; но и они по большей части приходятся на долю не типичных представителей самого «общества», а тех других классов, которым приходилось так или иначе вступать в сношения с этим обществом. <...> Для этих бытовых фигур Островский и в позднейший период своей деятельности находил верные краски и наделял их чрезвычайно сочным и жизненным языком, тогда как язык представителей так называемого «общества» гораздо бледнее. Следовательно, относительная слабость пьес последнего периода объясняется не упадком творческих сил драматурга, а тем, что в эту пору он брался за изображение таких явлений, которые были гораздо более чужды его пониманию. <...> Представители «общества» в этих пьесах по большей части обрисованы отрицательными красками; но это опять-таки не дает права видеть в них сатиру на «общество». И здесь в настроении драматурга преобладает не сатирический сарказм, а мягкая ирония,

старающаяся по возможности во всяком характере найти примиряющие черты. Необходимо отметить также, что эти пьесы остались совершенно в стороне от тех идейных и общественных движений, которыми ознаменовались у нас семидесятые и начало восьмидесятых годов.

Необходимо отметить небольшую группу пьес Островского, изображающих своеобразный быт актеров. <...> При постоянных сношениях с театральным миром, Островский имел полную возможность узнать короче его представителей, а неизменная склонность к сценической правде позволила ему обойтись без идеализации даже при изображении этой, несомненно, близкой его сердцу среды. <...>

Существует мнение, что «Гоголь родил Островского», но это вовсе не значит, что пьесы Островского представляют собой высшую ступень развития нашего реального театра по сравнению с комедиями Гоголя.

Правда, бытописатель Островский повел дальше Гоголя жанровое изображение русской жизни, расширив созданную Гоголем галерею ярких типов чиновника и свахи представителями целого ряда других общественных слоев и положений. Но в то же самое время содержанием своих пьес он приближается снова к мелодраме <...>. Взяв у Гоголя редкое мастерство точного воспроизведения быта, Островский удержал во многих пьесах из мелодрамы свойственное ей деление персонажей на злодеев и добродетельных жертв, обычай оканчивать пьесу, во что бы то ни стало, торжеством добродетели и наказанием порока, хотя бы для этого нужно было вводить мало подготовленное вмешательство посторонней силы. Отношение Островского к его предшественникам следует определить так, что он, удержав в некоторых пьесах характерные особенности мелодрамы, примкнул к реальному направлению Гоголя типичным воспроизведением бытовых особенностей русской жизни в лице характерных ее представителей и способствовал расширению галереи характерных типов русской комедии и значительно обогатил круг русской драмы. <...>

Общее впечатление, получаемое от изучения пьес Островского, таково, что талант А.Н. Островского был по преимуществу талант жанриста. Обращая громадное внимание на чрезвычайно детальную и яркую выписку отдельных типов и характеров, Островский гораздо меньше внимания уделял разработке самого сюжета, почему эта сторона его пьес страдает весьма крупными недостатками. <...>

XXXV. На рубеже XX века.

<...> Определить сущность драматургических приемов Чехова нелегко потому, что в каждой новой пьесе Чехов дает что-нибудь новое в области техники, и каждая его пьеса знаменует новый шаг вперед. Но по сравнению с предшествовавшими драматургами, особенности пьес Чехова, по-видимому, в своих главнейших чертах сводятся к следующему. Вместо драмы отдельных личностей, страдающих от своих личных свойств, Чехов рисует драму среды; она мучится от тех условий, которые создались именно от соединения персонажей в группу, в неразрывных силках которой тщетно бьется отдельная личность, не видя себе выхода. Не личные страсти, а взаимные шероховатости в отношениях данного общества составляют ось чеховских пьес. Вместе с тем, совершенно отсутствует у Чехова деление персонажей на добродетельных и порочных, на злодеев и жертв. Все это средние люди со средними пороками и средними достоинствами, но попавшие в тягостную и для себя, и для других группировку. Перенесите их в другую среду, и они заживут той жизнью, которую тщетно ищут теперь вокруг себя. Но такое перестроение для них невозможно, и поэтому им остается только пророчествовать о том счастье, которое предстоит испытать человечеству через 200–300 лет. Существенная черта большинства чеховских персонажей состоит в их пассивности; в течение пьесы они обыкновенно только выражают свое угнетенное настроение, жалуются на судьбу, мечтают об отдаленном счастье, стремятся на словах вырваться в туманную даль, какой для трех сестер является Москва, из засасывающей их среды, но ничего не делают, ничего не предпринимают для осуществления этой мечты. Поэтому в их чертах видно какое-то сходство с теми «лишними людьми», которых впервые ввел в нашу литературу Тургенев. <...> При таком составе персонажей в пьесах Чехова нет и специально драматического действия, почему фабула пьесы не имеет почти никакого значения: перед нами не драматическое изображение «события», а обыденная страница жизни без всяких внешних эпизодов и кричащих событий, не только захватывающая, но и потрясающая, как в «Дяде Ване», зрителя, прежде всего, своей удивительной искренностью.

Отказавшись от деления персонажей на добродетельных и порочных, Чехов пошел дальше и сумел найти примиряющие зрителя черты даже в наименее симпатичных образах. Заглянув в глубину души каждого из своих персонажей, Чехов умел двумя-тремя чертами обнаружить и их права на соживание. <...>. Поэтому установить границу, где Чехов

перестает сочувствовать своему персонажу и начинает над ним смеяться, давая место сатире, крайне трудно, почему актерам надо соблюдать особую осторожность при исполнении этих, на первый взгляд, отрицательных типов. Гуманный, глубоко чувствовавший своей отзывчивой душой всю боль мира, Чехов как бы подтверждает своими пьесами слова Лира⁴: «нет в мире виноватых», и это примиряющее, мягкое и теплое настроение обволакивает все его пьесы, вызывая, может быть, отчасти и этим такой неизменный подъем сочувствия и любви к их автору. <...>

Как ни живы, как ни близки нам отдельные персонажи чеховских пьес, разгадать сущность каждого из них, проникнуть в глубину авторского замысла так же трудно, как трудно разгадать и определить одним словом душу живого человека: они слишком сложны для этого, и это распространяется не только на отдельные роли, но и на целые пьесы, из которых, например, «Вишневый сад», допуская несколько попыток символического толкования, в то же самое время является единственной в своем роде сатирой на идущее в сруб дворянство, почему эта пьеса сохраняет громадное бытовое, сатирическое значение и помимо своей внутренней, символической ценности. <...>

Литература

1. Петровский Н.М. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1908. – № 10. – С. 419–424. – Рец. на кн.: Варнеке Б.В. История русского театра. Ч. 1. XVII – XVIII вв. – Казань, 1908.
2. Асеев Б.Н. Историография русского театра от его истоков до конца XVIII века Б.Н. Асеев // Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. – М., 1977. – С. 47–50.
3. Снегина Т.Б. Б.В. Варнеке как историограф науки о театре / Т.Б. Снегина // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения. – Казань, 2008. – С. 109–115.

Подготовка текста: Р.А. Бакиров, А.В. Софьина

⁴ Лир – герой пьесы английского драматурга У. Шекспира «Король Лир» – Примеч. ред.

П.В. Владимиров

Начало русского театра и взгляд на его дальнейшее развитие¹ (1883)

Ключевые слова: история театра, безыскусственные народные драмы, народные обряды и праздники, мистерии и миракли, эволюция русской комедии.

Русский театр в настоящее время представляет самое выдающееся развлечение более или менее образованного общества. <...>

В древней России до второй половины XVII века не было театральных представлений, а были только безыскусственные народные драмы. Эти зародыши сохраняются и до сих пор в русских народных обрядах, играх и праздниках.

<...> [Песни свадебных обрядов. – Ред.]' <...> проникнуты древнерусской поэзией и ведут свое начало, несомненно, с древнекняжеских свадеб.

<...> Зародыши народной драмы проглядывают и во многих детских, хороводных и беседных играх <...>. Но эти зародыши не получили более искусственной обработки. Мало того, они даже подвергались преследованию со стороны духовенства и религиозно развитых людей.

За несколько времени до появления настоящего театра, в царствование Алексея Михайловича, издана была грамота – последнее постановление древней Руси против народного веселья <...> Упомянутые в этой грамоте «скоморохи» и постановления против них встречаются в древнейших памятниках русских и византийских. Наука признала в них особое сословие комедиантов, которые, несмотря на все запрещения, играли важную роль в жизни русского народа <...>.

В истории образованных народов Западной Европы <...> драматические зародыши в обрядах, играх и праздниках стали сливаться с церковными праздниками и с церковным богослужением. Сама церковь отзывалась на это стремление, привлекая к собственно христианским зрелищам – мистериям и мираклиям – представления из Ветхого и Нового Завета и Житий Святых. Но народ, привлеченный духовенством к

¹ Владимиров П.В. Начало русского театра и взгляд на его дальнейшее развитие / П.В. Владимиров. – Екатеринбург: Тип."Екатеринбург. недели", 1883. – 13 с.

мистериям, особенно любил вставочные сцены народно-бытового характера, так называемые интерлюдии. Эти интерлюдии развились, со временем, в бытовую комедию. С эпохи возрождения, под влиянием традиций классической древности, являются первые правильные трагедии и комедии. Наконец, является Шекспир <...>. Театральные представления сделались необходимою частью школьного образования, в особенности в католических и иезуитских школах. <...> В начале XVIII века в Европе явились странствующие актеры. Таким странствующим актером во Франции начал свою деятельность знаменитый комик Мольер.

<...> У нас явилось стремление познакомиться с европейским театром <...>

<...> [Русский театр] был вызван завязавшимися сношениями России с Западной Европой. Русские бояре-посланники доносили царю, какие блестящие поразительные театральные представления видели они при дворах европейских государей. И вот, царь Алексей Михайлович, посоветовавшись предварительно со своим духовником, указавшим на театральные зрелища византийских императоров, «указал» вывезти из-за границы <...> музыкантов и комедиантов. <...> магистр Грегори <...> сформировал труппу в 64 человека, частию из Немецкой слободы, частию из детей русских служилых людей.

Это было в год рождения великого преобразователя России², в 1672 году. <...>

Петру Великому принадлежит <...> важный шаг в истории русского театра: он выдвинул театр из царского дворца на площадь. Комедиальная хоромина была выстроена <...> на Красной площади в Москве с тем, чтобы театр был доступен «всякого чина людям – охотным смотрельщикам». <...> В репертуаре времен Петра Великого мы видим значительный шаг вперед: здесь встречаются такие пьесы, как комедии Мольера <...>. После Петра Великого русский театр долго пробовляется или духовными мистериями, или <...> переводами иностранных пьес, <...> пока не появляется первый даровитый подражатель европейским драматическим писателям – Сумароков со своими пьесами из древней русской истории.

В 1763 году в первый раз на Петергофском театре появляется оригинальная русская комедия Фонвизина «Бригадир», за нею следует классическая комедия: «Недоросль». С тех пор русская комедия

² Речь идёт о российском императоре Петре I – Примеч. ред.

упрочивается. Мало того, живучими драматическими произведениями в русской литературе являются по преимуществу комедии. И «Недоросль» с «Горе от ума», и «Ревизор» не сходят <...> и долго еще не сойдут со сцены русского театра <...>.

<...> Будем надеяться, будем ожидать, что для русской драмы предстоит прекрасное будущее, когда она займет русский ум и русское чувство <...>.

Подготовка текста: А.Н. Пашкуров

Н.М. Петровский

К истории театра в Казани¹ (1901)

Ключевые слова: история театра в Казани, Казанская Духовная семинария.

Из статьи о.[тца] Мих.[аила] Архангельского «Преосвященный Вениамин (Пуцек-Григорович), митрополит Казанский и Свияжский» («Странник» 1866 г., январь) известно (стр. 7), что в казанской архиерейской школе, устроенной преосвященным Тихоном, ученики до 1726 г. обучались под руководством некоего Василия Свентицкого, между прочим, «...гратуляций и приветствий, различных комедийных акций, которые различны с начала учения целебровалися повсегодно в семинарии казанской публично, такожде интермедий». Существовали подобные представления и позднее, причем на покупку для них различных принадлежностей в 1730 году было израсходовано 5 рублей (*ibid.*).

Профессор И.М. Покровский обязательно сообщил нам несколько подробностей, дополняющих эти сведения и заимствованных из дела № 123, 1732 г., хранящегося в Петербургском синодальном архиве. Здесь в расходе по казанскому архиерейскому дому за 1726 год отмечено: «Школьникам за рацеи 20 коп.»; так как запись относится к апрелю, то, вероятно, «рацеи» произносились на Пасхе. В декабре того же года записано в расходной статье: «В даче Казанской семинарии учителю от сочинения комедии в прибавок 5 руб.» (лист 119), «ему [же?] за учение детей трактаменту за 5 года 18 руб.». За первую половину года учитель получил в июне тоже 18 руб. По-видимому, на святах семинаристы разыгрывали пьесы; по крайней мере, в расходе за 1727 г. находим такую запись: «В декабре заплачено от комедии иноземческой, при которой благоволил быть преосвященный Сильвестр², в даче комедии той сочинителю 2 руб. 50 коп.» (л. 172); может быть, для этого же представления было истрачено «на покупку палашей с протупеями и с ножнами 1 р. 70 коп.».

¹ Петровский Н.М. К истории театра в Казани / Н.М. Петровский // Изв. О-ва археологии, истории, этнографии. – 1901. – Т. 17, вып. 2/3. – С. 146–147.

² Холмский (1725–1731) – Примеч. ред.

Сообщая здесь эти сведения, позволяем себе выразить надежду, что лица, которым доступны какие-либо данные по начальной истории театра в Казани, не откажутся поделиться ими с читателями «Известий»; подобные данные могут быть найдены в мемуарах и тому подобных произведениях; известно, например, что в рукописном труде К. Милковича «Историографическое описание о Казанской губернии» есть сведения³ о театре помещика Есипова (в селе Юматово), бывшего одним из первых антрепренеров казанского театра (в начале XIX века; см. об этом в книге профессора Н.П. Загоскина «Спутник по Казани», Казань, 1895, стр. 393–396).

Подготовка текста: Е.А. Аликова

³ См. статью В.Л. Борисова об этом труде, «Известия», XIV, 505 – Примеч. ред.

Восприятие русской литературы за рубежом

Д.П. Шестаков

Русские писатели в немецкой оценке¹ (1901)

Ключевые слова: *русская литература XIX века, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, зарубежная литературная критика, Э. Цабель.*

I.

Какое значение имеют для русского читателя отзывы иностранной критики о наших писателях? Мне кажется, отзывы эти могут быть важны в качестве проверки наших собственных литературных впечатлений. Когда мы судим литературное произведение, с которым знакомы с детства, с которым мы свыклились и сроднились душой, – не трудно впасть в некоторое преувеличение его значения, в некоторое пристрастие к автору. Иностранный критик подходит к той же работе с совершенно новых точек зрения, как человек вовсе посторонний, и от него возможно скорее ожидать литературной оценки вполне объективной и беспристрастной. Но дело не лишено и опасных сторон, и именно для иностранного критика. Надо помнить, что художественная литература представляет высшее обнаружение народного духа, народного мировоззрения и культуры. Это широко развесившееся дерево, корни которого скрываются глубоко в родной земле. И без обстоятельного изучения всех бытовых, общественных, политических условий, создавших нашу литературу, подготовивших и вызвавших к жизни, в частности, данное литературное произведение, иностранному критику нельзя, строго говоря, сделать и шагу в самостоятельной оценке произведения. Это до крайности усложняет задачу критика. Очень понятно, почему многие избирают иной, несравненно более лёгкий и прямой путь: именно они

¹ Шестаков Д.П. Русские писатели в немецкой оценке / Д.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 61 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XI).

всесильно доверяются русской критике, писавшей о данном авторе, рабски следуют за её приговорами и в результате дают, конечно, довольно верную и отчётливую, но глубоко несамостоятельную, не вносящую в литературу ничего нового работу.

Наблюдаются, наконец, и такие случаи. Иностранный критик относится к своей задаче с совершенной добросовестностью: мы видим все усилия его оценить русского автора спокойно и нелицеприятно. И, однако, его критическая работа производит на нас впечатление чего-то неясного, недоговоренного, неполного, во всяком случае, нас совершенно не удовлетворяющего. Что же тогда? Ошибаемся ли мы, отставшие ученики Запада, в своём непосредственном чувстве, или самому Западу органически присуща некоторая упорная тупость в суждениях об известных существенных проявлениях русской жизни и русской культуры?

Высказанные выше мысли внушила нам интересная книга немецкого критика Цабеля: «Русские литературные портреты», вышедшая в позапрошлом году вторым изданием в Берлине. Книга содержит краткие биографии и литературные характеристики шести русских писателей: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Льва Толстого и Тургенева. В немецком авторе нельзя не признать критика образованного и осторожного, с серьёзным изучением и самостоятельным суждением. Он не лишён известной подготовки к своей интересной для русского читателя задаче. <...>

Юбилейная статья господина Цабеля о Пушкине начинается явным преувеличением. «Воспоминание об Александре Пушкине, – говорит немецкий критик, – представляет для русских предмет безграничного почтения. Можно сказать, оно является для них святыней, воодушевляет их непосредственно почитанием и религиозным чувством. Вокруг Пушкина создалась целая литература», – в том числе и «народные издания всякого рода».

Так, действительно, должно было бы быть в идее, но на самом деле этого, к стыду нашему, нет и до сих пор. Ошибка немецкого критика произошла от смешения Пушкина как всемирного гения, каков он есть, с Пушкиным как поэтом народным. По содержанию своей поэзии Пушкин, конечно, народный поэт, но по признанию его в народе он не был и не есть таковым. Замечания господина Цабеля в данном случае совершенно лишены исторической перспективы. <...>

Переходя к фактической оценке поэзии Пушкина, немецкий автор отмечает, что Пушкин первый на своей родине сообщил поэзии устойчивые формы и отметил свои типы печатью национальных особенностей. «До Пушкина, – говорит г. Цабель, повторяя в данном случае, может быть, слишком решительного Белинского, – в России была только риторическая игра прекрасными чувствами, которые заимствовались из чужих краёв и холодно и искусственно реяли над действительностью, или картины национальной жизни, которые не могли претендовать ни на какое нравственное или эстетическое значение. Пушкин, напротив, не ограничился подражанием западноевропейской поэзии, но могучей рукой широко посеял по русской степи поэзию Франции, Германии и Англии, чтобы взрастить из национальной почвы поэтическую жизнь. <...> Он сообщил родному своему языку блеск и богатство, тонкость и правду выражения, каких язык даже приблизительно не имел до него. <...>» <...>

О лирике Пушкина немецкий критик не даёт больших подробностей, хотя сам замечает, что именно в лирических стихотворениях «содержится тончайший экстракт натуры поэта, в его чистой идеальности, его стремлениях и страданиях. Для глубочайших чувств дружбы и любви он находит самые чистые, простые, убедительные звуки. Он всегда ясен, нагляден, одушевлён. Художник, который в серой обыденности находит темы, которые горячностью своего чувства и музыкой языка возвышает в высокую и, однако, всем доступную сферу». Это очень красивые и справедливые замечания <...>. Никакая критическая характеристика не в состоянии так приблизить к поэту, как десяток-другой его подлинных стихов в возможно точной передаче.

II.

В сочинениях Гоголя, по указанию немецкого критика, отражается, прежде всего, малорусское происхождение писателя. <...>

<...> Особенности, кроющиеся в самой национальности Гоголя, объясняют солнечный юмор его первых произведений, но не исчерпывают ещё характеристики его поэзии во всем её объёме. «Новые темы, – продолжает немецкий критик, – делают из Гоголя нового человека, сатирика, который посещает базар житейской суеты и приходит к сознанию, что люди не только добродушны, глупы и суетны, но и злы, дурны, противны». Однако и в этой его безжалостно поражающей сатире пробивается по временам его мечтательное, мягкое настроение,

доминировавшее в первых произведениях Гоголя. В его сатире смешаны улыбки и слёзы. <...>

<...> Первой решительной битвой, которую дал Гоголь окружавшей его русской жизни, так давно и так пристально им наблюдавшейся, был «Ревизор». 27-летний писатель выступил здесь в полной силе своего таланта. Это, по замечанию немецкого критика, классическая русская комедия, в большой сценической значительности которой убедились с некоторого времени и в Германии, убедились благодаря постановке «Ревизора» на Берлинской сцене. Только, добавляет господин Цабель, чтобы верно судить об этом драгоценном произведении, необходимо стать на специфически русскую точку зрения, и ввиду мошенничества, о которых идёт речь в пьесе, не пускаться в сентиментальность и не жаловаться на грусть ситуации, как это случалось со многих сторон слышать. <...>

В характеристике главного героя комедии Гоголя мы однако не можем согласиться с немецким автором. По словам г. Цабеля, Хлестаков воплощает в себе русское легкомыслие, так называемую широкую («Schirokaja») натуру, которая не умеет приучиться к мере,держанности и порядку. Напротив, Хлестаков, на наш взгляд, представляется натурой существенно узкой, рабски обузившей все живые, человеческие стремления в единственном искании внешнего блеска. <...> И не говоря уже о том, что широкая натура предполагает если не личную инициативу, то некоторую самобытность и самостоятельность, – но довольно представить себе Хлестакова в положении трагическом, чтобы убедиться, что это вовсе не широкая и, может быть, даже и не русская натура. <...>

Зато «Мёртвые души» немецкий автор, не обинуясь, признаёт одной из самых влиятельных книг всемирной литературы, книгой, в которой всего лучше узнаётся сущность и особенности искусства Гоголя. «Со всей силой своего анализа характеров, – продолжает Цабель, – он создаёт ряд захватывающих картин, при виде которых мы то громко смеёмся, то чувствуем глубокое сострадание, то совершенно потрясены. К особенностям духовной организации этого писателя принадлежит то, что оба направления его натуры – реально-сатирическое и идеально-мечтательное – бегут в нём рядом, как воды двух ручьёв, которые не хотят соединяться вместе. Он глубоко проникает в недуги русского государственного и общественного тела, которые нуждаются в помощи врача <...>».

<...>

III.

«По поэтической тонкости и художественной зрелости, – начинает следующий очерк немецкий критик, – Достоевского нельзя сравнить ни с Тургеневым, ни с Толстым, но как литературный характер он представляет величайший интерес <...>. На собственной личности он испытал, как никто другой, разорванность (das Zerrissene) русской жизни. Он прошёл школу страдания, и однако из этой ночи нашёл путь к свету <...> Говоря о Достоевском, нечего и упоминать о гармонии и художественной ясности Тургенева, натура которого обняла современное образование в полном объёме. Даже гениальная односторонность Толстого в понимании особенностей русской натуры должна для нас стоять выше, так как в основе её лежит определённая цель и всё более уясняющая себя внутренняя сила. Достоевский не тот врач, который приносит исцеление больным. Он болен сам, но знает своё положение так точно, что является классическим свидетелем для истории и сущности человеческих страданий <...>». <...>

Нам кажется, однако, что сам критик усваивает ничуть не менее одностороннюю току зрения, когда он старается представить Достоевского исключительно мучеником политических и общественных условий русской жизни, когда в биографии писателя он буквально делает самую строгую критику русских порядков, русского суда, русской ссылки и проч.

<...> Против узкой немецкой тенденции принижать всё русское, закрывая глаза на аналогичные факты в просвещённой Европе мы можем и должны протестовать. Тем более мы вправе это сделать, что в биографии Достоевского у Цабеля критик литературный совершенно поглощается общественным критиком. <...>

<...> По его [Цабеля. – Ред.] словам, «Преступление и наказание» – несомненно, одна из замечательнейших книг, которые вообще может указать новейшая повествовательная литература. <...> мы чувствуем всю тонкость и правду психологического анализа и остаёмся, однако, в величайшем напряжении, так как каждая черта характера всё более приближает к нам людей, о которых идёт речь <...>».

Дальнейшее литературное творчество Достоевского, в глазах немецкого критика, представляет полный упадок таланта. <...>

IV.

<...> Творчество Гончарова господин Цабель определяет как «современную идиллию на реальной основе». «Гончаров, – пишет критик, – поэт в тесном смысле слова, без разрушительных побочных идей, чистый художник и отличается тем от всех почти других беллетристов своего народа. <...> Все другие писатели – современные люди и представляют нам Россию в горячем стремлении усвоить себе наследие Запада. Один Гончаров консервативен, старомоден, как почитатель бытописания старой России и её наивным рабством, её патриархальными учреждениями. <...> Гончаров научает нас ценить и любить обыденное <...>». <...>

Помимо всего прочего немецкого автора особенно привлекает в Гончарове его симпатия к немецкой натуре... «Когда в своём главном произведении он заставляет чисто русскую натуру, давшую имя самому роману, гибнуть от своей мечтательности и безделья, а в его друге, немце, рисует деятельность, верность долгу и любовь к порядку, – то это распределение ролей ясно говорит само за себя. Миллионы газетных листов, раздувающих ненависть к немцам, не могут предать забвению, что мыслил и написал об этой теме один из величайших русских поэтов». <...>

Заключительные замечания господина Цабеля об авторе «Обломова»: «Гончаров возвратил русскую музу, которую часто против воли заставляли участвовать в бурях общественной жизни, от которой требовали много жестокости, ненависти и злобы, снова возвратил к простым людям и радостной жизни, с шумного рынка современных идей в тишину дома, в лоно семьи. Он ни одним шагом не переступил при этом почвы действительности и показал своему народу, как и всем тонко чувствующим читателям, что для истинного поэта понятия *правда* и *красота* не идут рядом друг с другом непримирёные, но могут быть художественно соединены во взятой с натуры, освещённой юмором картине жизни и внушаемы с равной силой».

V.

«Для большой массы публики, – начинает немецкий автор свой очерк о Льве Толстом, – этот удивительный человек интереснее, чем какая-либо другая личность в литературе. Он окружился покровом таинственности и тем, что мы слышим о его жизни и судьбе, действует едва ли не больше, чем своими сочинениями, на фантазию читателя. К сожалению, в обширной литературе о Толстом слишком сильна анекдотическая часть,

которая так односторонне преувеличена, что, в результате, не слишком много остаётся известного о величии писателя и значении его характера. Большинство видит в нём не столько перворазрядного писателя, автора произведений, которые в части могут претендовать на бессмертное значение для всемирной литературы, – сколько святого чудака <...> Многие склонны также сомневаться в совершенном здравии умственных способностей графа. Они спрашивают себя, не есть ли странная жизнь, которую он ведёт, начало конца и не последует ли в результате религиозный мистицизм Гоголя. <...> Хуже всего то, что мы должны говорить о поэтических сочинениях графа как о чём-то прошлом и законченном. Поэт Толстой всё равно, что умер. В нём остался жить только воспитатель и учитель родного народа, исследователь Библии, готовый к помощи друг бедных, великий и благородный человек <...>»

До сих пор мы передавали собственными словами критика его мнение о последних беллетристических произведениях Толстого. Мы лично не принадлежим к исключительным поклонникам того резко учительного тона, которым отмечены эти произведения. Но необходимо всё-таки в точности обозначить права художественной критики, которые господин Цабель в данном случае едва ли не переступил. Как художественный критик он совершенно вправе отметить художественные недостатки «Крейцеровой сонаты» и её героя, что, конечно, с другой стороны, ничуть не умаляет всемирного общественного и нравственного значения повести. Он вправе указать на подражания самому себе Толстого в «Хозяине и работнике» <...>. Мы не отнимаем у художественного критика права с той же чисто художественной точки зрения отнестись и к погрешностям «Воскресения», которых в романе гораздо больше, чем указано г. Цабелем. Но голословно обвинить сюжет последнего романа Толстого в «отвратительности» немецкий критик не имел права. <...> Для серьёзного критика такая решительная краткость в оценке сюжета «Воскресения» дело совершенно неподходящее. В глазах художественного критика центральное значение принадлежит не сюжету, но исполнению, вопросу не *что*, но *как* изображено в художественном произведении. <...>

<...> Сложность натуры Толстого проистекает едва ли не от сложности исторического момента, к которому он подошёл своими новейшими произведениями. Как и Достоевский в последних романах, Толстой стоит на рубеже двух резко отличных эпох нашего исторического развития: эпохи блестящего развития нашей художественной литературы – и другой эпохи, содержание которой ещё недовольно определено, но

которая, несомненно, не может быть эпохой преобладающего художественного расцвета: такие две эпохи в непосредственном соседстве никогда в истории не встречаются. <...> немецкий критик как человек с художественным чувством должен был, прежде всего, залюбоваться строгой последовательностью и внутренней логичностью в развитии Толстого, высокой простотой, искренностью и чистотой его личности и стремлений.

Возвращаясь к прежним произведениям великого писателя, немецкий критик отмечает, что уже молодые произведения Толстого отнюдь не производят «впечатления незрелости и незаконченности». Весь Толстой выражается уже в них резко и неотразимо со своим оригинальным пониманием людей и природы, своей глубоко проницающей наблюдательностью, своей любовью к правде и искренности. Чувство фактического развито в нём уже в ранней юности в поразительной степени. Он смотрит вокруг себя с остротой, которая проникает через все покровы. В нём есть неотразимая врождённая потребность – судить вещи не по общепринятым понятиям в духе школьной мудрости, но познавать их из глубины своего существа фантазией и чувством, ухом, глазом и всеми органами чувств. В то же время это идеальный человек, который завоевал себе путь в жизни и принёс из него домой свои раны и недуги. Нет для него ненавистнее фразы, придуманности и лжи. Он может, как поэт, воспроизводит лишь то, что он внутренне переработал, за что, так сказать, заплатил своей кровью. <...>

Отсюда его творчество носит характер непосредственной необходимости, при которой одно вырастает из другого, и целое ярко освещает личность творца. Содержание его повестей и романов представляет борьбу этой могучей натуры, в умственном отношении, за познание и истину, в нравственном – за чистоту чувства и деятельную любовь. <...>

VI.

Последний очерк книги г. Цабеля носит заголовок «Иван Тургенев и женщины». Очерк довольно бледный, и Тургенев заслуживал бы чего-либо лучшего. <...>

Наши замечания о книге Цабеля зачастую переливаются в полемику с немецким автором. Это не должно нас смущать, доказывая только, какую живую литературную силу имеем мы в авторе «Русских литературных портретов». Главное достоинство книги – принадлежность её автору

серьёзному и самостоятельно мыслящему. Капитальный её недостаток – ещё старонемецкое отношение к русской литературе и крупнейшим её представителям. Это отношение старшего к младшему, старого, строгого ментора к недисциплинированному, хоть и обещающему первокласснику. Наша литература развилась уже так широко и многосторонне, она дала нам таких сердцеведцев и пластиков, такие картины русской природы и русской души, что удовлетвориться подобным отношением иностранной критики мы не можем. <...> и в самой Германии такое отношение к русской литературе в настоящее время оказывается в значительной мере уже анахронизмом. Будем надеяться, что это литературное сближение и понимание будет развиваться и далее. Будем надеяться, что Пушкин и Гоголь, Достоевский и Тургенев, в их подлинном виде и вдумчивом изучении, всё более откроют немецкому читателю русскую разновидность всемирной культуры, как открыли и открывают нам немецкое миропонимание давно знакомые и близкие русскому читателю Гёте и Шиллер, Гауптман и Зудерман.

Литература

1. [Г-л.] По поводу доклада Шестакова о русских писателях в немецкой оценке. (Общие принципы русской и иностранной критики) // Волжский вестник. – 1901. – № 235.
2. Воронова Л.Я. Вопросы критики в трудах Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Критика и ее исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998). – Казань, 2003. – С. 60–70. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publication/2003/kritika.php?sod=15>
3. Воронова Л.Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – Т. 150, кн. 6. – 2008. – С. 7–18/ То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/54256722.pdf>

Подготовка текста: Л.Р. Хузеева

II. Биографические справки

АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Александр Семёнович (1854–1926), историк русской литературы и языка, критик, профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Окончил Пензенскую Духовную семинарию (1872) и историко-филологический факультет Казанского университета (1876). Два года был учителем словесности в Симбирской гимназии. В 1878 избран профессорским стипендиатом при кафедре русской словесности. С 1882 по 1908 преподавал в Казанском университете: доцент (1882), экстраординарный профессор (1884), ординарный профессор (1890), заслуженный профессор (1907). С 1904 член-корреспондент Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Занимался изучением истории древнерусской литературы, чему посвящены его магистерская («Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси». СПб., 1882) и докторская («Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений» (Казань, 1889–1891. Ч. 1–4) диссертации и многочисленные труды. Автор исследований по истории литературы и театра XVIII в., жизни и творчестве Г.Р. Державина, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, С.Т. Аксакова, Д.В. Григоровича, П.Д. Боборыкина. Составитель и редактор первого «Полного собрания сочинений В.А. Жуковского» в 12 томах (СПб., 1902) и «Полного собрания сочинений В.А. Жуковского» в 3 томах (Пг., 1918).

Активно участвовал в научно-общественной жизни университета, Казани, России: член Общества любителей российской словесности при Московском университете, Московского археологического общества, Общества любителей древней письменности, Общества археологии,

истории и этнографии, Педагогического общества. Организатор и председатель Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Казанском университете (1899–1904). Сотрудничал в журналах «Исторический вестник», «Русское обозрение», «Пантеон литературы», «Филологические записки», «Русская старина», «Православный собеседник», «Ученые записки Казанского университета» и других.

В 1908 переехал в Петербург; преподавал в Санкт-Петербургском университете и других учебных заведениях города. После 1917 стал одним из организаторов и основателей Симбирского пролетарского (с 1920 государственного) университета, ректор (1919–1921).

Соч.:

1. *Архангельский А.С.* В. А. Жуковский (1783–1852). Первые годы его жизни и поэтической деятельности (1783–1816): [Чит. публично в зале Ун-та, 29 янв. 1883 г.] / А.С. Архангельский // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1883. – Т. I. – С. 127–163.
2. *Архангельский А.С.* Русский театр XVIII в. (Очерки и материалы) / А.С. Архангельский // Русское обозрение. – 1894. – Т. 27. – № 5. – С. 253–284; № 6. – С. 731–761.
3. *Архангельский А.С.* Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования: [Чит. в торжеств. собр. Имп. Казан. ун-та, 24 нояб. 1896 г.] / А.С. Архангельский // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1897. – Т. IX. – С. 151–180; Т. X. – С. 1–56.
4. *Архангельский А.С.* А.С. Пушкин в Казани: (5–8 сентября 1833 года): Несколько слов о пребывании А.С. Пушкина в Казани, с присоединением относящихся к этому литературных материалов / А.С. Архангельский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 69 с.
5. *Архангельский А.С.* Итоги ста лет: Канун Пушкина: [Обзор рус. лит.] / А.С. Архангельский. – Казань, 1907. – 494 с. [Литограф. курс лекций].
6. *Архангельский А.С.* Драматургия Екатерининской эпохи // История русского театра / Под ред. В.В. Каллаша и Н.Е. Эфроса, при ближайшем участии А.А. Бахрушина и Н.А. Попова, художественной частью заведует Н.А. Коровин / А.С. Архангельский. – М., 1914. – Т. 1. – С. 211–316.

О нём:

1. Архангельский А.С. // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского; изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб., 1890. – Т. 3. – С. 213.
2. Кабанова Н.П. Архангельский А.С. / Н.П. Кабанова // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 111–112.
3. Воронова Л.Я. Александр Семенович Архангельский, 1854–1926 / Л.Я. Воронова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с.

4. *Воронова Л.Я.* Архангельский Александр Семенович / Л.Я. Воронова // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 8–15.
5. *Воронова Л.Я.* Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 252 с.; илл.
6. *Воронова Л.Я.* А.С. Архангельский: путь в науку / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки.– 2013. – Т. 155, кн. 2. – С. 21–36. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/86568887.pdf>

Л.Я. Воронова

БОБРОВ

Евгений Александрович (1867–1933), философ, историк русской литературы, критик, переводчик, профессор.

В 1889 окончил Дерптский (Юрьевский – с 1893) университет по двум отделениям: историко-филологическому и философскому. С 1893 по 1896 преподавал в университете древнюю и новую историю философии, логику, психологию. В 1895 защитил магистерскую диссертацию по философии «Отношение искусства к науке и нравственности» (Юрьев, 1895).

В 1896 переведен в Казанский университет профессором философии. Один из первых в России ввёл преподавание педагогики и истории педагогики. Параллельно вёл занятия по русскому языку и истории в Казанском пехотном юнкерском училище. В 1898 присвоена степень кандидата русской словесности за диссертацию о Д.В. Веневитинове.

Принимал участие в организации Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. Занимался исследованиями в области истории русской литературы, просвещения XVIII–XIX вв. В числе первых обратился к изучению краеведческих материалов, архивов, что позволило по-новому взглянуть на роль провинциальной литературы и литераторов в процессе развития, изменения и становления русской культуры в целом. Особое внимание уделял изучению жизни и творчества Боратынского, Державина, Каменева, Лажечникова, Пушкина и публицистов, учёных, имевших отношение к Казани, а также деятельности литературно-философских кружков, научных обществ, студенческих корпораций Казани и Саратова, сыгравших важную роль в распространении идей просвещения в провинции.

Активно публиковался в таких журналах, как «Русская старина», «Исторический вестник», «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», «Варшавские университетские известия», «Ученые записки Казанского университета», в сборниках ученого-литературного общества при Юрьевском университете.

В 1906–1915 работал в Варшавском университете; после 1917 г. – заслуженный профессор Донского (Северо-Кавказского) университета.

Соч.:

1. *Бобров Е.А* Этические воззрения графа Л.Н. Толстого и философская их критика / Е.А. Бобров. – Юрьев: Печ. К. Маттисена, 1897. – 100 с. (Переиздание: Москва: URSS: Либроком, сор. 2011. – 100 с.).
2. *Бобров Е.А* Философия и литература: Сб. ст. (1888–1898). Т. 1. / Е.А. Бобров. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – 170 с.
3. *Бобров Е.А.* А.А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов / Е.А. Бобров // Русская старина. – 1904. – Т. 118, № 6. – С. 481–509; Т. 119, № 7. – С. 5–35.
4. *Бобров Е.А* А.С. Пушкин в Казани / Е.А. Бобров // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-ни рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. – СПб., 1905. – Вып. 3. – С. 23–67. (Отд. отт.: СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. – 45 с.).
5. *Бобров Е.А* Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий / Е.А. Бобров // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1906. – Т. 11, кн. 4. – С. 318–371. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1906/04/064-318.htm>.

О нём :

1. Бобров Е.А. // *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней) / С.А. Венгеров. – СПб., 1893. – Т. 4. – С. 55–56.
2. ХАРИТЕΣ. Проф. Е.А. Боброву признательные ученики в честь четвертьвековой (1888–1913) его работы на поприще науки и литературы. – Варшава: Тип. «Русского Общества», 1913. – 123 с.
3. *Беляев М.* Профессор Северо-Кавказского гос. университета Евгений Александрович Бобров (Обзор научной и педагогической деятельности к сорокалетию его деятельности, 1888–1928 гг.) / М. Беляев // Изв. Сев.-Кавказ. гос. ун-та. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 7–18.
4. *Лепёхин М.П.* Бобров Е.А. / М.П. Лепёхин // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 291–292.
5. *Воронова Л.Я.* Бобров Евгений Александрович / Л.Я. Воронова // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост. Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова: науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 15–19.
6. Бобров Е.А. (К 145-летию) / Южный федеральный университет [Электронный ресурс]. URL: http://library.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=280:-145-&catid=13:show&Itemid=81.

Л.Я. Воронова

БУДДЕ

Евгений Фёдорович (1859–1929),
историк языка и литературы, критик,
профессор, член-корреспондент
Петербургской Академии наук.

В 1884 окончил Новороссийский университет. Преподавал русский язык и словесность в учебных заведениях Кишинёва (с 1884), Одессы (1886–1890), в Скопинском реальном училище (1890–1893). В 1893 защитил магистерскую диссертацию «К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора» в Московском университете.

В 1893 назначен приват-доцентом в Казанский университет на кафедру русского языка и литературы; в 1894 утверждён в должности экстраординарного профессора. За докторскую диссертацию «История великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии» (1897) награжден Ломоносовской премией Академии наук. С 1897 по 1919 – ординарный профессор. После упразднения историко-филологического факультета профессор на факультете общественных наук, в 1922 перевёлся в Восточный педагогический институт и преподавал там до конца жизни. С 1916 – член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Ценитель и знаток творчества А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, одним из первых в русской филологической науке обратился к исследованию языка писателей, рассмотрел его в контексте развития русского литературного языка XVII–XIX вв., выявил своеобразие каждого из писателей. Автор статей о Белинском, Грибоедове, Полонском, Чехове и др. Принимал участие в организации и проведении литературных праздников, посвященных юбилеям русских писателей; выступал с публичными лекциями, руководил студенческим драматическим кружком. Состоял членом Общества археологии, истории и этнографии, Общества любителей русской словесности в память АС. Пушкина, один из инициаторов создания и председатель (1904–1911) Педагогического общества при Казанском университете. Сотрудничал в ведущих журналах

России: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Филологические записки» и др.

Занимался просветительской и организационно-педагогической деятельностью: член Попечительского совета Казанского учебного округа (1899–1914), Совета Родионовского института (с 1903), учредитель и первый выборный директор Высших женских курсов (с 1906), депутат от округа по производству испытаний по русскому языку в гимназиях Казани и выпускных экзаменов в Казанском реальном училище. В 1911 – заведующий словесным отделением и руководитель теоретических одногодичных курсов для подготовки учителей средних учебных заведений.

Соч. :

1. *Будде Е.Ф.* Мифический элемент в русской народной словесности. С предисл. и введением. Вып. 1. / Е.Ф. Будде. – Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1885. – 106 с.
2. *Будде Е.Ф.* А.С. Пушкин в борьбе за права русского гражданина: юбилейная речь, читанная на Торж. собрании Казан. ун-та 26 мая 1899 г. / Е.Ф. Будде // Русская мысль. – 1900. – Кн. X. – С. 130–146.
3. *Будде Е.Ф.* Личность В.Г. Белинского как литературного деятеля / Е.Ф. Будде // Вестник Европы. – 1900. – № 10. – С. 527–555.
4. *Будде Е.Ф.* Нравственная личность женщины при современном общественном строем / Е.Ф. Будде. – СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, [1907]. – 37 с.
5. *Будде Е.Ф.* Личность Гоголя в его литературных произведениях и письмах / Е.Ф. Будде // Русская мысль. – 1910. – Кн. X. – С. 161–199. (Отд. отт.: М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнеров и К, 1910. – 40 с.).

О нём:

1. Будде Е.Ф. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 41–45.
2. *Мироносицкая А.Н.* Библиография трудов члена-корреспондента АН СССР профессора Е.Ф. Будде / А.Н. Мироносицкая // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Йошкар-Ола, 1964. – Вып. 3. – С. 357–375.
3. *Андреева Л.С.* Евгений Фёдорович Будде (1859–1929) / Л.С. Андреева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 52 с.
4. *Воронова Л.Я.* Будде Евгений Федорович / Л.Я. Воронова // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост. Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: Казань, 2011. – С. 22–27.
5. *Воронова Л.Я.* Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 252 с.; илл.

Л.Я. Воронова

БУЛИЧ

Николай Никитич (1824–1895) – филолог, историк литературы, профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

В 1845 окончил философский факультет Казанского университета. С 1854 – профессор, в 1882–1885 гг. – ректор Казанского университета.

Автор ряда исследований по русской литературе XVIII–XIX вв. Историко-литературную деятельность начал с изучения творчества А.П. Сумарокова, написав и защитив в 1854 году в Петербургском университете докторскую диссертацию «Сумароков и современная ему критика». В своих статьях и речах обращался к творчеству Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Достоевского и других писателей. Много работал над составлением лекционных курсов по русской литературе, которыми заслушивалось несколько поколений казанских студентов. Часть из них была опубликована после смерти автора в виде фундаментального исследования «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в.» (СПб., 1902–1905; 2-е изд., СПб., 1912). Буличу также принадлежит первый капитальный труд по истории Казанского университета – «Из первых лет Казан. ун-та (1805–1819): Рассказы по архивным документам»: в 2 ч. (Казань, 1887–1891; 2-е изд. СПб., 1904).

Сотрудничал в газетах «Московские ведомости» (1859–1862), «Санкт-Петербургские ведомости» (1863), «Казанские губернские ведомости» (1863–1895), «Камско-Волжской газете» (1872–1873); журналах «Атеней» (1858), «Русское слово» (1860) и др. В 1865–1868, 1881–1885 – был редактором «Ученых записок Казанского университета».

Поддерживал научные связи и находился в переписке с целым рядом видных деятелей русской науки и литературы – А.Н. Пыпиным, Н.С. Тихонравовым, А.Д. Галаховым, Я.Г. Гротом и др.

В 1893 году подарил родному университету свою библиотеку – более 7000 томов книг, в том числе редких.

Соч.:

1. Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика / Н.Н. Булич. – СПб.: В тип. Э. Праца, 1854. – XIV, 291 с.

2. *Булич Н.Н.* К столетней памяти Ломоносова / Н.Н. Булич // Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1. – С. 189–384.

3. *Булич Н.* Ф.М. Достоевский и его сочинения: (Историко-литературные очерки). I. Первая литературная деятельность (1845–1849): Речь на акте Императорского Казанского университета 5 нояб. 1881 г., читанная заслуженным ординарным профессором Н. Буличем / Н. Булич. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1881. – 48 с.

4. *Булич Н.Н.* В память пятидесятилетия смерти Пушкина (29 янв., 1887 г.) / Н.Н. Булич. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1887. – 50 с.

5. *Булич Н.Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века: в 2 т. / Н.Н. Булич. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1902–1905. – Т. 1–2; 2-е изд. – Спб., 1912.

О нём:

1. *Архангельский А.С.* Булич Н.Н. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина: в 2 ч. – Казань, 1904. – Ч.1. – С. 4–47.

2. *Корсаков Д.А.* Николай Никитич Булич: некролог и речь, произнесенная у его гроба, 28 мая 1895 г., в день погребения / Д.А. Корсаков. – Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895. – 14 с.

3. *Ермолаева Н.В.* Книжное собрание профессора Казанского университета Н.Н. Булича / Н.В. Ермолаева // Библиотека Казанского университета: Фонды,rarитеты, история... – Казань, 1989. – С. 34–55.

4. *Лепёхин М.П.* Булич Н.Н. / М.П. Лепёхин // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 351–352.

5. *Сидорова М.М.* Н.Н. Булич, 1824–1895. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 28 с.

6. *Сидорова М.М.* Н.Н. Булич // Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг.: очерки жизни и деятельности. – Казань, 2004. – С. 155–165.

M.M. Сидорова

ВАРЕНЦОВ

Виктор Гаврилович (1825 (по другим сведениям 1824)–1867) – филолог, собиратель произведений устного народного творчества, адъюнкт.

Окончил Вятскую гимназию в 1841 с золотой медалью. В 1845 завершил образование на словесном отделении философского факультета Казанского университета со степенью кандидата русской словесности. В этом же году началась его педагогическая деятельность: в Пермской гимназии (1845–1848), в Пензенской гимназии и дворянском институте (1848–1854), в Саратовской гимназии и женском Мариинском институте (1854–1857). В марте 1857 назначен инспектором в Нижегородский Александровский дворянский институт.

В этом же году приглашен в Казанский университет адъюнктом по кафедре русской словесности (1857–1860). С апреля 1860 занимал должности директора училища в Самарской губернии (1860–1863), директора Керченской гимназии (1863–1864), окружного инспектора Одесского учебного округа (1864–1866). Произведен в действительные статские советники, награжден орденом св. Станислава 2-й степени. В январе 1867 по состоянию здоровья вышел в отставку, уехал на Сицилию.

Одна из центральных проблем, интересовавших ученого, – взаимодействие древнерусской словесности и фольклора, в том числе множество его исследований посвящено русским духовным стихам. Одним из итогов работы в этом направлении стал составленный Варенцовым в Казани «Сборник русских духовных стихов» (1860).

Соч.:

1. *Варенцов В.Г. О рукописном сборнике стихотворений XVIII века / В.Г. Варенцов // Библиографические записки. – 1859. – Т. 2. – № 11. – С. 331–339.*
2. *Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов / В.Г. Варенцов. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. – 248 с. То же. [Электронный ресурс]. URL:http://starieknigi.info/Knigi/V/Varencov_V_Sbornik_russkih_duhovnyh_stihov_1860.pdf*
3. *Варенцов В.Г. Тредиаковский и характер нашей общественной жизни в первой половине XVIII столетия / В.Г. Варенцов // Московские ведомости. – 1860. – № 36–37.*
4. *Сборник песен Самарского края, составленный В.Г. Варенцовым / В.Г. Варенцов. – СПб.: Изд. Н.А. Серно-Соловьевич, 1862. – 267 с. То же. [Электронный ресурс]. URL:http://starieknigi.info/Knigi/V/Varencov_V_Sbornik_pesen_Samarskogo_kraya_1862.pdf*

О нём:

1. Варенцов В.Г. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1892. – Т. 5. – С. 519.
2. Варенцов В.Г. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / С.А. Венгеров. – СПб., 1895. – Т. 4. – С. 85–86. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/1768>
3. Бобров Е.А. Биографические заметки на основании неизданных материалов / Е.А. Бобров // Русская старина. – 1903. – № 12. – С. 233–240.
4. Бобров Е.А. Заметки по истории русской литературы, просвещения и культуры. Материалы для биографии Виктора Гавриловича Варенцова / Е.А. Бобров // Варшавские университетские известия. – 1912. – № 9. – С. 1–71.
5. Комар Н.Г. Из истории литературоведения в Казани: наследие В.Г. Варенцова / Н.Г. Комар // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 279–284. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11394551>
6. Комар Н.Г. Варенцов Виктор Гаврилович / Н.Г. Комар // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 32–34.

Н.Г. Комар

БАРНЕКЕ

Борис Фёдорович (1874–1944), русский критик, историк античного и русского театра, профессор классической филологии.

В 1898 окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт, оставлен для подготовки к профессорскому званию. Преподавал древние и новые языки в Царскосельской Николаевской гимназии, где директором был И.Ф. Анненский.

В 1901–1904 приват-доцент на кафедре классической филологии в Санкт-Петербургском университете. В 1904

приглашен профессором в Казанский университет. В 1905 защитил докторскую диссертацию «Наблюдения над древнеримской комедией. К истории типов». Читал лекции по истории русской драматургии и театра, латинскому синтаксису, истории римской религии, римской историографии, римской эпиграфике и др. Историю русского театра преподавал также на Высших женских курсах и театральных курсах. Активно выступал как театральный критик.

В 1910 переведён в Одессу: был профессором Новороссийского университета (1904–1920), профессором и ректором (с 1921) Института изобразительных искусств, профессором Педагогического института.

С 1933 вновь стал работать в восстановленном в Одессе университете. Являлся консультантом при Императорских театрах (1902–1914), зав. художественным советом Одесских театров (1919–1934). После освобождения Одессы советскими войсками был арестован по обвинению в измене Родине, умер в тюремной больнице, реабилитирован посмертно (1955).

Внес большой вклад в развитие классической и русской филологии, известен как один из лучших знатоков античной и русской драматургии не только в России, но и в Европе. Оставил интересные воспоминания об И.Ф. Анненском, Н.С. Лескове, П.П. Гнедиче, Д.Н. Овсянико-Куликовском, К.Д. Бальмонте, П.А. Стрепетовой и др.

Соч.:

1. *Варнеке Б.В.* История русского театра: в 2 ч. / Б.В. Варнеке. – Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1908–1910. (Ч. 1: XVII–XVIII век. – 1908. – 360 с.; Ч. 2: XIX век. (Опыт изложения). – 1910. – 432 с.). То же. [Электронный ресурс]. URL: http://starieknigi.info/Knigi/V/Varneke_B_V_Istoriya_russkogo_teatra_01_XVII_i_XVIII_vek_1908.pdf.
2. *Варнеке Б.В.* Гоголь и театр / Б.В. Варнеке // Русский филологический вестник. – 1909. – Т. 61. – С. 307–337. (Отд. отт.: Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1909. – 30 с.).
3. *Варнеке Б.В.* Комедия М.И. Верёвкина «Точь в Точь»: (Опыт комментария) / Б.В. Варнеке // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1910. – Т. 15, кн. 3. – С. 269–296.
4. *Варнеке Б.В.* Заметки об Островском. IX. Приёмы творчества. Островский воображаемый / Б.В. Варнеке // Русский филологический вестник. – 1916. – Т. 76, № 1/2. – С. 192–207.
5. *Варнеке Б.В.* И.Ф. Анненский. (Некролог) / Б.В. Варнеке // Иннокентий Анненский глазами современников: К 300-летию Царского Села: [Сб. / сост., подг. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко]. – СПб., 2011. – С. 156–165, 537–539. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://annensky.lib.ru/names/varneke/varneke_necr.htm.
6. *Варнеке Б.В.* И.Ф. Анненский / Б.В. Варнеке // Иннокентий Анненский глазами современников: К 300-летию Царского Села: [Сб. / сост., подг. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко]. – СПб., 2011. – С. 166–174. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://annensky.lib.ru/names/varneke/varneke_a.htm.

О нём:

1. *Алексеев М.П.* Профессор Б.Ф. Варнеке: (к 35-летию его литературной и научной деятельности) / М.П. Алексеев // Силуэты. – 1924. – № 5 (43). – С. 6–7.
2. *Лавров А.В.* Варнеке Б.В. / А.В. Лавров // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 390–391.
3. *Снегина Т. Б.* Варнеке Борис Васильевич / Т.Б. Снегина // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 34–38.
4. *Виноградов А.А., Воронова Л.Я.* Варнеке Борис Васильевич / А.А. Виноградов, Л.Я. Воронова // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома, 2012. – С. 71.
5. *Воронова Л.Я.* Изучение жизни и творчества А.Н. Островского / Л.Я. Воронова // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома, 2012. – С. 177–191. (раздел о Б.В. Варнеке. С. 184–185).

Л.Я. Воронова

ВАСИЛЬЕВ

Александр Васильевич (1853–1929) – профессор математики, член-корреспондент Международной академии истории науки.

Родился в Казани. В 1860–1870 учился в Санкт-Петербургской гимназии. В 1870–1874 студент математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1874 вернулся в Казань, стал преподавать в Казанском университете.

В 1880 – защитил магистерскую, в 1884 – докторскую диссертации. В 1887 утвержден в звании профессора, в 1899 – заслуженный ординарный профессор Казанского университета.

В 1906 переведен в Санкт-Петербургский университет. В 1923 переехал в Москву, работал в Московском университете.

Активно занимался научно-организационной и просветительской деятельностью: организатор и председатель Казанского физико-математического общества, член Берлинского математического общества, редактор «Известий Казанского физико-математического общества», один из авторов проекта «Энциклопедия математических наук» и издателей сборников «Новые идеи в математике». Интересовался вопросами краеведения и культуры: являлся членом-учредителем Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете и входил в его Совет (1902–1904); участвовал в подготовке 100-летия со дня рождения Н.И. Лобачевского.

Принимал деятельное участие в земской жизни Казанской губернии и Свияжского уезда, в частности, содействовал развитию народной школы. Депутат Государственной думы I созыва, член Государственного совета от Академии наук и университетов.

О нём:

1. *Бажанов В.А.* Александр Васильевич Васильев, 1853–1929: Ученый, организатор науки, общественный деятель / В.А. Бажанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с.

2. Васильев А.В. // Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2008. – С. 81–82.
3. Васильев А.В. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01030198.htm>
Русский биографический словарь.

Л.Я. Воронова

ВЛАДИМИРОВ

Пётр Владимирович (1854 – ?) – историк русской литературы и языка, профессор.

Учился в 1-й Казанской гимназии. В 1873 поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Во время учёбы получал стипендию Св. Кирилла и Мефодия. В 1877 награждён золотой медалью. Окончил университет со степенью кандидата, оставлен для подготовки к профессорскому званию (1878–1880).

В 1879, с февраля по октябрь, находился в научной командировке. Результаты исследований нашли отражение в магистерской диссертации «Великое зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века)» (Казань, 1883), защищённой в 1885 в Казанском университете. Докторскую диссертацию – «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» защитил в 1886 в Санкт-Петербургском университете. В 1880 начал свою преподавательскую деятельность в Екатеринбургском реальном училище.

С 1888 профессор кафедры русского языка и словесности Киевского университета. В апреле 1902 оставил службу по состоянию здоровья.

В центре научных исследований – древнерусские рукописи и старопечатные книги, их комплексный филологический анализ (в том числе – текстологический и лингвистический). Приоритетное внимание уделял вопросам изучения переводной литературы, одним из первых в отечественной филологии проанализировал историю изучения переводов «Слова о полку Игореве». Внес существенный вклад в исследование вопросов истории русского театра и русской классической литературы XIX столетия.

Соч.:

1. *Владимиров П.В. Великое зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века) / П.В. Владимиров. – М.: Изд. Имп. О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те (или: В Ун-тетской типографии (М.Катков) на Страстном бульваре), 1884. – 202 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/36875>*

2. *Владимиров П.В. Очерк развития творчества Н.В. Гоголя : Речь, произнесенная на торжественном акте Имп. ун-та св. Владимира 16 янв. 1891 г. орд. Проф. П.В.Владимировым / П.В. Владимиров. – Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира В.И. Завадского, 1891. – 46 с.*

3. *Владимиров П.В.* Слово о полку Игореве : Из лекций П.В. Владимира, орд. проф. Имп. ун-та св. Владимира. Вып. 1 / П.В. Владимиров. – Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира В.И. Завадского, 1894. – 71 с.

4. *Владимиров П.В.* Введение в историю русской словесности: Из лекций и исследований П.В. Владимира, орд. проф. Имп. ун-та св. Владимира / П.В. Владимиров. – Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира В.И. Завадского, 1896. – 378 с.

5. *Владимиров П.В.* Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского/ П.В. Владимиров // Труды IX Археол. съезда в Вильне. – М., 1897. – Т. 2. – С. 308–316.

О нём:

1. *Булахов М.Г.* Владимиров П.В. / М.Г. Булахов // «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: краткий энцикл. словарь / М. Г. Булахов. – Минск, 1989. – С. 57–58.

2. Владимиров П.В. // Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова: аннот. указатель: в 2 т. / под ред. В.А. Мысякова. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1: А–Л. – С. 251–252.

1. *Лексина Ю.* Владимиров П.В. / Ю. Лексина // Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 11–12.

2. *Комар Н.Г.* Некоторые аспекты сравнительного изучения древнерусской литературы в Казанском университете в XIX в. / Н.Г. Комар // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 19–26. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11691842>.

3. *Воронова Л.Я., Комар Н.Г.* Владимиров Петр Владимирович / Л.Я. Воронова, Н.Г. Комар // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): биобиблиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 38–42.

Н.Г. Комар

ГЕОРГИЕВСКИЙ

Александр Петрович (1888–1955), историк русской литературы, фольклорист, этнограф, архивист, критик, профессор.

Окончил Санкт-Петербургский архивно-исторический институт по специальности «архивоведение» (1913) и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1914). Переехал в Казань с целью поступить в Казанский университет для приготовления к профессорскому званию. Преподавал словесность во 2-ом реальном училище.

В 1915–1917 принимал активное участие в обсуждении содержания программ по литературе и методах ее преподавания в школе. Особое значение придавал организации внеклассного изучения литературы: использовал такие формы, как литературные праздники, литературные чтения, литературные кружки, читательские журналы. Сотрудничал в журналах «Вестник образования и воспитания» и «Начальное обучение», выступал с рецензиями и статьями о творчестве Г.Р. Державина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Аксакова, К.С. Аксакова.

В 1918 вместе с другими преподавателями университета уехал на Дальний Восток. Преподавал русский язык в женской гимназии г. Никольск-Уссурийска. Стоял у истоков создания высшей школы на Дальнем Востоке: участвовал в организации Государственного Дальневосточного университета, входил в состав комитета по открытию историко-филологического факультета, с 1919 преподаватель, с 1922 – профессор кафедры русского языка и литературы и секретарь факультета; исполнял обязанности декана историко-филологического факультета. В 1920 возглавил инициативную группу по организации во Владивостоке архивной комиссии, в 1921 стал ее председателем. С 1923 – заведующий Приморским губернским архивным бюро.

После закрытия университета (1930) перешел на работу в Педагогический институт, затем в Кабинет изучения народов Дальнего Востока Дальневосточного филиала АН СССР. В 1940 перевелся в Ленинградский педагогический институт им. Н.А. Некрасова. Во время Великой Отечественной войны вместе с семьей эвакуировался в Свердловск, где оставался до конца жизни. Преподавал в Свердловском педагогическом институте, внес большой вклад в его становление и развитие.

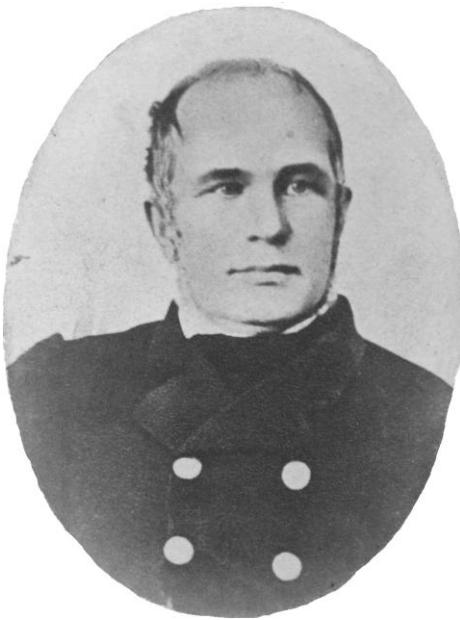
Соч.:

1. Георгиевский А.П. Несколько слов о методах изучения древней русской литературы в средней школе / А.П. Георгиевский // Вестник образования и воспитания. – 1915. – № 1. – С. 60–66. (Отд. отт.: Казань: Центр. тип., 1915. – 7 с.).
2. Георгиевский А.П. Иван Сергеевич Аксаков и современная действительность: С прил. портр. Аксакова, избр. стихотворений и указ. важнейших ст. его по славян. вопросу / А.П. Георгиевский // Вестник образования и воспитания. – 1915. – № 5/6. – С. 439–473. (Отд. отт.: Казань: О-во вспомоществования нуждающимся ученикам Казан. второго реального училища, 1915. – 47 с.).
3. Георгиевский А.П. Константин Аксаков как поэт и гражданин (29 марта 1817 г. – 29 марта 1917 г.) / А.П. Георгиевский. – Казань, 1917. – 16 с.
4. Георгиевский А.П. Внеклассное изучение литературы: С приложением извлечений из уставов школьных содружеств и кружков, образцов литературных дневников, программ вечеров и праздников, списков писателей для внеклассного изучения [Подроб. прогр. Праздника весны: Пособие для преподавателей, а также всех лиц, кружков и союзов, изучающих литературу] / А.П. Георгиевский. – Казань: Тип. Губ. правл., 1917. – 123 с.
5. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество / А.П. Георгиевский. – Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1926–1932. Вып. 1–7.

О нём:

1. Козьмин Б.П. Георгиевский А. П. / Б.П. Козьмин // Писатели современной эпохи: биобиблиогр. словарь русских писателей XX в. / под ред. Б.П. Козьмина. – М., 1928. – Т. 1. – С. 38.
2. Троицкая Н. И. Дальневосточный эпизод из жизни профессора А.П. Георгиевского / Н.И. Троицкая // Известия Российской гос. исторического архива Дальнего Востока. – Владивосток, 2004. – Т. 8. – С. 30–42.
3. Воронова Л.Я. Георгиевский А.П. / Л.Я. Воронова // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): биобиблиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 43–45.
4. Хисамутдинова Н.В. Дальневосточные профессора: четыре портрета на фоне эпохи: П.П. фон Веймарн, А.П. Георгиевский, М.К. Елиашевич, Б.П. Пентегов / Н.В. Хисамутдинова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – 189 с.
5. Воронова Л.Я. Казанская интеллигенция конца XIX – начала XX века о реформах образования и проблемах преподавания литературы в средней школе / Л.Я. Воронова // Учен. записки Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.– 2011. – Т. 153, кн. 2. – С. 62–74. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/93762185.pdf>.

Л.Я. Воронова

ГРИГОРОВИЧ

Виктор Иванович (1815–1876) – филолог-славист, профессор.

Окончил Харьковский (1830–1834) и Дерптский (1834–1839) университеты. В 1838 приглашен Казанским университетом занять открывающуюся кафедру истории и литературы славянских наречий. В апреле 1839 прибыл в Казань. За диссертацию «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» был удостоен степени магистра (1842).

В 1844–1847 совершил путешествие по славянским странам (Болгария, Македония, Сербия, Хорватия, Словения и др.), посетил Константинополь, Афон, Солунь, добрался до Вены. Путешествие положило начало научному изучению истории и литературы южных славян.

В 1848 переведен в Московский университет, через год вернулся в Казань. В 1854–1856 преподавал в Казанском университете и в Казанской Духовной академии. В 1863 Совет университета присудил Григоровичу ученую степень доктора славянской филологии honoris causa (без защиты диссертации). В том же году уволился со службы и переехал на жительство в Херсон с целью углубленного исследования местных славянских древностей. В 1865 назначен профессором только что открытого Новороссийского университета. В 1876 подал в отставку.

Стоял у истоков исторического славяноведения в Казанском университете. Занимался сравнительным изучением славянских литератур и языков, в том числе рассматривал древнерусскую литературу в контексте славянских литератур и в контексте всей славянской культуры.

Является основоположником одной из первых университетских научных школ славяноведения в России.

Соч.:

1. Григорович В.И. Краткое обозрение славянских литератур / В.И. Григорович // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1841. – Кн. 1. – С. 93–153.

2. Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах / В.И. Григорович // Учен. зап. Казан. ун-та. –1842. – Кн. 3. – С. 105–216; 1843. – Кн. 4. – С. 3–56.

3. Григорович В.И. Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции / В.И. Григорович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1847. – № 2. – С. 1–28.

О нём:

1. Петровский М.П. Виктор Иванович Григорович в Казани: библиогр. очерк / М.П. Петровский. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1892. – 57 с.

2. Бернштейн С.Б. Григорович В.И. / С.Б. Бернштейн // Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиогр. словарь. – М., 1979. – С. 131–134.

3. Смирнов С.В. Григорович В. И. (1815–1876) / С.В. Смирнов // Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв.: справ. пособие / С.В. Смирнов. – М., 2001. – С. 103–114.

4. Ковтун Е.Н. Из опыта изучения и преподавания истории славянских литератур в России: (В.И. Григорович – А.Н. Пыпин) / Е.Н. Ковтун // Славянский вестник. – 2003. – Вып. 1. – С. 211–226.

5. Кирпичников А.И. В.И. Григорович и его значение в истории русской науки / А.И. Кирпичников // Казанский университет в периодической печати, 1870–1890-е годы / сост. Л.М. Пивоварова, Б.И. Колмаков. – Казань, 2008. – С. 256–263.

Л.Я. Воронова

ДЕНИКЕ

Борис Петрович (1885–1941) – историк искусства, профессор, музейный деятель, коллекционер.

В 1911 окончил историко-филологический факультет Казанского университета, оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1913–1914 находился в заграничной командировке (Германия). С 1915 работал на кафедре теории и истории искусств Казанского университета: приват-доцент, старший ассистент, с 1918 профессор.

В сентябре 1918, накануне взятия Казани красными частями, покинул город вместе с другими преподавателями, сотрудниками, студентами, опасающимися преследования большевиков за поддержку власти Комуча. Преподавал в Омском политехническом институте, Томском университете, читал лекции по истории искусства.

В 1920 переехал в Москву: преподаватель, с 1925 профессор Московского университета, позже работал в Московском институте философии, литературы, истории (основан в 1931 на базе факультета истории и философии Московского университета).

В 1920 – 1930-х сотрудничал в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Первый директор Музея Восточной культуры в Москве (1925–1929) (ныне Государственный Музей искусства народов Востока).

Область научных интересов Денике – изобразительное и декоративно-прикладное искусство Востока, история архитектуры. Большое внимание уделял изучению искусства Казанской губернии XIX в.

Соч.:

1. *Денике Б.П. Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. С 11 фототипиями / Б.П. Денике.* – Казань: Издание Комбината изд-ва и печати А.Т.С.С.Р., 1923. – 250 с.
2. *Денике Б.П. Искусство Средней Азии: 23 иллюстрации. Предисловие проф. И.Н. Бороздина / Б.П. Денике.* – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1927. – 56 с., 23 с. ил.
3. *Денике Б.П. Японская цветная гравюра. Япония / Б.П. Денике.* – М.: Изогиз. 1935. – 200 с.
4. *Денике Б.П. Живопись Ирана / Б.П. Денике.* – М.: Искусство, 1938. – 164 с., илл.

5. Глухарева О., Денике Б. Краткая история искусства Китая / Б.П. Денике. – М-Л.: Искусство, 1948. – 210 с.

О нём :

1. Алпаткина Т.Г., Голенищева-Кутузова В.Е. «Автобиографическая канва» Б.П. Денике / Т.Г. Алпаткина, В.Е. Голенищева-Кутузова // Российская археология. – 2002. – № 2. – С. 153–161.
2. Ежова С. Денике Борис Петрович / С. Ежова // Казанский университет, 1804–2004: библиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 2. 1905–2004, А–М. – С. 378–379.
3. «Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей. / сост., вступ. ст., справочный аппарат, подбор илл. ряда Т.Г. Алпаткиной. – М.: ГМВ, 2006.– 169 с.

Н.Ю. Хряпкина

ДУЛЬСКИЙ

Петр Максимилианович (1879–1956) – художник, искусствовед, музейный деятель, педагог, редактор, издатель.

Окончил Одесскую (1894–1898) и Казанскую (1898–1904) художественные школы. Преподавал в реальном училище г. Слободского Вятской губернии (1904–1911) и с 1911 в первом реальном училище г. Казани.

В 1915–1919 был вольнослушателем историко-филологического факультета Казанского университета. Занимался преподавательской деятельностью: в Казанской художественной школе (1919–1926), Казанском инженерно-строительном институте (1930–1956, с перерывами), Полиграфической школе им. А.В. Луначарского (с 1922).

С 1919 по 1930 заведующий, а позже хранитель художественного отдела Казанского губернского (Центрального) музея.

В 1935–1939 работал в Ленинграде, руководил издательской деятельностью Всероссийской академии художеств.

Вел большую культурно-просветительскую и общественную работу: являлся членом коллегии Казанского губернского подотдела по делам музеев и охране памятников старины и искусства, членом Союза художников (1934), Союза архитекторов, Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, редколлегии журналов «Казанский музейный вестник», «Казанский библиофил». Занимался краеведческими исследованиями, участвовал в организации и проведении литературных праздников, посвященных памяти Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, иллюстрировал издания. Наиболее известны труды Дульского по истории русского и татарского изобразительного, декоративного искусства, архитектуре.

Награжден орденом «Знак почета» и орденом Трудового Красного Знамени, удостоен звания заслуженного деятеля искусств ТАССР (1940).

Соч. :

1. Дульский П.М. Памятники казанской старины: Очерк / Изд. С.В. Соломина / П.М. Дульский. – Казань: Центр. тип., 1914. – 231 с.: 50 снимков видов «Старой Казани». – Прилож.: Археол. этюд, Денике Б.П. О фресках Свияжского Успенского монастыря (с 6 снимками древ. живописи). То же. [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/1000_Kazan.htm.
2. Дульский П.М. Классицизм в казанском зодчестве / П.М. Дульский. - Казань: Гос. изд-во, 1920. – 20 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/1000_Kazan.htm.
3. Дульский П.М. Искусство казанских татар / Предисл. проф. И.Н. Бороздина / П.М. Дульский. - М.: Центр. изд-во народов СССР, 1925. - 19 с.: 18 л. ил. – (Худож. культура Востока СССР). То же. [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/1000_Kazan.htm.
4. Дульский П.М. Барокко в Казани / П.М. Дульский. – Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1927. – 30 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/1000_Kazan.htm.
5. Дульский П.М. Архитектура Казани – столицы татарской республики за 25 лет / П.М. Дульский. – Казань: Изд. Упр. город. архитектора, 1945. – 47 с.
6. Дульский Петр Максимилианович. Каталог. – Казань: Изд. ГМИИ РТ, 2009. – 46 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://issuu.com/art16.ru/docs/dulskii>.

О нём:

1. Синицына К.Р. Казанский музейный вестник / К.Р. Синицына. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 26 с.
2. Чугунова Н., Балакин Г. Дульский Петр Максимилианович / Н. Чугунова, Г. Балакин // Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 2. 1905–2004, А–М. – С. 400–401.
3. Хуторова Л.М. Деятельность П.М. Дульского в контексте музеиной культуры первой половины XX века / Л.М. Хуторова // Краеведческие чтения и среды: Материалы заседаний, прошедших в Нац. музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Вып. 3. – Казань, 2003. – 163 с.
4. Рамазанова Г.А. «В плenу искуства и старины на всю жизнь» [О жизни и деятельности П.М. Дульского] / Г.А. Рамазанова // Казанские истории. – 2004. – № 9–10. – С. 14.
5. Новицкий А.И. Дульский Петр Максимилианович / А.И. Новицкий // Татарская энциклопедия / под ред. Хасanova М.Х. – Казань, 2005. – С. 317–318.

H.YU. Хряпкина

ИЛЬИНСКИЙ

Леонид Константинович (1878–1934) – литературовед, книговед, критик.

Окончил Юрьевский (Тартуский) университет (1906). В 1912–1917 приват-доцент Императорского Казанского университета. Принимал активное участие в деятельности университетских научных обществ: Педагогического общества, Общества археологии, истории и этнографии, Пушкинского общества. Много внимания уделял вопросам

педагогики, изучения и преподавания словесности в средней школе, участвовал в обсуждении концепций реформы образования в 1916–1917, выступал с докладами на съездах словесников, в том числе с программным докладом на I Всероссийском съезде словесников. Увлеченно занимался фольклором, литературным краеведением.

С 1917 преподавал в Петроградском университете, на Высших курсах библиотековедения при Публичной библиотеке и в других высших учебных заведениях. Заведовал отделом регистрации и описания периодических изданий в Российской книжной палате (1917–1920) и библиографическим отделом Госиздата (1923–1926). Вице-президент (1919–1926) и председатель комиссии по описанию русских журналов 1-й четверти XIX в. Русского библиологического общества. Изучал переводы «Слова о полку Игореве», творчество В.Я. Брюсова, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, Г.Р. Державина, Ф.М. Достоевского, Н.М. Карамзина, В.Г. Короленко, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, А.Н. Радищева, Г.И. Успенского. Автор и редактор ряда работ в области книговедения и научной библиографии. Был знаком со многими выдающимися филологами, историками, критиками.

Соч.:

1. Ильинский Л.К. Имеем ли мы «единый» текст сочинений А.С. Пушкина / Л.К. Ильинский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1910. – Кн. 11–12. (№ 11. – С. 146–163; № 12. – С. 376–416).

2. Ильинский Л.К. П. И. Мельников (Андрей Печерский): По поводу «Сборника в память П.И. Мельникова» / Л.К. Ильинский. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1912. – 48 с.
4. Ильинский Л.К. Puschkiniana за 1911 и 1912 гг. / Л.К. Ильинский. – Пг.: Тип. Акад. наук, 1915. – 48 с.
5. Ильинский Л.К. Министерский проект программы по русскому языку и литературе перед судом I Всероссийского съезда словесников / Л.К. Ильинский // Вестник образования и воспитания.– 1916. – № 10/11/12. – С. 585–619.
6. Ильинский Л.К. Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописям XVIII в. / Л.К. Ильинский. – Пг., 1920. – 82 с. – (Памятники древней письменности и искусства, вып. 189).

О нём:

1. Гудзий Н.К. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» / Н.К. Гудзий // Труды Отд. древнерусской литературы. – М.; Л., 1951. – Т. 8. – С. 31–52.
2. Булахов М.Г. Ильинский Л.К. / М.Г. Булахов // Булахов М.Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энцикл. словарь. – Минск, 1989. – С. 113. То же. [Электронный ресурс]. URL: feb-web.ru/feb/slovo/bul/bul-abc/bul/bul-1131.htm.
3. Мартынов И.Ф. Ильинский Л.К. / И.Ф. Мартынов // Книга: Энциклопедия / Редкол.: И.Е. Баренбаум, А.А. Беловицкая, А.А. Говоров и др. – М., 1998. – С. 241. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://polygraphicbook.narod.ru/text/statiy/9/11.htm>.
4. Воронова Л.Я. Казанская интеллигенция конца XIX – начала XX века о реформах образования и проблемах преподавания литературы в средней школе / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки.– 2011. – Т. 153, кн. 2. – С. 62–74. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/93762185.pdf>.

Л.Я. Воронова

МАШКИН

Анатолий Павлович (1884–?) – филолог, учитель.

Окончил Вятскую классическую гимназию. 1 августа 1903 поступил в Императорский Казанский университет на медицинский факультет, однако 11 марта 1904 был исключен. 11 октября 1905 восстановлен на медицинский факультет университета, но 20 февраля 1907 исключен по предложению попечителя учебного округа из-за политической деятельности.

Из Казани Машкин был выслан в Вологодскую губернию. 22 сентября 1909 принят на историко-филологический факультет Казанского университета. Преподавал русскую словесность в средних учебных заведениях Казани. Участвовал в возрождении Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Казанском университете в 1917, входил в состав Совета Общества. Много внимания уделял вопросам совершенствования образовательного процесса, подготовке учебно-методических изданий.

Соч. :

1. *Машкин А.П.* В семье и школе: Книга для чтения в младших классах средней и высшей начальной школы / А. Георгиевский, А. Машкин. – Казань: Книжник, 1917. – 96 с.

2. *Машкин А.П.* Справочник упрощенного правописания: С прил. ст. на привед. правила, крат. истории вопроса особенностей нового правописания и метод. указаний по проведению его в жизнь: Пособие для низш. сред. шк. и самообразования / А. Георгиевский, А. Машкин. – Казань: Книжник, 1917. – 32 с.

О нём:

1. *Машкин А.П.* // Список студентов, посторонних слушателей и учениц повивального института Имп. Казанского университета за 1911–1912 уч. год. – Казань, 1911. – С.16.

2. *Жаравин В.С.* История библиотеки Кукарского образовательного общества / В.С. Жаравин // Герценка: Вятские записки: [Науч.-попул. альм.]: Вып. 3 / Департамент культуры и искусства Киров. обл., Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена; Редкол.: Н.П. Гурьянова (сост.), В.А. Коршунков (науч. ред.), В.И. Морозов (общ. ред.), М.Н. Новоселова, Г.А. Симонова. – Киров, 2002. – С. 51–56. То же. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number3&ELEMENT=istoria_biblkukar.

3. Коновалов Ф.Я. Письма вологодских ссыльных начала XX века [Электронный ресурс] / Ф.Я. Коновалов // Вологда. Краеведческий альманах. – Вып. 3. URL:<http://www.booksite.ru/fulltext/3vo/log/da/index.htm>.

4. Дело канцелярии инспектора студентов Императорского Казанского университета: О принятии в число студентов Казанского университета Анатолия Павловича Машкина // НА РТ. Ф.977. Оп. Л. д. Д .34732. – 67 л.

E.A. Аликова

МИНДАЛЁВ

Пётр Петрович (1876–1929) – историк русской литературы, профессор.

В 1895–1899 учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. После его окончания начал свою преподавательскую деятельность. В 1908 был принят в число профессорских стипендиатов Казанского университета. Преподавал в 1-й Казанской гимназии. С 1912 – приват-доцент Казанского университета.

В 1912 отправлен в научную командировку, итогом чего стала магистерская диссертация «Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники», которую он защитил в Казанском университете в 1915.

С 1915–1918 экстраординарный профессор, а с 1918 по 1923 – ординарный профессор по кафедре русского языка и литературы. В 1921 зам. декана историко-филологического факультета, в 1923 – член правления Казанского университета.

В своих исследованиях Миндалёв опирался на принципы культурно-исторической и сравнительно-исторической школ, прекрасно знал источники и научную литературу, цитировал греческий и латинский тексты без перевода. Результаты научных исследований находили отражение в лекционных курсах и практических занятиях по истории русской литературы и народной словесности, которые Миндалев вел в Казанском университете.

За педагогические заслуги награждён в 1907 орденом св. Станислава 3-й степени, а в 1914 – орденом св. Анны 3-й степени.

Соч.:

1. *Миндалёв П.П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники: Опыт историко-литературного исследования / П.П. Миндалёв. // Учён. зап. Казан. ун-та – 1912. – Т. 79, кн. IX. – С. 1–32, кн. X. – С. 33–48, кн. XII. – С. 49–80; 1913. – Т. 80, кн. IV – С. 81–112, кн. IX – С. 113–160, кн. XII. – С. 161–224; 1914. – Т. 81, кн. IV – С. 222–346, I–XXXIV. (Отд. изд.: Казань: Типо-лит. Ун-та, 1914. – 346, XXXIV с.).*

2. *Миндалёв П.П. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос / П.П. Миндалёв. – Казань: Лито-тип. И.Н. Харитонова: 1913. – [2], 23 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/363615/Повесть-о-Меркурии-Смоленском-и-былевой-эпос>.*

3. *Миндалев П.П. К вопросу о байронизме в творчестве А.С. Пушкина / П.П. Миндалёв. – Казань: Центр. тип., 1915. – 18 С.*

О нём:

1. Миндалёв П.П. // Профессора Томского университета: Биогр. словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. – Томск, 1998. – Т. 2. – С. 287.
2. *Лексина Ю.* Миндалёв П. П. / Ю. Лексина // Казанский университет, 1804–2004: библиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 336.
3. *Воронова Л.Я., Комар Н.Г.* Миндалёв Пётр Петрович / Л.Я. Воронова, Н.Г. Комар // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 55–57.

Н.Г. Комар

ПАКТОВСКИЙ

Фёдор Егорович (1859 – ?) – филолог, учитель и директор гимназии.

Закончил 1-ю Казанскую гимназию, учился на историко-филологическом факультете Императорского Казанского университета (1880–1884). После окончания университета был направлен в Саратов, где служил учителем русского языка и словесности в гимназии.

В 1899–1902 преподавал в Казанском реальном училище. Принимал активное участие в деятельности Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете, входил в состав Совета Общества в качестве секретаря (1902), неоднократно выступал с докладами, публиковал статьи о творчестве русских писателей (Вс.М. Гаршине, Н.В. Гоголе, Вл. Короленко, А.К. Толстом, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове).

В 1902 переведен в Харьковский учебный округ инспектором Моршанского реального училища. В течение десяти лет (1906–1916) занимал должность директора 2-й Харьковской гимназии. Для своих подопечных организовал театр, сочинял пьесы, писал очерки на исторические и литературные темы и всячески способствовал развитию вкуса и самостоятельного мышления учеников.

Соч.:

1. *Пактовский Ф.Е.* Граф А.К. Толстой и его поэтическое творчество: [К 25-летию со дня смерти поэта] / Ф.Е. Пактовский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. – 37 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. VII).

2. *Пактовский Ф.Е.* В день пятидесятилетия со дня смерти Н.В. Гоголя / Ф.Е. Пактовский. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1902. – 28 с.

3. *Пактовский Ф.Е.* Русские на войне: по произведениям Вс.М. Гаршина и Л.Н. Толстого: Лит. очерк Ф.Е. Пактовского / Ф.Е. Пактовский. – Моршанск: Изд. Типо-лит. В.И. Холуянова, 1905. – 50 с.

О нём :

1. *Лексина Ю.* Пактовский Фёдор Егорович / Ю. Лексина // Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 389–390.

2. *Воронова Л.Я.* Творчество писателей конца XIX – начала XX века в оценке членов Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе:

Материалы Всерос. конф. и XXIX Зональной конф. литературоведов Поволжья (Тольятти, 12-14 окт. 2004 г.): В 2 т. – Тольятти: ТГУ, 2004. – Т. 2. – С. 16–20.

3. *Воронова Л.Я.* Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Т. 150, кн. 6. – С. 7–18. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/54256722.pdf> 3.

2. *Воронова Л. Я.* Общество любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете / Л.Я. Воронова // Воронова Л.Я. Пушкинское общество в Казани (1887–1918). – Казань, 2012. – С. 42–174.

Л.Я. Воронова

ПЕРЕВОЩИКОВ

Василий Матвеевич (1785 [по др. данным – 1786]–1851 [по др. данным 1851, 1850]) – филолог, переводчик, историк русской литературы, профессор, член Российской академии.

В 1804–1806 студент первого набора студентов в Казанском университете. Один из основателей и активных участников Казанского общества любителей отечественной словесности – первого литературного общества в Поволжье.

В 1807–1808 преподавал в Пензенской гимназии философию и словесность. В 1809 был переведен в Казанский университет, в 1811 стал адъюнктом, в 1814 – профессором Казанского университета.

Публиковался на страницах столичных журналов «Цветник» (оригинальные и переводные стихотворения, повесть), «Российский музей» и «Вестник Европы» (речи, труды по теории словесности и эстетике). Участвовал в подготовке университетских изданий, в т.ч. первой русской провинциальной газеты «Казанские известия» (1811–1813). С 1816 – член университетского комитета по составлению «Ученых записок».

В 1820 перевелся профессором русской словесности в Дерптский университет. В числе дерптских студентов Перевощикова был Н.М. Языков.

В 1822 издал в Дерпте свою итоговую книгу «Опыты» и поместил в «Вестнике Европы» цикл статей под общим заглавием «Материалы для истории российской словесности». Цикл включал в себя очерки о Св. Дмитрии Ростовском (Туптало), Ф. Прокоповиче, А. Кантемире, М. Ломоносове. Есть все основания полагать, что это – лишь фрагменты обширного историко-литературного труда, задуманного еще в Казани.

С 1830 – в Петербурге. С 1833 занимается сбором материалов для биографии Н.М. Карамзина, историей русского летописания. В 1835 по представлению А.С. Шишкова избран в члены Российской академии.

Соч.:

1. *Перевощиков В. Опыты / В. Перевощиков. – Дерпт: Тип. И.Х. Шимана, 1822. – 478 с.*
2. *Перевощиков В.М. Материалы для истории российской словесности. Св. Дмитрий Туптало / В.М. Перевощиков // Вестник Европы. – 1822. – № 3–4. – С. 3–32.*

3. *Перевоциков В.М.* Материалы для истории российской словесности. Феофан Прокопович / В.М. Перевоциков // Вестник Европы. – 1822. – № 9–10. – С. 3–21.
4. *Перевоциков В.М.* Князь Антиох Кантемир (Материалы для истории российской словесности) / В.М. Перевоциков // Вестник Европы. – 1822. – № 13–14. – С. 129–140.
5. *Перевоциков В.М.* Материалы для истории российской словесности. Михаил Васильевич Ломоносов / В.М. Перевоциков // Вестник Европы. – 1822. – № 17. – С. 3–20; С. 81–112.

О нём :

1. *Буз Е.М. Первоциков В. М. / Е.М. Буз, А.Л. Зорин* // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь – М., 1989. – Т. 4. – С. 558–560.
2. *Аристов В.В. Первое литературное общество Поволжья: (К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806–1818 гг.) / В.В. Аристов.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992 – 47 с.
3. *Сидорова М.М. Воспитанник гимназии – первый профессор Казанского университета (В.М. Перевоциков) / М.М. Сидорова* // Третья в России, первая в Казани: К 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии. – Казань, 2008. – С. 343–353.
4. *Сидорова М.М. О первых опытах истории русской литературы: Историко-литературная деятельность профессора Казанского и Дерптского университетов В.М. Перевоцикова / М.М. Сидорова* // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: материалы конгресса, С.-Петербург, 15–17 окт. 2008. Русская литература в контексте мировой культуры. Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве: в 2 т. – СПб., 2008. – Т. 2, ч. 2. – С. 240–248.
5. *Сидорова М.М. К истории одного из первых в России проектов курса отечественной словесности: казанский вариант / М.М. Сидорова* // Русская и сопоставительная филология`2009. – Казань, 2009. – С. 179–185.

M. M. Сидорова

ПЕТРОВСКИЙ

Мемнон Петрович (1833–1912) – филолог-славист, переводчик, профессор, член-корреспондент Императорской Академии наук.

В 1850 окончил Нижегородский дворянский институт императора Александра I, в 1855 историко-филологический факультет Казанского университета. В 1855–1859 преподавал в 1-й Казанской гимназии. В 1860 получил степень магистра славянской филологии, определен на кафедру истории и литературы славянских наречий университета. В 1861–1863 совершил первое научное путешествие в славянские земли. С сентября 1863 начал преподавать весь блок славяноведческих дисциплин на факультете.

В 1875 за ученые заслуги Совет Казанского университета присвоил Петровскому докторскую степень *honoris causa* (без защиты диссертации), после чего его избрали ординарным профессором. В 1885 ушел в отставку, занялся исключительно научной деятельностью. Член-корреспондент Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности (1895), с 1900 – заграничный член Академии наук, литературы и искусств императора Франца-Иосифа в Праге.

Автор исследований по славянской диалектологии, историографии славяноведения, славянской библиографии, истории древних и новых славянских и русской литератур. В многочисленных статьях и рецензиях рассматривал вопросы развития просвещения в конце XVIII – первой половине XIX в., литературное наследие и теоретические труды И.С. Аксакова, Н.М. Карамзина, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского и других писателей.

Занимался переводами прозаических и поэтических произведений западных славянских авторов (Я. Коллара, А. Мицкевича и др.). Активно сотрудничал в славянофильской прессе, а также в «Русском вестнике», «Вестнике Европы», «Русском филологическом вестнике» и других изданиях. Выступал с публичными лекциями перед жителями города.

Соч.:

1. *Петровский М.П.* Поучение, приписываемое Илариону, митрополиту Киевскому / М.П. Петровский // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Кн. 1. – С. 47–84.
2. *Петровский М.П.* История о славном короле Брунцвике / М.П. Петровский. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. – 76 с. – (Памятники древней письменности и искусства; т. 75). (То же: История о славном короле Брунцвике [микроформа] / сообщил М. Петровский. – М.: РГБ, 2008). То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/9583>; http://starieknigi.info/Knigi/P/OLDP_PDPI_075_1888.pdf.
3. *Петровский М.П.* Библиографические заметки о некоторых трудах В.К. Тредиаковского: Страницы к истории русского стихосложения / М.П. Петровский. – Казань: Тип. Ун-та, 1890. – 34 с.
4. *Петровский М.П.* Забытые мемуары П.З. Хомякова / М.П. Петровский. – СПб.: Тип. В.С. Балашев и К, 1901. – 62 с. (Петровский М.П. Забытые мемуары П.З. Хомякова / М.П. Петровский // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXXXVI. 1901. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://edu.biblioclub.ru/author.php?action=book&auth_id=27437.
5. *Петровский М.П.* Хождение на восток Ф.А. Котова в первой четверти XVII века / М.П. Петровский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1907. – Т. 12, кн. 1. – С. 67–125. (Отд. отт.: СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. – 61 с.).
6. Петровский М.П. // Поэты-воспитанники Казанского университета, XIX – начало XX в. / сост. В.И. Шишкин, М.М. Сидорова. – Казань, 2010. – С. 95–113.

О нём:

1. Петровский М.П. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 149–152.
2. Корсаков Д.А. М. П. Петровский / Д.А. Корсаков // Исторический вестник. – 1912. – № 7. – С. 262–270.
3. Лаптева Л.П. Казанский славист Мемнон Петрович Петровский (1833–1912) / Л.П. Лаптева // Славянский альманах. 2002. – М., 2003. – С. 152–177. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.rsuuh.ru/article.html?id=357512>.
4. Недашковская Н.И. Петровский М.П. / Н.И. Недашковская // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 61–65.
5. Гатилова А.В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете (XIX – начало XX вв.) / А.В. Гатилова. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/109/9.php>

Л.Я. Воронова

ПЕТРОВСКИЙ

Нестор Мемнонович (1875–1921) – филолог-славист, переводчик, критик, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук.

В 1893 окончил 2-ю Казанскую гимназию. В 1893–1897 учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. Оставлен для приготовления к профессорскому званию при кафедре славянской филологии, выдержал испытание на степень магистра. В 1899–1900 и 1903, 1905 совершил заграничные путешествия с научной целью.

В 1901 – приват-доцент кафедры славянской филологии. В 1902 защитил магистерскую диссертацию «О сочинениях Петра Гекторовича» (Казань, 1901), в 1907 докторскую диссертацию «Первые годы деятельности В. Копитаря» (Казань, 1906). С декабря 1907 – профессор кафедры славянской филологии. В 1917 избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Особое внимание уделял литературе и культуре южных славян, опубликовал немало исследований по истории болгарской, сербской, хорватской, словенской, чешской, польской литературам, но интересовался и русской литературой: изучал материалы и рукописи Соловецкой библиотеки, исследовал летописи, публиковал литературно-критические статьи, рецензии, заметки об истории периодической печати, творчестве М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.С. Аксакова А.К. Толстого и др. Тщательно и кропотливо собирал материалы, имеющие отношение к истории культуры Казани и края, выступал с докладами и статьями краеведческого характера. Занимался переводами произведений польских, сербских, болгарских, чешских, словацких писателей, а также трудов зарубежных учёных на русский язык.

Участвовал в общественно-научной жизни университета: состоял в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1897); выступил инициатором возрождения Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина, занимал пост председателя

(май 1916 – январь 1919); был членом Совета университета; читал лекции на Высших женских курсах, в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте.

С 1919 выполнял обязанности библиотекаря Казанского губернского музея, редактировал филологический отдел журнала «Казанский библиофил».

Соч.:

1. *Петровский Н.М.* К истории русского театра: Комедия о графе Фарсоне / Н.М. Петровский. – СПб.: Тип. Н.Н. Скороходова, 1900. – 72 с. – (Памятники древней письменности и искусства). То же. [Электронный ресурс]. URL: http://starieknigi.info/Knigi/P/OLDP_PDPI_138_1900.pdf
2. *Петровский Н.М.* Библиографические заметки о русских журналах XVIII века / Н.М. Петровский // Изв. Отд-ния рус. яз и словесности. – 1907. – Т. 12, кн. 2. – С. 290–359. (Отд. отт.: СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. – 70 с.) То же. [Электронный ресурс]. URL: http://school.biblioclub.ru/author.php?action=book&auth_id=20247.
3. *Петровский Н.М.* По поводу столетия казанской периодической печати / Н.М. Петровский // Изв. Отд-ния рус. яз и словесности. – 1911. – Т. 27, вып. 3. – С. 221–233. (Отд. отт.: Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. – 14 с.).
4. *Петровский Н.М.* К вопросу об источниках «Повести временных лет» / Н.М. Петровский // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в г. Казани. – Казань, 1921. – Т. 2. – С. 49–80.
5. Петровский Н.М. // Поэты-воспитанники Казанского университета, XIX – начало XX в. / сост. В.И. Шишкин, М.М. Сидорова. – Казань, 2010. – С. 191–205.

О нём:

1. *Петровский Н. М.* // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 152–153.
2. *Селищев А. М.* Памяти проф. Нестора Мемноновича Петровского / А. М. Селищев // Казанский библиофил. – 1921. – № 1. – С. 11–17.
3. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л.П. Лаптева. – М.: Индрик, 2012. – С. 750–776.
4. *Воронова Л.Я.* Научно-просветительская деятельность Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина в 1916–1918 гг. [Электронный ресурс] / Л.Я. Воронова // XXXIII Зональная конф. литературоведов Поволжья: Сб. науч. трудов и метод. материалов / отв. ред. А.А. Демченко. – Саратов, 2012. – С. 9–15. URL:<http://www.sgu.ru/node/87871>.
5. *Воронова Л. Я.* Деятельность Пушкинского общества в 1916–1918 гг. // Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань, 2012. – С. 175–204.

Л.Я. Воронова

ПОРФИРЬЕВ

Иван Яковлевич (1823–1890) – историк русской литературы, библиограф, библиотекарь, профессор, член-корреспондент Академии наук (1873).

В 1844 как лучший студент Вятской духовной семинарии поступил в Казанскую духовную академию сразу на второй курс, завершив обучение в 1848 году со степенью магистра. Его учителем в академии был Семен Иванович Протопопов (в монашестве Серафим), который рекомендовал своего лучшего ученика на кафедру словесности, так как сам вынужден был ее оставить после пострижения в монашество.

Порфириев, кроме преподавания, стал первым библиотекарем и исследователем Соловецкой библиотеки, переданной в Казанскую духовную академию в 1855. Он возглавил изучение, описание и публикацию ее памятников: под его руководством было издано более 20 произведений, среди которых – сочинения Максима Грека (в трех томах), сочинения Иосифа Волоцкого, молитвы и поучения Кирилла Туровского, поучения Феодосия Печерского и др. Выработал свой метод издания древних памятников: в своих исследованиях он всегда пытался разыскать первоисточник, для чего сравнивал анализируемые рукописи с памятниками на греческом, латинском, еврейском и других языках.

В 1873 Священным Синодом был утверждён в степени доктора, защитив диссертацию «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях». Его фундаментальный труд «История русской словесности» (Ч. 1, 1871) получил премию митрополита Макария. Был награжден орденами св. Анны II ст. (1869 и 1873), св. Владимира IV ст. (1877 и 1883), Станислава I ст. (1887).

Порфириев преподавал историю русской словесности в Казанской духовной академии, был представителем академической науки, его отличало великолепное знание древних классических языков, богословия, Священных текстов и т.д. Оставил огромное количество научных трудов.

Соч.:

1. *Порфириев И.Я.* О чтении книг (о почитании книжном) в древние времена в России / И.Я. Порфириев // Православный собеседник. – 1858. – Ч. 2. – С. 173–185, 443–462.
2. *Порфириев И.Я.* Домострой Сильвестра / И.Я. Порфириев // Православный собеседник. – 1860. – Т. 3. – С. 279–331.
3. *Порфириев И.Я.* Об источниках сведений по разным наукам, в древние времена России / И.Я. Порфириев // Православный собеседник. – 1860. – Т. 1. – С. 181–220.
4. *Порфириев И.Я.* Списывание книг в древние времена в России / И.Я. Порфириев // Православный собеседник. – 1862. – С. 2–17.
5. *Порфириев И.Я.* История русской словесности / И.Я. Порфириев. – 7-е изд. – Казань: Типо-лит Имп. ун-та, 1904. – 728 с.

О нём:

1. *Красносельцев Н.Ф.* Речь при молитвенном поминовении И.Я. Порфириева / Н.Ф. Красносельцев // Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям. – 1890. – № 23. – С. 652–659.
2. *Елисеев Г.З.* Из далекого прошлого двух академий / Г.З. Елисеев // Вестник Европы. – 1891. – № 1. – С. 308.
3. *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии в первый (дореформенный) период ее существования / П.В. Знаменский. – Вып. 2. – Казань: Типо-лит Имп. ун-та, 1892. – С. 58–65.
4. *Корсаков Д.А.* Былое из казанской жизни 1856–1860. Воспоминания о прошлом / Д.А. Корсаков // Литературный сборник «Волжского Вестника». – Казань, 1898. – С. 259–355. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/8507> - ограниченный доступ.
5. *Макарова Н.И. (Недашковская).* И.Я. Порфириев как исследователь древнерусской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Макарова. – Казань, 2000. – 182 с. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com/content/iyu-porfrev-kak-issledovatel-russkoi-literatury>

Н.Г. Комар

РОЖДЕСТВИН

Александр Сергеевич (1862–1935) – педагог, журналист, критик.

В 1884 завершил курс в Рязанской духовной семинарии, в 1889 окончил Казанскую Духовную академию, удостоен степени кандидата богословия. Преподавал в городском четырехклассном училище, Казанской учительской семинарии.

В 1897 назначен преподавателем педагогики и словесности в Казанскую женскую Мариинскую гимназию. В 1897–1902 вел курс педагогики в Родионовском институте, с 1909 по 1912 – русский язык в 3-ей мужской гимназии. В 1907–1917 служил в должности инспектора народных училищ г. Казани, заведовал текущим делопроизводством по дирекции, неоднократно замещал директора народных училищ Казанской губернии. В 1917 перешел на должность директора гимназии.

Являлся членом нескольких просветительных и научных обществ: Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина, Педагогического общества при Казанском университете, Общества любителей духовного просвещения и др.

Сотрудничал в журналах «Православное обозрение», «Вестник образования и воспитания», «Начальное обучение», в газете «Казанский телеграф» курировал отдел литературной критики. В многочисленных статьях поднимал актуальные проблемы современной системы образования, сотрудничества семьи и школы, нравственно-эстетического воспитания молодежи. Как знаток и ценитель российской словесности выступал ее популяризатором. В литературно-критических публикациях рассматривал наиболее крупные явления истории русской литературы, творчество русских писателей и критиков, откликался на новинки театральной жизни. Был знаком и поддерживал дружеские связи со многими деятелями искусства и культуры.

Соч.:

1. Рождествин А.С. Александр Сергеевич Пушкин как первый русский народный поэт: Чит. в сокращ. в Казан. рус.-иностранц. учит. семинарии на лит.-муз.

вечере в честь Пушкина 25 апр. 1899 года / А.С. Рождествин. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 22 с.

2. *Рождествин А.С. Жизнь и поэзия Никитина / А.С. Рождествин.* – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 56 с. – (Чтение в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XIV).

3. *Рождествин А.С. Поэзия Тургенева: К двадцатипятилетию смерти писателя-поэта. 22 авг. 1883 / А.С. Рождествин.* – Казань: Типо-лит. Ун-та, 1908. – 19 с.

4. *Рождествин А.С. Личность и творчество Гоголя: С портр. Гоголя и библиогр. указ. важнейших соч. о его жизни и творчестве / А.С. Рождествин.* – Казань: Типо-лит. Ун-та, 1909. – 43 с.

5. *Рождествин А.С. Лермонтов. Личность и творчество: К столетию со дня рождения. 3 окт. 1814 – 3 окт. 1914 г.: С портр. Лермонтова, с стихотворениями, посвящ. поэту, и библиогр. указ. соч. о его жизни и творчестве / А.С. Рождествин.* – Казань: Центр. тип., 1915. – 40 с.

О нём:

1. *Хайрутдинова Л.Ф. Литературно-критическое наследие А.С. Рождествина // «Казанский телеграф»: литературно-критическое наследие (1893–1917) / Л.Ф. Хайрутдинова.* – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. – С. 118–163.

2. *Воронова Л.Я. Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова.* – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 252 с.; илл.

Л.Я. Воронова

СРЕТЕНСКИЙ
Николай Николаевич (1889–1942) –
филолог, критик, профессор.

Окончил 1-ю Казанскую гимназию. В 1907 поступил на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета. По окончании обучения получил диплом I степени и

был оставлен при университете на 2 года для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии (1911).

Преподавал русскую словесность в женской гимназии, принимал активное участие в обсуждении проектов реформ образования и проблем преподавания литературы в школе, выступал с историко-литературными публикациями в периодической печати.

В 1916 уехал в Ростов-на-Дону, где на базе переехавшего в город в 1915 Варшавского университета был создан Донской университет (после гражданской войны переименован в Северо-Кавказский государственный университет). Занимался научно-педагогической деятельностью в должности профессора в Донском университете и в Ростовском педагогическом институте, открытом в 1930, где многие годы заведовал кафедрой зарубежной литературы.

Исследования Сретенского посвящены истории эстетики, стилистике, поэтике, английской и французской драматургии. Увлекался литературной критикой, изучением творчества классиков русской литературы, писателей XX в. Много сил отдавал исследовательской работе студентов в руководимом им научном студенческом кружке по изучению творчества Шекспира. Кружок работал в содружестве с Ростовским театром драмы им. М. Горького. Читал лекции и для актеров этого театра.

Соч.:

1. Сретенский Н.Н. Памяти Вильяма Шекспира / Н.Н. Сретенский // Вестник образования и воспитания. – 1914. – № 3. – С. 389–392.
2. Сретенский Н.Н. О преподавании словесности в VII (педагогическом) классе женских гимназий / Н.Н. Сретенский // Вестник образования и воспитания. – 1916. – № 1/2. – С. 36–57.

3. Сретенский Н.Н. Символика в искусстве древне-христианских катакомб / Н.Н. Сретенский. – Ростов н/Д: Тип. Совета проф. союзов, 1919. – 446 с. (Отд. отт. из ж. «Педагогическая мысль». VI. 1919).
4. Сретенский Н.Н. Историческое введение в поэтику комического / Н.Н. Сретенский. – Ростов н/Д: Трудовой Дон, 1926. - Ч. 1: Учение Жан-Поля о комическом. – 60 с.
5. Сретенский Н.Н. Гейне и русская цензура / Н.Н. Сретенский. – Ростов н/Д: Трудовой Дон, 1928. – 22 с. (Отд. отт. из «Известий Северо-Кавказ. гос. ун-та». – Т. 1 (ХIII). – 1928).

О нём:

1. Дело канцелярии историко-филологического факультета Императорского Казанского университета по прошению окончившего курс историко-филологических наук по историческому отделению с дипломом I степени Николая Сретенского об оставлении его при Казанском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии, на собственный его счет // НА РТ. Ф. 977. Оп. Ист.-фил. фак. Д. 2214. – 19 л.
2. Дело канцелярии инспектора студентов Императорского Казанского университета: О принятии в число студентов Казанского университета Николая Николаевича Сретенского // НА РТ. Ф. 977. Оп. Л. д. Д. 38048. – 25 л.
3. Сретенский Н.Н. // Список студентов, посторонних слушателей и учениц повивального института Императорского Казанского университета на 1908–1909 уч. год. – Казань, 1908. – С. 44.
4. Сретенский Н.Н. // Список студентов, посторонних слушателей и слушательниц, а также учениц повивального института Казанского университета на 1909–1910 уч. год. – Казань, 1909. – С. 43.
5. Воронова Л.Я. Казанская интеллигенция конца XIX – начала XX века о реформах образования и проблемах преподавания литературы в средней школе / Л.Я. Воронова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки.– Т. 153, кн. 2. – Казань, 2011. – С. 62–74. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/93762185.pdf>

Е.А. Аликова

ФИРСОВ

Николай Николаевич (1864–1933) – историк, профессор.

В 1888 окончил историко-филологический факультет Казанского университета со степенью кандидата, был оставлен на кафедре русской истории для приготовления к профессорскому званию. С 1891 – приват-доцент университета. Одновременно преподавал в учебных заведениях города: в Мариинской женской гимназии, реальном училище, 2-й мужской гимназии.

В 1897 защитил магистерскую диссертацию «Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII столетия: (Очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений)», в 1902 – докторскую диссертацию «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики».

С 1903 по 1929 профессор Казанского университета. Несколько раз выезжал из Казани: в Москву (1914–1915), в Петроград (1923). Один из организаторов Северо-Восточного археологического института, Восточной академии; преподавал на рабфаке университета, в Восточно-педагогическом институте. Принимал участие в деятельности научных обществ Казани: Общества археологии, истории и этнографии (в 1924–1929 – председатель), Общества татароведения (1923–1929), Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете (с 1900, был членом Совета Общества).

Автор работ по русской средневековой истории, историко-экономическим проблемам развития России XVIII–XIX веков, а также по истории русской литературы.

Одним из первых исследователей обратился к специальному изучению исторических взглядов А.С. Пушкина, подготовил обширные комментарии и примечания к «Истории Пугачевского бунта».

Соч.:

1. *Фирсов Н.Н.* Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку: (Вторая пробная лекция, читанная 28 сент. 1891 г. для получения звания приват-доцента) / Н.Н. Фирсов. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. – 14 с.
2. *Фирсов Н.Н.* Царь Иван Васильевич Грозный: (Из вступ. лекции, чит. в Казан. ун-те 30 окт.) / Н.Н. Фирсов. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1892.– 17 с.
3. *Фирсов Н.Н.* Примечания к истории Пугачевского бунта / Н.Н. Фирсов // А.С. Пушкин. Сочинения. – СПб.: Имп.Акад.наук, 1899–1929. Т. XI. История Пугачевского бунта / под ред. В.Е. Якушкина и Н.Н. Фирсова. – Пг., 1914. – С. 1–320.
4. *Фирсов Н.Н.* Пушкин как историк / Н.Н. Фирсов // Пушкин А.С. Сочинения: в 6 т. / под ред. С.А. Венгерова. – Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1915. Т. 6. – С. 249–255.

О нём:

1. Фирсов Н.Н. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 214–215.
2. *Соколов Д.Н.* Несколько замечаний к комментарию проф. Н.Н. Фирсова на «Историю Пугачевского бунта» / Д.Н. Соколов // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Рос. акад. наук. – Пг., 1918. – Вып. 29/30. – С. 18–27. То же. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psx/psx2018-.htm>
3. *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Николай Николаевич Фирсов: очерк жизни и деятельности / И.П. Ермолаев, А.Л. Литвин. – Казань: КГУ, 1976. – 170 с.
4. *Парамонова Н.* Фирсов Николай Николаевич / Н. Парамонова // Казанский университет, 1804–2004: библиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 560–561.
5. Фирсов Николай Николаевич // Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннот. указатель: в 2 т. – СПб., 2010. – Т. 2. М–Я. – С. 509–510.
6. *Хасанишина Л.З.* К вопросу изучения биографии Н.Н. Фирсова, профессора Казанского университета, исследователя народов Среднего Поволжья (по документам Национального архива РТ). То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/433_Hasanhina

Л.Я. Воронова

ШЕРШЕНЕВИЧ

Габриэль Феликсович (1863–1912) – юрист, профессор, депутат Государственной думы.

Воспитанник 2-й Казанской гимназии. Учился на юридическом факультете Императорского Казанского университета (1881–1885), окончил его со степенью кандидата и был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре торгового права.

В 1886 защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Система торговых действий», в 1892 – докторскую диссертацию «Авторское право на литературное произведение» (в Казанском университете). Преподавал в Казанском университете, занимал должности: приват-доцента (1888–1892), экстраординарного профессора (1892–1895), ординарного профессора (1895–1905). С 1906 – профессор кафедры торгового права и судопроизводства Московского университета. Преподавал в Московском городском народном университете им. А.Я. Шанявского, Московском коммерческом институте, Московском обществе народных университетов, где был организатором научной работы, разработчиком учебных курсов и дисциплин.

Энциклопедически образованный ученый, один из создателей науки торгового права, ведущий специалист по гражданскому праву и энциклопедии права. Принимал активное участие в организации и деятельности нескольких научных обществ в Казани: Юридического общества (председатель), Педагогического общества (член-учредитель), Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина (член-учредитель, входил в состав Совета и ревизионной комиссии (1900–1904). Выступал с публичными лекциями, сотрудничал в таких периодических изданиях, как «Учёные записки Казанского университета», «Юридическая летопись», «Журнал гражданского и уголовного права», «Журнал Министерства юстиции», «Право» и др. Помещал статьи на острые общественно-политические темы в прессе: «Русских ведомостях», «Речи»,

«Реформе», «Волжском вестнике», «Казанском телеграфе», «Волжском листке» и др.

Соч.:

1. Шершеневич Г.Ф. Экономическое обоснование авторского права / Г.Ф. Шершеневич // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1891. – Т. 1. – С. 105–128.
2. Шершеневич Г.Ф. История авторского права на Западе / Г.Ф. Шершеневич // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1891. – Т. 3. – С. 1–41.
3. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1891.
4. Шершеневич Г.Ф. По поводу книги Вл. Соловьева «Оправдание добра» / Г.Ф. Шершеневич // Вопросы философии и психологии. – 1897. – № 5–6.
5. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности. Публичная лекция / Г.Ф. Шершеневич // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1898. – Т. 2. – С. 55–80.

О нём:

1. Г.Ф. Шершеневич (Некролог) // Голос Москвы. – 1912. – 1 сент. (№ 202).
2. Чугунова Н. Шершеневич Габриэль Феликсович / Н. Чугунова // Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 593.
3. Шарифжанов И.И. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете / И.И. Шарифжанов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. – 20 с.
4. Хабриева О.А. Педагогическое общество при Казанском университете, 1900–1926: Развитие педагогических идей и практической деятельности / О.А. Хабриева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 56 с. (С. 5, 42).
5. Шигабутдинов Р.Р. Политико-правовые взгляды, общественная и научно-педагогическая деятельность Г.Ф. Шершеневича: дисс. ... канд. ист. наук: 23.00.01 / Шигабутдинов Р.Р. – Казань, 2009. – 193 с.
6. Воронова Л.Я. Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 252 с.; илл.

Л.Я. Воронова

ШЕСТАКОВ

Дмитрий Петрович (1869–1937),
исследователь античной и русской
литературы, историк, критик, поэт, профессор.

В 1891 окончил историко-филологический факультет Казанского университета, стал сверхштатным преподавателем Казанского четырёхклассного городского училища. В студенческие годы начал писать стихи. В 1895 стихотворения Шестакова были включены в составленный П.П. Перцовым и

В.В. Перцовым «Сборник избранных молодых русских поэтов» (СПб., 1895), а в 1900 вышел отдельный сборник его стихотворений (СПб., 1900).

С 1903 стипендиат на кафедре классической филологии, готовился к профессорскому званию. В 1909 выдержал испытания на учёную степень магистра словесности в Новороссийском университете. С 1 июля – исполняющий обязанности доцента по кафедре греческой словесности Варшавского университета. В короткие сроки защитил магистерскую («Исследования в области греческих народных сказаний о святых», 1911) и докторскую («Опыт изучения народной речи в комедиях Аристофана», 1915) диссертации.

В 1911–1921 преподавал в Казанском университете, профессор кафедры классической филологии. С июня 1921 работал на факультете общественных наук, осенью 1922 перевёлся в Восточно-педагогический институт.

В 1925 переехал во Владивосток, работал в качестве учёного секретаря издательства Дальневосточного университета и референта по иностранной литературе университетской библиотеки (1926–1931).

В начале 30-х гг. вернулся в Казань, работал в Восточно-педагогическом институте (с 1934 – Казанский государственный педагогический институт) в качестве внештатного профессора греческого языка.

В области научных интересов у Шестакова на первом месте всегда стояла античная литература. Но он был известен и как исследователь и критик русской литературы: выступал на заседаниях Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина с рефератами и докладами о творчестве Н.В. Гоголя, В.И. Даля, Г.И. Успенского, Т.Г. Шевченко,

А.А. Потехина и других писателей; принимал участие в организации и проведении торжественных собраний; оперативно откликался на появление новых авторов, произведений, поэтических сборников; публиковал статьи и рецензии в таких изданиях, как «Чтения в Обществе любителей русской словесности...», «Мир искусства», «Новый путь», «Слово», «Варшавский дневник», «Филологическое обозрение», «Казанский телеграф».

Соч.:

1. Шестаков Д.П. Владимир Иванович Даля: К столетию рождения / Д.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 23 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XIV).
2. Шестаков Д.П. Красноречие древних греков в его влиянии на историческую литературу/ Д.П. Шестаков // Филологическое обозрение. – 1902. – Т. XXI. – С. 123–192.
3. Шестаков Д.П. Личность и творчество Гоголя / Д.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 48 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. XIX).
4. Шестаков Д.П. Пушкину // Казанский телеграф. – 1905. – № 365.
5. Шестаков Д.П. // Поэты-воспитанники Казанского университета, XIX – начало XX в. / сост. В.И. Шишкин, М.М. Сидорова. – Казань, 2010. – С. 173–183.

О нём:

1. Долгополов Л.К. Шестаков Дмитрий Петрович / Л.К. Долгополов // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1975. – Т. 8. – Стб. 700–701.
2. Лексина Ю. Шестаков Д. П. / Ю. Лексина // Казанский университет, 1804–2004: библиогр. словарь / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 504.
3. Аксёнова А. А. Жанровый аспект изучения творческого наследия Д.П. Шестакова: идиллия и миниатюра / А.А. Аксёнова // Итог. науч.-образовательная конф. студентов Казан. гос. ун-та 2007 г.: сб. ст. – Казань, 2007. – С. 103–105.
4. Крылов В.Н. Д.П. Шестаков как критик литературы серебряного века / В.Н. Крылов // Русская сопоставительная филология. – Казань, 2009. – С. 159–162.
5. Аксёнова А.А. Шестаков Дмитрий Петрович / А.А. Аксёнова, Л.Я. Воронова // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 83–88.

Л.Я. Воронова

ШЕСТАКОВ

Сергей Петрович (1864–1940) – исследователь античной и русской литературы, переводчик, историк, профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

В 1882–1886 учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, специализировался на классическом отделении, за сочинение «О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартола)» (1886) был удостоен золотой медали; окончил университет со степенью кандидата. С 1886 – профессорский стипендант при кафедре греческого языка и словесности, с 1890 – приват-доцент на кафедре.

Первые крупные исследования посвящены поэтам Гомера: публикация монографии «О происхождении «Одиссеи» в 1893 была признана в качестве магистерской диссертации, за защиту в 1898 второй части работы «О происхождении Илиады: этюд из истории литературы гомеровского вопроса и анализ Илиады с точки зрения теории зерна» Шестаков был удостоен степени доктора наук.

Занимал должности: с 1900 – экстраординарный профессор, с 1902 – ординарный профессор по кафедре греческого языка и литературы, с 1915 – заслуженный профессор. Был деканом историко-филологического факультета (в 1906, 1907, 1909, 1911–1917), членом Попечительского совета Казанского учебного округа (1904–1910). С 1906 преподавал греческий язык и литературу на Высших женских курсах, с 1911 – директор курсов.

После революции 1917 преподавал итальянский язык в Казанском университете (до 1933), с 1928 – сверхштатный преподаватель финского языка, истории литературы и культуры Древней Греции в Восточно-педагогическом институте. В 1933–1934 – работал в Казанском институте советского права и советского строительства; до 1938 – старший научный сотрудник Научной библиотеки Казанского университета.

Принимал активное участие в деятельности Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина, был почетным членом

Совета Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

В исследованиях по русской литературе обращался к нерешенным проблемам и использовал возможности сравнительно-исторического метода в литературоведении.

Кроме филологии, Шестакова увлекала древняя история. Ему принадлежит ряд работ по древней и средневековой истории Северного Причерноморья, Византийской истории.

Соч. :

1. *Шестаков С.П.* Заметки к переводам В.А. Жуковского из немецких и английских поэтов / С.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. – 98 с. – (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Имп. Казанском университете; вып. XXIII).
2. *Шестаков С.П.* К литературе трепетников / С.П. Шестаков. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1909. – 44 с.
2. *Шестаков С.П.* О происхождении поэм Гомера: о происхождении «Одиссеи» / С.П. Шестаков. – Москва: URSS, 2012. – 238 с.
3. *Шестаков С.П.* О происхождении поэм Гомера: о происхождении «Илиады» / С.П. Шестаков. – Москва: URSS: Либроком, 2012. – 540 с.

О нём:

1. *Иванов Ю.А.* Список учёных трудов профессора С.П. Шестакова / Ю.А. Иванов // Учён. зап. Казан. ун-та. – 1917. – Кн. 3/4. – С. 1–17. (Отд. изд.: Казань, 1917. – 17 с.).
2. Шестаков С.П. // Сыченкова Л.А. Отечественные культуроведы: биобиблиогр. словарь, Вторая пол. XIX – нач. 30-х гг. XX в. / Л.А. Сыченкова. – Казань, 1997. – С. 72–73.
3. *Лексина Ю.* Шестаков С.П. / Ю. Лексина, Н. Чугунова // Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. словарь / гл. ред. Г. Н. Вульфсон. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 594–595.
4. *Шмелёва Л. М.* Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиноведения в России: дис. ... канд. ист. наук / Л.М. Шмелёва. – Казань, 2005. – 264 л.
5. *Воронова Л. Я.* Шестаков С.П. / Л.Я. Воронова // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): биобиблиогр. словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова ; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2011. – С. 88 – 90.

Л.Я. Воронова.

III. Рекомендуемая литература

1. *Аксёнова А.А.* Казанский учёный Д.П. Шестаков: вопросы изучения биографии и поэтического наследия / А.А. Аксёнова // Итоговая науч.-образовательная конференция студентов Казан. гос. ун-та 2006 года: сб. статей. – Казань, 2006. – С. 63.
2. *Аксёнова А. А.* Жанровый аспект изучения творческого наследия Д.П. Шестакова: идиллия и миниатюра / А.А. Аксёнова // Итоговая науч.-образовательная конференция студентов Казан. гос. ун-та 2007 года: сб. статей. – Казань, 2007. – С. 103–105.
3. *Аксёнова А. А.* Импрессионистическое начало в поэзии Д.П. Шестакова / А.А. Аксёнова // Природа в художественном слове. Идеи и стиль: сб. науч. ст. / под ред. Т.Я. Гринфельд-Зингурс. – СПб., 2007. – С. 111–116.
4. *Аксёнова А. А.* «Поэт тихого счастья»: жанр идиллии в поэзии Дмитрия Петровича Шестакова / А.А. Аксёнова, М.М. Сидорова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. науч. тр. – СПб.; Самара, 2007. – Вып. 13. – С. 405–411.
5. *Аксёнова А. А.* Историко-литературные работы Д.П. Шестакова как материал для изучения его поэтического наследия / А.А. Аксёнова // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. статей по материалам науч. конф., Н. Новгород, 12–14 нояб. 2009 г. – Н. Новгород, 2010. – С. 130–137.
6. *Аксёнова А.А.* Профессор Казанского университета Д.П. Шестаков на страницах журнала «Мир искусства» / А.А. Аксёнова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 247–251.
7. *Аристов В.В.* Всё началось с путеводителя... Поиски литературные и исторические / В.В. Аристов, Н.В. Ермолаева. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1975. – 222 с.
8. *Аристов В.В.* Во поле берёзонька стояла... Литературные поиски / В.В. Аристов. – Казань: Панorama. Библиотека журнала «Казань», 1993. – 48 с.
9. *Аристов В.В.* Казанские находки (поиски литературные и исторические) / В.В. Аристов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 192 с.

10. Аристов В.В. Первое литературное общество Поволжья. (К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806–1818 гг.) / В.В. Аристов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 42 с.
11. Аристов В.В. Страницы славной истории: Рассказы о Казанском университете / В.В. Аристов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1987. – 224 с.
12. Библиография истории города Казани / Сост. Х.З. Багаутдинова. – Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. – 104 с.
13. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1904.
14. Благов Ю.А. В содружестве с Мельпоменой. Казанский университет и театр: к истории взаимосвязей / Ю.А. Благов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – 88 с.
15. Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. / Л.П. Бурмистрова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. – 160 с.
16. Бушканец Е.Г. Казань в воспоминаниях современников: аннотированный указатель. Вып. 1–2. / Е.Г. Бушканец. – Казань, 1955 – 1956.
17. : Бушканец Е.Г. Юность Льва Толстого: казанские годы / Е.Г. Бушканец. – Казань: Kazan- Казань, 2008. – 144 с.
18. Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 311 с.
19. Валеев Э.Н. Первый русский романтик Г.П. Каменев (1772–1803) / Э.Н. Валеев. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – 80 с.
20. Воронова Л.Я. А.С. Пушкин в оценке А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 136: А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков (к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина) / сост. и отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С. 42–54.
21. Воронова Л.Я. Проблема «Пушкин и читатель» в работах А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Публицистические чтения. А.С. Пушкин: Казанские страницы (по материалам научно-публицистического семинара 8 – 9 окт. 1998 г.) / под ред. Е.С. Дорошук, И.В. Завьяловой. – Казань: Тип. «Полиграф», 1998. – С. 126–135.

22. Воронова Л.Я. Немецкие источники в трудах Л.З. Колмачевского и А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Границы сотрудничества (к 10-летию Соглашения о сотрудничестве между Казанским и Гиссенским университетами). – Казань: УНИПРЕСС, 1999. – С. 146–155.
23. Воронова Л.Я. А.С. Архангельский как исследователь славянской письменности и культуры / Л.Я. Воронова // Чтения, посвящённые Дням славянской культуры: материалы региональной конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. – С. 304–313.
24. Воронова Л.Я. Столетие Е.А. Боратынского в Казани / Л.Я. Воронова // Слово и мысль Е.А. Боратынского: тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского, 21–24 марта 2000 г. / отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: «ООО АБАК-УСЛУГИ», 2000. – С. 17–19.
25. Воронова Л.Я. 200-летие со дня рождения Е.А. Боратынского в Казани / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 139: Слово и мысль Е.А. Боратынского: К 200-летию со дня рождения / сост. и отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: УНИПРЕСС, 2000. – С. 3–11.
26. Воронова Л.Я. Вопросы истории языка в трудах А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф., Казань, 11–13 дек. 2001 г.: Труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С. 64–65.
27. Воронова Л.Я. Из истории Пушкинского общества в Казани / Л.Я. Воронова // Михайловская Пушкиниана. Вып. 14. «У каждого времени свой Пушкин»: сб. науч. статей по материалам конф. – М.: Вербум-М, 2001. – С. 24–34.
28. Воронова Л.Я. Немецкое литературоведение в оценке А.С. Архангельского, профессора Казанского университета / Л.Я. Воронова // Deutsch-russischer Dialog in den Philologien = Немецко-русский диалог в филологии / Herausgegeben von H. Jelitte und M. Horkavtschuk. – Peter Lang: Europäischen Verlag der Wissenschaften. – Sonderdruck 2001. – S. 373–382.
29. Воронова Л.Я. Архангельский // Православная энциклопедия. – М., 2002. – Т. 3. – С. 486. (Электронная версия / под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/76440.htm1>
30. Воронова Л.Я. Александр Семёнович Архангельский, 1854–1926. / Л.Я. Воронова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с.

31. Воронова Л.Я. А.С. Архангельский как редактор «Полного собрания сочинений В.А. Жуковского» / Л.Я. Воронова // Мир романтизма. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 110–118. – Вып. 7 (31).
32. Воронова Л.Я. Литературное общество при Казанском университете в конце XIX – начале XX в. / Л.Я. Воронова // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: сб. статей Всерос. (с международным участием) науч. конф.: в 3 т. – Соликамск: Изд-во СГПИ, 2002. – Т. 3. – С. 316–321.
33. Воронова Л.Я. Перевод и публикация комедии «Ложныйстыд» А. Коцебу в России / Л.Я. Воронова // Поэтическое перешагивание границ: юбилейный сб. к 65-летию Почётного доктора Казанского университета Герхарда Гиземанна. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – С. 52–59.
34. Воронова Л.Я. Вопросы критики в трудах Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Критика и её исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998) / сост. Л.Я. Воронова (ред.), В.Н. Крылов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 60–70.
35. Воронова Л.Я. Г.Р. Державин и драматургия Екатерининской эпохи в оценке А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин глазами XXI века: К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина / сост. и отв. ред. А.Н. Пашкуров. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 27–36.
36. Воронова Л.Я. Из истории преподавания русской литературы в Казанском университете (80 – 90-е гг. XIX в.) / Л.Я. Воронова // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе: материалы межрегион. науч. конф. / отв. ред. Г.Ю. Филипповский. – Ярославль: ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, 2004. – С. 198–204.
37. Воронова Л.Я. Творчество писателей конца XIX – начала XX века в оценке членов Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: материалы Всерос. конф. и XXIX Зональной конф. литературоведов Поволжья, Тольятти, 12–14 окт. 2004 г.: в 2 т. – Тольятти : ТГУ, 2004. – Т. 2. – С. 16–20.
38. Воронова Л.Я. Концепция личности Нила Сорского А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 3. – С. 214–222.
39. Воронова Л.Я. Новые материалы к биографии А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Материалы XXXI Зональной конф. литературоведов

Поволжья: в 3 ч. Ч. 1. / Предисловие А.М. Калимуллина. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 72–78.

40. Воронова Л.Я. Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 7–18.

41. Воронова Л.Я. С.Т. Аксаков в оценке казанской интеллигенции XIX – начала XX века / Л.Я. Воронова // HOMO SCRIBENS. Литературная критика в России: поэтика и политика: сб. статей и материалов Всерос. науч. конф., Казань, 30 сент. – 2 окт. 2008 г. / сост.: Л.Я. Воронова (отв. ред.), М.М. Сидорова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 120–132.

42. Воронова Л.Я. Е.Ф. Будде как исследователь русской литературы / Л.Я. Воронова // IV Международные Бодуэновские чтения, Казань, 25–28 сент. 2009 г.: труды и материалы: в 2 т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – Т. 1. – С. 5–7.

43. Воронова Л.Я. Г.Р. Державин в казанском литературоведении и критике конца XIX начала XX в. / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., г. Лаишево, 13–15 июля 2010 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – С. 101–104.

44. Воронова Л.Я. Феномен М.В. Ломоносова в оценке А.С. Архангельского / Л.Я. Воронова // Михаил Муравьёв и его время: сб. ст. и материалы третьей Всерос. научно-практич. конф. «Михаил Муравьёв и его время. 300-летию М.В. Ломоносова посвящается» / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань: РИЦ, 2011. – С. 40–44.

45. Воронова Л.Я. Казанская интеллигенция конца XIX – начала XX века о реформах образования и проблемах преподавания литературы в средней школе / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 2. – С. 62–74.

46. Воронова Л.Я. А.С. Архангельский о преподавании русской литературы XVIII века в школе / Л.Я. Воронова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., Казань – Лаишево 13–15 июля 2012 г. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 290–295.

47. Воронова Л.Я. А.С.Архангельский: путь в науку / Л.Я. Воронова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 2. – С. 21–36.

48. Воронова Л.Я. Пушкинское общество в Казани (1887–1918) / Л.Я. Воронова. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 252 с.; илл.

49. Воронова Л.Я. Пушкинские юбилеи 1887 и 1899 гг. в Казанском университете / Л.Я. Воронова // Филология и культура. – 2012. – № 3(29). – С. 119–125.
50. Гавриил Романович Державин: библиогр. указатель. 1980–2008 гг. / сост.: А.Ф. Галимуллина, Н.А. Левенштейн, Е.В. Ускова, Е.А. Христолюбова, С.И. Моденова, Р.И. Опарина; науч. ред.: О.Г. Левенштейн, А.Н. Пашкуров. – Казань: Казан. гос. ун - т, 2008. – 56 с.
51. Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казанского университета, Казань, 10–12 нояб. 2003 г. – Казан : Казан. гос. ун-т, 2003. – 136 с.
52. Г.Р. Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина) / сост. и отв. ред. А.Н. Пашкуров. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – 192 с.
53. Г.Р. Державин и культура Казанского края: материалы Всерос. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина, г. Лаишево, 26–28 июня 2008 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. – 236 с.
54. Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., г. Лаишево, 13–15 июля 2010 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 158 с.
55. Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 356 с.
56. Гарзавина А.В. «В Казань, к профессору К.Ф. Фуксу» / А.В. Гарзавина. – Казань, 1987. – 239 с.
57. Глухов-Ногайбек М.С. Казанский ретро-лексикон: Первый опыт родословно-биографической и историко-краеведческой энциклопедии / М.С. Глухов-Ногайбек. – Казань: Изд. цент «Основа», 2002. – 576 с.
58. Ермолаев И.П. Предшественница Казанского университета (к 250-летию Первой казанской гимназии) / И.П. Ермолаев, А.И. Ермолаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 310 с.
59. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров об А.И. Полежаеве / А.Н. Ерофеева // Мир романтизма. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – Вып. 7 (31). – С. 118–121.
60. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров о Д.В. Веневитинове / А.Н. Ерофеева // Критика и её исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998) / сост. Л.Я. Воронова (ред.), В.Н. Крылов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 136–139.

61. Ерофеева А.Н. Е.А. Бобров как краевед / А.Н. Ерофеева // Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казанского университета, Казань, 10–12 нояб. 2003 г. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – С. 87–89.
62. Жиглий Ю.В. Казанское общество любителей отечественной словесности, 1806–1853 (Из истории литературного краеведения): учебно-методическое пособие / Ю.В. Жиглий. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 84 с.
63. Завьялова И.В. Казанский архив Боратынских / И.В. Завьялова // Слово и мысль Е.А. Боратынского: тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского, 21–24 марта 2000 г. / отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: «ООО АБАК-УСЛУГИ», 2000. – С. 30–32.
64. Завьялова И.В. Рукописные литературные сборники конца XVIII – начала XIX веков (из фондов ИМ РТ и ОРРК НБЛ КГУ) / И.В. Завьялова // Михаил Муравьев и его время: сб. статей и материалов второй Всерос. научно-практической конф. «Михаил Муравьев и его время» / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань: ТГГПУ, 2010. — С. 110–114.
65. Завьялова И.В. Сочинения Г.Р. Державина в рукописных сборниках начала XIX в. (по материалам фондов НМ РТ и ОРРК НБЛ КГУ) / И.В. Завьялова // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., г. Лаишево, 13–15 июля 2010 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – С. 143–147.
66. Загвоздина В.Г. Е.А. Боратынский и Казань / В.Г. Загвоздина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 125 с.
67. Загвоздина В.Г. Литературные тропы: поиски, встречи, находки / В.Г. Загвоздина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 208 с.
68. Знаменитые люди о Казанском kraе / Сост., авт. биограф. и comment. А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая; под общ. ред. М.А. Усманова. – Казань: Kazan – Казань, 1999. – 423 с.
69. Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: библиогр. указатели. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 88 с.
70. Казанская периодическая печать (русские издания). 1811–1916: библиогр. указатель. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 40 с.
71. Казанская периодическая печать о Л.Н. Толстом (1845–1911): библиогр. указатель / Казан. гос. ун-т; филол. фак-т; сост. И.А. Смирнов; науч. ред. Я.Г. Сафиуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 20 с.

72. Казанские русскоязычные дореволюционные газеты и журналы о Ф.М. Достоевском (1872–1911): библиогр. указатель / сост. Е.Г. Кузнецова; науч. ред. Л.Е. Бушканец. – Казань, Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 20 с.

73. Казанский университет в периодической печати: 1870–1890-е годы / сост. Л.М. Пивоварова, Б.И. Колмаков. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 270 с.

74. Казань в её прошлом и настоящем: очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений: с 8-ю видами города / сост. М. Пинегин. – Казань: DOMO, 2005. – 784 с. (переиздание 1890 г.).

75. *Карташева Е.И.* Михаил Муравьёв, просвещение в России и Казань / Е.И. Карташева, А.Н. Пашкуров // Муравьёв и его время: сб. статей и материалов круглого стола, состоявшегося в рамках пятой Республ. науч.-практ. конф. «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день») / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – Вып. 5. – Ч. 2. – С. 17–19.

76. *Карташева Е.И.* Наследие С.А. Москотильникова в Государственных хранилищах России / Е.И. Карташева // Михаил Муравьёв и его время: сб. статей и материалов второй Всерос. научно-практической конф. «Михаил Муравьев и его время» / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань: ТГГПУ, 2010. — С. 96–103.

77. *Карташева Е.И.* Некоторые черты книжной культуры Казани последней трети XVIII – начала XIX вв. / Е.И. Карташева // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф., г. Лаишево, 13–15 июля 2010 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – С. 127–132.

78. *Климентовский В.А.* Русские писатели в Татарии / В.А. Климентовский. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – 176 с.

79. *Колмаков Б.И.* Литературно-критические публикации казанской газеты «Волжский вестник» (1884–1906): библиогр. указатель / Б.И. Колмаков. – Казань, 2000. – 24 с.

80. *Колмаков Б.И.* Жанр литературного портрета в газете «Волжский вестник» / Б.И. Колмаков // Критика и её исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998) / сост. Л.Я. Воронова (ред.), В.Н. Крылов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 81–90.

81. *Колмаков Б.И.* Кульурная жизнь Казани XIX – XX веков в экспозициях казанских музеев: метод. пособие / Б.И. Комаков. – Казань: Казан. ун-т, 2003. – 29 с.
82. *Колмаков Б.И.* Юбилейная статья в газете «Волжский вестник» / Б.И. Колмаков // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 209–212.
83. *Колмаков Б.И.* Личность Л.Н. Толстого, его литературная и общественная деятельность в публикациях газеты «Волжский вестник» (1900-е годы) / Б.И. Колмаков // Русская и сопоставительная филология'2006. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С. 316–320.
84. *Колмаков Б.И.* Журнал «Православный собеседник» как источник литературно-критических суждений / Б.И. Колмаков // HOMO SCRIBENS. Литературная критика в России: поэтика и политика: сб. статей и материалов Всерос. науч. конф., Казань, 30 сент. – 2 окт. 2008 г. / сост.: Л.Я. Воронова (отв. ред.), М.М. Сидорова. – Казань: Казан. гос. ун -т, 2009. – С. 82–94.
85. *Колмаков Б.И.* Повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» в оценке А.Ф. Гусева (по публикациям журнала «Православный собеседник») / Б.И. Колмаков // Русская литература XVIII–XXI вв. Диалог идей и эстетических концепций. Дискурс о современности. – Lodz: Primum Verbum, 2010. – С. 59–68.
86. *Колмаков Б.И.* Личность и творчество Л.Н. Толстого в публикациях газеты «Волжский вестник» (90-е годы XIX века) / Б.И. Колмаков // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 2. – С. 109–118.
87. *Колмаков Б.И.* История культуры родного края (Русские писатели в Казани и Казанском крае): учеб. пособие / Б.И. Колмаков. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 44 с.
88. *Комар Н.Г.* Проблемы изучения медиевистики в Казанском университете в XIX в. / Н.Г. Комар // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: материалы Всерос. конф. и XXIX Зональной конф. литературоведов Поволжья, 12–14 окт. 2004 г.: в 2 т. – Тольятти: ТГУ, 2004. – Т. 2. – С. 33–35.
89. *Комар Н.Г.* Из истории литературоведения в Казани: наследие П.П. Миндалёва / Н.Г. Комар // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX – XX веков. Материалы науч. конф. «Пятые Майминские чтения», 14–17 ноября 2004 г. – Псков: ПГПУ, 2005. – С. 112–117.

90. *Комар Н.Г.* Сравнительный аспект исследования славянских литератур в трудах В.И. Григоровича / Н.Г. Комар // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы II Всерос. науч.-практич. конф., 29 нояб. – 1 дек. 2005 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2005. – С. 133–135.
91. *Комар Н.Г.* Публикация памятников древнерусской литературы на страницах «Православного собеседника» (из первых лет существования журнала) / Н.Г. Комар // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной семинарии. – 2006. – Вып. 1 (11) – Ч. 1. – С. 123–129.
92. *Комар Н.Г.* Личность и творчество Андрея Курбского в оценке М.П. Петровского / Н.Г. Комар // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Русская филология». – 2007. – № 3. – С. 204–207.
93. *Комар Н.Г.* Из истории литературоведения в Казани: наследие В.Г. Варенцова / Н.Г. Комар // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 279–284.
94. *Комар Н.Г.* Некоторые аспекты сравнительного изучения древнерусской литературы в Казанском университете в XIX веке / Н.Г. Комар // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 19–26.
95. *Комар Н.Г.* Текстологические исследования древнерусской литературы в Казанском университете в XIX в. / Н.Г. Комар // Русская и сопоставительная филология, 2008. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 117–122.
96. *Комар Н.Г.* Из истории преподавания русской литературы в Казанской духовной академии / Н.Г. Комар // Духовные начала русского искусства и просвещения: материалы X Междунар. науч. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») / сост. А.В. Моторин; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010. – С. 112–117.
97. *Комар Н.Г.* Очерки изучения и преподавания древнерусской литературы в Казани (XIX – начало XX века) / Н.Г. Комар. – Казань : Казан. ун-т, 2012. – 220 с.
98. Критика и её исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998) / сост. Л.Я. Воронова (ред.); В.Н. Крылов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – 143 с.
99. *Крылов В. Н.* Д. П. Шестаков как критик литературы серебряного века / В.Н. Крылов // Русская сопоставительная филология. – Казань, 2009. – С. 159–162.

100. *Крылов В.Н.* Д.П. Шестаков: критик-филолог в литературном процессе конца XIX начала XX в. / В.Н. Крылов // *Nova Filologicka Revue*. Univerzita Mateja Bela Banska Bystrica. 2011. – №1. – С. 37–46 (электронный журнал режим доступа <http://www.fvv.unb.sk/app/index.php?Id=3382>, свободный).
101. *Крути И.* Русский театр в Казани: Материалы к истории провинциального драматического театра / И. Крути. – М.: Искусство, 1958. – 396 с.
102. *Кузнецова Е.Г.* Ф.М. Достоевский в контексте «Камско-Волжской газеты» / Е.Г. Кузнецова // Грехнёвские чтения: сб. науч. тр. – Вып. 3. – Н. Новгород: Тип. Нижегород. гуманитар. центра, 2006. – С. 254–249.
103. *Кузнецова Е.Г.* Ф.М. Достоевский в периодической печати Казани / Е.Г. Кузнецова // Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации...: тезисы межрегиональной научно-практической конф., Новокузнецк, окт. 2006. – Новокузнецк : Б.и., 2006. – С. 49–55.
104. *Макарова Н.И.* (*Недашковская Н.И.*). Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: наследие В.И. Григоровича / Н.И. Макарова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 24–35.
105. *Макарова Н.И.* (*Недашковская Н.И.*). Опыт деконструкции историографического образа учёного: В.И. Григорович / Н.И. Макарова // Мир историка: историографический сб. / под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. – Вып. 3. – С. 256–268.
106. *Медведева Е.А.* Концепция личности Н.С. Тихонравова в биографических очерках С.О. Долгова, А.С. Архангельского, А.Н. Пыпина / Е.А. Медведева // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 3. – С. 21–28.
107. *Милашевский Г.А.* Казань и казанцы. Новые штрихи к старым портретам / Г.А. Милашевский. – Казань: Заман, 2003. – 207 с.
108. *Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX в.) / С.М. Михайлова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 360 с.
109. Образ Казани в мировой литературе: сб. ст. / науч. ред. А.М. Саяпова. – Казань: Казан. пед. ун-т, 2004. – 88 с.
110. Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. 15: Материалы по истории Казанского

университета первой половины XIX в. / сост. В.В. Аристов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 103 с.

111. *Пашкуров, А.Н.* Г.П. Каменев: новые архивные документы / А.Н. Пашкуров, Е.И. Карташева // Русская литература. – 2011. – № 2. – С. 99–106.

112. Поэты-воспитанники Казанского университета. XIX – начало XX века. / сост. В.И. Шишкин, М.М. Сидорова. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 308 с.

113. Рукописный фонд Русского сектора Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского: путеводитель. – Казань: Форт-Диалог, 1999. – 142 с.

114. Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиографический словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 230 с.

115. *Сидорова М.М.* «Необходимо верить в себя и знать, что никто не смеет упрекнуть тебя...» / М.М. Сидорова // Татарстан. – 1995. – № 1/2. – С. 85–91. [О Н.Н. Буличе].

116. *Сидорова М.М.* А.С. Пушкин в оценке профессоров Казанского университета XIX века // Михайловская Пушкиниана. Вып. 14: У каждого времени свой Пушкин сб. науч. статей по материалам конф. / Гос. музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское». – М.: Вербум-М, 2001. – С. 18–23.

117. *Сидорова М.М.* Николай Никитич Булич. 1824–1895. / М.М. Сидорова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 28 с.

118. *Сидорова М.М.* Второстепенные писатели в «Очерках по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века» Н.Н. Булича / М.М. Сидорова // Забытые и «второстепенные» писатели пушкинской эпохи: Четвертые Майминские Чтения, Псков, 12–14 дек. 2002 г. – Псков: ПГПУ, 2003. – С. 52–57.

119. *Сидорова М.М.* Отрицание как сущность русского общества и русской литературы в очерке Н.Н. Булича «Литература и общество России в последнее время» / М.М. Сидорова // Критика и ее исследователь: сб., посвящ. памяти профессора В.Н. Коновалова (1938–1998). – Казань, 2003. – С. 70–73.

120. *Сидорова, М.М.* Личность и творчество Г.Р. Державина как предмет изучения и преподавания в Казанском университете в XIX веке / М.М. Сидорова // Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы

Междунар. науч. конф., посвящ. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казанского университета, Казань, 10–12 нояб. 2003 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С. 123–126.

121. Сидорова М.М. К вопросу об изучении масонства в Казани / М.М. Сидорова // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П. Каменева и 170-летию приезда А.С. Пушкина в Казань: материалы выступлений, Казань, 23–24 октября 2003 г. / М.М. Сидорова. – Казань, 2004. – С. 129–134.

122. Сидорова М.М. Изучение и преподавание русской литературы в Казанском университете в XIX веке / М.М. Сидорова // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе: материалы Межрегиональной науч. конф. / Ярослав. гос. пед. ин-т им К.Д. Ушинского. – Ярославль: ЯрГПУ, 2004. – С. 193–198.

123. Сидорова М.М. «Беседы о старине Казанской»: Письма Н.Н. Булича М.Ф. Де-Пуле: подготовка текста, публ. и комм. [Электронный ресурс] / М.М. Сидорова // Наше наследие. – 2005. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00203.php

124. Сидорова М.М. Литература Древней Руси и XVIII века в жанре публичной лекции в Казанском университете (XIX век) / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология` 2005. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – С. 231–237.

125. Сидорова М.М. Литературоведение в Казани по письмам Н.Н. Булича из рукописного собрания Пушкинского дома / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология, 2006 / Казан. гос. ун-т, филол. фак-т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С. 347–353.

126. Сидорова М.М. Русские журналы XVIII – нач. XIX в. и их издатели в историко-литературных исследованиях Н.Н. Булича / М.М. Сидорова // Журнальная деятельность писателей в литературном процессе XVIII–XX веков: Забытое и второстепенное: VI Майминские чтения / Псков. гос. пед. ун-т.– Псков: ПГПУ, 2007. – С. 78–83.

127. Сидорова М.М. Автографы в книжном собрании Н.Н. Булича / М.М. Сидорова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 36–45.

128. Сидорова М.М. О «павлинах» и «божьих коровках»: К истории одной литературной полемики (Н.Н. Булич, Н.Г. Чернышевский, А.Д. Галахов) / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология` 2007. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – С. 226–233.

129. Сидорова М.М. Воспитанник гимназии – первый профессор Казанского университета (В.М. Перевощиков) / М.М. Сидорова // Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии – Казань, 2008. – С. 343–353.

130. Сидорова М.М. Портреты филологов Казанского университета XIX в. по материалам рукописного архива Н.Я. Агафонова / М.М. Сидорова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: сб. статей и материалов второй Междунар. науч. конф., Казань, 5–9 мая 2008 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – С. 94–100.

131. Сидорова М.М. Литература Александровской эпохи в трудах Н.Н. Булича, А.Н. Пыпина, Н.А. Котляревского (к проблеме интерпретации) / М.М. Сидорова // HOMO SCRIBENS. Литературная критика в России: поэтика и политика: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. (Казань, 30 сент. – 2 окт. 2008 г.) / сост.: Л.Я. Воронова (отв. ред.), М.М. Сидорова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 133–142.

132. Сидорова М.М. О первых опытах истории русской литературы: историко-литературная деятельность профессора Казанского и Дерптского университетов В.М. Перевощикова / М.М. Сидорова // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: Материалы конгресса / СПб., 15–17 окт. 2008 г.) – СПб.: МИРС, 2008. – С. 240–248.

133. Сидорова М.М. К истории одного из первых в России проектов курса отечественной словесности: казанский вариант / М.М. Сидорова // Русская и сопоставительная филология, 2009 / Казанск. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 179–185.

134. Сидорова М.М. Лекции профессора Н.Н. Булича (70–е г. XIX в.) как факт истории русского литературоведения / М.М. Сидорова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: статьи и материалы Второй науч. конф. – СПб.: Гос. полярная академия, 2010. [Электронное издание]

135. Сидорова М.М. «Вы невольно втягиваете меня в беседу о старине Казанской»: Письма Н.Н. Булича М.Ф. Де-Пуле / подготовка текста, публ. и comment. М.М. Сидоровой // Наше наследие. – 2011. – № 97. – С. 74–95. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00203.php

136. Сидорова М.М. К истории создания одной из первых биографий К.Н. Батюшкова / М.М. Сидорова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: сб. статей и материалов III

Междунар. науч. конф., Казань, 3–8 мая 2010 : Вып. 3. – Казань: Изд-во «Юниверсум», 2011. – С. 123–128.

137. *Сидорова М.М.* Дорогое русское имя / М.М. Сидорова // Наше наследие. – 2011. – № 100. – С. 51. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00203.php

138. *Сидорова М.М.* Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова / публ. и вступ. заметка М.М. Сидоровой / М.М. Сидорова // Наше наследие. – 2011. – № 100. – С. 52–55. То же. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00203.php

139. Слово и мысль Е.А. Боратынского: Тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского, 21–24 марта 2000 г. / отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: «ООО АБАК-УСЛУГИ», 2000. – 131 с.

140. *Снегина Т.Б.* Историк русского театра Б.В. Варнеке: страницы биографии / Т.Б. Снегина // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 27–32.

141. Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 136: А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков (К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина) / сост. и отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – 247 с.

142. Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 139: Слово и мысль Е.А. Боратынского: К 200-летию со дня рождения / сост. и отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань: УНИПРЕСС, 2000. – 262 с.

143. *Хайрутдинова Л.Ф.* «Казанский телеграф»: литературно-критическое наследие (1893–1917 гг.) / Л.Ф. Хайрутдинова. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. – 188 с.